

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета**

Серия: Лингвистика и педагогика

Научный журнал

Том 10 № 3 / 2020

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: Linguistics and Pedagogics**

Scientific Journal

Vol. 10 № 3 / 2020

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: Лингвистика и педагогика**

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Lingvistika i Pedagogika)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как русский язык, теория языка, сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языко-знание, теория и методика профессионального образования, общая психология, психология личности, история психологии, социальная психология.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Филологические науки: 10.02.01; 10.02.10; 10.02.19; 10.02.20

Педагогические науки: 13.00.08

Психологические науки: 19.00.01; 19.00.05

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, Лауреат премии правительства РФ в области науки и техники, ректор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Скобликова Татьяна Владимировна, д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Валерий Петрович, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

Беленцов Сергей Иванович, доктор педагогических наук, профессор; Курский государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор; МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва, Российская Федерация)

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Российская Федерация)

Иванова Маргарита Александровна, доктор психологических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Молчанова Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Подымова Людмила Степановна, доктор педагогических наук, профессор; Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Шакlein Виктор Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор; Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции
305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
Телефон: +7(4712) 22-25-26,
Факс: +7(4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(ПИ №ФС77-44618 от 15.04.11).

ISSN 2223-151X (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/>

© Юго-Западный государственный университет, 2020

 Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография: 16+
Полиграфический центр

Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, д. 94

Подписка и распространение:
журнал распространяется
по подписке.
Подписной индекс журнала 44292
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: четыре выпуска в год

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен Е.Г.Анохиной

Подписано в печать 20.07.2020 Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 27,3.

Тираж 1000 экз. Заказ 26.

Proceedings of the Southwest State University Series: Linguistics and Pedagogics

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such fields as the Russian language, language theory, comparative historical typological and comparative language knowledge, theory and methodology of vocational education, general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete text of the articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Philological Sciences: 10.02.01; 10.02.10; 10.02.19; 10.02.20

Pedagogical Sciences: 13.00.08

Psychological Sciences: 19.00.01; 19.00.05

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. Skoblikova (Deputy Editor-in-Chief),
Doctor of Pedagogy, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Valery P. Abramov, Doctor of Philology, Professor; Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Sergey I. Belentsov, Doctor of Pedagogy, Professor; Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

Raisa K. Bozhenkova, Doctor of Philology, Professor; Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Natalia A. Bozhenkova, Doctor of Philology, Professor; Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Margaret A. Ivanova, Doctor of Psychology, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Pedagogy, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychology, Professor; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation)

Vera A. Pischalnikova, Doctor of Philology, Professor; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

Lyudmila S. Podyanova, Doctor of Pedagogy, Professor; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Victor M. Shaklein Doctor of Philology, Professor; RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Nina V. Popova, Doctor of Pedagogy, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogy, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

**Official address of the Founder, Publisher
and Editorial Office**

50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Phone: +7(4712) 22-25-26,

Fax: +7(4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Printing office: 16+
Printing Center

of the Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44292 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: Quarterly

Free-of-control price

Original lay-out design Elena G. Anohina

Sent to the printing 20.07.2020. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 27.3.
Circulation 1000 copies. Order 26.

© Southwest State University, 2020

 Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	10
Коммуникативно-ситуативный подход в изучении газетного дискурса.....	10
<i>Первухина С. В., Рудь Е. Е.</i>	
Особенности фонетических норм камерунского варианта английского языка на современном уровне его развития.....	21
<i>Зубрицкий О. А.</i>	
Оценочная лексика и ее роль в межкультурной коммуникации и переводе (на примере итальянского прилагательного <i>bello</i>).....	30
<i>Борисова Е. С.</i>	
Вербальная экспликация концептуальной области "Растения" в русскоязычной политической коммуникации.....	41
<i>Боженкова Н. А., Е Юй</i>	
Синтаксический способ образования терминов кардиологии в английском и немецком языках.....	54
<i>Еремеева С. А., Зарипова А. Н.</i>	
Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «металл» в китайском и английском языках.....	68
<i>Чжао Пэнбо</i>	
Косвенная оценка в жанре спортивной новости (на материале российского и британского письменного спортивного дискурса).....	76
<i>Пантеева К. В.</i>	
Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей-инофонов.....	91
<i>Кораблева Н. Ю.</i>	
Структура чэньюя как когнитивная основа современной китайской социальной рекламы.....	98
<i>Ткачук Е. А.</i>	
Экспериментальное психолингвистическое исследование ценности УСПЕХ как индикатора адаптационных процессов.....	110
<i>Адамова З. Г.</i>	
Способы смягчения импозиции в СМС-коммуникации (на материале немецкой лингвокультуры).....	124
<i>Газизов Р. А.</i>	
Вежливость и деликатность: взаимосвязь ассоциативных полей.....	133
<i>Степыкин Н. И.</i>	
Экспериментальное исследование связи естественных языков и языков программирования высокого уровня.....	142
<i>Таныгина Е. А., Власова А. О., Миронюк Т. В.</i>	
Способы выражения экспрессивных высказываний в эпистолярном жанре.....	160
<i>Власенко Н. И.</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	170
Формирование предпринимательских компетенций при подготовке кадров для гостиничной индустрии.....	170
<i>Горюшкина Н. Е., Ворошилова О. Л.</i>	
Особенности формирования гражданско-патриотических характеристик личности современного добровольца в высшей школе (экспериментальное исследование).....	180
<i>Тарасова Н.В.</i>	

Увеличение объема входящей информации об изучаемом языке как один из основных факторов успешности его изучения.....	200
Польская С. С., Кирсанова Е. М.	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	209
Особенности взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы.....	209
Молчанова Л.Н., Фомина А.В., Прокофьев А.А.	
Проблема профессионально-нравственных мотивов и эталонов поведения курсантов образовательных организаций МВД России.....	226
Король А.И.	
К сведению авторов.....	235

CONTENT

LINGUISTICS.....	10
Communicative-Situational Approach to the Study of the Newspaper Discourse.....	10
<i>Svetlana V. Pervukhina, Elena E. Rood</i>	
The Cameroon Variant of English Phonetic Norms Peculiarities on the Modern Stage of its Development.....	21
<i>Oleg A. Zubritskiy</i>	
Evaluative Lexis and its role in Intercultural Communication and Translation (on the Example of ITALIAN Adjective <i>Bello</i>).....	30
<i>Elena S. Borisova</i>	
Verbal Explication of the Concept Field "Plants" in Russian Political Communication.....	41
<i>Natalya A. Bozhenkova, Ye Yu</i>	
Syntactic Method in Cardiological Terminology Formation in the English and German Languages.....	54
<i>Svetlana A. Eremeeva, Alfiya N. Zaripova</i>	
The Semantic Features of Phraseological Units with the Component "Metal" in Chinese and English.....	68
<i>Zhao Pengbo</i>	
Indirect Evaluation in the Genre of the Sports News (Based on Russian and British Written Sports Discourse).....	76
<i>Ksenia V. Panteeva</i>	
Preservation of Idiolect of Literary Characters - Foreigners in Translation.....	91
<i>Natalia U. Korableva</i>	
Chengyu Structure as the Cognitive Basis of Modern Chinese Social Advertising.....	98
<i>Ekaterina A. Tkachuk</i>	
Experimental Psycholinguistic Study of the Value Success as an Indicator of Adaptation Processes.....	110
<i>Zoya G. Adamova</i>	
Methods for Mitigating Imposition in SMS Communication (on the Material of German Linguoculture).....	124
<i>Rafael A. Gazizov</i>	
Politeness and Delicacy: the Correlation of Associative Fields.....	133
<i>Nikolay I. Stepykin</i>	
The Study of Foreign Languages and High Level Programming Languages. Mutual Correlation of Computational and General Linguistics.....	142
<i>Elena A. Tanygina, Anna O. Vlasova, Timur V. Mironyuk</i>	
Ways to Express Expressive Statements in Correspondence.....	160
<i>Natalya I. Vlasenko</i>	
PEDAGOGICAL SCIENCE.....	170
Formation of Entrepreneurial Competencies when Preparing Personnel for Hotel Industry.....	170
<i>Natalya E. Goryushkina, Olga L. Voroshilova</i>	
Volunteering as an Activity Component of Civil-Patriotic Education of the Younger Generation.....	180
<i>Nadezhda V. Tarasova</i>	
Increasing Input Information Volume as one of the Major Factors of Successful Foreign Language Acquisition.....	200
<i>Svetlana S. Polskaya, Elena M. Kirsanova</i>	

PSYCHOLOGY.....	209
Features of Relationships of Personal Qualities and Risk of Bullying Among Students Secondary and Higher School.....	209
<i>Lyudmila N. Molchanova, Anastasia V. Formina, Anastasia A. Prokofieva</i>	
The Problem of Professional and Moral Motives and Standards of Behavior of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	226
<i>Alexander I. Korol</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS.....	235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

LINGUISTICS

Оригинальная статья/Original article

УДК 81'42

Коммуникативно-ситуативный подход в изучении газетного дискурса

С. В. Первухина¹✉, Е. Е. Рудь²

¹ Донской государственный технический университет
пл. Гагарина 1, г. Ростов-на-Дону 344000, Российская Федерация

² Южный университет (ИУБП)
пр. М. Нагибина 33А/47, г. Ростов-на-Дону 340038, Российская Федерация

✉ e-mail: s_pervuhina@mail.ru

Резюме

В данной статье рассматриваются особенности газетного дискурса как части медиийного дискурса, анализируются различные подходы к определению понятия «дискурс». Предпочтение отдается интегративному коммуникативно-ситуативному подходу, объединяющему коммуникативный и ситуативный подходы, так как ситуация общения создает условия для выбора того или иного языкового материала, стратегий и тактик общения. Целью данной статьи является применение коммуникативно-ситуативного подхода для описания характеристик, в том числе особенностей газетного дискурса, выявления новых структурных элементов (субдискурсов). Авторы уточняют понятие «газетный дискурс», выделяя его в самостоятельный институциональный тип дискурса, который обладает особыми адресатными чертами (адресатом является одновременно индивидуальный читатель и обобщенная читательская аудитория). В статье представлен авторский подход к подразделению дискурса на субдискурсы (спортивный, экономический, политический и т.д.). Анализируются следующие дискурсивные функции, которые присущи газетному дискурсу: информирующая, комментирующая, воздействующая, рекламная. Осуществляя наряду с дискурсивными все функции коммуникации – эмотивную, экспрессивную, конативную, фатическую, метаязыковую и референтивную, – газетный дискурс использует различные средства и методы, которые заставляют аудиторию включаться в процесс обмена информацией. Эти средства также осуществляют мотивационное управление той или иной сферой деятельности, а также порождают необходимую для коммуникатора реакцию. В статье описывается классификация жанров газетного дискурса по типу подачи материала: информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. В рамках этих трех жанров насчитывается огромное количество авторских статей с индивидуальным взглядом на описываемые события. Рассматривается стиль газетного дискурса, анализируется стиль газетных заголовков и стиль газетной статьи. Обнаружено, что газетные заголовки могут выполнять аттрактивную и информативную цели, в зависимости от спектра затрагиваемых в статье вопросов.

Ключевые слова: массмедиа; газетный дискурс; газетный стиль; жанр; функции газетного дискурса; участники общения

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Первухина С. В., Рудь Е. Е. Коммуникативно-ситуативный подход в изучении газетного дискурса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 10–20.

Статья поступила в редакцию 04.03.2020

Статья подписана в печать 21.04.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Первухина С. В., Рудь Е. Е., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика /Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 10–20

Communicative-Situational Approach to the Study of the Newspaper Discourse

Svetlana V. Pervukhina¹ , Elena E. Rood²

¹ Don State Technical University

1 Gagarina Sq., Rostov-on-Don 344000, Russian Federation

² Southern University (IMBL)

33A/47, M. Nagibina Avenue, Rostov-on-Don 344068, Russian Federation

 e-mail: s_pervukhina@mail.ru

Abstract

The article describes the peculiarities of the newspaper discourse, enumerates different approaches to the definition of the concept "discourse". The newspaper discourse is considered as a part of a media discourse. The approaches to the definition of the discourse are communicative, functional, situational, cognitive, lingual and philosophic. The preference is given to the integrative communicative and situational approach, which combines communicative and situational approaches, as the situation of communication provides conditions for choosing certain language material, strategies, and communicative tactics. The authors specify the concept "discourse" turning it into an independent institutional type of discourse that has its own addressee features (an addressee is simultaneously an individual reader and generalized readership). The article introduces authors' approach to division of the discourse into sub-discourses (sport, economic, political and etc.). The material for the study was a solid sample of newspapers in Russian. The choice of newspapers was based on the popularity ratings and a wide range of topics from different spheres of life. We also analyzed the discourse functions inherent in newspaper discourse. These functions are informing, commenting, influencing, advertising. There is also a genre classification described in the article. Results. According to this classification there are information, analytical and artistic, and journalistic genres. The article also examines the style of the newspaper discourse and analyses the styles of newspaper headlines and the newspaper article. The study revealed that the newspaper headlines can have attractive and informative aims depending on the spectrum of issues mentioned in the article.

Keywords: mass media; newspaper discourse; newspaper style; genre; functions of the newspaper discourse; participants of the communication.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pervukhina S. V., Rood' E. E. Communicative-Situational Approach to the Study of the Newspaper Discourse. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 10–20 (In Russ.).

Received 04.03.2020

Accepted 21.04.2020

Published 20.07.2020

Введение

Дискурсивные исследования не теряют своей актуальности, поскольку изучают связь окружающего мира, языка и человеческой деятельности в самых разных отраслях жизни. Рассмотрение особенностей газетного дискурса вносит вклад в развитие мощного антропоцентрического направления экологии языка.

Цель данной статьи заключается в исследовании структуры и особенностей

газетного дискурса. Материалом исследования послужила выборка из газет на русском языке («Известия», «Аргументы и факты» и «Российская газета») за 2016–2019 годы. Данные издания были выбраны исходя из рейтингов популярности и широкого охвата тем разных сфер жизни. Рейтинги анализировали издания по следующим критериям: читательская аудитория, социальная значимость, наличие бумажной и электронной версий, каче-

ство предоставляемого текста. «Аргументы и факты» стали самой популярной еженедельной газетой, а «Российская газета» и «Известия» часто оказывались самыми популярными ежедневными газетами [1]. Кроме того, «Российская газета» является официальной государственной газетой, в которой публикуются законы Правительства РФ. Таким образом, материал исследования включил газеты развлекательного и информационного плана, имеющие в совокупности достаточно широкое жанровое разнообразие.

Результаты и обсуждение

Понятие «дискурс» с позиции разных лингвистических подходов

Для подробного описания газетного дискурса остановимся сначала на общих положениях теории дискурса.

Понятие «дискурс» завоевало свое прочное место как объект исследования многих смежных дисциплин: нейролингвистики, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной, терапевтической, компьютерной лингвистики и др. Интерес к этому понятию со стороны нескольких дисциплин позволяет рассматривать это понятие с различных позиций. Существует большое разнообразие в направлениях и способах анализа дискурса, однако имеются определенные важные моменты при описании этого явления.

В.И. Карасик характеризует дискурс как «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в "сухом остатке" общения, с другой стороны» [2, с. 279]. Дискурс проявляет себя как текст в определенной ситуации коммуникации, с соблюдением определенных правил и формальностей, задаваемых этой ситуацией. В зависимости от подхода к изучению дискурса выделяют различные способы исследования языкового материала: структурный, лингвокультурологический, коммуникативный, ситуативный,

когнитивный и т.д. Коммуникативный подход – это понимание дискурса с позиции лингвистики. Причем с позиции лингвистики рассматривается вопрос о тексте как о процессе, в котором необходимо учитывать обстоятельства общения и характеристики коммуникантов. Ситуативный подход изучает дискурс через призму ситуации, в которой он осуществляется. Нашей позиции близок подход, при котором дискурс характеризуется как единица языка, которая диалогична; она большая по объему, чем предложение, и используется в социальном контексте [3, с. 1]. Это также эквивалент понятию «речь», превосходящий фразу, воздействующий на получателя с учетом ситуации, содержащий противоположность повествованию, социально или идеологически ограниченный, предназначенный для исследования условий возникновения текста [4, с. 26-27]. Дискурс понимается как использование языка во всех разновидностях речи (функциональная интерпретация), как учет прагмалингвистических условий общения (ситуативная интерпретация, включающая отправителя и получателя сообщения, само сообщение, код этого сообщения и коммуникативную ситуацию и условия коммуникации) и как образование выше уровня предложения (формальная интерпретация) [5, с. 68-75]. Наш подход объединяет коммуникативный и ситуативный подходы, он включает как анализ текста, так и рассмотрение коммуникативной ситуации, в которой этот текст был порожден. Полагаем, что ситуация общения создает условия для выбора того или иного языкового материала, стратегий и тактик общения.

Функциональная интерпретация дискурса основана на изучении широкого контекста ситуации общения и оперирует понятиями локуции (произнесение выражения, момент осуществления речевого акта), перлокуции (то, что следует за высказыванием; достижение или недостижение цели общения) и иллокуции (услов-

вий, при которых происходит коммуникация). При ситуативной интерпретации дискурс определяется как речь, «погруженная в жизнь» [6, с. 136-137]. Здесь важно то, как люди общаются между собой, какие задействуются механизмы взаимодействия и процессы сознания. Формальная интерпретация рассматривает синтаксически сложные конструкции, такие как «сверхфразовое единство» и т.д. Система коннекторов, к примеру, может обеспечить целостность этого образования. Для газетного дискурса характерны следующие коннекторы: *По данным Росстата, ...; Согласно майскому исследованию «Ромира»...; Центробанк полагает, ...* и т.д. («Российская газета»).

Дискурс определяется В.И. Карасиком как текст в ситуации реального общения. К нему применимы следующие категории: 1) участники общения, 2) условия общения, 3) организация общения, 4) способы общения [2, с. 291].

В процессе взаимодействия (т.е. общения) участники выполняют определенные функции и осознанно готовы реагировать на получаемые сигналы к общению. Таким образом, у них есть социальные роли, а также социальные установки, то есть создается ситуация общения, в которой зарождается дискурс. Газетный дискурс относится к институциональному виду дискурса. Он представляет собой статусно-ролевое общение, в котором просматривается цель и есть участники общения. Рассмотрим подробнее специфические черты газетного дискурса.

Соотношение понятий «дискурс» и «субдискурс»

Газетный дискурс разделяется на следующие субдискурсы: политический, экономический, социальный, спортивный, арт-дискурс, в соответствии с основными газетными рубриками и охватом затрагиваемых тем. Установлено, что изучение дискурса и субдискурса может проходить по одной схеме общения. Вопрос критерии разделения дискурсов и

субдискурсов не получил четкого обоснования в современной лингвистике. Ряд исследователей рассматривает газетный дискурс как часть масс-медийного дискурса или медиадискурса (Н.Г. Нестерова, Н.Н. Оломская и др.). Другие исследователи считают газетный дискурс самостоятельным (В.И. Карасик, А.В. Олянич и др.). Такое разногласие возникает из-за разного охвата ситуации общения при анализе языкового контента и различных подходов к понятию «дискурс». Деление дискурса на субдискурсы проводится в рамках коммуникативно-ситуативного подхода, в котором становится актуальным охват ситуации общения. Коммуникативный подход рассматривает дискурс как структурированную единицу, которая обладает потенциалом подразделения на субдискурсы в зависимости от ситуации общения и используемого языкового материала в этих ситуациях. Например, спортивный дискурс и газетный дискурс имеют такую зону пересечения, как газетный спортивный дискурс (А.А. Трубченинова), имеющий развлекательные и информационные цели (инфотейнмент) и ориентированный на анализ и комментирование спортивных событий, а также формирование мнения читателей¹. Так, ситуация общения в этом дискурсе – спортивные события (сфера спортивного дискурса), а способ коммуникации – газета (сфера газетного дискурса). В рамках когнитивного подхода субдискурс считается «частной разновидностью» дискурса [7, с. 32]. Газетный экономический дискурс отличается от экономического дискурса своей семантикой: семантика газетного экономического дискурса сообщает информацию о событиях в экономической сфере и комментирует их для широкого круга читателей (всех заинтересованных проблемами экономики, как правило, не профессиона-

¹ Трубченинова А.А. Эмоциональность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 210 с.

лов). Часто он представляет собой адаптацию информации экономического дискурса, которая передается между профессионалами. Собственно экономический дискурс является собой вид профессионального дискурса, который использует особую концептосферу, понятную для специалистов, и нацелен на иную перлокацию – профессиональные решения и действия, ответственность за развитие предприятия и т.д.

У указанных выше газетных субдискурсов прослеживается одинаковая семантика – информировать читателей о каких-то событиях, высказать свое мнение и часто повлиять на мнение читателей. Также совпадают некоторые участники коммуникации (читатели, редакторы, журналисты) и канал коммуникации (бумажная или электронная газета). Тематика общения различается в зависимости от рубрики газеты.

Участники общения – это авторы статей, журналисты, писатели, редакторы, маркетологи, специалисты в области рекламы, читатели. Газетный дискурс имеет ситуативные коммуникативные характеристики. В зависимости от ситуации адресантом может быть писатель-повествователь, писатель-разоблачитель, писатель-критик, журналист-просветитель, журналист-юрист, журналист-аналитик и т.д., поэтому многие особенности газетного дискурса связаны с характером ее адресанта. Адресант и адресат в газетном дискурсе отличаются от участников других видов дискурса. В основном исследователи склоняются к мнению, что участниками общения в этой сфере являются обобщенные образы (или читателя, или автора статьи). Сообщения в газетном дискурсе очень часто анонимны (отсутствует информация об имени автора статьи), или они создаются редакцией газеты (т.е. группой людей) и обращаются потенциально ко всем носителям языка, с различными адресатными характеристиками [8, с. 21]. Адресант в газетном дискурсе представляет собой двоякое явле-

ние, поскольку статьи пишутся для широкой читательской аудитории, газета стремится к увеличению своего тиража, а это связано с ее доступностью и интересом для широких читательских кругов. При этом читает газетный текст всегда конкретный человек со своими индивидуальными характеристиками [9, с. 14].

На сегодняшний день количество читателей, которые пользуются газетой как самым популярным источником информации, значительно сократилось, тем не менее есть немало критериев, которые выделяют газету в разряд предпочтительного средства массовой информации. Прежде всего, газета (газетная статья) дает возможность читателю воспринимать информацию в удобном для него виде и темпе: её можно перечитать в любое время и в любом месте, выделить наиболее значимые места или даты, цифры, названия и т.д. Важность газеты как средства массовой информации во многом поддерживается ее электронной версией. В проанализированных нами рейтингах особое место занимал такой критерий, как наличие электронной версии газеты. «Известия», «Российская газета» и «Аргументы и факты» имеют электронную версию, что делает эти газеты более доступными и популярными для широкого круга читателей.

Функции газетного дискурса

Газета осуществляет следующие дискурсивные функции: информационную (повествует об актуальных событиях в жизни общества или профессиональной сфере), просветительскую (продвигает достижения науки и культуры в обществе), рекламную (занимается продвижением товаров на рынок сбыта), воздействующую (формирует общественное мнение). Она отражает языковые и культурные процессы в обществе, развлекает, организует. Эти функции предопределяют многообразие ситуаций общения: экономическая сфера, политическая сфера, юридическая сфера, медицинская сфера, сфера

образования, обслуживания, науки и инновации, техническая сфера, продажи и маркетинг, сфера развлечений и т.д.

Газетный дискурс – это часть мас-смедиа, в силу этого газета может быть средством управления сознанием и установками общества. Основной целевой установкой медийного общения является управление деятельностью собеседника. Поскольку основная функция газетного дискурса заключается в передаче информации, то выбирается такая информация, которая оказывает воздействие на читателя. Приведем пример: автор сообщает в статье, что весной был назначен новый председатель Всемирного банка – американец Дэвид Мэлласс. Далее автор комментирует событие, и у читателя создается впечатление, что на эту должность не могут попасть претенденты, которых считают не совсем «благонадёжными»: «Выбирать будут среди своих, европейцев, причем не просто из государств – членов Евросоюза, а именно граждан стран – участниц еврозоны («Только для своих: нового главу МВФ опять выберет Европа») («Известия», 2019). В этом примере автор статьи использует словосочетание «среди своих», противопоставляя Россию европейским странам, поскольку для МВФ именно европейцы являются своими, а Россия – чужой. Такая постановка вопроса призвана вызвать негативные эмоции у российского читателя, тем более что такая оппозиция свой/чужой вынесена в сильную позицию статьи – заголовок.

Тенденция к экспрессивности и тенденция к стандарту являются основными характерными чертами газетного стиля. Обусловлено это двумя функциями газетного дискурса: информационно-содержательной и персузивной. Информация в этой сфере общественной деятельности адресована огромному кругу людей, всем носителям языка и членам данного общества. Временной фактор играет важнейшую роль в актуальности информации: информация передается и становится об-

щественностью молниеносно. Эмоционально воздействуя на читателя, автор убеждает его, при этом акцентируется своя позиция по отношению к сообщаемому. Тем самым автор выражает свое отношение к сообщаемой информации, причем это отношение зачастую представляет собой мнение определенной социальной группы людей, например какой-то партии, какого-то движения. В статье «Люди голосуют ногами»: что делать с территориями, которые покидают жители», автор рассказывает об управляемом сжатии как о методе, с помощью которого региональная администрация пытается работать с сельскими территориями и небольшими городами, стремительно теряющими население. Очевидно, что автор статьи симпатизирует сторонникам этого плана: «большое количество заброшенных домов и опустевших территорий делает пространство не только некомфортным для жизни, но и в некоторых случаях небезопасным; Сказывается и традиционная для чиновников установка на позитивную публичную риторику, сформировавшаяся в обществе» («Известия», 2019). В данном примере автор использует эмоционально-окрашенную лексику (заброшенный, опустевший, некомфортный) для создания определенного эмоционального настроя – сочувствия. Такой настрой делает проблему опустевания территорий злободневной и актуальной для читателей свежего газетного номера.

Газетное издание ориентировано, как правило, на широкую общественность. Оно используется для создания общественного мнения и управления этим мнением, порождая определенные запланированные реакции у читателей. Эти реакции зависят от успешности декодирования, восприятия и усвоения текста реципиентом, т.е. от правильной (успешной) интерпретации языковых особенностей газетного дискурса. Так, например, в статье «В России Франция и Германия выбрали подход: «инвестируй, но проверяй» по-

вествуется о двойных стандартах, которым следуют две европейские державы Франция и Германия в своих отношениях с Россией. Идея двойного подхода передается с помощью следующих лексических единиц: «*двуединого подхода*», «*двойных стандартов*», «*двойного агента*», «*прагматичных, но непростых отношений между Москвой и Западом*» и вызывает у читателя возмущение, недовольство, удивление («*Иносми*»).

Жанры газетного дискурса

В газетном дискурсе отчетливо проявляется тенденция к высказыванию авторской точки зрения. То, насколько выражена эта авторская точка зрения, зависит от жанра газетного дискурса. Классификацией жанров газетного дискурса занимались многие ученые в области журналистики, литературоведения, лингвистики. Характерно несовпадение жанровых классификаций медиа речи, что является следствием размытости границ отдельных жанров.

В лингвистической литературе существует большое количество типологий жанров газетного дискурса. Под жанром понимают устойчивые группы публикаций, которые объединяются сходными содержательными и формальными признаками [10]. *Информационные* жанры призваны представлять информацию. К ним относят заметку (и все её разновидности: анонс, аннотация, мини-рецензия, мини-обозрение), отчет, интервью, репортаж (событийный, тематический, постановочный). Заметка – вид жанра, в котором оперативно освещено социально-актуальное событие. Отчет – краткое сообщение о прошедшем событии, мероприятии. Интервью в газете – это текст беседы журналиста с известной личностью (или крупным специалистом в какой-либо отрасли), задающего вопросы, представляющие интерес для общества. Репортаж – вид жанра, который не только

сообщает, но и создает впечатление присутствия автора на месте событий.

В аналитических жанрах авторы излагают поводы и причины происходящих событий, находят взаимосвязь этих событий, объясняют их смысл, пытаются оценить их влияние на жизнь общества. К аналитическому жанру можно отнести статью, аналитический отчет, корреспонденцию (информационная, постановочная, корреспонденция-раздумье), рецензию, обзор (или обозрение), социологические резюме, комментарий. Статья – вид аналитического жанра, отображающий жизненно-важные явления, проблему или актуальную ситуацию. Корреспонденция – вид жанра, имеющий особую цель – сообщение о событии и его истолкование. Рецензия – вид жанра, в котором представлен отзыв о произведении художественной литературы, искусства, науки, журналистики.

Самыми сложными из перечисленных жанров являются *художественно-публицистические* жанры, так как в них основной акцент ставится на сочетание содержания и формы. Все это диктует наличие в речи художественной образности, эмоциональной насыщенности. К этому жанру относят очерк (путевые, событийные, портретные, проблемные), зарисовку (пейзажная, ассоциативная, портретная), эссе, фельетон. Эссе – вид жанра который эксплицирует личностное мировидение журналиста с использованием стилистически изящных языковых средств. Очерк – вид жанра, который отражает наиболее важные этапы истории человека или события. Зарисовка – вид жанра, в котором отсутствует сюжет.

Так как газетные жанры появляются, развиваются, усложняются, изменяются и исчезают, то в рамках каждого жанра есть виды, которые активно используются журналистами, а есть те, которые используются редко или не используются вообще. К таким видам можно отнести фельетон, памфлет.

Газетный стиль

Следующей важной дискурсообразующей чертой является стиль. С позиции функциональной стилистики. Газетный стиль разделяется на стиль газетных сообщений, заголовков и объявлений и стиль газетных статей. Газетная статья при этом может констатировать факты или комментировать их [11, с. 391-395]. Газетный заголовок выполняет аттрактивную и/или информативную функции, например, в следующих заголовках пре-валирует аттрактивная функция: «*Доктор на миллион*» (статья повествует о субсидионных выплатах врачам, работающим в регионах); «*Амур показывает нрав*» (статья о повышении уровня воды в реке Амур); «*Идем на взлет*» (статья об открытии авиасалона МАКС). Статьи с аттрактивными заголовками повествуют о социально значимых событиях или явлениях, часто имеющих резонанс в обществе. Отмечается, что заголовки в электронных изданиях реализуют аттрактивную функцию через вербальный компонент, тогда как заголовок печатного издания использует как вербальные, так и невербальные способы (размер шрифта, использование цветного заголовка в воскресных еженедельных изданиях и т.д.).

Сочетание двух функций наблюдается в следующих заголовках: «*Родился второй – солдат домой*» (статья об ограничении срока службы солдат-срочников, ставшими отцами повторно); «*Женщина у штурвала в России становится хорошей приметой*» (статья о женщинах в команде яхты «Сибирь» в Антарктиде); «*Укрепление пройденного: почему эстонская граница с Россией безостановочно дорожает*» (статья о возведении правительством Эстонии стены с колючей проволокой на границе с Россией). Материал показывает, что сочетание двух функций происходит в заголовках статей, затрагивающих острые социальные вопросы, которые могут вызвать противоречивые мнения у читателей.

Информативная функция отмечается в следующих примерах: «*В России за партии сядут более 16 миллионов школьников*»; «*В России открыли сенсорный сад для незрячих детей*» и т.д. В приведенных примерах констатируется новостной факт, детали которого можно прочесть в статье. Как правило, в этом случае заголовки эмоционально-нейтральны, а сами газетные статьи носят констатирующий, а не комментирующий характер.

Остановимся на коммуникативных целях газетной статьи. В современном обществе газета рекламирует и создает общественное мнение (воздействующая функция). Создание общественного мнения является сверхцелью, которая реализуется наравне с другими целями. Для ее осуществления используется, во-первых, выбор тем издания, а во-вторых, способ представления информации (констатация фактов и их оценка).

Современная газета кроме констатирующей и комментирующей целей может реализовывать рекламную цель. Статья «*Счастье не за горами: новые возможности курорта «Роза Хутор»*» (Российская газета) повествует о возможностях для туристов на курорте «Роза Хутор» с целью привлечь их на российский курорт. Далее автор рассказывает о разных видах отдыха на любой вкус, об уникальности курортов в Сочи: «*Отдых на сочинских пляжах получил достойную альтернативу*», «*не имеющей аналогов в России*». Очевидна манипулятивность статьи, выполняется персуазивная и аттрактивная функции текста.

Современные исследования используют понятие «медиастиль», объединяя стиль всех средств массмедиа, а не только газеты [12, с. 36]. Газета является одним из средств массовой информации, формирующих мнение общественности, наряду с телевидением и сетью Интернет. Констатация происходящих событий, комментирование и рекламирование осу-

ществляется через различные средства массовой информации, включая газеты.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что газетный дискурс – это самостоятельный тип дискурса, имеющий определенную структуру, жанры и стиль. Широкий контекст ситуации коммуникации в газетном дискурсе, его ярко выраженный социальный ракурс, проявляющийся из-за роли адресата (массовой читательской аудитории) определяют его многоаспектность и многоплановость. Разнообразие разделов газеты, охват обширной тематики статей возбуждают интерес этой читательской аудитории, повышая популярность газеты и ее рейтинг.

Статусно-ролевая особенность газетного дискурса обусловлена высокой информированностью адресанта и заинтересованностью адресата в получении этой информации. Соответственно, перлокуция в газетном дискурсе отличается от перлокуции профессиональных дискурсов, т.к. газета информирует и убеждает. Соответственно, основными функциями газетного дискурса являются информативная и воздействующая.

В газетном дискурсе определяются три жанра: информационный, аналитический и художественно-публицистический. В рамках этих трех жанров насчитывается огромное количество авторских статей с индивидуальным взглядом на описываемые события. Проблема жанров вообще, как и проблема жанров в газетном дискурсе, остается актуальной и перспективной темой лингвистического изучения. Наша работа пролила свет на осуществление различных функций газетными заголовками, в частности аттрактивной и информативной функций. Выполняя аттрактивную функцию, газетный заголовок печатного издания может использовать креолизацию – изменение шрифта, цвета, размера заголовка. Электронные издания имеют тенденцию к унификации, и аттрактивная функция реализуется через вербальный (смысловый) компонент.

Изучение субдискурсов в рамках газетного дискурса позволяет проследить адаптацию профессиональных дискурсов, в частности газетный дискурс может адаптировать профессиональные спортивный и экономический дискурсы.

Перспективным видится дальнейшее изучение социально-политического дискурса.

Список литературы

1. Рейтинг самых популярных газет России. – Заголовок с экрана. URL: <https://infoselection.ru/infokatalog/novosti-smi/smi/item/30-10-samykh-populyarnykh-gazet-rossii>.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477с.
3. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. 272 р.
4. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: [Пер. с фр. и португ.]. М.: Прогресс, 1999. С.14–53.
5. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998. 200 с.
6. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.

7. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (92). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32–35.
8. Чохонелидзе Н.С. Филологические особенности СМИ // Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. Грузия, 2005. С. 20–39.
9. Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 14–15.
10. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект пресс, 2000. 320 с.
11. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
12. Клушина Н.И. Медиастистика и ее место в современной филологической науке // Журнал Белорусского государственного университета. Сер. Журналистика. Педагогика. 2017. № 1. С. 35–38.

References

1. *Rejting samyh populyarnyh gazet Rossii* [Rating of the most popular Newspapers in Russia. – Title from the screen]. (In Russ.) Available at: <https://infoselection.ru/infokatalog/novostismi/smi/item/30-10-samykh-populyarnykh-gazet-rossii>.
2. Karasik V.I. *Yazikovoi krug: litchnost, konzepti, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremen Publ., 2002. 477 p. (In Russ.)
3. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.
4. Serio P. *Kak tchitayut teksti vo Frantzii* [How people read books in France]. *Kvadratura smisla: Frantuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of sense: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 14–53 (In Russ.)
5. Makarov M.L. *Interpretativnii analiz diskursa v maloi gruppe* [Interpretive analysis of discourse in a small group]. Tver; Izd-vo Tverskogo universiteta Publ., 1998. 200 p. (In Russ.)
6. Arutunova N.D. *Diskurs. Lingusticheskii entziklopedicheskii slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entzikl. Publ., 1990, pp. 136–137 (In Russ.)
7. Golovanova E.I. Professional'nyj diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noj kommunikatsii: sootnoshenie ponyatiy [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: correlation of terms]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Science Journal of Chelyabinsk State University. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie Philology. Arts*, 2013, no. 1 (92). Iss. 73. pp. 32-35. (In Russ.)
8. Tchokhonelidze N.S. [Philological peculiarities of Mass media]. *Sopostavlenie kak metod issledovaniya i obucheniya yazakam* [Comparison as a method of research and teaching languages]. Gruziya, 2005, pp. 20–39 (In Russ.)
9. Solganik G.Ya. [Modern publicistic picture of the world]. *Publitzistika i informatziya v sovremennom obshchestve* [Publicism and information in modern society]. Moscow, 2000, pp. 14–15. (In Russ.)
10. Tertitchnii A.A. *Zhanri perioditcheskoi petchati* [Genres of periodicals]. Moscow, Aspekt press Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)

11. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka* [Essays on stylistics of the English language]. Moscow, Izd-vo literature na inostrannykh yazykakh Publ., 1958. 459 p. (In Russ.)
12. Klushina N.I. Mediastilistika i ee mesto v sovremennoj filologicheskoy nauke [Media stylistics and its place in modern philology]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Zhurnalista. Pedagogika = Journal of Belarus' State University. Iss. Journals. Pedagogics*, 2017, no. 1, pp. 35-38 (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Первухина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры "Мировые языки и культуры", Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: s_pervuhina@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

Рудь Елена Евгеньевна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация», Южный университет (ИУБП), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: kachina09@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3700-6409>

Svetlana V. Pervukhina, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the department "World Languages and Cultures", Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: s_pervuhina@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5475-8384>

Elena E. Rood, Senior teacher of the department "Foreign Languages and International Communication", Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: kachina09@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3700-6409>

Оригинальная статья/Original article

УДК 811.111

Особенности фонетических норм камерунского варианта английского языка на современном уровне его развития**О. А. Зубрицкий¹ **

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

 e-mail: zubritscky.oleg@yandex.ru

Резюме

Актуальность исследования обоснована сравнительной малоизученностью особенностей фонетического уровня камерунского английского языка. Основной целью данного исследования является рассмотрение особенностей фонетических норм системы современного камерунского варианта английского языка, а также изучение и описание фонетических особенностей камерунского варианта английского языка относительно британского варианта английского языка. Задача исследования заключалась в изучении корпуса аудио- и видеоматериалов, находящихся в свободном доступе, выявление сходств и различий вариантов языка. В исследовании были использованы описательный и сопоставительный методы. Приведены статистические данные о количестве языков на территории Республики Камерун, отмечены сложности с предоставлением точных данных о количестве языков на территории государства. Представлено краткое описание этапов исторического развития и завоеваний Камеруна европейскими государствами. В статье рассматриваются некоторые экстраглавистические факторы, оказавшие влияние на формирование и становление варианта английского языка в Республике Камерун. Отмечены особенности языковой политики европейских государств, повлиявших на становление современных языковых особенностей камерунского варианта английского языка. На основе проведенного исследования выявлены особенности произносительных норм камерунского варианта английского языка. Перечислены особенности, характерные для обоих вариантов английского языка, упоминаемых в данной статье. Описан ряд примеров, характерных для камерунского варианта английского языка. Проведены описания сходств и различий определенных языковых примеров, характерных для фонетических особенностей вариантов английского языка. В качестве оригинала фонетического звучания слов британского варианта английского языка были использованы словари Кэмбриджского и Оксфордского Университетов. Обоснованы возможные причинно-следственные связи языкового взаимодействия. В результате проведенного исследования было выявлено влияние языков других европейских государств, ранее занимающих территорию современной Республики Камерун.

Ключевые слова: экстраглавистические факторы воздействия; британский вариант английского языка; камерунский вариант английского языка; фонетический уровень.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Зубрицкий О. А. Особенности фонетических норм камерунского варианта английского языка на современном уровне его развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 21–29.

Статья поступила в редакцию 10.03.2020 Статья подписана в печать 14.04.2020 Статья опубликована 20.07.2020

The Cameroon Variant of English Phonetic Norms Peculiarities on the Modern Stage of its Development

Oleg A. Zubritskiy¹

¹ Belgorod State University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation
 e-mail: zubritsky.oleg@yandex.ru

Abstract

The relevance of this article is justified by the fact that the Cameroon variant of English language is studied relatively little. The main purpose of this research this study is to study and describe the phonetic features of the system of modern Cameroonian English relative to the British version of English. The objective of the study was to study the corpus of audio and video materials that are freely available, to identify similarities and differences in language variants. The study uses descriptive and comparative methods. We provide statistical data about the number of languages on the territory of the Republic of Cameroon, the difficulties of receiving the accurate data on the number of languages on the territory of the state were noted. The country historical development stages are described in a short way. Some extralinguistic factors which influenced the formation of the Cameroon variant of English, are analyzed. We note the features of the language policy of European States that influenced the formation of modern language features of the Cameroonian version of English. The corpus of audio- and videocontexts have been studied. On the basis of the analysis major peculiar features of Cameroon variant of English pronunciation have been revealed. The features typical for both versions of the English language were mentioned in this article and listed. A number of examples typical for the Cameroonian version of English were described. The similarities and differences of certain language examples that are typical for the phonetic features of English variants were described. Dictionaries of Cambridge and Oxford Universities were used as the examples of phonetic norms of words in the British version of the English language. Possible cause-and-effect relationships of language interaction are substantiated. The study revealed the influence of the languages of other European States that previously occupied the territory of the modern Republic of Cameroon.

Keywords: extralinguistic factors of influence; British variant of English; Cameroon variant of English; phonetic level.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zubritskiy O. A. The Cameroon Variant of English Phonetic Norms Peculiarities on the Modern Stage of its Development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 21–29 (In Russ.).

Received 10.03.2020

Accepted 14.04.2020

Published 20.07.2020

Введение

Многие исследователи стран Африки отмечают, что на территории континента существует огромное количество различных языков. Согласно данным, приведенным в работе Е. Халил, на территории современной Африки существует до 2000 языков [1]. Другие исследователи указывают, что число языков огромно, но в целом, составляет не менее одной трети всех существующих языков в мире [2, с. 12].

На территории современной Африки существуют 62 государства. Большая часть этих государств являются самостоятельным, независимыми странами – 54 государства, оставшиеся 8 – являются зависимыми территориями. В качестве объекта исследования был выбран вариант английского языка в Республике Камерун, т.к. страна характеризуется разнообразием языкового ландшафта и предоставляет интересное поле для лингвистических исследований. Население Республики

Камерун использует языки этнических групп и варианты официальных языков: камерунский вариант английского (далее: КамВАЯ) и французского языков.

Результаты и обсуждение

На протяжении всего существования Республики Камерун правительство предпринимало попытки переписи и изучения языков местного населения, однако официальные источники сталкиваются со значительными затруднениями в представлении точных данных об общем количестве языков на территории государства. Перепись населения 1995 г. подтвердила, что в стране насчитывается 140-150 этнических групп и общее количество языков составляет около 200. В последующие годы были проведены более точные подсчеты: с 1983 по 2000 гг. выявлено существование около 123-244 языков [3]. Согласно данным, предоставленным в исследовании Африканских языков, в настоящий момент на территории государства насчитывается 234 языка, официально зарегистрированных, и около 60 языков, не внесенных в государственные реестры. В эти числа включены также государственные языки: КамВАЯ и французского языков [4].

Для понимания современного состояния и проблематики исследования КамВАЯ необходимо обратить внимание на важные некоторые этапы становления языковой ситуации в стране. Это важные экстралингвистические факторы, которые оказали существенное влияние на диахронию английского языка в Республике Камерун. В 1472 г. на территорию современного Камеруна прибыли первые португальские мореплаватели, которые назвали те места Camaroes. С 1884 года территория была под контролем Германского правительства, но по итогам Первой Мировой Войны, с 1919 года эти земли были разделены и присоединены к английским и французским колониям. Более 40 лет территория находилась под контролем этих двух европейских госу-

дарств. В 1960 и 1961 году восточный и западный Камерун получили независимость [5].

В ходе правления Германии, немецкий язык является основным языком, который используется во всех сферах жизни страны. В 1907 г. разрабатывается официальная языковая политика Камеруна. Принято решение ограничить использование местных языков за пределами регионов их распространения [5, 6]. Сопротивление правительства Германии любому влиянию других языков распространялось на французов. Влияние англичан тем временем уменьшилось, особенно после ухода английских миссионеров. Поэтому в годы оккупации страны Германией немецкий язык стал доминирующим языком [7].

Вторжение Франции и Англии в Камерун в начале Первой мировой войны ознаменовало конец господства Германии и с 1916 года, когда немецкие силы покинули Камерун, страна была разделена на две части. Версальский договор сделал этот переход официальным и Камерун претерпел радикальные изменения – в школах было прекращено преподавание немецкого языка. Колониальное правительство объявило английский язык официальным языком в регионах, принадлежащих Великобритании [8]. В это же время правительство Франции провозгласило французский язык в качестве официального – на территории, которую контролировала Франция [9]. Этот этап истории наиболее важен для нашего исследования: он стал началом новой ступени для развития языковой ситуации в Камеруне.

На современном этапе развития лингвистическая ситуация в Камеруне является одной из самых сложных на африканском континенте. Лингвисты характеризуют Камерун как «Вавилонскую башню» или «Африку в миниатюре» [10, с. 11]. В основании трехступенчатой структуры находятся около 280 языков коренных народов. Согласно различным ис-

точникам, приблизительно 56 из этих языков характеризуются стабильным состоянием. Около 100 языков – активно развиваются, при этом 8 языков являются мертвыми языками, т.к. они полностью вышли из употребления. Помимо этого, три языковых макросемьи (Нило-сахарскую, афро-азиатскую и нигеро-конголезскую) из четырех, которые известны в Африке, существуют в Республике Камерун [11]. Дж. Коуга, исследуя языковое разнообразие страны, отмечает, что «национальные языки сводятся к устному и семейному употреблению. Их культовая функция используется только в разовых политических целях во время избирательных кампаний. Ни один из этих языков не используется ни в администрации, ни в печатных СМИ, ни на национальном телевидении, ни в формальном образовании, ни в кампаниях по ликвидации неграмотности, финансируемых из государственного бюджета» [12, с. 1].

Согласно Конституции 1972 г. английский и французский языки офици-

ально приняты в качестве официальных государственных языков. Этим актом страны законодательно закрепляет двуязычие. Данный факт показывает стремление лидеров сделать Камерун национальным государством, с двумя языками, объединяющими все этнические группы [13]. Официальные языки страны, взаимодействуя с национальными языками, находятся под их постоянным влиянием, которое наиболее сильно проявляется на фонетическом уровне языка.

Анализируя фонетические особенности камерунского варианта английского языка, следует отметить его определенные сходства и различия с фонетической системой языкового стандарта: британского варианта английского языка (далее: БрВАЯ). Система согласных звуков в британском варианте английского языка состоит из 25 звуков, которые представлены в табл. 1. В камерунском варианте английского языка выделяются 20 согласных звуков, приведенных в табл. 2.

Таблица 1. Согласные звуки британского варианта английского языка

Table 1. Consonants of British English

		Labial	Dental	Alveolar	Post-alveolar	Palatal	Velar	Glottal
Nasal		m		n			ŋ	
Plosive/ affricate	fortis	p		t	tʃ		k	
	lenis	b		d	dʒ		g	
Fricative	fortis	f	θ	s	ʃ		x	
	lenis	v	ð	z	ʒ			h
Approximant				l	r	j	w	

Таблица 2. Согласные звуки камерунского варианта английского языка

Table 2. Consonants of Cameroonian English

	Labial	Coronal	Palatal	Velar	Glottal
Plosive	p b	t d	tʃdʒ	k g	
Fricative	f	s	ʃ		h
Nasal	m	n	ŋ	ŋ	
Lateral		l			
Approximant	w		j		
Rhoticconsonant		r			

Анализ особенностей фонетической системы согласных звуков показывает, что согласные [m], [p], [b], [f] в КамВАЯ не претерпели изменений. Но в данном варианте отсутствуют звуки [v], [z] и [ʒ]. Важно отметить, что в БрВАЯ отсутствует звук [r], который является носовым заднеязычным согласным звуком.

Конец лексемы часто становится местом различных изменений. Во многих случаях происходит оглушение последнего согласного звука. В БрВАЯ лексема *lab* (лаборатория) [laeb] в КамВАЯ преобретает произношение [lap] и является омофоном слова *lap* (круг); лексема *bid* (предлагать цену) звучит как лексема *bit* (кусок). Такие особенности вызывают определенные затруднения в понимании устной речи.

На слух часто определяется удаление звука [j] при произношении. Эта черта вносит свои особенности в звучание таких лексем, как *tutor* (наставник), *student* (студент). В таких словах произносительные нормы меняются: БрВАЯ ['tju:tər] – КамВАЯ ['tutor], БрВАЯ ['stju:d(ə)nt] – КамВАЯ ['student].

Интересно отметить, что в системе согласных звуков происходит постепенная замена глухих согласных на звонкие. В БрВАЯ лексемы *doctor* (доктор), *sister* (сестра) имеют следующее произношение: [dɒktə], [sistə]. При этом, анализ фактического аудиоматериала КамВАЯ выявляет случаи произношения [docto], [sistə]. Такая фонетическая особенность создает в слове дополнительный слог. Возможно, эта особенность произношения связана с тем фактом, что в КамВАЯ отсутствует звук [ə], что позволяет камерунцам, при произношении тех или иных лексем, заменять этот звук на звук оглушаемой гласной, таким образом в приведенных выше лексемах используется гласный звук [o] и [a].

Если анализировать факторы воздействия, которые оказали влияние на формирование системы согласных звуков, то необходимо отметить прежде всего внешнее, экстраварийическое воздействие. «В результате лингвокультурологического взаимодействия, камерунский вариант английского языка приобрел специфические особенности, как второго официального языка, французского, так и наиболее распространенных на территории страны языков местного населения» [14, с. 437].

Помимо различий в системе согласных звуков, гласные звуки КамВАЯ, формировали специфические черты. В нем используется только 7 гласных звуков: [i], [e], [u], [o], [a], [ɛ], [ɔ]. БрВАЯ использует 20 гласных звуков, из них: 8 дифтонгов и 12 монофтонгов, которые полностью отсутствуют в КамВАЯ. Даный факт подчеркивает самостоятельность диахронии фонетической системы изучаемого варианта.

Специфика фонетической системы КамВАЯ изучается исследователями по всему миру, но наиболее точные данные содержатся в многочисленных работах африканских лингвистов. Детальные описания современного состояния его фонетической системы содержатся в монографиях Л. Тодда [15], Ж. Коуэга [16], П. Мбангвана [13], Н. Нкенгазонг [17] совместно с нашими собственными исследованиями фактического материала аудио- и видеозаписей, позволяют сделать ряд выводов относительно особенностей КамВАЯ. Прежде всего необходимо отметить, что в фонетической системе наблюдается тенденция к сокращению долготы гласных звуков. Лексемы *port* (порт), *work* (работа), *hard* (тяжело), *bee* (пчела) будут иметь звучание [pot], [wok], [had], [bi].

Для нашего исследования представляют интерес еще некоторые случаи специфического произношения, характерного для КамВАЯ, ярко выявляющиеся в собранном нами корпусе фактического аудио- и видеоматериала. Напряженное произношение фонемы [ə] как [e], которая произносится как в лексемах *problem* ['problem] (проблема), *system* ['sistem] (система).

В КамВАЯ отсутствует редуцирование гласных фонем, если они находятся не под ударением. В БрВАЯ – произношение лексемы *useful* (полезный) отличается тем, что второй слог *-ful* звучит как [fl], в КамВАЯ – ['useful].

Система произносительных норм КамВАЯ характеризуется изменением произношения центральной гласной или трифтонга, что приводит к появлению звуков [j] или [w]: *desire* [de'saje] (желание) и *power* ['powa] (власть).

Следует уточнить, что некоторые произносительные характерные черты были сформированы в системе дифтонгов. Одной из таких черт является опущение второго элемента, при произношении дифтонга. Часто произношение лексемы *go* (идти) в КамВАЯ будет иметь звучание [go], значительно отличаясь от произносительных норм БрВАЯ [gəu]. Отсутствие дифтонгов в фонетической системе КамВАЯ приводит к замене дифтонга на монофтонг.

На современном синхронном уровне развития КамВАЯ обнаруживает некоторые изменения в акцентологии. Анализируя тексты на сайтах Камеруна, можно отметить смещение места ударения. Особенно это касается многосложных слов, где наблюдается тенденция смещения ударения ближе к концу лексемы. В связи с этим, лексемы *competitive* (конкурирующий), *maintenance* (поддержание, сохранение), *explanatory* (объяснительный)

в БрВАЯ будут характеризоваться ударением на определенных слогах: [kəm'petitv], [təm'tənəns], [iks'plænətəri]. В КамВАЯ ударение смещается на один слог вперед, по направлению к концу лексемы: [kəmpe'titv], [tem'tənəns], [iksplæ'nətəri].

Обращение к аудио- и видеоматериалу выявляет некоторые другие тенденции. В некоторых случаях ударение смещается на один или два слога назад, по направлению к началу лексемы. Произносительные стандарты БрВАЯ требуют произношения: *assault* [ə'sɔ:lt] (вооруженное нападение, атака), *oblivion* [ə'bliviən] (забвение), *opponent* [ə'ponent] (враг, противник) – ударение падает на второй слог, в КамВАЯ используется произношение: ['asolt], ['oblivion], ['oponent].

Описание некоторых контекстов и осмысление причинно-следственных связей приводит к пониманию, что возможно, суффиксы могут оказывать влияние на положение ударения в лексемах КамВАЯ. Суффиксы *-ate*, *-ise* в лексемах БрВАЯ имеют следующее звучание: *generate* ['dʒenəreit] (порождать), *estimate* ['estimeit] (оценка, оценивать), *regularize* ['regjuləraiz] (упорядочивать), *liberalize* ['librəlaiz] (делать либеральным). Однако в КамВАЯ наблюдается иное произношение: *generate* [dʒene'ret], *estimate* [est'i'met], *regularize* [regole'riz], *liberalize* [libere'liz].

Глобализационные процессы, влияние американских СМИ и американского варианта английского языка, его произносительных норм можно проследить в целом ряде лексем: *address* ['edres] (адрес, обращение), *ballet* [be'let] (балет), *debris* [de'bris] (осколки, обломки), *finance* [fi'nans] (финансы), произношение которых отличается от норм, принятых в БрВАЯ: [ə'dres], ['bælet], ['deibri:], ['fainəns].

Детальный разбор произношения контекстов фактического материала обнаруживает изменения в сложносоставных лексемах КамВАЯ. Один из контекстов был взят из радопередачи, где была употреблена сложная лексема *'member 'states* (страны-участники). Данное распределение ударения характерно для БрВАЯ. Нормой КамВАЯ произношения является ударение только второй составной части: *'member st'ates*. Аналогичные изменения были встречены в нескольких других сложных лексемах: БрВАЯ *'stock-pilling* (накопление, создание резервного фонда) – КамВАЯ *stock- 'pilling*; БрВАЯ *head- 'oncol' lision* (встречное столкновение) – КамВАЯ *'head-oncol' lision*.

Выводы

Подводя итоги исследования, необходимо особо выделить некоторые наиболее важные моменты. Экстраграфические факторы оказывают решающее воздействие на диахронию КамВАЯ. Этапы становления Республики Камерун как независимого государства определяют особенности становления языковой ситуации в стране. Господство немецкого языка, замена власти и правление Британии и Франции постепенно привело к современному положению: наличию двух официальных государственных языков.

Но не следует забывать о языковом разнообразии и богатстве Республики Камерун. Местные национальные языки, существующие на территории страны многие столетия, оказывают существенное влияние на современное синхронное состояние государственных языков. Результатом влияния внешних экстраграфических факторов и внутренних факторов языкового развития, стало особое состояние языковой системы КамВАЯ, заметное на всех уровнях его системы, наиболее ярко проявившихся на фонетическом уровне. Вследствие чего фонетическая система согласных звуков претерпела определенные изменения, из-за чего в данном варианте отсутствуют звуки [v], [z] и [ʒ], а также звук [ɲ], который является носовым заднеязычным согласным звуком. Для системы гласных звуков характерно полное отсутствие дифтонгов, используемых в БрВАЯ. Помимо этого, в КамВАЯ отсутствует звук [ə], что позволяет камерунцам, при произношении тех или иных лексем, заменять этот звук на звук оглушаемой гласной. Помимо этого, отмечено отсутствие трифтонгов БрВАЯ [aɪə] и [aʊə]. Таким образом, следует подчеркнуть, что КамВАЯ может служить примером того, как происходит изменение БрВАЯ при взаимодействии с языками иных этнических групп.

Список литературы

1. Khalil E. La Langue au Cameroun: Une Perspective Historique sur un Pays Africain Francophone. University Georgetown, 2017. URL: <https://faculty.georgetown.edu/kokorap/spring99/francophoneworld/cameroun.html> (дата обращения: 26.02.2020).
2. Vossen R., Dimmendaal G.J. The Oxford Handbook of African Languages. Oxford University Press, 2020. 1056 p.
3. Mbuh T.M., Emelda N.S. Bordered Identities in Language, Literature, and Culture // Readings on Cameroon and the Global Space. Cambridge Schorlars Publishing, 2019. 239 p.
4. Eloundou E. Les recherches sur le français au Cameroun: bilan critique et perspectives analytiques. Nice: Université de Nice Sophia Antipolis, 2017. № 31. P. 43–63.
5. Wolf H.-G. English in Cameroon. Berlin: De Gruyter Mouton, 2019. 359 p.

6. Eloundou E. Les recherches sur le français au Cameroun: bilan critique et perspectives analytiques. Nice: Université de Nice Sophia Antipolis, 2017. № 31. P. 43-63.
7. Ozon G., Ayafor M., Green M., F. Sarah. The spoken corpus of Cameroon English. *World Englishes*. Vol. 36. Issue 3. 2017. P. 427-447 p.
8. Abondia, J.-F. Ideologies and attitudes toward pidgin in Cameroon // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014. № 5(7). P. 601.
9. Vakunta P.W. Camfranglais: The Making of a New Language // *Cameroonian Literature*. Bamenda: Langaa RPCIG. 2014. 203 p.
10. DeLancey M.D., Mbuh R.N., Delancey M.W. *Historical Dictionary of the Republic of Cameroon* // *Historical dictionaries of Africa №113*. The Scaredrow Press. Lanham, Maryland. Toronto. Plymouth, UK. 2010. 491 p.
11. Schröder A. Status, Functions, and Prospects of Pidgin English: An Empirical approach to language dynamics in Cameroon. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2013. 260p.
12. Kouega J.-P. Language Management in “International” Pentecostal Churches in Cameroon // *Open Access Library Journal*. Vol. 5. Yaounde, Cameroon, 2018. P. 1.
13. Mbangwana P. The scope and role of Pidgin English in Cameroon // *A Sociolinguistic Profile of Urban Centres in Cameroon*. Herford NC: Cross-road Press, 1983. P. 79-92.
14. Kamwangamalu N., Baldauf R.B. Jr., Kaplan R.B. *Language Planning in Africa: The Cameroon, Sudan and Zimbabwe*. Routledge, 2016. P. 437.
15. Todd L. *Some Day Been Dey (RLE Folklore): West African Folktales*. NY: Routledge, 2015. 200 p.
16. Kouega J.-P. *A dictionary of Cameroon English Usage*. Bern: Peter Lang AG, European Academic Publishers. 2017. 202 p.
17. Nkengasong N. *A Grammar of Cameroonian English*. Cambridge Scholars Publishing, 2016. 175 p.

References

1. Khalil E. *La Langue au Cameroun: Une Perspective Historique sur un Pays Africain Francophone*. University Georgetown, 2017. Available at: <https://faculty.georgetown.edu/ko-korap/spring99/francophoneworld/cameroun.html> (accessed 26.02.2020).
2. Vossen R., Dimmendaal G.J. *The Oxford Handbook of African Languages*. Oxford University Press, 2020. 1056 p.
3. Mbuh T.M., Emelda N.S. *Bordered Identities in Language, Literature, and Culture. Readings on Cameroon and the Global Space*. Cambridge Schorlars Publishing, 2019. 239 p.
4. Eloundou E. Les recherches sur le français au Cameroun: bilan critique et perspectives analytiques. Nice: Université de Nice Sophia Antipolis, 2017, no. 31, pp. 43–63.
5. Wolf H.-G. *English in Cameroon*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2019. 359 p.
6. Eloundou E. Les recherches sur le français au Cameroun: bilan critique et perspectives analytiques. Nice: Université de Nice Sophia Antipolis, 2017, no. 31, pp. 43-63.
7. Ozon G., Ayafor M., Green M., F. Sarah. The spoken corpus of Cameroon English. *World Englishes*. Vol. 36. Issue 3, 2017, pp. 427-447.
8. Abondia, J.-F. Ideologies and attitudes toward pidgin in Cameroon. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2014, no. 5(7), pp. 601.

9. Vakunta P.W. *Camfranglais: The Making of a New Language*. Cameroonian Literature. Bamenda: Langaa RPCIG, 2014, 203 p.
10. DeLancey M.D., Mbuh R.N., Delancey M.W. *Historical Dictionary of the Republic of Cameroon*. Historical dictionaries of Africa №113. The Scaredrow Press. Lanham, Maryland. Toronto. Plymouth, UK, 2010, 491 p.
11. Schröder A. *Status, Functions, and Prospects of Pidgin English: An Empirical approach to language dynamics in Cameroon*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2013, 260 p.
12. Kouega J.-P. *Language Management in “International” Pentecostal Churches in Cameroon*. *Open Access Library Journal*, vol. 5. Yaounde, Cameroon, 2018. P. 1.
13. Mbangwana P. *The scope and role of Pidgin English in Cameroon. A Sociolinguistic Profile of Urban Centres in Cameroon*. Herford NC: Cross-road Press, 1983. P. 79-92.
14. Kamwangamalu N., Baldauf R.B. Jr., Kaplan R.B. *Language Planning in Africa: The Cameroon, Sudan and Zimbabwe*. Routledge, 2016. P. 437.
15. Todd L. *Some Day Been Dey (RLE Folklore): West African Folktales*. NY: Routledge, 2015, 200 p.
16. Kouega J.-P. *A dictionary of Cameroon English Usage*. Bern: Peter Lang AG, European Academic Publishers, 2017, 202 p.
17. Nkengasong N. *A Grammar of Cameroonian English*. Cambridge Scholars Publishing, 2016, 175 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Зубрицкий Олег Андреевич, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация
e-mail: zubritscky.oleg@yandex.ru

Oleg A. Zubritskiy, Post-Graduate Student of the Department of Roman-German Philology and Crosscultural communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation
e-mail: zubritscky.oleg@yandex.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 811.131.1+81'27+81-114.2

Оценочная лексика и ее роль в межкультурной коммуникации и переводе (на примере итальянского прилагательного *bello*)**Е. С. Борисова¹**

¹ Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка 38, стр. 1, г. Москва 119034, Российская Федерация

 e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

Резюме

*В статье рассматривается входящая в 500 наиболее употребляемых слов итальянского языка аксиологическая единица *bello*, обращается внимание на восприятие псевдоитальянских наименований реципиентами с разным уровнем владения итальянским языком, а также определяется роль этой оценочной лексемы в межкультурной коммуникации и освящаются проблемы, возникающие из-за ее неправильной интерпретации при именовании товаров или коммерческих организаций.*

*Актуальность нашей работы состоит в том, что слово *bello* ранее не рассматривалось как прагматоним и эргоним в русском культурологическом пространстве, в то время как проникновение иностранных слов в чужую культуру очень тесно связано с коммерческой сферой.*

Определение места этой аксиологической единицы в языке торговли, выявление ее семантических и прагматических особенностей, анализ ее репрезентации при адаптации на русскоязычной почве – являются целью данной работы.

В ходе работы предполагается выполнение следующих задач: выявить меру и сферу распространения этой лексемы в современном российском коммерческом пространстве; обозначить фонетические и семантико-грамматические закономерности ее функционирования в качестве эргонима и прагматонима.

Материалом для данной работы послужили поисковые сайты сети Интернет, в первую очередь – Общероссийская сеть бизнес-порталов.

Основными лингвистическими методами являются описательный, включающий в себя компонентный и сравнительно-сопоставительный, контрастивный, контекстный и дефиниционный анализ, а также метод сплошной выборки и лингво-статистический метод.

Практическая ценность исследования состоит в возможности его применения в курсах теории и практики перевода, лексикологии и практических занятиях по итальянскому языку, а также для консалтинговых лингвистических услуг.

Ключевые слова: прагматоним; эргоним; итальянский язык; семантика; аксиологическая единица.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Борисова Е. С. Оценочная лексика и ее роль в межкультурной коммуникации и переводе (на примере итальянского прилагательного *bello*) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 30–40.

Статья поступила в редакцию 16.05.2020 Статья подписана в печать 02.06.2020 Статья опубликована 20.07.2020

Evaluative Lexis and its role in Intercultural Communication and Translation (on the Example of ITALIAN Adjective *Bello*)

Elena S. Borisova¹✉

¹ Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka str., Moscow 119034, Russian Federation
✉ e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

Abstract

The article looks at axiological unit *bello* which is among the 500 most frequently used words in Italian language, its functioning as a pragmatonym and ergonym in Russian-speaking cultural environment, the perception of pseudo-Italian names by recipients with different levels of linguistic competence in Italian language. The article also defines the role of the adjective *bello* in intercultural communication and studies problems arising from its misinterpretation regarding names of goods and commercial organizations.

The relevance of our research consists in the fact that the evaluation word *bello* has not yet been considered in terms of its functioning as a pragmatonym and ergonym in Russian culturological space, while the penetration of foreign words into a foreign culture now often occurs through the commercial sphere.

The purpose of the research is to determine the place of the axiological unit *bello* in the modern Russian culturological space, to reveal its semantic and pragmatic aspects and its representation according to the norms of Italian language.

To achieve this purpose it is necessary to complete the following tasks: to identify this token in the modern Russian commercial sphere; to identify the phonetic and semantic-grammatical rules of its functioning as an ergonym and pragmatonym.

The sources for the research include Internet search sites, primarily the All-Russian network of business portals.

The main linguistic methods are: the descriptive, including component and comparative method; the contrastive, contextual and definitional analysis; the continuous sampling method and the linguistic-statistical method.

The practical value of the research consists in the possibility of its use in the courses of theory and practice of translation, lexicology and practise classes in Italian, as well as for consulting linguistic services.

Keywords: pragmatonym; ergonym; Italian language; semantics; axiological unit.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Borisova E. S. Evaluative Lexis and its role in Intercultural Communication and Translation (on the Example of ITALIAN Adjective *Bello*). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 30–40 (In Russ.).

Received 16.05.2020

Accepted 02.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

Оценка выражается в семантической структуре слова в виде «оценочного компонента, информации, содержащей сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого» [2, с. 78]. Создатели торговых наименований, в состав которых входит лексема *bello* с ее морфологическими ва-

риантами, несомненно преследуют практическую цель: убедить потребителя приобрести товары или услуги. Однако следует учитывать, что «свойства одних и тех же объектов могут наделяться как сходными, так и разными ценностными характеристиками представителями разных культур» [2], поэтому восприятие оных, которых мы выбрали для иссле-

дования, может разниться русскими и итальянцами, а также по-разному интерпретироваться в зависимости от их лингвистической компетенции.

Использование иностранного слова для именования торговых марок и организаций имеет схожие черты с внедрением заимствования в язык-реципиент, поскольку «непременным условием заимствования являются языковые контакты и готовность общества к принятию и использованию иноязычного слова» [9, с. 153]. А с открытием границ в постсоветскую эпоху и всеобщей цифровизацией в последние десятилетия в России с каждым годом нарастает интенсивность формирования мультикультурного общества, чему способствует «глобализация и интеграция, характеризующаяся широким сотрудничеством по обмену информацией и новыми идеями» [3, с. 18], что в свою очередь приводит к культурному и языковому смешению.

В составе сложных заимствований итальянский корень *bel-* фигурирует уже давно: музыкальный термин *бельканто*, пришедший в русский язык в XX в. из итальянского атрибутивного словосочетания *Agg + Sos: bel canto – прекрасное пение*; архитектурный термин *бельведер* – от итальянского предикативного словосочетания *Agg + V: belvedere – прекрасный вид* (интересно, что в русском садово-парковом искусстве было принято калькированное название *миловида*, например, павильон *Миловида* в Царицыно, построенный учеником Баженова в 1803–1804 гг.); ядовитое растение, *белладонна*, применяющееся в медицине и косметике, от итальянского *Agg + Sos: bella donna – красивая женщина*. В народе это растение получило название *красавка обыкновённая, красуха, или сонная одурь* и пр. и, видимо, не случайно было выбрано сценаристами Валерием Шульжиком и Юрием Фридманом (в титрах они фигурируют под псевдонимом «Юрий Сидоров») для саркастического имени владелицы магазина «Слеза ребенка» в совет-

ском мультфильме [1986–1988] «Приключения поросенка Фунтика» – Белладонна.

Результаты и обсуждение

Как показал небольшой опрос (около 30 респондентов), итальянский корень *bel-* не очень хорошо знаком носителям русского языка, в то время, как в итальянском языке это слово входит в 500 наиболее употребляемых [10, р. 10]: музыканты далеко не сразу вспомнили *бельканто*, архитекторы и художники – *бельведер*. А первое, что пришло на ум респондентам, пережившим советскую эпоху: персонаж мультфильма, Белладонна, песня итальянских партизан *Bella Ciao* и возлюбленная Печорина, черкешенка Бэла. Кроме этого, информанты назвали всем известные французские заимствования, имеющие в корне то же прилагательное: *бельэтаж* от французского *bel* – прекрасный и *étagе* – этаж; *беллетристика* от французского *belles-lettres* – изящная словесность.

Однако как только мы обратились к миру бизнеса, результативность поисков резко повысилась: итальянский корень *bel-* охотно используется в сфере торговли и производства, чаще всего в качестве эргонима, т.е. названий деловых объединений людей (организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений и т.д.), и реже – прагматонима, имеющего марку товара. Для понимания социокультурных реалий и исторической действительности очень важны названия объектов торговли или сфер услуг, поскольку красочные вывески с броскими иностранными названиями несомненно играют немаловажную роль в формировании лингвистической компетенции реципиента.

Прежде чем рассмотреть полученные данные, обратимся к морфологическим особенностям итальянского прилагательного *bello*, являющегося одной из доминант оценочной сферы итальянского языка [8, с. 133]. В препозиции к существительному оно ведет себя как опреде-

ленный артикль: m. sn. *bel regalo*, *bell'amico*, *bello studio*, m. pl. *bei regali*, *begli amici*, *begli studi*; f. sn. *bella cosa*, *bell'amica*; f. pl. *Bellicose (amiche)*; а в постпозиции или в независимой позиции – как прилагательное с четырьмя окончаниями: *bello*, *bella*, *belli*, *belle*.

Мы решили проанализировать эти морфологические варианты и превосходную степень прилагательного *bellissimo* / -a, используемые для торговых наименований в Москве и Московской области, причем как в итальянском варианте

написания, так и в его транслитерации кириллицей с разным графическим вариантом фонемы [e]: *bell-* / *белл-* / *бэлл-*.

Из многочисленных морфологических вариантов пришлось исключить форму m. pl. *begli*. Она, как и предполагалось, из-за несоответствия фонетической системе русского языка не встретилась в анализируемом материале. Количественные результаты проведенного исследования указаны в табл. 1.

Таблица 1. Эргонимы и прагматонимы с корнем bell- в Москве и Московской области

Table 1. Ergonyms and pragmatonyms with the root bell- in Moscow and Moscow region

bella	bello	belle	belli	bel	bell	bellissimo	bellissima	итог %
эргонимы								
4	1	6	0	2	2	1	5	19
прагматонимы								
6	0	3	0	8	1	0	0	17
эргонимы								
белла	белло	белле	белли	бель	белль	беллиссимо	беллиссима	
32	1	0	0	4	7	3	1	44
бэлла	бэлло	бэлле	бэлли	бэль	бэлль	бэллиссимо	бэллиссима	
5	0	0	0	6	5	0	0	15
						белиссимо	белиссима	
						2	1	2
прагматонимы								
белла	белло	белле	белли	бель	белль	беллиссимо	беллиссима	
2	0	0	0	0	2	0	0	3
итог								100 %
49	2	10	0	20	17	6	7	110

Проведенный анализ показал, что в Москве и Московской области существует 101 оним, связанный с предпринимательской деятельностью. Из них большую часть составляют эргонимы – 80%, прагматонимы, в свою очередь – только 20% [7]. Из последних у 18 товаров – итальянский вариант написания, 8 из них включают в свое название морфологический вариант *bel* (лопасти для затирочной машины *Belle BEL61L4*), 6 – *bella* (строительные профили польской одноименной компании *Bella-Plast* в четырех

вариантах, парикмахерское кресло *BELLA A110*, керамическая плитка *Bella*), 4 – *belle* (журнал *MODNOE BELLE*, выключатели *Fede New Belle Epoque Corinto*, уже указанное наименование *Belle BEL61L4*). Кириллицей представлено 2 наименования с маркой *Белла* (марmitы для вторых блюд *ATESY Белла-Homa-2005*) и 2 с маркой *Белль* (шкатулка для декорирования "Принцесса Диснея" – *Белль Десятое Королевство*, подставка под квадратное блюдо *Revol Белль Кузин BC2417N-181*).

В эргонимах корень *bell*-встречается преимущественно с окончанием женского рода. Это связано, с одной стороны, с тем, что окончание *-оне* свойственно русскому языку и в любом случае в заударной позиции подвергается качественной редукции, с другой – с тем, что в России итальянское прилагательное, основным значением которого является *красивый*, ассоциируется с женским родом.

Согласно Общероссийской сети бизнес-порталов, всего в Москве и Московской области существует 41 коммерческая организация, в название которой входит прилагательное женского рода единственного числа *bella* в разных графических вариантах, в качестве самостоятельного названия или его части [7]. Перечислим некоторые из них (табл. 2).

Таблица 2. Сфера распространения эргонима *bella*

Table 2. Spheres of distribution of the ergonym *bella*

Кол-во	Эргонимы	Функциональная принадлежность
32	<i>Белла</i>	Магазин цветов, растений, животных и товаров для них – <i>Белла Роза</i> ; торговая компания по производству средств гигиены <i>БЕЛЛА Восток</i> ; организации, предоставляющие услуги общественного питания <i>Белла</i> , <i>Белла наполи пицца</i> ; производство хлебобулочной и кондитерской продукции <i>Белла</i> ; питомник лабрадоров <i>Беллами Елан</i> ; туристическая компания <i>Белла Виста</i> .
5	<i>Бэлла</i>	Производитель головных уборов и верхней женской одежды <i>Бэлла</i> ; студия красоты <i>Бэлла джентэ</i> ; промышленно-коммерческая фирма ветеринарного оборудования <i>Бэлла-д</i> ; услуги общественного питания <i>Бэлла Италия</i> , <i>Бэлла</i> .
4	<i>Bella</i>	Фабрика женских пальто <i>Bella</i> ; интернет-магазин <i>Avon Bella-Cosmetik.RU</i> ; итальянский ресторан <i>Casa Bella</i> ; салон цветов <i>Bella La Vita</i> ; студия красоты <i>Studio Bella</i> ; мебельная студия <i>Bella Casa</i> .

Тематическое разнообразие названий организаций и продукции от магазина цветов до электрических выключателей позволяет судить о том, что слово *bello* должно быть хорошо известно в России разным слоям населения. Многочисленные *ООО «Белла»* занимаются производством и торговлей продуктов питания, одежды, ресторанным бизнесом, обслуживанием, ремонтом автотранспортных средств и т. д. Выбор названия производства должен быть pragматически обоснован. Так, например, одно из *ООО «Белла»*, основанных в 2012 г., реализует качественную пищевую продукцию, которая имеет привлекательный внешний вид и вкусовые качества, и

нацелена на людей, заботящихся о своем здоровье и стремящихся быть красивыми. Таким образом, в семантику онима *bello* входят оценивание своей собственной продукции и ценностная ориентация потребителя.

Еще один пример – название дочерних компаний польского предприятия по производству перевязочных материалов *TZMOSA*. На территории Российской Федерации они представлены под названием *ООО «БЕЛЛА»* в семи городах, а их гигиенические изделия *Bella* и *Bella cotton* известны во многих странах. Марка *Bella* соответствует одному из девизов компании: «женщины, их потребности, мечты и интересы являются для *TZMO*

особенно важными». Прагматоним *Bella* ориентирован на клиента, которому, с одной стороны, делают комплимент за красоту, с другой – обещают ее подарить. Вышеупомянутое предприятие выбрало эту лексему также для сети польских спортивных комплексов для активного отдыха и «разрядки» *Bella Line Wellness Centrum*. Это атрибутивное лексико-сintаксическое образование совмещает в одном названии итальянский, английский и польский языки и представляет собой своеобразный варваризм-кальку.

Приведенные выше примеры относятся к семантическому способу образования. Как справедливо замечает А.М. Емельянова, он характеризуется переносом готовых единиц языка на название предприятий, учреждений, обществ [5, с. 65]. Добавим, что тот же принцип, являющийся наиболее простым и распространенным способом создания названий, распространяется и на марки товаров.

К семантическому способу образования онимов следует отнести также превосходную степень прилагательного *bello – bellissimo / -a*, поскольку очевидно, что эта лексема заимствуется из итальянского языка в готовом виде и, как показал анализируемый материал, представлена то-

лько эргонимами. Знаковым является то, что в некоторых случаях нарушается орфография итальянского языка, пропадает удвоенная согласная *l* в эргонимах, написанных кириллицей, *Белиссимо, Белиссима*, что опять же связано с приспособлением итальянского слова к фонетической системе русского языка, которой не свойственны редуплицированные фонемы. И даже если в последнее время мода на изучение итальянского языка вносит свои коррективы в эргонимическое пространство, на улицах Москвы и Московской области все еще мелькают вывески, указывающие на недостаточную языковую компетентность их владельцев, например, кафе *Эспрессо вм. Эспрессо* или составные названия с грамматическими ошибками, о которых речь пойдет ниже.

Следующий способ образования онимов – семантико-грамматический.

Помимо функционирования в качестве самостоятельной лексемы, слово *bello* представлено в атрибутивных сочетаниях в постпозиции, в которой передается основное значение анализируемого прилагательного – *красивый*, и в препозиции, в которой прилагательные чаще всего имеют иные субъективные и эмоциональные значения (табл. 3).

Таблица 3. Семантико-грамматическое образования онимов

Table 3. Semantic and grammatical onyms formation

Sos + Agg		Agg + Sos	
un caffè amaro	кофе без сахара	un amaro caffè	кофе, выпитый в неприятный момент
un artista bello	красивый художник	un bell'artista	хороший художник

На сайте Accademia della Crusca в разделе Consulenza linguistica дается следующее объяснение разной коллокации качественных прилагательных, напрямую связанной с их семантикой: «чем более объективно качество, выражаемое прилагательным (например, цвет, физическое состояние и пр.), тем более стабильно

место прилагательного. При возрастании степени субъективности прилагательных, которые выражают оценку или мнение говорящего, увеличивается их подвижность. Следует также учитывать степень новизны информации, которую вводит прилагательное: чем более предсказуемо прилагательное в сочетании с существи-

тельным, чем больше в нем содержится ассоциативно закрепленного за существительным значения, тем чаще оно встречается в препозиции: *il vasto oceano, lacal dae state* и т.д.» [6] (Перевод наш – Е.Б.).

Обращает на себя внимание то, что сочетаний *Sos + Agg* совсем не много, и, как показал анализ примеров, создатели наименований не учитывают правила итальянской грамматики и выбор места прилагательного не играет роли в смысле, вложенном в выбранное словосочетание. Например, название итальянского ресторана *Casa Bella* переводится просто как *красивый дом*, однако его владельцы вкладывают в этот оним более широкий смысл, который в итальянском языке соответствует сочетанию с прилагательным в препозиции: «это не просто ресторан – это гостеприимный дом с радушными хозяевами, всегда открытый для старых и новых друзей!... Здесь знают толк в угощениях, а царящая атмосфера воссоздает образ настоящей Италии» (www.casabella.su). В свою очередь словосочетаний *Agg + Sos* было встречено гораздо больше, например, мебельный салон *Bella Casa* и пиццерия *Bella Napoli*.

Составные онимы могут соответствовать реально существующим итальянским атрибутивным конструкциям, но иметь разное графическое оформление: быть написанными латиницей или кириллицей, как, например, уже упомянутый магазин цветов *Белла Роза*, салон красоты *Белла джентэ*, туристическая фирма *Белла Виста*. К этой же группе следует отнести состоящее из превосходной степени прилагательного и определяемого слова название мебельного магазина *Беллиссимо Альбера* (= *прекрасное дерево*). Довольно часто встречаются торговые наименования, совмещающие в себе несколько языков: производство гигиенических изделий *БЕЛЛА Восток* (ит. + рус.); фирма пальто *Bella Collection*, ин-

тернет-магазин *Avon Bella-Cosmetik.RU* (ит. + англ.).

Следует учитывать, что именно препозиция прилагательного *bello* вносит дополнительные коннотации в значение словосочетаний с ним. Например, уже упомянутое название салона *Белла джентэ* воспринимается итальянцами не только как студия производства красоты, но и как объединение *благополучных и известных людей, одетых по последней моде* («*Chic'era alla festa*»? «*Un sacco di bella gente*»).

В торговых наименованиях были встречены также сочетания с предлогами, например, марка итальянских лыжных ботинок *Dalbello* (Тревизо), прагматоним, образованный в результате слияния артикулированного предлога с субстантивированным прилагательным *bello*, которое, в свою очередь, – часть фамилии дизайнера *Francesco DiBello*. Таким образом, созданный прагматоним удачно соединяет в себе эстетический эффект с именем собственным. Схожим названием обладает итальянская компания по производству вина (Тревизо) *Dal Bello Vini*, звучание которого весьма удачно, хотя и не является правильным словосочетанием.

Именно неправильные семантико-грамматические модели образования названий представляют собой наибольший интерес.

Самый очевидный случай, когда при создании наименования упускается из виду согласование прилагательного с существительным: ресторанчик *Белла Италия* вм. *bell'Italia*, магазины женской одежды *Moda belle* вм. *mode belle*, Маника *Белле* вм. *maniche belle*, студия красоты *Studio Bella* вм. *studio bello*. В названии консалтинговой фирмы *Studia Bella* калькируется с изменением рода слова *studio* (кабинет, студия) и прилагательное согласуется с ж. р. Однако создатель названия вправе создавать неологизмы, как, например, производитель свадебных пла-

тьев *Alleria Belle* (вм. *gallerie belle*) или название журнала *MODNOEBELLE*, совместившее русское прилагательное ср. р. ед.ч. с итальянским прилагательным ж.р. мн. ч.

Онимы *Bell'O International Corporation*, *Bell'Odigital* принадлежат американской компании *Bell'O*, лидеру в производстве инновационной и стильной мебели для домашних кинотеатров. В формуле успеха этой компании присутствует семантика, отраженная в ее названии: помимо высокого качества сборки и долговечности позиционируется неповторимый дизайн, красота и элегантность изделий. Название аксессуаров *Bell'Odigital* также соответствует общему девизу производителя, переименовавшем в 2000 г. компанию в *Bell'O* в атрибутивное сочетание которой перешла усеченная форма прилагательного *bello* с начальной буквой слова *oggetti*. Однако в итальянском языке во мн. ч. м. р. существительные на гласную сочетаются с формой *begli*.

На первый взгляд российская торговая марка *SONNO BELLO*, производящая шерстяные постельные принадлежности совместно с итальянской фабрикой, на которой создается натуральное полотно, содержит в своем названии результат, ожидаемый от использования их продукции – прекрасный сон. Однако в итальянском языке устойчивым словосочетанием является другое – *bel sonno* (глубокий сон). Схожий вариант был выбран для наименования матрасов *Belsonno Oro*, однако совмещение в названии пожелания хорошего сна, которое в итальянском языке соответствует предикативному фразеологизму *Sogni d'oro!*, с ожидаемым результатом от приятных сновидений, привело к возникновению итальянлизированного неологизма.

К этой же модели относится похожее на французское название собачьего питомника *Беллами Елан*, первая составляющая которого образована путем слия-

ния основ *bello + amico*, с усечением последнего слова. Вторая часть эргонима *Елан* – это акроним от имени и фамилии владельца питомника – Елена Андреянова. Однако упущено из внимания, что препозиция прилагательного, как и в вышеупомянутом эргониме *Бэлла джентэ*, придает негативную коннотацию определяемому слову, ср. *Che bell'amico! – Ну и друг!, Ma che bella gente! – Ну что за люди!* (характерный пример – одноименная песня Симоне Кристинки [2006], в которой эти «прекрасные люди» распяли Христа). Однако создатель эргонима *Bellamico* утверждает, что название ее питомника подразумевает значение *добрый, хороший друг*, а акроним *Елан* к названию башкирского племени, которое восходит к почитанию тотема змеи, никакого отношения не имеет. Хозяйка питомника использовала, что называется, ингредиентную оценочность русской лексемы *друг*, прибавив к ее итальянскому эквиваленту очень распространенное в итальянском языке прилагательное.

Таким образом, при создании торговых наименований часто возникают казусы, как, например, в случае с российской фирмой *Cocco Bello*, включающей в себя отделения *Cocco Bello Bow Ties* и *Cocco Bello Honey*, занимающиеся, соответственно, производством одежды и производством и реализацией продуктов питания. У итальянцев или туристов, знакомых с итальянскими пляжами, такое название вызовет прямую ассоциацию с нелегальными разносчиками кокосов и их возгласами *Cocco bellooo!*

В названии *Bella La Vita*, распространенное для именования различных организаций, также не учитывается ошибочность словосочетания, которое произошло либо от оценочно-бытийного восклицательного номинативного предложения *Che bella lavita! – Как жизнь прекрасна!*, либо от двусоставного предложения с именным сказуемым *Lavita è*

bella – Жизнь прекрасна. Пояснение иностранного словосочетания на сайте магазина цветов *Bella La Vita*, т.е. «красивая жизнь», не соответствует выбранному названию. Поскольку это словосочетание с прилагательным в препозиции в итальянском языке интонационно окрашено, оно несет в себе отрицательную коннотацию с оттенком иронии, критики или даже сожаления и его следует переводить как *интересная жизнь, вот такая жизнь*. Возможно, это связано с тем, что изменение прямого порядка слов SVO с выносом именного предиката в тему чаще остается в памяти предпринимателей, выезжающих в Италию и слышащих спонтанную разговорную речь, насыщенную экспрессивными элементами разговорного дискурса. Прямой порядок слов часто нарушается, для того, чтобы поставить акцент на элементе, который необходимо выделить для собеседника, поэтому довольно часто встречаются такие предложения, как

Bello, il vestito che ti sei comprata!»
вм. *Il vestito che ti sei comprata è bello!*

В заслуживающей внимания статье В. З. Демьянкова [4], написанной в русле лингвистической эстетики, подробно рассматриваются случаи употребления лексемы *bello* в итальянском языке, однако, на наш взгляд, не уделяется достаточного внимания сфере энантеосемии, при которой слово с положительной коннотацией приобретает довольно затруднительные для перевода антонимические значения, поскольку они контекстуально обусловлены, ср. *Bell'amico che sei!* – Хороший же ты друг!, *Sei un bel cretino!* – Ну и дурак же ты!

Выводы

Проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

– все рассмотренные онимы pragmatically мотивированы, поскольку их

создатели нацелены на потребителя товаров или услуг;

– аксиологическая единица *bello* довольно часто используется в коммерческой сфере и это позволяет судить о безусловном интересе российского потребителя и производителя к итальянскому качеству, итальянской культуре и языку;

– создание торговых наименований довольно часто связано с тягой к иностранному красивому заимствованию без учета его фонетических, семантических и грамматических особенностей, что, в свою очередь, может создать особенно в многонациональных мегаполисах, таких как Москва, проблемы в межкультурной коммуникации с потенциальными потребителями, знающими итальянский язык;

– процессы глобализации и интернационализации внесли свой вклад во всеобщую эрудированность, в частности, в знание итальянских и итальянизированных брендов, а также их производителей¹;

– при выборе эргонима или pragmtonима крупные производители пользуются услугами лингвистов, которые анализируют предложенные наименования и дают их характеристику, чтобы избежать отрицательных коннотаций при оценке названия организации или товара потребителем.

Таким образом, аксиологический потенциал лексемы *bravo* обусловлен цепным рядом условий культурного, языкового, ситуативно-коммуникативного характера. Следует напомнить, что поиск торговых наименований был проведен только по Москве и Московской области. Дальнейшее исследование можно было бы расширить и сравнить процентное соотношение этого наименования в экономическом, политическом и культурном центре России, в Центральном федеральном округе и за его пределами. Результа-

¹ Ср. с оценочной лексемой *bravo*, которая подробно рассмотрена в [1].

ты могли бы быть вкладом в определение степени итальянанизированности российского общества, которое на настоящем

этапе своего развития охотно включает в язык коммерции иностранные оценочные слова.

Список литературы

1. Борисова Е. С. Оценочная лексема *bravo* в современном культурологическом пространстве. // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование» 2018. №1 (29). С. 67–73.
2. Волошина Т. Г., Родина Л. И., Раюшкина М. Е. Языковые изменения в свете контактной лингвистики (на материале лексических и фонетических инноваций) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 3. С. 39–46.
3. Гальченко С. И. Сохранение самобытности родного языка как один из важнейших факторов национальной государственной политики (на примере внутренних и внешних заимствований в современном русском языке) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 4. С. 18–27.
4. Демьянков В. З. Заметки о красоте по-итальянски и по-русски: контрастивная лингвистическая эстетика // Вопросы филологии. 2011. № 1 (37). С. 60–63.
5. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полизотического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 22 с.
6. Официальный сайт итальянского института языкоznания Accademia della Crusca / Consulenzalinguistica. Firenze: 2020. URL :www.accademiadellacrusca.it/it/consulenza/sulla-posizione-dellaggettivo-qualificativo-in-italiano/92 (дата обращения 06.05.2020).
7. Общероссийская сеть бизнес-порталов URL: www.rosfirm.ru (дата обращения 06.05.2020).
8. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М.: Гнозис, 2006. 304 с.
9. Саженина Я. Х. Итальянские заимствования в русском языке: функциональный и семантический аспекты // Вестник НГПУ. 2013. № 4 (14). С. 151–160.
10. Tartaglione R. Le prime 3000 parole italiane. Firenze: ALMA edizioni, 2018. 144 p.

References

1. Borisova E.S. Ocenochnaja leksema *bravo* v sovremennom kul'turologicheskem prostranstve [Evaluative lexeme *bravo* in the contemporary culturological space]. *Vestnik of MCU. Series «Philology. Theory of linguistics. Linguistic education» = Vestnik MGPU. Serija "Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie"*, 2018, no.1 (29), pp. 67-73 (In Russ.)
2. Voloshina T.G., Rodina L.I., Raiushkina M.Y. Jazykovye izmenenija v svete kontaktnoj lingvistiki (na materiale leksicheskikh i foneticheskikh innovacij) [Language change in the sphere of contact linguistics (based on the lexical and phonetic innovations)]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 39–46 (In Russ.)
3. Galchenko S.I. Sohranenie samobytnosti rodnogo jazyka kak odin iz vazhnejshih faktorov nacional'noj gosudarstvennoj politiki (na primere vnutrennih i vnesennih zaimstvovanij v sovremennom russkom jazyke) [Maintaining identity of the native language as one of the most important factors of national state politics (on the example of internal and external loan-words in modern Russian)]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika*

i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 18–27 (In Russ.)

4. Demyankov V.Z. Zametki o krasote po-ital'yanski i po-russki: kontrastivnaya lingvisticheskaya estetika [Notes on beauty in Italian and Russian: contrastive linguistic aesthetics]. *Voprosy filologii = Questions of Philology*, 2011, no. 1(37), pp. 60-63. (In Russ.)

5. Emelyanova A.M. Ergonyms in a linguistic landscape of a polyethnic city (on the example of the names of business, commercial, cultural, sports facilities in Ufa): dissertations abstract... PhD [Jergonimy v lingvisticheskem landshafte polijetnicheskogo goroda (na primere nazvanij delovyh, kommercheskih, kul'turnyh, sportivnyh objektov g. Ufy). Avtoref. diss. kand. filol. nauk.]. Ufa: 2007. 22 p. (In Russ.)

6. Official website of the Italian Institute of Linguistics. Accademia della Crusca [Official'nyj sajt ital'janskogo instituta jazykoznanija Accademia della Crusca]. Consulenza linguistica. Firenze: 2020 = Consulenza linguistica. Firenze: 2020. (In Russ.) Available at: www.accademiadellacrusca.it/it/consulenza/sulla-posizione-dellaggettivo-qualificativo-in-italiano/92 (accessed 06.05.2020).

7. Obshherossijskaja set' biznes-portalov [All-Russian network of business portals] (In Russ.). Available at: www.rosfirm.ru (accessed 06.05.2020).

8. Rylov J. A. *Aspekty jazykovoj kartiny mira: ital'janskij i russkij jazyki* [Aspects of the linguistic picture of the world: Italian and Russian languages]. Moscow, Gnosis Publ., 2006, 304 p. (In Russ.)

9. Sazhenina Y.H. Ital'janskie zaimstvovaniya v russkom jazyke: funkcional'nyj i semanticheskij aspekty [Italian borrowing in the Russian language: functional and semantic aspects]. *Vestnik NGPU = Science for Education Today*, 2013, no. 4 (14), pp. 151-160 (In Russ.)

10. Tartaglione R. Le prime 3000 parole italiane. Firenze, ALMA edizioni, 2018, 144 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Борисова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, завкафедрой итальянского языка переводческого факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

Elena S. Borisova, PhD (Philology), Head of Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: Borisova.ES@linguanet.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 81-114

Вербальная экспликация концептуальной области "Растения" в русскоязычной политической коммуникации

Н. А. Боженкова¹ , Е Юй¹

¹Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина 6, г. Москва 117485, Российская Федерация
✉ e-mail: natalyach@mail.ru

Резюме

В статье предлагается описание способов языковой репрезентации концептуальной области "Растения" как константы ментальных структур человека и важнейшей части этнокультуры любого социума. Методологическим базисом описания авторами выбрана теория концепта Ю.С. Степанова, категориальный аппарат которой экстраполирован на наиболее значимую составляющую современного коммуникативного пространства – политический дискурс, поскольку политика осуществляется прежде всего в процессе верbalного взаимодействия с целью создания в обществе определенной аксиологической картины.

Совмещение методов лингвокогнитивной проекции и функционально-прагматического описания языковых фактов позволило (на материале выступлений представителей МИД РФ – С.В. Лаврова, М.В. Захаровой, С.А. Рябкова и др.) выявить иерархическую организацию концептуальной области "Растения", вычленить основные концептуально-тематические группы (последовательно распределяющиеся на тематические подгруппы и тематические ряды), охарактеризовать особенности их вербального представления, определить показатели, свидетельствующие о лингвокультурной ценности определенных языковых знаков и фитонимической лексики в целом.

Особое внимание уделено анализу типичных способов языкового маркирования ядерной и периферийной зон концептуальной области "Растения", на основании чего предложена таксономия системы языковых средств, отражающая не только этнолингвокультурные особенности российской политической логосферы, но и новые модели сосуществования народов с разной ментальностью и разным историческим опытом.

Результаты исследования могут быть интересны при изучении механизмов формирования различных языковых конструкций, являющихся доминантами политического дискурса, а представленные аналитические материалы могут быть использованы для дальнейшего лингвокогнитивного и лингвокультурологического осмыслиения концептуальной области "Растения" (или иных концептуальных областей) в качестве методологического инструментария аналогичных исследований в рамках других институциональных интеракций.

Ключевые слова: концептуальная область; растение; фитонимы; политический дискурс.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-012-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

Для цитирования: Боженкова Н. А., Е Юй Вербальная экспликация концептуальной области "Растения" в русскоязычной политической коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 41–53.

Статья поступила в редакцию 24.04.2020 Статья подписана в печать 05.05.2020 Статья опубликована 20.07.2020

Verbal Explication of the Concept Field “Plants” in Russian Political Communication

Natalya A. Bozhenkova¹✉, Ye Yu¹✉

Pushkin Russian Language State University,
6 Akademika Volgina St., Moscow 117485, Russian Federation

✉ e-mail: natalyach@mail.ru

Abstract

The article provides a description of methods used for verbal representation of the concept field “Plants” which acts as a constant of human mental structures and the most important aspect in society’s culture. The authors have selected the concept theory by Yu.S. Stepanova as a methodological basis for the description. The categorical system proposed in Stepanova’s theory has been extrapolated to political discourse as the most significant component of the modern communicative space, since politics is executed primarily in the process of verbal interaction in order to create a certain axiological framework in the society.

The combination of linguistic-cognitive projection and functional-pragmatic description of linguistic facts has enabled the authors (based on the speeches by representatives of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov, M.V. Zakharova, S.A. Ryabkov, etc.) to reveal a certain hierarchy within the concept field “Plants”, to single out basic conceptual and thematic groups (sequentially distributed into thematic subgroups and thematic series), to characterize features of their verbal presentation, as well as to detect indicators demonstrating linguistic and cultural value of particular linguistic signs and phytonyms as a whole.

Special attention is paid to the analysis of typical verbal marking methods for the core and peripheral zones of the concept field “Plants”, which serves as a basis for the proposed taxonomy of the system of language means, reflecting both ethno-linguistic and cultural features of Russian political logosphere and new models of the coexistence of people with different mentality and different historical experience.

The proceedings of this research may be useful for studying the formation of various language structures, dominant in political discourse, whereas presented analytical material may be helpful for further linguocultural revision of the concept field “Plants” (as well as other areas) as a methodological basis for similar studies within other institutional interactions.

Keywords: concept field; plant; phytonym; political discourse.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Financing: The article was carried out within the framework of the RFBR grant No. 18-012-00574 "linguistic And cultural domains of legitimate/illegitimate political discursive practices in the space of Russian-language communication: a typological study".

For citation: Bozhenkova N. A., Ye Yu. Verbal Explication of the Concept Field “Plants” in Russian Political Communication. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 41–53 (In Russ.).

Received 24.04.2020

Accepted 05.05.2020

Published 20.07.2020

Введение

Изучение вербальных знаков, маркирующих класс растений, имеет в русистике давнюю традицию. Причина их весьма многоплановой и разнообразной характеризации заключается в том, что, с одной стороны, растения тесно связаны с

повседневной жизнью человека как биологического и социального существа [2, с. 36], поскольку в них «опосредованно отражаются факты, характеризующие историческое, материальное, культурное развитие народа, а также историю общественных и экономических отношений» [1, с. 4-5]. Неслучайно М.В. Пименова

утверждает, что «вегетативный код является одним из универсальных способов описания мира и его фрагментов» [13, с. 131]. С другой стороны, фитонимическая лексика имеет специфическую лингвокультурную и лингвокогнитивную наруженнность: в данных лексемах закрепляются характерные для носителя языка ассоциативно-образные стереотипы/ символы, отражающие специфику духовной жизни и мировидения народов, и фиксируется этнообусловленная система ценностей¹.

В современной российской антропоцентрической лингвистике под влиянием повышенного интереса к исследованию феномена концептосферы (Д. С. Лихачев), проблематика способов языковой экспликации концепта "Растения" приобрела новое звучание². Концепт, будучи единицей «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [12, с. 90], или же «основной единицей мышления (the basic units of thought); репрезентацией категории объектов или событий (represent categories of objects or events)» [20, с. 331], непременно «абстрагируется от нашего опыта, сознания и понимания окружающего мира» [21, с. 306-307] и оказывается базисным фактором познания универсума.

В аспекте лингвокультурологического вектора исследований концепт является собой «сгусток культуры в сознании человека», «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» [17, с. 43], которые можно репрезентировать в языковых знаках. Соответственно, вся культура, базовой единицей которой является концепт, может и должна рассмат-

¹ См. работы Ю.Н. Исаева [9], Л.Ф. Пуцилевой [15], А.С. Савенко [16], Ф.Г. Фаткуллиной [18] и др.

² См. работы Л.В. Борисовой [4], И. Гарбую [6], А. Г. Дементьевой [7], Е. В. Женевской [8], Н. С. Котовой [10], П. В. Кропотухиной [11] и др.

риваться как совокупность концептов и отношений между ними. Вслед за Ю.С. Степановым принимаем, что совокупность концептов составляет *концептуальную область*³, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителей языка, при этом концептуальная область является «одним из важных принципов группировок слов и вещей в новых представлениях о культуре – наряду с группировками по принципам “поляй”, “рядов”, “тематических групп” и т.д.» [17, с. 74]. В данной трактовке концептуальная область (КО) 'Растения' (конвергентно совмещающая множество единичных концептов, манифестирующих фрагменты живой природы) представляет особый интерес в разрезе изучения ее категориальной сущности, когда за отправную точку принимается имя концепта, а лингвистический анализ движется от средств вербализации к конститутивному наполнению концепта, или шире – от языка к смыслам, что соответствует требованиям современной когнитивной науки, ориентированной на комплексные интегральные подходы к исследованию языковых систем.

Результаты и обсуждение

Закрепление имени концепта, безусловно, происходит в определенном коммуникативном пространстве, которое в свою очередь существенно влияет на процессы категоризации и концептуали-

³ Отметим, что в работе Ю.С. Степанова [17] предложено описание *концептуализированной* области как «такой сферы культуры, где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) – слова, вещи, мифологемы и ритуалы...» [17, с. 74], однако научный дискурс последних десятилетий (см. работы В.З.Демьянкова, В. И. Карасика, Ю. Н. Карапурова, В. В. Красных, В. А. Масловой, В. П. Нерознака, М. В. Пименовой, Г. Г. Слышикина, И. А. Стернина, В. Н. Телия и др.) закрепил «упрощенный» вариант данной дефиниции – *концептуальная* область.

зации. Более того, современные геополитические условия, характерной чертой которых являются интегративно-миграционные процессы, существенным образом меняют семиотико-семасиологическую организацию дискурсивных практик. Так, немалое воздействие на характер функционирования естественного (в широком значении) языка в современной лингвокультурной ситуации оказывает расширение информационного поля и закрепление Интернета в качестве основного коммуникационного канала. Глобальное виртуальное пространство не только демонстрирует новый тип вербальных взаимоотношений, характеризующийся расширением коннотативных элементов, но и определяет новый вектор трансформации устойчивых концептуальных систем.

В этой связи наиболее показательным оказывается политический дискурс, который в силу полифункциональности своей устроенности «покрывает» все сферы жизнедеятельности человека и, будучи включенным в этнокультурное поле любого социума, эксплицирует многоярусную систему идей, целей и интересов государства в целом: «сегодня язык политики встраивается в бытийное и бытовое общение самых широких гражданских масс, во все сферы человеческого общения, активно формирует новые концептуальные понятия, стереотипы оценок, нормы вербального поведения всех включённых в неё субъектов и коммуникативные традиции универсума в целом» [3, с. 281]. Иначе, политические интеракции (и политический дискурс в целом) являются мощнейшим «рычагом» потенциального видоизменения структуры любой КО, в том числе и такой стабильной, как концептуальная область "Растения" (КОР).

В сложной структуре КО, как и в структуре концепта, можно выделить ядро и периферию. Комплексный лексикографический анализ и результаты ассоциативного эксперимента позволяют утверждать, что ядро национальной КОР

формируется из сравнительно ограниченного набора базовых концептов и констант, в числе которых "растение", "деревья", "кустарники", "цветы", "трава" и др.; к периферии исследуемой КОР отнесены "ягоды", "злаки", "бобы", "овощи", "фрукты", "семейства растений", а также пословицы, поговорки, ФЕ, отражающие ее (КОР) специфику в языковой картине мира.

Структурно КОР организуется разнообразными концептуально-тематическими группами (КТГ) (например, "части растения", "места и условия произрастания растений", "отрасль или профессия, связанные с растениями" и др.), представляющими собой объединения лексем логического порядка, которые обозначают определённую предметную сферу. Отметим, что члены КТГ могут не иметь общих семантических признаков, так как их выделение основано на системности окружающей действительности, т.е. на совокупности экстралингвистических факторов: члены КТГ объединяются «на основании общности обозначаемых ими реалий по сходству, назначению, устройству, функции и т.д.» [1, с. 120]¹. КТГ в свою очередь может члениться на тематические подгруппы (ТПГ), в каждой из которых объединяются номинации с общими дифференциальными семами данного подмножества; дальнейшее членение ТПГ обусловливает выделение тематических рядов (ТР), куда включаются номинации с общей дополнительной (частной) семой. Соответственно, специфика семасиологического наполнения КОР,

¹ Нередко классы слов «объединяются одной и той же типовой ситуацией, не имея общей семьи» [5, с. 110]; они могут быть также связаны как "целое и часть", соответственно, в КТГ отмечаются родовидовые связи денотатов. При этом иерархическая структура КТГ и место лексической единицы в ней обусловливается частотностью составляющих её компонентов: высокочастотные лексические единицы располагаются в ядре, а менее частотные – на периферии [14].

имеющей многослойную организацию, может быть выявлена через анализ языковых средств её репрезентации. Среди разнообразных составляющих (компонентов, признаков, слоёв, уровней) КОР в большей степени нас интересуют понятийные, ассоциативные и оценочные составляющие, которые располагаются в ядерной и периферийной зонах КОР¹.

Материалом данного исследования послужили скрипты выступлений известных политических деятелей РФ (С.В. Лаврова, М.В. Захаровой, С.А. Рябкова) за 2017-2019 гг., представленные на официальных сайтах МИД России и тексты политического содержания (комментарии, ответы на вопросы и др.), размещенные на их личных страницах в социальных сетях. Общий объем материала составил 1368 текстовых единиц (329 лексем, 2248 словоупотреблений).

Изучение текстов выступлений методом сплошной выборки позволило выявить лексические единицы, вербализующие компоненты КОР, которые можно разделить на следующие концептуально-тематические группы (КТГ), иерархически включающие в себя подгруппы (ТПГ) и тематические ряды (ТР) лексем-репрезентантов КОР:

- "наименования растений"
- "части растения"
- "жизненные циклы растений"
- "действия над растениями"
- "воздействие или эффект растений"
- "места и условия произрастания растений"
- "изделия из растений"
- "характеристика растения"
- "отрасль и профессия, связанные с растениями"

¹ Как утверждает А.А. Уфимцева, «изучение подобных группировок слов помогает вскрыть, как, в каких лексических единицах идёт опредмечивание материального мира, как членится при помощи лексики опыт данного народа» [19, с.175].

"другие, связанные с растениями, лексемы".

Наиболее многочисленной является КТГ "наименования растений", куда входят собственно имена растений и прилагательные, образованные от них, например: *лес* - *лесной*, *оливка* - *оливковый*, *гречка* - *гречневый*. Данную КТГ, в свою очередь, можно разделить на следующие ТПГ:

- ТПГ "общие наименования": *дерево, трава, овощи, фрукт, цвет, лес, ягода, гриб, тина* и др.

- ТПГ "собственно фитонимы": *мак, клубника, марихуана, олива, гриб, огурец, хрен, ёлка* и др.

См.: тина – «*Нам говорят, что они видят, что эти атаки идут со стороны Российской Федерации. Мы просим дать данные, нам отвечают, что, конечно, дадут. Но, как только наступает момент контакта, тут же уходят в глубокую «тину»*» (М.В. Захарова, https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3266659#152, 20.06.2018);

олива, огурец – «*Вопрос: Вы говорили с Дж. Болтоном полтора часа. Он не привёз нам никаких оливок. Оливковых ветвей орлана нам не досталось. С.В. Лавров: Мы вообще предпочитаем солёные огурцы, а не оливки*» (С.В. Ларов, https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiy_a_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3384450, 28.10.2018).

Количество лексем обозначенной КТГ составляет 20% от общего числа языковых единиц КОР, однако по частотности словоупотребления эта группа занимает четвёртое место в обратном порядке – 6% (большинство лексем – 95% – были отмечены менее пяти раз, значительная часть из которых встретилась только один раз). К высокочастотным лексемам относятся *цвет, мак* и *дерево* (частота словоупотребления лексемы *цвет* составляет 30% в данной группе, лексемы *мак* и *дерево* появились не более десяти раз).

Второй по многочисленности является КТГ 'действия над растениями'. К данной группе отнесены лексемы, описывающие различную деятельность человека (полезную /вредную), осуществляющую в процессе развития растений или необходимую для их выживания, например: *нарастить / наращивать, засеять/засевать, укоренить / укоренять, окучить / окучивать, удобрить / удобрять / удобрение, обрубить / обрубать* и др. Сюда же отнесены действия над продуктами из растений (например, *курить / за-куривать, дегустировать, лупить / облупить* и др.) и инструменты для работы человека с растениями. Отметим, что группа морфологически представлена разнообразными формами глаголов (СВ/НСВ, страдательный залог и др.) и отглагольных единиц (причастия, деепричастия, отглагольные существительные и т.д.). КТГ "действия над растениями" явно членится на ряд подгрупп и более мелких тематических рядов:

ТПГ "полезные действия над растениями":

ТР "посадка растений": *наращивание, сеять, укоренить, привить, насаждать, выращивать* и др.;

ТР "разные виды ухода за растениями": *искоренить, подпитывать, окучивать, культивироваться, удобрение* и др.

ТПГ 'вредоносные действия для естественного выращивания растений':

ТР "сбор плодов или повреждение частей растений": *сорвать/срывать, пожинать, набирать, оторвать* и др.;

ТР "разрушительное действие, вызывающее смерть растений": *выкорчевать, изжечь, растоптать, выковать* и др.

ТПГ "другие действия над растениями или продуктами из растений": *высасывать, расколоть, лупить, курить* и др.¹

См.: подпитывать – «*К застарелым конфликтам, прежде всего арабо-израильскому, добавляются другие кризисные ситуации – в Сирии, Ливии, Йемене, Ираке, которые подпитывают друг друга и создают опасность перетекания нестабильности в соседние страны*» (М.В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3246900, 01.06.2018);

пожинать – «*Плоды иракской войны, одной из самых кровавых и изнурительных как для региона, так и для стран-интервентов, решивших «навести там порядок», мы пожинаем до сих пор*» (М.В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3166721, 12.04.2018);

высасывать – «*Чем скорее временщики, незаконно захватившие в Киеве власть и пытающиеся сейчас держаться за неё и высасывать последние «соки» из украинского народа, будут разоблачены самим украинским народом, тем, наверное, будет полезнее для украинцев и для наших отношений.*» (С.В. Лавров, https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya/_s_uчастием_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3308052, 30.07.2018).

Различие между КТГ "действие над растениями" и "наименования растений" в количественном показателе лексем совсем небольшое – чуть более 1%, однако частотность словоупотребления существенно выше и составляет 15% от общего числа лексем КОР: отмечено более трёхсот позиций включения в текст, при этом лишь 16% единиц (например, *подпитка, нарастить/наращивать, подпитывать, набирающий/набравший, насаждать/насадить, раскалывать/расколоть, сеять / посеять, оторвать / отрывать*) входят в диапазон «более 5, но менее 20» раз использования, а 72% лексем встретились менее пяти раз. Самыми распространёнными лексическими единицами являются *наращивание, сорвать / срыв-*

¹ Кроме названных ТПГ, можно выделить подгруппу "инструменты для работы с растениями": *бульдозер, опрыскиватель, пестицид* и др., которые использовались в прямом значении.

вать, *искоренение*: частота словоупотребления лексемы *наращивание* составляет 41%, всех трёх лексем – более 57%.

Третье место по количеству входящих в состав языковых единиц, эксплицирующих КОР, занимает КТГ "изделия из растений". Данная КТГ объединяет семантически разнообразные лексемы, которые имеют общие характеристики – обозначают вещи или продукты, сделанные или состоящие из растений. В их числе как полезные (*оладьи, каша, чай* и др.), так и вредные (*героин, опий, наркотик* и др.) для здоровья продукты; вещи/вещества, сделанные из растений (*венок, букет, смола* и др.); и даже предметы, основным компонентом которых является растение (*пейзаж, орнамент, ландшафт* и др.). В данной КТГ можно выделить следующие подгруппы:

ТПГ "съедобные": *сок, варенье, чай, каша, хлеб, овсянка* и др.

ТПГ "несъедобные": *букет, венок, дрова, дёготь, дубина, смола* и др.

См.: *каша – «...поэтому я очень надеюсь, что все наши партнёры, в том числе и прежде всего те, которые эту кашу заварили, которые решили избраников народа наказать за свободу волеизъявления жителей Крыма, что они осознали серьёзность положения и эту ответственность, которую они на себя берут»* (С.В. Лавров, **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**/xK1BhB2bUjd3/content/id/3374833, 16.10.2018;

дубина - «Не Москва, а Вашингтон выкручивает руки своим клиентам и грозит санкциями компаниям, реализующим оптимальные варианты поставок газа потребителям. Что как не политическое давление эти санкционные режимы и «дубина», которыми так часто теперь пользуются в Вашингтоне» (М.В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3451919, 19.12.2018).

Количество лексемы данной группы составляет более 14% от общего числа единиц КОР, тогда как частотность упо-

требления слов данной группы всего лишь 8%. Более распространёнными лексическими единицами являются *наркотик, венок, блюдо, клин, чай, букет, пейзаж* (около 60% в данной группе; самой высокочастотной из них является лексема *наркотик*: ее частотность превышает одну четвёртую часть словоупотребления данной группы).

Четвёртое место по квантитативному показателю занимает КТГ "характеристика растения", в которую входят лексемы, отражающие различный характер произрастания растений (*тепличный, садовый* и др.), качественное состояние растений (*свежий, зелёный, ухоженный* и др.), типичные свойства, обусловленные биологической сущностью растений (*естественный, жизнеспособность, природа, пищевой* и др.), а также оценочные характеристики человека (*питательный, красотица* и др.), что позволяет выделить ряд ТПГ:

ТПГ "характер произрастания": *гибридный, ползучий, разветвлённый, садовый, осенний* и др.

ТПГ "состояние растений": *закоренелый, буйный, бесплодность, жизнеспособный, ухоженный, зелёный* и др.

ТПГ "оценка человеком растения": *питательный, вредный, красотица, живописный, яркий* и др.

ТПГ "свойства, связанные с растениями": *биологический, естественный, жизнедеятельность, жизнеспособность, природный, растительный* и др.

См.: гибридный - «Кроме того, в ноябре глава МИД Чехии заявил, что надо усиливать информационное противодействие России. Не является ли это давление частью «гибридной войны» со стороны чехов против нас?» (М.В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3440823, 13.12.2018);

буйный - «Тот режим, который сейчас расцвёл буйным цветом, – это рукотворное явление и тот результат, который получили Украина и мир после экспериментов над государственным устрой-

ством и демократией...» (М.В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3424753, 30.11.2018);

питательный - «Мы от всей души рекомендуем британским коллегам быть более самокритичными, в частности, обратить, наконец, внимание на необходимость эффективного противодействия набирающему силу на Украине и на пространстве ЕС неонацизму, укрепляющемуся на питательной почве расизма, расовой дискриминации, ксенофобии, нетерпимости к мигрантам, инакомыслию, исламофобии, ущемления прав национальных и этнических меньшинств» (М.В. Захарова, https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3299553, 18.07.2018).

Наиболее распространёнными лексическими единицами в названной КТГ (количественная характеристика от общего числа единиц, репрезентирующих КОР, - 13%; частотность словоупотреблений - 15%), являются *свежий, гибридный, жизнедеятельность, природный, жизнеспособный, биологический, яркий, живой, естественный* и др., при этом частотность последних четырех лексем составляет в данной группе более 45%. Отметим и явно вычленяемую специфичность ТПГ "свойства, связанные с растениями": она превалирует не только по активности использования единиц (63,8% от общего числа лексем КТГ), но и по количеству входящих в нее членов.

КТГ "жизненные циклы растений" оказывается последней из пяти многочленных концептуально-тематических групп, семасиологически объединенной последовательной этапностью жизненного цикла развития растений:

ТПГ "зародышевый период": *зародиться / зарождаться(ся), зародившийся, прорости / прорастать, (у)коренить(ся) / укоренять(ся), укоренившийся* и др.

ТПГ "вегетативный, или период молодости": *рост, расти, нарасти/нарастать, растущий, возрастающий, нара-*

стающий, подрастающий, обрасти / обрастать, возрасти / возрастать, врасти / врастать, вырасти / вырастать и др.

ТПГ 'генеративный период, или период зрелости': *процветать, процветание, процветающий, зреть, назреть / назревать, назревший, назревающий, вызреть / вызревать, вызревавший, созреть / созревать, плодить(ся) / расплодить(ся) и др.*¹

См.: *врасти* – «О нем было заявлено после завершения ликвидации террористического «интернационала», который практически пытался *врасти* корнями в сирийскую землю» (С.В. Лавров, **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки**.Bw/content/ id/3338704, 07.09.2018);

процветать – «Хотелось бы напомнить г-ну Мэттису, что если бы не российская поддержка, Сирии как государства-члена ООН давно бы уже не было, а на её месте процветал бы террористический халифат» (М.В. Захарова, **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки**.cKNonkJE02Bw/content/ id/3394727, 1.11.2018);

плодить – «Более того, действия натовских стран в Ираке, Ливии, сейчас в Сирии и в других странах региона только плодят экстремизм, сеют хаос и создают питательную почву для появления все новых террористов» (С.В. Лавров, https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3090323, 22.02.2018).

Количество членов данной КТГ составляет лишь 12% общего числа, однако

¹ Отметим, что для корректности научного описания в данной КТГ (несмотря на «неодинаковость» продолжительности периодов развития различных растений) должны быть вычленены все этапы жизненного цикла растений, однако в собранных нами материалах не было представлено ни одной лексемы, маркирующей последний этап – "заключительный период жизни, или период старости".

она занимает первое место по частотности словоупотребления - 20%. Самыми активными членами КТГ являются лексемы *расты, нарасты, вырасты, возрастать, назреть, процветать, процветание, рост* и их разнообразные виды / формы; словоупотребление этих лексем составляет более 86% данной группы, особенно частотной является лексема *рост* - 32%. Большинство языковых знаков входят в ТПГ "вегетативный, или период молодости" и "генеративный период, или период зрелости" (80%); количество членов у них соотносимо, однако наблюдается существенная разница по частоте употребления слова: первая (из вышеперечисленных) - 80%, вторая - всего 17%.

КТГ "места и условия произрастания растений", "части растения", "другие, связанные с растениями лексемы", "воздействие или эффект растений", "отрасль или профессия, связанные с растениями", представленные в первоначальной таксономии, эксплицируют, как показывают материалы исследования, периферическую область КОР: каждая из них занимает до 10% общего числа языковых единиц, иерархическая организация дан-

ных КТГ (включенность ТПГ и ТР) также оказывается менее явной.

Проведенный анализ и последующая таксономизация системы языковых средств, репрезентирующих КОР в политическом дискурсе, дают основания утверждать, что частотность и заполненность лексическими единицами входящих в КОР КТГ (и далее ТПГ и ТР) являются неодинаковыми, при этом оценка «важности» и лингвокультурной ценности той или иной КТГ (или отдельной лексемы) должна учитывать одновременно 2 показателя: как общее (абсолютное) количество языковых знаков, входящих в определенную КТГ, так и общее (относительное) количество словоупотреблений. Соответственно, лексемы всех КТГ, имеющие показатель включения в текст более 5, на основании частотности словоупотребления могут быть разделены по семи уровням (чем ниже частотность языкового знака, тем выше «нестабильность» лексемы в семантическом поле и, как следствие, удаленность от ядерной области), что позволяет представить результаты исследования в виде диаграммы (рис.1).

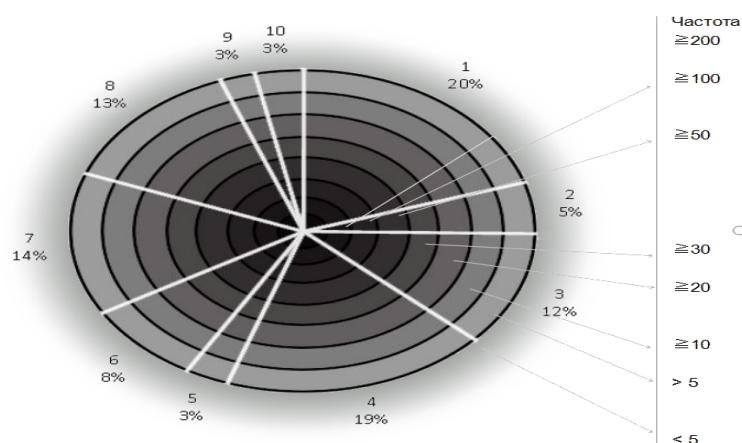

Рис. 1. Компаративный анализ системы языковых средств КОР

Fig. 1. Comparative analysis within the system of verbal units of the concept area 'Plants'

1	КТГ 'наименования растений'	6	КТГ 'места и условия произрастания растений'
---	-----------------------------	---	--

2	КТГ 'части растения'	7	КТГ 'изделия из растений'
3	КТГ 'жизненные циклы растений'	8	КТГ 'характеристика растения'
4	КТГ 'действия над растениями'	9	КТГ 'отрасль или профессия, связанные с растениями'
5	КТГ 'воздействие или эффект растений'	10	КТГ 'другие, связанные с растениями, лексемы'

Таким образом, КТГ "наименования растений", "жизненные циклы растений", "действия над растениями", "изделия из растений" и "характеристика растения" являются не только самыми многочленными, но и самыми частотными по словоупотреблению: если абсолютный показатель общего числа языковых единиц данных пяти групп составляет 78% от общего числа, то относительный показатель оказывается более 83%. Учитывая, однако, что сама отнесенность КОР к живому миру обуславливает, как и в природе, постоянную изменчивость вербально-го содержания концептуальной области, её (КОР) структурная схема остаётся открытой, что является основанием для дальнейшего анализа и систематизации материала.

Выводы

Растительный мир, бесспорно, является неотъемлемой частью жизнедеятельности человека, поскольку создаёт среду обитания человека, формирует ценностную основу жизнедеятельности че-

ловека и, предоставляя ему все необходимое для существования, оказывается весьма значительным фрагментом бытия. Соответственно, концептуальная область "Растения", выступающая средством передачи познавательной и аксиологически релевантной информации, является чрезвычайно важным фрагментом языковой (и особенно – национально-языковой) картины мира. Будучи знаковым репрезентантом КОР, фитонимическая лексика оказывается одновременно не только структурным компонентом современного политического дискурса, но и маркером вербальных предпочтений «знаковых» фигур российской политики. Представляется, что более детальное выявление и описание сущностных особенностей способов эксплицирования многообразных составляющих концептуальной области "Растения" в иных политических интеракциях позволит определить устойчивые глубинные характеристики дискурсивного взаимодействия в рамках политического института современного полилингвального универсума.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2010. 288 с.
2. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. 2002. С. 34-37.
3. Боженкова Н.А. [и др.]. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 255-284.
4. Борисова Л. В. Концепт «Дерево» как лингвокультурный код // Rhema. Рема. 2014. №1. С. 34-45.
5. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкоznания. 1971. №. 5. С. 105-133.

6. Гарбуйо И. Фитонимы в русском и итальянском языках: лексикографический и лингвокультурологический аспекты // Вестник ЧелГУ. 2014. №7 (336). С. 28-34.
7. Дементьева А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 185 с.
8. Женевская Е.В. Лингвокультурные модели символообразования в австралийской и новозеландской картинах мира: на материале концептов флоры и фауны: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 26 с.
9. Исаев Ю.Н. Фитонимы как составная часть языковой картины мира // Вестник ЧГУ. 2012. №1. С. 229-231.
10. Котова Н.С., Лингвокультурологический анализ концептосферы "цветы": автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 21 с.
11. Кропотухина П.В. Метафорическая модель «Демократия – это растение» в политических дискурсах России и Великобритании // Политическая лингвистика. 2011. №2. С. 141–145.
12. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г., Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
13. Пименова М. В. Концептосфера внутреннего мира человека // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. С. 28-42.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Полевые структуры в системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 196 с.
15. Пуцилева Л. Ф. Опыт анализа русских фитонимов с коннотативными значениями, характеризующими внешний вид человека (на фоне итальянского языка) // Мир русского слова. 2008. №3. С. 31-36.
16. Савенко А.С. Семантическая двуплановость фитолексики в русском, английском и чешском языках // Вестник ТГПУ. 2016. №2 (167). С. 118-123.
17. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3 изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. 992 с.
18. Фаткуллина Ф. Г., Кульсарина Г. Г. Национальные особенности функционирования фитонимов в фольклорных текстах // Научный диалог. 2016. №7 (55). С. 92-105.
19. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 272 с.
20. Dennis Coon, John O. Mitterer, *Introduction to Psychology: Gateways to Mind and Behavior*, 11th Edition, Wadsworth Publishing, 2006, 816 p.
21. Michael W. Eysenck, Mark T. Keane, *Cognitive Psychology: A Student's Handbook*, Fourth Edition, Psychology Press, 2000, 690 p.

References

1. Alefirenko N.F. *Lingvokulturologija. Tsennostno-smyslovoye prostranstvo yazyka* [Linguoculturology. Value and semantic space of the language]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 288 p. (In Russ.)
2. Alyoshina Ye.K. Issledovaniye naimenovanij rastenij i natsionalnaya yazykovaya kartina mira: k postanovke problemy [The study of plant names and the national linguistic picture of the world: problem statement]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istočniki, filologiya = Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology*, 2002, pp. 34-37 (In Russ.)
3. Bozhenkova N.A. eds. Sovremennyj politicheskij diskurs: verbal'naya ekzemplifikaciya taktiko-strategicheskikh predpochtenij [Modern political discourse: verbal exemplification of tac-

- tical and strategic preferences]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 255-284 (In Russ.)
4. Borisova L. V. *Koncept «Derevo» kak lingvokul'turnyj kod* [The concept of "Wood" as a linguocultural code]. *Rhema. Rema*, 2014, no. 1, pp. 34-45 (In Russ.)
 5. Vasil'ev L. M. *Teoriya semanticheskikh polej* [The theory of semantic fields]. *Voprosy yazykoznanija* = *The Issues of Linguistics*, 1971, no. 5, pp. 105-133 (In Russ.)
 6. Garbujo I. *Fitonimy v russkom i ital'yanskem yazykah: leksikograficheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Phytonyms in Russian and Italian languages: lexicographic and linguocultural aspects]. *Vestnik CHelGU* = *Bulletin of CHelGU*, 2014, no. 7 (336), pp. 28-34. (In Russ.)
 7. Dement'eva A.G. *Kognitivnye osnovy formirovaniya perenosnyh znachenij fitonimov: na materiale anglijskogo, russkogo i francuzskogo yazykov*. Diss. kand. filol. nauk [Cognitive basis for the formation of figurative meanings of phytonyms: based on the material of English, Russian and French languages. Doctoral diss.]. Tambov, 2012. 185 p. (In Russ.)
 8. Zhenevskaya E.V. *Lingvokul'turnye modeli simvolooobrazovaniya v avstralijskoj i novozelandskoj kartinah mira: na materiale konceptov flory i fauny*. Avtoref. Diss. kand. filol. nauk. [Linguocultural models of symbol formation in Australian and New Zealand pictures of the world: based on the concepts of flora and fauna. Doctoral dissertation summary]. Moscow, 2016, 26 p. (In Russ.)
 9. Isaev YU.N. *Fitonimy kak sostavnaya chast' yazykovoj kartiny mira* [Phytonyms as an integral part of the linguistic picture of the world]. *Vestnik CHGU* = *Bulletin of CHGU*, 2012, no. 1, pp. 229-231 (In Russ.)
 10. Kotova N.S. *Lingvokul'turologicheskij analiz konceptosfery "cvety"*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguocultural analysis of the concept of Flowers. Doctoral diss. summary]. Chelyabinsk, 2007. 21 p. (In Russ.)
 11. Kropotuhina P.V. *Metaforicheskaya model' «Demokratiya – eto rastenie» v politicheskikh diskursah Rossii i Velikobritanii* [Metaphorical model «Democracy is a plant» in political discourses of Russia and Great Britain]. *Politicheskaya lingvistika* = *Political Linguistics*, 2011, no. 2, pp. 141-145 (In Russ.)
 12. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrac YU. G., Luzina L. G. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms]; ed. by E. S. Kubryakovoj. Moscow, Filol. fak. MGU Publ., 1996. 245 p. (In Russ.)
 13. Pimenova M. V. [The concept sphere of a human inner world]. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Kemerovo, 2004, pp. 28-42 (In Russ.)
 14. Popova Z. D., Sternin I. A. *Polevye struktury v sisteme yazyka* [Field structures in the system of a language]. Voronezh, 1989. 196 p. (In Russ.)
 15. Pucileva L. F. *Opyt analiza russkih fitonimov s konnotativnymi znacheniyami, harakterizuyushchimi vneshnjij vid cheloveka (na fone ital'yanskogo yazyka)* [The experience of the analysis of Russian phytonyms with connotative meanings characterizing human appearance (on the background of Italian language)]. *Mir russkogo slova* = *The World of Russian Word Journal*, 2008, no. 3, pp. 31-36 (In Russ.)
 16. Savenko A.S. *Semanticheskaya dvuplanovost' fitoleksiki v russkom, anglijskom i cheshskom yazykah* [Semantic dualism of phytonyms in Russian, English and Czech languages]. *Vestnik TGPU* = *Bulletin of TGPU*, 2016, no. 2 (167), pp. 118-123 (In Russ.)
 17. Stepanov YU. S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* [Constants: the dictionary of Rus-

sian culture]. Moscow, Akad. Proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russ.)

18. Fatkullina F. G., Kul'sarina G. G. Nacional'nye osobennosti funkcionirovaniya fitonimov v fol'klornyh tekstah [National features of the functioning of phytonyms in folklore texts]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2016, no. 7 (55), pp. 92-105 (In Russ.)

19. Ufimceva A.A. *Slovo v leksiko-semanticeskoy sisteme yazyka* [Word in the lexico-semantic system of language]. Moscow, 1968, 272 p. (In Russ.)

20. Dennis Coon, John O. Mitterer, *Introduction to Psychology: Gateways to Mind and Behavior*, 11th Edition, Wadsworth Publishing, 2006, 816 p.

21. Michael W. Eysenck, Mark T. Keane, *Cognitive Psychology: A Student's Handbook*, Fourth Edition, Psychology Press, 2000, 690 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация
e-mail: natalyach@mail.ru

Е Юй, аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация
e-mail: sihaoniunaibei@yandex.ru

Natalya A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Pushkin Russian Language State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: natalyach@mail.ru

Ye Yu, Post-Graduate Student, Pushkin Russian Language State Institute, Moscow, Russian Federation
e-mail: sihaoniunaibei@yandex.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 811.111.1.=112.2

Синтаксический способ образования терминов кардиологии в английском и немецком языках

С.А. Еремеева¹, А.Н. Зарипова¹

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская 18, г. Казань 420008, Российская Федерация

 e-mail: alfija_kazan@hotmail.com

Резюме

В настоящей статье рассматривается синтаксический способ образования кардиологических терминов двух близкородственных языков – английского и немецкого. Синтаксический способ находит своё широкое распространение в английском языке, что обусловлено спецификой данного языка. Терминообразование немецкого языка характеризуется меньшим обращением к синтаксическому способу, что также объясняется исторически сложившимися особенностями образования немецких слов.

В статье даётся описание терминологического словосочетания, определяются его характерные свойства и отличия от свободных словосочетаний и фразеологизмов, а именно стабильность, устойчивость, фиксированный порядок следования компонентов, независимость от контекста; выполнение как номинативной, так и дефинитивной функции; наличие специальных синонимов-аббревиатур.

Имея отличия в продуктивности образования специальных лексем, построенных с помощью синтаксического способа, оба языка характеризуются богатой системой синтаксических моделей – релевантных как для двухсловных, так и для многословных словосочетаний. Установить продуктивность синтаксических моделей возможно в результате тщательного словообразовательного и сопоставительного анализа отобранных единиц – по 200 на каждый язык. Источниками фактического материала исследования послужили медицинские сайты образовательных и специальных учреждений, электронные словари и информационные порталы.

Результаты исследования свидетельствуют о превалирующей роли двухсловных атрибутивно-субстантивных словосочетаний в английском и немецком языках. Что касается переводческих соответствий, то чаще всего английские термины-словосочетания находят свои аналоги в специальных лексемах немецкого языка, образованных с помощью словосложения. Лишь в редких случаях немецкие аналоги имеются и среди терминов-словосочетаний.

Ключевые слова: термин; кардиологическая терминология; синтаксический способ терминообразования; терминологическое словосочетание; английский язык; немецкий язык.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Еремеева С.А., Зарипова А.Н. Синтаксический способ образования терминов кардиологии в английском и немецком языках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 54–67.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020 Статья подписана в печать 09.06.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Еремеева С.А., Зарипова А.Н., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 54–67

Syntactic Method in Cardiological Terminology Formation in the English and German Languages

Svetlana A. Eremeeva¹, Alfiya N. Zaripova¹

Kazan Federal University
18 Kremlyovskaya str., Kazan 420008, Russian Federation

 e-mail: alfija_kazan@hotmail.com

Abstract

This article is devoted to the analysis of productivity of the syntactic method of cardiological terminology formation of the English and German languages. The specific features of the English language predetermine the prevalence of the syntactic method among other methods (semantic, morphological, syntactic and morphological methods). The term formation in the German language does not usually apply the syntactic method due to the historically proven preference for the morphological method.

The article gives a description of terminological collocations highlighting their characteristic properties: stability, a fixed order of components, context independence, performance of both nominative and definitive functions, correlation with special abbreviations.

The results of the article demonstrate various types of syntactic models which can be divided into two groups: two-component models and multi-component models. The productivity degree of the syntactic models was possible to determine due to a thorough word-formation and comparative analyses of 400 collocations selected from online dictionaries, educational websites and websites of existing medical centres. The results of the research show that two-component terminological collocations prevail in both languages and almost all of them relate to phrases consisting of both adjectives and nouns.

As for equivalents, the analysed English terminological collocations tend to correspond to the German terms formed with the means of the morphological method.

Keywords: term; cardiological terminology; syntactic method; terminological collocation; English language; German language.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Eremeeva S. A., Zaripova A. N. Syntactic Method in Cardiological Terminology Formation in the English and German Languages. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika* = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020, 10(3): 54–67 (In Russ.).

Received 12.05.2020

Accepted 09.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

Двадцать первый век по праву считается эрой информационных технологий: бумажные носители информации уступают место электронным, компьютер и гиперкоммуникации становятся важной частью профессиональной и личной жизни человека, потенциал Интернета определяет новые виды общественных отношений. Возможность быстро обмениваться знаниями и опытом на международном уровне представляет собой, с одной стороны, причину возникновения, а с

другой стороны, результат влияния двух процессов – глобализации и интернационализации. На фоне этих двух процессов происходит активное установление дружественных и деловых контактов между государствами, подписываются взаимовыгодные договоры в области политики и торговли. Однако эффективность международных отношений напрямую зависит от правильно выстроенного процесса коммуникации. Иными словами, успех общения во многом определяется языковой стороной речи, основу которой со-

ставляют лексические единицы разного уровня. Поскольку решение глобальных проблем осуществляется в формальной обстановке, особую роль в коммуникативном процессе занимает кодифицированный пласт лексики, одной из составляющих которого являются термины.

Терминология отводится значительная часть словарного фонда языка, содержательная сторона которой информирует о происходящих в языке и обществе изменениях. Таким образом, пристальный интерес учёных к терминологии может помочь в выявлении лингвистических и социальных тенденций современного мира и в содействии развития наук разного рода – естественных, гуманитарных, технических, социальных.

Словари дают разные определения понятия «терминология». В широкой трактовке речь идёт о совокупности терминов [1, 2, 3]. Стоит, однако, отметить, что сам термин не имеет однозначной дефиниции. Так, нередко в центре внимания учёных находятся разные аспекты термина. Например, его структура и функции [4], свойства термина [2, 5]. Некоторые языковеды относят к терминам слова и словосочетания, образованные только на базе имени существительного [5], другие – лексические единицы, образованные на базе разных частей речи (существительного, прилагательного, глагола, наречия) [4, с. 109, 110]. В научных трудах исследователи нередко вместо точной трактовки термина перечисляются подходы к пониманию его сущности [6, с. 3; 7, 8]. В некоторых работах учёные высказывают мысль о том, что идеальный термин – тот, который отвечает всем требованиям, предъявляемым к его значению, форме и прагматической стороне [2] – существует лишь в теории [9]. Разнообразие определений и количество дискуссий вокруг центрального понятия терминологии подтверждает тот факт, что терминосистеме присущ сложный характер.

В настоящем исследовании термин рассматривается как слово или словосочетание в совокупности с его характеристиками: системностью, семантической целостностью, независимостью от контекста, однозначностью, стилистической нейтральностью, функцией обозначать и выражать понятие определённой отрасли человеческой деятельности [3, с. 110].

Язык для специальных целей подвержен постоянным изменениям, что объясняется непрерывным развитием профессионального общества: растёт количество новых процессов, инструментария и видов работ, меняется степень участия человека в трудовой деятельности. В результате таких перемен одни лексические единицы устаревают, а другие, напротив, становятся актуальными и часто используемыми в речи. Кроме того, словесного облика требуют новые явления действительности и, таким образом, пополняется терминология конкретной области знаний.

К числу областей, которые чаще всего испытывают на себе влияние научно-технического прогресса, относится одна из древнейших сфер человеческой деятельности – медицина. Будучи макросистемой, она заключает в себе ряд других, более мелких (и конкретных) отраслей. Одной из них является кардиология.

Сопоставительное исследование кардиологической терминологии в немецком и английском языках актуально в современной науке по нескольким причинам. Так, стремительное развитие кардиологии как науки ведёт к пополнению её терминологии новыми специальными наименованиями. Они в свою очередь могут сильно отличаться друг от друга в структурном плане, поскольку не всегда подвержены одним и тем же словообразовательным процессам. Следовательно, словообразовательный и сопоставительный анализ вышеназванных языков может помочь установить общность и специфичность их кардиологических терминологий, определить закономерности и

тенденции в развитии обоих языков, а также перемены в немецкоязычном и англоязычном социуме.

Другая причина кроется в утверждении о том, что здоровые общества являются основой устойчивого развития каждого государства. Статистические данные Всемирной организации здравоохранения свидетельствуют о том, что сердечно-сосудистые заболевания ежегодно являются причиной смерти 18 миллионов человек [10]. Обмен опытом и знаниями на конференциях, симпозиумах, стажировках, а также в научных статьях позволяет кардиологам всего мира искать пути решения возникших или возможных проблем. Эффективность профессионального диалога во многом зависит от степени владения специалистами лексикой по необходимой тематике. Особое значение в международном сообществе имеют умения кардиолога обращаться к английским и/или немецким терминам. Таким образом, неоспоримым является вывод о необходимости языковой подготовки специалистов: важно не только познакомить будущих и практикующих кардиологов с тематическим словарём, но и научить их «чувствовать» иностранный язык и активно обращаться к его словообразовательному потенциалу.

В связи с вышесказанным цель данной статьи можно определить следующим образом: анализ синтаксического способа образования терминов кардиологии в немецком и английском языках с последующим сопоставлением их моделей. В соответствии с целью были поставлены задачи: 1) определить место кардиологических терминов в системе медицинской терминологии; 2) описать способы образования терминологических единиц кардиологии; 3) выявить продуктивные и сопоставимые модели синтаксического способа в анализируемых языках. Обратимся к теоретическим аспектам исследования.

Термины кардиологии являются частью существующей в языке терминоси-

стемы – это наделяет их общими для всех терминов свойствами. Во-первых, в терминологии кардиологии находит своё отражение развитие соответствующей научной мысли. Во-вторых, специальные наименования кардиологической терминологии находятся во взаимодействии с терминами смежных дисциплин – сосудистой хирургии, пульмонологии, иммунологии и др. В-третьих, лексическое наполнение кардиологической терминологии зависит от перемен, происходящих в научном мире и в обществе. В-четвёртых, образование единиц кардиологической терминологии происходит по способам и моделям, которые существуют в терминологии в целом. Говоря о способах образования терминов, стоит обратиться к классификации С.В. Гринев-Гриневича, который выделяет семантический, морфологический, морфолого-синтаксический и синтаксический способы, а также заимствование как путь пополнения терминологии [2]. Кратко опишем каждый способ.

Суть семантического терминообразования состоит в том, что уже существующая в национальном языке лексическая единица приобретает новое значение в рамках определенной терминологии. Такой результат возможен в процессе одного из семантических преобразований: метафорического или метонимического переноса, терминологизации, «транстерминологизации» (по А.В. Суперанская [11]); семантического калькирования. В своей работе М.В. Косова даёт описание каждого вида преобразований [12]. Так, терминологизация существует в виде специализации и расширения значения общеупотребительного слова [12, с. 43]; метафорический перенос базируется на внешнем или функциональном сходстве объектов; метонимический перенос основан на смежности объектов (например, «процесс – орудие процесса», «целое – часть целого», «ёмкость – содержимое ёмкости», «объект – характеристика объекта» и т.д.).

При морфолого-синтаксическом терминообразовании имеют место как синтаксические, так и морфологические изменения, поскольку происходит трансформация словосочетаний в более ёмкие однословные термины. Данный способ содержит в своём составе такие преобразования, как словосложение, аббревиация и эллипсис.

Морфологическое терминообразование описывает процессы создания новых терминов с помощью и без помощи аффиксов. Таким образом, говорят об аффиксации (префиксальный и суффиксальный способы), усечении основы и конверсии.

При заимствовании главным ресурсом является лексический фонд иностранного языка. Именно к нему обращаются терминоведы при номинации новых явлений, процессов и предметов окружающего мира.

Синтаксическое терминообразование сводится к образованию терминов-словосочетаний, представляющих собой эквиваленты однословных специальных лексем. Новые словосочетания могут содержать в своём составе до шести компонентов.

Стоит ещё раз отметить, что в центре внимания настоящей статьи находится именно синтаксический способ: рассматривается его роль в кардиологической терминологии английского и немецкого языков, а также выявляются продуктивные и малопродуктивные модели образования многокомпонентных терминов.

Достижение поставленной цели требует, однако, чёткого определения специфики терминологических словосочетаний. В современной лингвистической науке история их изучения до сих пор остаётся незавершённой. Причиной тому является неоднозначное понимание термина и его свойств. Другое объяснение кроется в том, что любое исследование терминологических словосочетаний на теоретическом уровне неизбежно подводит к сопоставительному анализу терми-

нологического словосочетания и свободного словосочетания и фразеологизма. Именно такой подход позволяет получить полное представление о составном термине, особенностях его образования и функционирования. Здесь, правда, важно отметить, что учению о свободном словосочетании и фразеологизме свойственен больший диапазон взглядов.

Безусловно, терминологическое словосочетание имеет много общих признаков со свободными словосочетаниями и фразеологизмами; однако в то же время между ними имеются отличительные черты, которые позволяют дифференцировать данные языковые единицы.

Семантика свободного словосочетания складывается из значений его лексических составляющих в пределах структурно-семантической модели, по которой оно построено. В таком словосочетании допускается опущение или перестановка компонентов; иными словами, они обладают неограниченной валентностью, которая регулируется лишь лексическими и семантическими нормами цельности значения [13, с. 154]. Терминологические словосочетания в отличие от свободных словосочетаний характеризуются стабильностью, устойчивостью и фиксированным порядком следования его компонентов.

Другое отличие заключается в том, что свободные словосочетания служат для наименования предметов, процессов, качеств, свойств и т. д. Таким образом, для них характерна номинативная функция. Что касается терминологических словосочетаний, то они не ограничиваются номинативным обозначением: им, помимо прочего, свойственна дефинитивная функция.

Еще одна важная черта, благодаря которой можно разграничить терминологическое словосочетание и свободное словосочетание – это наличие у первых аббревиатур с тем же значением. Как и свои многословные аналоги, акронимы выступают в языке в роли самостоятель-

ной номинативной единицы. Однако стоит отметить, что аббревиатурные обозначения чаще оказываются более употребительными, чем их полные эквиваленты. Приведём примеры такого существования в терминологической системе кардиологии английского и немецкого языков: *CABG* - *coronary artery bypass graft*, *ASD* - *atrial septal defect*, *HDL* - *high-density lipoprotein*; *ACB* - *aortokoronarer Bypass*, *CFR* - *coronare Flussreserve*, *VF* - *ventrikuläre Fibrillation*.

Ранее было сказано о том, что в лингвистической литературе существует мнение, что терминологические словосочетания можно рассматривать как отдельную группу в системе фразеологии. Причем выделяются в эти группы словосочетания, в которых один из компонентов имеет переносное значение. По мнению О.И. Арсеньева [14, с. 126] и В.А. Анюшкина [15, с. 99], в данном случае не отражается система терминологических понятий. Однако мы полагаем, что за такими понятиями закреплены четкие дефиниции.

Кардиологическая терминология сопоставляемых языков располагает такими примерами. Так, в английском и немецком языках имеются словосочетания *overriding aorta* и *überreitende Aorta*, которые в русском языке также имеют образный аналог – “верхом сидящая” аорта (или “аорта-всадник”), то есть дефект сердца при тетраде Фалло, для которого характерно смещение аорты в сторону правого желудочка [16, с. 399]. Английское словосочетание *tricuspid valve* также не лишено образности, поскольку в основе его образования лежит сравнение по внешнему признаку: триkuspidальный клапан состоит из трёх створок, поэтому в русском языке его также называют “трёхстворчатым клапаном” [17, с. 774]. Другой английский термин *balloon angioplasty* (русс. “баллонная ангиопластика”) образован на основе переноса по признакам “процесс-средство” [17, с. 80].

В подобных словосочетаниях терминологические понятия отражаются не на лексическом уровне. Несмотря на то, что метафоризация лежит в основе образования таких терминов, специалисты её не воспринимают – образность играет роль только на первых порах создания подобных единиц. В процессе длительного использования такого словосочетания в речи на первый план выходит логическая схема его построения, взаимосвязь соответствующих когнитивных структур.

Соглашаясь с В. Флейшером, мы выделяем пять признаков, в соответствии с которыми можно отличить терминологические единицы от фразеологических словосочетаний. Прежде всего, термины функциональны и для них не важна структура форманта: они существуют в форме слова и словосочетания. Кроме того, термины представляют собой первичную структуру, в то время как фразеологизмы создаются по уже существующей первичной модели. Помимо этого, основная часть терминологических единиц зафиксирована в специальных научных системах, а фразеологизмы – в различных группах лексикона общеупотребительной лексики. Ещё один признак терминов заключается в том, что их можно буквально перевести на иностранный язык; иными словами, они обладают межлингвистическим характером. Наконец, чаще всего термины представляют собой именные словосочетания, тогда как фразеологизмы в основном образуются в сочетании глагола и прилагательного [18, с. 71, 72, 73, 74].

Но самым главным отличительным признаком терминологических словосочетаний является их независимость от контекста: термин выражает конкретное понятие. Фразеологические единицы, наоборот, называют предмет косвенно, поэтому их значение зависит от контекста.

Также важно отметить, что в основе создания фразеологизмов в переносном значении нередко выступают терминологические словосочетания. Как считает

А.И. Молотков, данное обстоятельство служит доказательством того, что терминологические и фразеологические словосочетания имеют различную природу [19, с. 13]. Образование фразеологизмов может быть основано на моделях, по которым создаются термины.

Таким образом, при сопоставлении терминологических сочетаний со свободными словосочетаниями и фразеологизмами становится возможным определить специфику первых и отнести их к числу самостоятельных языковых единиц.

Материал и методы исследования

В рамках настоящей исследовательской работы было проанализировано 400 терминов кардиологии. Количество немецких и английских лексем равнозначно: по 200 терминов на каждый язык. Для отбора лексических единиц использовались сайты профильных учебных учреждений и действующих медицинских организаций –<https://www.cuimc.columbia.edu>, <https://www.krh.org/krhc>, специальные информативные порталы – <https://flexikon.doccheck.com>, онлайн словари по соответствующей тематике – «Herzchirurgie: Die Eingriffe am Herzen und an den herznahen Gefäßen» [20].

При проведении исследования активно использовались следующие методы: 1) анализ научной литературы (для формирования теоретической базы); 2) метод произвольной выборки (для отбора терминов); 3) этимологический анализ и словообразовательный анализ, (для распределения специальных лексем по способам их образования); 4) метод сопоставительного анализа (для сопоставления полученных моделей и структурных типов); 5) описательный метод; 6) количественный метод (для точного описания результатов исследования).

Результаты и обсуждение

Для сопоставительного описания терминологических словосочетаний кардиологии английского и немецкого язы-

ков мы поделили отобранные лексические единицы на два вида: двухкомпонентные и многокомпонентные [2, с. 135-146]. В основе данного деления лежит количество компонентов и характер отношений между ними, а его целесообразность связана с двумя параметрами: спецификой структурных и семантических особенностей терминологических словосочетаний и типологическими характеристиками самого языка. Стоит отметить, что многокомпонентные словосочетания представляют собой результат уточнения основной или зависимой части двухкомпонентного словосочетания.

Соотношение двух- и многокомпонентных словосочетаний в сопоставляемых языках имеет отличительные черты. Наличие структурных несоответствий двух языков по-разному определяет место, которое синтаксический способ занимает в английском и немецком языках. Это подтверждается результатами проведённого словообразовательного анализа. В английском языке на долю словосочетаний приходится 69% терминов, или 113 примеров, тогда как в выборке немецкого языка удалось выявить лишь 14% подобных терминов, или всего 24 примера. При этом весь актуальный материал английского и немецкого языков относится к группе именных словосочетаний.

Среди терминов-словосочетаний английского языка превалируют двухкомпонентные сочетания. Как правило, первая составляющая содержит в себе дифференциальный признак специальной лексемы – тот, который отличает её от других терминов этой области: *aortic valve, atrial fibrillation, cardiac catheterization, balloon angioplasty, coronary artery*. Грамматически он может быть выражен не только именем прилагательным или именем существительным, но и причастием настоящего или прошедшего времен: *overriding aorta, incised wound, device-related infection, heparin-induced thrombocytopenia*. Если речь идёт о предложных словосочетаниях, то здесь отли-

чительный признак закреплён за последним компонентом: *coarctation of the aorta*.

Далее приводятся структурные типы двухкомпонентных терминов-словосочетаний в кардиологии английского языка (при этом A – прилагательное, S – существительное, P1 – причастие настоящего времени, P2 – причастие прошедшего времени, pr – предлог):

A+S: *ventricular aneurysm, atrial flutter, supraventricular tachycardia, constrictive pericarditis, pericardial effusion, myocardial contusion, valvular prosthesis, mitral valve, benign neoplasm*;

P1+S: *overriding aorta*;

P2+S: *incised wound*;

(S-P2)+S: *device-related infection, heparin-induced thrombocytopenia*;

S+S: *blood pressure, heart failure, platelet inhibitor, aggregation inhibitor, takotsubo cardiomyopathy, heart contusion, sinus tachycardia, ejection phase*;

S+pr+S: *coarctation of the aorta*.

Результаты анализа свидетельствуют о продуктивности атрибутивно-субстантивных моделей в образовании двухкомпонентных кардиологических терминов. При этом отмечается активное обращение к модели A+S – 47 словосочетаний.

Интересно отметить, что некоторые термины (3 примера), построенные по субстантивно-субстантивным моделям, имеют свои особенности. Так, первый элемент двухкомпонентного словосочетания может включать в свой состав инициальную аббревиатуру: *CT angiography, CT scan, MR angiography*. Несмотря на свой немногочисленный состав, данная группа специальных обозначений отражает новые тенденции в терминообразовании – стремление придать графическому и фонетическому образу лексемы краткость.

Результаты анализа двухкомпонентных словосочетаний свидетельствуют о том, что в качестве стержневого компонента чаще всего выступают такие единицы, как *valve* (aortic, mitral, tricuspid),

stenosis (aortic, pulmonary, carotid), *tachycardia* (supraventricular, ventricular, sinus) – по 6,4%, *tissue* (myocardial, connective), *angina* (stable, unstable), *inhibitor* (platelet, aggregation) – по 4,3%.

Помимо двухкомпонентных терминов в английском языке имеются примеры многокомпонентных словосочетаний. Такие лексические единицы содержат два и более дифференциальных признака. Структурные типы кардиологических терминов-словосочетаний весьма разнообразны и зависят от того, какой элемент термина подвергается детализации. Приведем примеры:

(A+S)+S: *magnetic resonance imaging, low density lipoprotein, right heart failure, aortic isthmus stenosis, high density lipoprotein*;

A+(S+S): *artificial heart valve, acute heart failure, valvular heart disease, intra-aortic balloon pump, xenogeneic heart valve, mechanical heart valve*;

(P2+S)+S: *broken heart syndrome*;

A+(A+S): *right ventricular hypertrophy, atrial septal defect, ventricular septal defect*;

S+pr+(A+S): *transposition of the great vessels*;

(S+S)+(S+S): *coronary artery bypass grafting*;

(S+S)+(A+S): *Non-ST-segment elevation myocardial infarction, ST-segment elevation myocardial infarction*;

A+((S+S)+S): *artificial heart valve surgery*;

(Adv+A)+(S+S): *minimally invasive heart surgery*;

((A+S)+S)+(P2+S): *single photon emission computed tomography*.

Таким образом, на долю многокомпонентных словосочетаний в данном исследовании приходится 39 терминов кардиологии. При этом значительно преобладают примеры специальных наименований, образованных по модели A+S+S. Ядром данного структурного типа может быть либо последнее существительное, либо субстантивно-субстантивное слово-

сочетание. В первом случае прилагательное описывает ближайшее к нему существительное, во втором – сочетание из существительных.

Модели, в основе которых лежит большее число компонентов, являются малопродуктивными в терминологии кардиологии английского языка.

Стержневой составляющей многокомпонентных терминов-словосочетаний чаще всего являются следующие слова и сочетания: *lipoprotein* (low density, high density), *septal defect* (atrial, ventricular), *myocardial infarction* (Non-ST-segment elevation, ST-segment elevation) – по 5%, *heart valve* (artificial, xenogeneic, mechanical) – 7,7%.

Как уже было сказано выше, в терминообразовании немецкого языка синтаксический способ не является продуктивным. Весь проанализированный материал можно распределить по двум группам: двухкомпонентные и трёхкомпонентные словосочетания:

A+S: *minimal-invasive Herzoperation*, *konstriktive Perikarditis*, *xenogene Herzklappenprothese*;

P1+S: *überreitende Aorta*;

(S-P2)+S: *Heparin-induzierte Thrombozytopenie*;

S+S: *Koarktation der Aorta*;

S+(A+S): *Transposition der großen Gefäße*;

A+S+S: *instabile Angina pectoris*, *stabile Angina pectoris*.

Результаты анализа демонстрируют, что большей продуктивностью отмечены двухкомпонентные атрибутивно-субстантивные модели – 21 пример, а меньшей – структурный тип из двух существительных (1 пример). Нечастое обращение к субстантивно-субстантивному структурному типу может быть обусловлено преобладанием словосложения в немецком терминообразовании. По этой же причине большинство примеров являются двухкомпонентными терминами, в которых стержневой элемент относится к категории сложных слов:

Herzklappenoperation, *Unterstützungssystem*, *Herzklappenprothese*; *Koronarsyndrom*, *Neoplasma* и др.

На фоне вышеизложенных результатов словообразовательного анализа особый интерес вызывают возможные структурные закономерности в соотношении между английскими терминами и их немецкими эквивалентами. Рассмотрим способы передачи значения английского терминологического словосочетания на немецкий язык.

Двухкомпонентные термины-словосочетания английского языка могут иметь аналоги среди сложных терминов немецкого языка. Так модель атрибутивно-субстантивного словосочетания A+S может соответствовать следующим моделям сложных терминов немецкого языка:

1) S+S: *balloon angioplasty* – *Ballonangioplastik*, *atrial fibrillation* – *Vorhofflimmern*, *cardiac catheterization* – *Herzkatheteruntersuchung*, *myocardial infarction* – *Myokardinfarkt*, *cardiac tamponade* – *Herztamponade*, *artificial heart* – *Kunsherz*, *connective tissue* – *Bindegewebe*, *ventricular aneurysm* – *Ventrikaneurysma*, *atrial flutter* – *Vorhofflimmern*, *pericardial effusion* – *Perikarderguss*, *myocardial contusion* – *Myokardkontusion*, *carotid stenosis* – *Karotisstenose*; *aortic valve* – *Aortenklappe*, *valve regurgitation* – *Klappeninsuffizienz*, *mitral regurgitation* – *Mitralklappeninsuffizienz*, *aortic stenosis* – *Aortenstenose*;

2) A+S: *coronary artery* – *Koronararterie*, *endotracheal tube* – *Endotrachealtubus*, *mitral valve* – *Mitralklappe*, *pulmonary stenosis* – *Pulmonalstenose*, *mitral commissurotomy* – *Mitralkommissurotomie*;

3) (S+S)+S: *cardiac catheterization* – *Herzkatheteruntersuchung*, *myocardial tissue* – *Herzmuskelgewebe*;

4) S+S: *incised wound* – *Schnittwunde*.

Кроме того, имеются параллели между английскими двухкомпонентными субстантивно-субстантивными словосочетаниями S+S и сложными терминами

немецкого языка, образованными по следующим моделям:

1) S+S: sinus rhythm – Sinusrhythmus, radiofrequency ablation – Radiofrequenzablation, blood pressure – Blutdruck, heart failure – Herzinsuffizienz, platelet inhibitor – Plättchenhemmer, heart contusion – Herzkontusion, sinus tachycardia – Sinustachykardie, pressure pulse – Druckpuls; aggregation inhibitor – Thrombozytenaggregationshemmer;

2) A+S: tricuspid valve – Trikuspidalklappe.

Помимо сложносоставных терминов немецкая терминология кардиологии содержит в своём составе многокомпонентные специальные наименования, которые являются аналогами английских двухкомпонентных словосочетаний.

Так, модели A+S и P1+A в английском языке соотносятся с такими же моделями в немецком, соответственно: 1) transmyocardial revascularization – transmyokardiale Revaskularisation, extracorporeal circulation – extrakorporaler Kreislauf, percutaneous transluminal – perkutane transluminale, supraventricular tachycardia – supraventrikuläre Tachykardie, constrictive perikarditis – konstriktive Perikarditis, benign neoplasm – gutartiger Neoplasma, arteriovenous malformation – arteriovenöse Malformation, flail chest – instabiler Thorax, postoperative hemorrhage – postoperative Blutung, ventricular tachycardia – ventrikuläre Tachykardie; transmyocardial revascularization – transmyokardiale Revaskularisation; 2) overriding aorta – überreitende Aorta.

Помимо этого сопоставимыми оказались английская модель S+pr+S и немецкая модель S+S: coarctation of the aorta – Koarktation der Aorta.

Первый сопоставительный анализ показывает, что английские двухкомпонентные атрибутивно-субстантивные и субстантивно-субстантивные модели чаще всего находят свои немецкие аналоги в сложных терминах, образованных по модели S+S, и в двухкомпонентных сло-

восочетаниях, образованных по модели A+S.

Ранее в статье было указано, что в английском языке помимо двухкомпонентных словосочетаний также имеются многокомпонентные словосочетания. Самыми распространёнными из них являются термины из трёх компонентов. Этой группе специальных наименований соответствуют сложные термины немецкого языка из трёх основ. Рассмотрим модели английского и немецкого языка, соответственно:

1) A+(A+S) > S+(S+S): atrial septal defect – Vorhofseptumdefekt, myocardial perfusion scintigraphy – Myokardperfusionszintigraphie;

2) A+(A+S) > A+(A+S): squamous epithelial carcinoma – Plattenepithelkarzinom;

3) (A+S)+S > (S+S)+S: magnetic resonance imaging – Magnetresonanztomografie;

4) A+(S+S) > S+(S+S): ventricular septal defect – Ventrikelseptumdefekt, aortic stenosis – Aortenisthmusstenose;

5) A+(S+S) > (S+S)+S: artificial heart valve – Herzklappenersatz, valvular heart disease – Herzklappenfehler;

6) A+(S+S) > S+(A+S): high blood pressure – Bluthochdruck;

7) (A+S)+S > (A+S)+S: right heart failure – Rechtsherzinsuffizienz, mitral valve prolapse – Mitralklappenprolaps.

Иногда число компонентов термина-словосочетания английского языка не совпадает с количеством элементов многокомпонентного термина немецкого языка. Продемонстрируем параллели между моделями английского и немецкого языка, соответственно:

1) A+((S+S)+S) > A+S: artificial heart valve surgery – künstliche Herzklappenooperation;

2) A+(A+S) > A+S: acute coronary syndrome – akutes Koronarsyndrom;

3) S+pr+(A+S) > S+(A+S): transposition of the great vessels – Transposition der großen Gefäße;

4) A+S > A+(S+S): stable angina – stabile Angina pectoris, unstable angina – instabile Angina pectoris;

5) A+(S+S) > A+S: intra-aortic balloon pump – intraaortale Ballonpumpe, ventricular assist device – ventrikuläres Unterstützungsysteem, right ventricular hypertrophy – rechtsventrikuläre Hypertrophie, acute heart failure – acute Herzinsuffizienz, xenogeneic heart valve – xenogene Herzklappenprothese, mechanical heart valve – mechanische Herzklappenprothese.

Таким образом, многокомпонентные термины-словосочетания английского языка часто переводятся на немецкий язык двухкомпонентными сочетаниями, в основе которых лежит атрибутивно-субстантивный структурный тип.

В результате анализа было также выявлено, что специальные словосочетания английского языка могут быть переведены на немецкий язык сложными терминами, образованными с помощью сдвига: broken heart syndrome – gebrochenes Herz-Syndrom. Кроме этого, возможно совпадение графической и фонетической формы, что обусловлено иноязычным заимствованием: high density lipoprotein – high density protein, low density lipoprotein – low density lipoprotein.

Выводы

Сопоставительный анализ терминов позволил выявить структурную специфику немецкой и английской кардиологической терминологии. Специальные наименования рассматриваемой научной области представлены чаще всего именем существительным и прилагательным, при этом превалируют первые. Среди всех

способов образования терминов кардиологии в английском языке доминирует синтаксический способ. 69% всех терминов относятся к многокомпонентным соединениям. При этом преобладают двухкомпонентные атрибутивно-субстантивные словосочетания. В немецком языке лишь 14% лексического материала образованы по моделям синтаксического способа. Таким образом, не всегда многокомпонентные термины кардиологии английского языка находят свои аналоги в немецких словосочетаниях. Довольно часто первым соответствуют немецкие термины, образованные с помощью словосложения. В ходе проведённого анализа были выявлены следующие структурные закономерности:

– английские двухкомпонентные атрибутивно-субстантивные и субстантивно-субстантивные модели чаще всего соотносятся с немецкими двухсложными терминами, образованными по модели S+S;

– трёхкомпонентные английские термины-словосочетания, имеющие в своём составе прилагательное, часто оказываются сопоставимыми с немецкими терминами из трёх основ; при этом стержневой компонент последних может быть сложным в структурном плане и поддаваться дальнейшему анализу;

– многокомпонентные термины-словосочетания английского языка нередко находят свои немецкие аналоги в двухкомпонентных атрибутивно-субстантивных моделях немецкого языка, заимствованиях, а также сложных словах, представляющих собой сдвиг.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Вступительное слово // Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: Академия Наук СССР, 1961. С. 3-10.

2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 303 с.
3. Мякшин К.А. Разнообразие подходов к определению понятия «термин» // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8. Ч. 2. С. 109-111.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2007. 256 с.
5. Головин Б.Н. Типы терминосистем и основания их различия // Термин и слово: межвузовский сборник. Горький: ГГУ, 1981. С. 3-10.
6. Комарова З.И. О сущности термина // Термин и слово: межвузовский сборник. Горький: ГГУ, 1979. С. 3-14.
7. Яковлева А.А. К вопросу о понятии «термин» в современной лингвистике // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2014. Т.6. № 2. С.88-94.
8. Зарипова А.Н. Немецкая, русская и татарская терминология: опыт лингвистического анализа экономических терминов. Казань: ЯЗ, 2012. 140 с.
9. Федина Е.А. Синонимические отношения в медицинской терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2011. №3. С. 188-189.
10. Сердечно-сосудистые заболевания [[https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds))] Всемирная организация здравоохранения; 2020. URL: <https://www.who.int/ru/>
11. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Либроком, 2019. 246 с.
12. Косова М.В. Терминологизация как лексико-семантический процесс // Вестник ОГУ. 2004. №2. С.42-48.
13. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. 341 с.
14. Арсеньев О.И. Явление асимметрии военно-терминологических систем: На материале французской и русской военной терминологии: дис. ... канд. фил. наук. М., 1988. 228 с.
15. Аношкин В.А. Структурно-типологическое исследование терминов сахарного производства ГДР и ФРГ // Семантика и структура деривационных моделей. Владивосток, 1988. С.88 - 89.
16. Хирургические болезни: симптомы и синдромы / под общ. ред. Ю.М. Гаина, Ю.Е. Демидчика. Минск: Беларус. наука, 2013. Т.2. 479 с.
17. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. проф. Э.Г. Улумбекова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 2263 с.
18. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2. durchges. und erg. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1997. 289 s.
19. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: ACT, 2001. 510 с.
20. Ziener G., A. Haverich. Herzchirurgie: Die Eingriffe am Herzen und an den herznahen Gefäßen. Berlin: Springer-Verlag, 2010. 889 s.

References

1. Vinogradov V.V. [Introduction]. *Voprosy terminologii* [Issues of terminology]. Moscow, 1961, pp. 3-10 (In Russ).

2. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie* [Science of Terminology]. Moscow, Academiya Publ., 2008. 303 p. (In Russ.).
3. Myakshin K.A. Raznoobrazie podkhodov k opredeleniyu ponyatiya «termin» [The diversity of approaches to defining the term]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of modern science and education*, 2009, no. 8, pt. 2, pp. 109-111 (In Russ.).
4. Leichik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Moscow, Librocom Publ., 2007. 256 p. (In Russ.).
5. Golovin B.N. [Types of terminological systems and the basis for their distinguishing]. *Termin i slovo* [Term and word]. Gorky, GSU Publ., 1981, pp. 3-10 (In Russ.).
6. Komarova Z.I. [On the nature of the term]. *Termin i slovo* [Term and word]. Gorky, GSU Publ., 1979, pp. 3-14 (In Russ.).
7. Yakovleva A.A. K voprosu o ponyatii «termin» v sovremennoi lingvistike [On the concept 'term' in modern linguistics]. *Interekspo GEO-Sibir' = Interexpo Geo-Siberia*, 2014, vol.6, no. 2, pp.88-94 (In Russ.).
8. Zaripova A.N. *Nemetskaya, russkaya i tatarskaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo analiza ekonomiceskikh terminov* [The German, Russian and Tatar terminology: linguistic analysis of economic terms]. Kazan, YaZ Publ., 2012. 140 p. (In Russ.).
9. Fedina E.A. Sinonimicheskie otnosheniya v medicinskoj terminologii [Synonymic relations in medical terminology]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2011, no.3, pp.188-189 (In Russ.)
10. Serdechno-sosudistyye zabolevaniya [[https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds))]. *Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya = World Health Organization*, 2020. Available at: <https://www.who.int/ru/>.
11. Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. *Obshchaya terminologiya: voprosy teori* [General terminology: theory issues]. Moscow, Librocom Publ., 2012. 248 p. (In Russ.).
12. Kosova M.V. Terminologizatsiya kak leksiko-semanticeskii protsess [Terminologization as lexic and semantic process]. *Vestnik OGU = Bulletin of OSU*, 2004, no.2, pp.42-48 (In Russ.).
13. Solntsev V.M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language: a system and a structure]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 340 p. (In Russ.).
14. Arsen'ev O.I. *Yavlenie asimmetrii voenno-terminologicheskikh sistem* [The asymmetry phenomenon in military terminological system]. Moscow, 1988. 228 p. (In Russ.).
15. Anyushkin V.A. [Structural and typological research on terms of sugar industry in the German Democratic Republic and the Federal Republic of Germany]. *Semantika i struktura derivatsionnykh modelei* [Semantics and structure of derivational models]. Vladivostok, 1988, pp.88 – 89 (In Russ.).
16. Gain Yu. M., Demidchik Yu. E. *Khirurgicheskie bolezni: simptomy i sindromy* [Surgical diseases: symptoms and syndromes]. Belarus, Navuka Publ., 2013. 479 p. (In Russ.).
17. Ulumbekova E. G. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov* [Great encyclopedic dictionary of medical terms]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2012. 2263 p. (In Russ.).
18. Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache* [Modern German phraseology]. Tübingen, Niemeyer, 1997. 289 p.

19. Molotkov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Russian phraseological dictionary]. Moscow, AST Publ., 2001. 510 p. (In Russ.)

20. Ziemer G. *Herzchirurgie: Die Eingriffe am Herzen und an den herznahen Gefäßen* [Cardiac surgery: operations on the heart and great vessels in adults and children]. Berlin, Springer-Verlag, 2010. 889 p.

Информация об авторах/ Information about the Authors

Еремеева Светлана Анатольевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация
e-mail: moltobene95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8649-5811

Зарипова Альфия Наилевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация
e-mail: alfija_kazan@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-4602-3315
Researcher ID: M-2641-2013

Svetlana A. Eremeeva, Lecturer, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
e-mail: moltobene95@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8649-5811

Alfiya N. Zaripova, Candidate of Philology, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
e-mail: alfija_kazan@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-4602-3315
Researcher ID: M-2641-2013

Оригинальная статья/Original article

УДК 811

Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «металл» в китайском и английском языках**Чжао Пэнбо¹ **

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

 e-mail: chzhao@bsu.edu.ru

Резюме

Статья посвящена описанию семантических особенностей фразеологических единиц с компонентом «металл» в китайском и английском языках. Фразеологизмы китайского языка, несмотря на репрезентативную выборку в любой семантической группе, изучаются китайскими учеными преимущественно с культурологических позиций. Тем не менее, даже культурологи отмечают их эмоциональное, поэтическое, структурное и семантическое своеобразие, которое отличает фразеологический фонд китайской лингвокультуры от любой другой культуры в мире тем, что минимальный состав слов-морфем начинается с четырех, а мотивированность их значения кроется в истории и многолетней языковой эволюции китайского языка.

Компонент «металл», который выступает в качестве мотивирующего элемента стихий преимущественно в китайском языке, также репрезентирован в составе английских фразеологизмов и часто актуализирует сходные с китайскими метафорические модели. Поскольку для английской лингвокультуры «металл» не является первостепенной стихией, наряду со сходствами метафорических моделей существуют и явные отличия.

Количество английских фразеологических единиц, как показывает систематизация лингвистического опыта по исследованию их структуры, особенностей, гораздо меньше, чем в китайском языке. При этом их структурная вариативность не зависит от количества самостоятельных вершинных компонентов, как это происходит в китайском языке. Это обуславливает большую по сравнению с китайским фразеологическим фондом, дифференциацию структурного фонда.

Причиной, по которой образы стихий обладают огромным фраземообразующим потенциалом, служит их способность сообщать языковым знакам косвенно производной номинации яркие образы, совмещающие в себе культурные коннотации.

Ключевые слова: фразеологические единицы; стихия; семантические особенности; лингвистика; лингвокультура; металл; антропоцентризм

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чжао Пэнбо Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «металл» в китайском и английском языках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 68–75.

Статья поступила в редакцию 20.02.2020

Статья подписана в печать 06.04.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Чжао Пэнбо, 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 68–75

The Semantic Features of Phraseological Units with the Component "Metal" in Chinese and English

Zhao Pengbo¹

¹Belgorod State University
85 Pobedy str., Belgorod 308015, Russian Federation

 e-mail: chzhao@bsu.edu.ru

Abstract

The article is devoted to the description of semantic features of phraseological units with the component "metal" in Chinese and English. Chinese phraseologists, despite a representative sample in any semantic group, are studied by Chinese scientists mainly from a cultural point of view. Nevertheless, even cultural scientists note their emotional, poetic, structural and semantic originality, which distinguishes the phraseological fund of Chinese linguist culture from any other culture in the world, by the fact that the minimal composition of the words-morphem begins with four, and the motivation of their meaning lies in the history and long-term linguistic evolution of the Chinese language.

The "metal" component, which acts as a motivating element of elements predominantly in Chinese, is also represented in English phraseologies and often actualizes similar to Chinese metaphorical models. Since metal is not a primary element for English linguists, along with the similarities of metaphorical models, there are obvious differences.

The number of English phraseological units, as shown by the systematization of linguistic experience in the study of their structure, features, is much smaller than in Chinese. At the same time, their structural variability does not depend on the number of independent top components, as it happens in the Chinese language. This causes more differentiation of the structural fund compared to the Chinese phraseological fund.

The reason why images of elements have a huge phrase-forming potential is their ability to communicate to language signs indirectly derived from the nomination bright images combining cultural connotations.

Keywords: phraseological units; five elements; classical element; semantic features; linguistics; linguistic culture; metal; anthropocentrism.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zhao Pengbo. The Semantic Features of Phraseological Units with the Component "Metal" in Chinese and English. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 68–75 (In Russ.).

Received 20.02.2020

Accepted 06.04.2020

Published 20.07.2020

Введение

Фразеологические единицы (далее: ФЕ) представляют собой не только хранилище знаний о культуре и истории народа, но и являются яркой иллюстрацией взаимосвязи языка и культуры, отражением менталитета народа. ФЕ являются комплексным образованием, семантика которого подвержена процессам вторичной номинации, которая включает графическую форму со вспаянным семантическим компонентом символического или метафорического характера, имеющего коннотативный посыл, и мотивированность, которая определяется в зависимости от исторических ретроспектив.

В языке существует непосредственно лингвокультурный код, который транслируется посредством фактического материала. Последнее особенно актуально для описания различных дистантных языковых групп. Отражение кода связано непосредственно с оценочностью, рассмотрение которой возможно в аспекте лингвоаксиологии.

В настоящей работе принцип антропоцентризма принят за методологическую основу. Он дает возможность понимания роли человеческого начала в языковом плане, обосновывает принципиальность этимологического значения для обоснования и установления мотива-

ции и внутренней формы, коннотации, которая иногда не понятна из словарного значения. У каждого человека есть знания о системе ценностей. Для каждой нации эта система ценностей является уникальной. Но существуют универсальные ценности, которые одинаковы во всех странах мира, например, любовь к родине, уважение к родителям и т.д. Эта система ценностей передаётся из поколения в поколение, и она меняется медленно. Распространённость лингвокультурологического подхода в исследованиях фразеологии диктует обращение к понятию «внутренняя форма» как основного инструмента изучения мотивированности семантики фразеологизмов.

Целью данной статьи является проведение анализа фразеологических единиц с компонентом «металл/metal» и выявление особенностей их коннотативного значения при переводе на русский язык.

В практическом аспекте ценность исследования обусловлена его актуальностью в применении в образовательном процессе высшей школы, лексикографической практике и составлении баз данных.

Методологические основы настоящей статьи закладываются исходя из принципов антропоцентризма, соблюдение которого создает возможность понимания роли человеческого начала в языковом ракурсе, обосновывает принципиальность этимологического значения для обоснования и установления мотивации и внутренней формы и оттенков коннотации.

Результаты и обсуждение

Стихии – это базовые энергии, из которых состоит Вселенная. В классическом понимании китайской культуры мироздание базируется на четырех стихиях: «вода», «воздух», «земля» и «огонь». В отличие от западного подхода, стихия (У-Син) с китайского переводится как «5 движений», у этих элементов есть названия: «дерево», «огонь», «земля», «металл», «вода». Каждой стихии присущ

свой характер: «Металл» наделяет решительностью, силой и индивидуализмом. «Вода» – творческим потенциалом, общительностью и динамичностью. «Дерево» дает добродетельность и сострадание, а также самоуверенность. «Огонь» – изобретательность и решимость. «Земля» наделяет практичностью, рассудительностью и надежностью.

Основным прототипическим признаком металла является его твердость и прочность, и именно этот признак концептуализируется при описании душевных качеств человека, его характера. Не менее важным является такой критерий, как «стоимость, ценность металла», которая, на концептуальном уровне, благодаря сравнению с ценностями социума, позволяет почеркнуть важность событий и явлений в жизни человека.

Компонент «металл», который выступает в качестве мотивирующего элемента стихий преимущественно в китайском языке, также представлен в составе английских фразеологизмов и часто актуализируется в сходные с китайскими метафорическими моделями. Поскольку для английской лингвокультуры «металл» не является наиболее важной стихией, то, наряду со сходствами метафорических моделей существуют и явные различия.

Семантические особенности ФЕ с компонентом «металл» в китайском языке

Утончение, успокоение, возрастание чувствительности – это показатели возрастающего Инь. Такой вид энергии называют «металл». Здесь «металл» взят как образ, при этом имеются в виду динамические свойства металла. «Металл» умеет плавиться, переходя из предыдущей твёрдой формы в жидкую, после чего способен вновь обрести новую твёрдую форму. Металлический меч – гибкий, но острый. Под энергией «металла» понимается не только утончение и успокоение, но и действия отделения и разделения. Именно эти качества утончённости, гибкости и разящей остроты объединяют

нены в рубящем движении «Пи» Синьицюань и движении «металл» живописи «У-син», которым рисуют длинные тонкие травинки.

Сердце и Лёгкие расположены рядом, в груди. Сердце – это мотор, который гоняет кровь по телу. Лёгкие – насыщают кровь полезными веществами из воздуха, посредством дыхания. Поэтому лёгкие так же, как и сердце, энергетически связаны с чувствительностью к внешней среде и к эмоциональному фону. Именно осенью, когда природа готовится «ко сну» начинает резко возрастать число лёгочных заболеваний. Энергии «Металла», по представлениям китайской медицины соответствуют лёгкие и толстый кишечник [4].

Ассоциации «металла» и эмоций достаточно прозрачны. «Металл» транслирует отчужденность, эмоциональное одиночество и холодность. В связи с этим китайцы полагают, что легкость – это ни что иное, как освобождение от депрессии.

В качестве основного «металла» для отражения положительной коннотации высказывания в китайском языке служит такая разновидность металла, как золото. Как правило, транслируемая посредством данного «металла» метафорическая модель – это «металл – ценность». Приведем примеры фразеологизмов с целью подтвердить сказанное. Фразеологизм 披沙拣金 («pī shā jiǎn jīn – просеивать песок, чтобы найти золото» [7] тщательно отбирать, отсеивать лишнее) описывает ситуацию противопоставления ценности как единичного явления, отличное явление среди большого потока абстрактных сущностей. В данном случае речь идет об умении отличать истинное от ложного. Высокая стоимость ощущается за счет противопоставления единственного и множественного числа, что можно проиллюстрировать следующим примером фактического материала:

从这些废料中可以披沙拣金, 提炼出贵重的东西来 – «Из этих отходов вы мо-

жете отсеивать лишнее, чтобы добывать ценные вещи» [2].

Ценность золота приравнивается к ценности молчания, и указывает на «стоимость» слов и молчания, противопоставление этих понятий во фразеологизмах, имеет положительную коннотацию. При помощи фразеологизма человека характеризуются как серьезный человек, и не бросающий слов на ветер.

惜字如金 («xī yán rú jīn – беречь слова, как золото») [6] неразговорчивый, серьезный, говорящий по делу, например: 在聚会上, 他常常惜字如金, 一声不吭 – «на встречах он часто молчалив, ни произносит ни звука» [2].

惜字如金的父亲少言寡语 – «молчаливый отец скуч на слова» [2].

Ценность обещания и умение держать слово в китайской лингвокультуре цениться очень высоко и приравнивается к золоту, фразеологизм – 诺千金 («nò qiān jīn – одно обещание – тысяча золотых») [1] имеет положительную коннотацию, которая обозначает, что человек выполняет свои обещания и верен своему слову: 你别看这个人平时很随便, 可是他很讲义气, 凡是他答应的事都是一诺千金, – 定说到做到 – «Ты не смотри, что этот человек выглядит небрежно (неофициально), но он очень верный друг, каждое его обещание равно тысячи золотых, если он сказал, то обязательно сделает» [2].

В древнем Китае, людей аристократического происхождения или членов императорской семьи называли 金枝玉叶 («jīnzhī yùyè – золотые ветви и яшмовые листья»), а все речи, которые были произнесены императором 金口玉言 («jīn kǒu yù yán – золотые уста и яшмовые речи») [1]. В современном языке это выражение обозначает: «золотые слова, мудрые высказывания, добрый совет». Фразеологизм имеет положительную коннотацию, и противопоставляет жизненный опыт дурному пустословию. Данный факт можно проиллюстрировать контекстом: 他的话又不是什么金口玉言, 我干嘛

要听他的? – «Его слова не золотые слова. Почему я должен его слушать?» [3].

ФЕ 金玉良言(jīn yù liáng yán) обозначает «драгоценные слова, мудрые изречения, мудрые советы» [1], в котором также ценность слова сравнима с ценностью золота: 谢谢(你的)金玉良言 – «Спасибо на добром слове» [1].

Еще одна ФЕ дословно переводится как «найти золото и не утаить его (кристально честный)» – 拾金不昧(shí jīn bù mèi) [5] имеет положительную коннотацию, описывает человека честного и порядочного. Эти качества оценивают высоко в китайской лингвокультуре, что можно проследить в следующем примере: 拾金不昧是中华民族的传统美德 – «Традиционное достоинство китайской нации – найти золото и не утаить его» [5].

Кроме золота, мотивирующим компонентом ФЕ является сам «металл». У китайского народа особенно ценится твердость характера и прочность отношений. ФЕ 情比金坚(qíng bì jīn jiān) имеет значение: «любовь крепче золота» [1] и описывает очень крепкие и прочные отношения между возлюбленными, которые существуют на основе доверия.

ФЕ с компонентом «металл» могут характеризоваться отрицательной коннотацией: 挥金如土(huī jīn rú tǔ) – «сорить деньгами, бросать деньги на ветер» [2]. Эта ФЕ обозначает, что человек разбрасывается деньгами как простыми бумажками. Данная ФЕ передает метафорическую модель «металл – деньги / золото». Эта структура прослеживается в контексте: – 掷千金(yí zhì qiān jīn) – «швыряться деньгами; не жалеть никаких денег» [1].

ФЕ 纸醉金迷(zhǐ zuì jīn mí) – «быть опьянённым роскошной обёрткой, очаровываться золотом» [2], имеет отрицательную коннотацию, т.к. описывает не-приятную жизнь, что соответственно не приветствуется в обществе. 他挥霍无度, 过着纸醉金迷的生活, 耗尽了他的财产 – «Он был опьянен и очарован золотом настолько, что потратил всё своё

имущество на развратную и роскошную жизнь» [3].

ФЕ 金碧辉煌(jīn bì huī huáng) – «сверкать золотистым сиянием и ярким блеском» [1] меняет свою коннотацию в зависимости от контекста, чаще всего ФЕ характеризуется положительной коннотацией: 整个大厅在灯光的映衬下显得金碧辉煌 – «Весь зал, при свете, сверкал золотистым сиянием и ярким блеском» [3]. 那座金碧辉煌的宫殿深深地吸引了我的注意 – «Этот великолепный дворец привлек мое внимание» [3].

Элемент «золото» в составе ФЕ не всегда имеет положительную коннотацию. Понятие «золотая клетка», содержащееся во ФЕ 金屋藏娇(jīn wū cáng jiāo) – «устраивать любимую девушку в золотом доме: а) взять наложницу; б) души не чаять в любимой; с) иметь любовницу» [2], имеет отрицательное значение. 丈夫金屋藏娇, 妻子红杏出墙 – «Муж имеет любовницу, а жена – любовника» [3].

Другая метафорическая модель транслируется посредством ФЕ китайского языка – это «металл – твердость». Во ФЕ 众口铄金(zhòng kǒu shuò jīn) – «много ртов и металл расплавят, голос толпы – страшная сила, злые языки страшнее пистолета», дополнительно подчеркивается тот факт, что даже такая твердая субстанция, как металл, может быть расплавлена под гнетом общественного мнения. Таким образом, очевидно противопоставление металла и силы общественного мнения: 众口铄金, 人民的声音是强大的力量 – «Общественное мнение и металл расплавят, голос народа – великая сила» [3]. 一个忠实的朋友在众口铄金之下也能保持忠实 – «Верный друг может оставаться верным толпе» [3].

Таким образом, очевидно, что в качестве такого компонента стихии, как «металл» в китайской лингвокультуре выступает или сам металл, или золото. Золото актуализирует метафорические модели: «металл – ценность», «металл – деньги», а понятие «металл» – метафорическую модель «металл – твердость».

Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «металл» в английском языке

Учитывая то обстоятельство, что для английской лингвокультуры «металл» не является основой вселенной и первоисторийным базисом, очевидно, что его понимание может быть отличающимся от понимания в китайской лингвокультуре.

Толковый словарь современного английского языка трактует лексему *«metal»* как:

1). *Any of a category of electropositive elements that usually have a shiny surface, are generally good conductors of heat and electricity, and can be melted or fused, hammered into thin sheets, or drawn into wires. Typical metals form salts with non-metals, basic oxides with oxygen, and alloys with one another* «Типичные металлы образуют соли с неметаллами, основные оксиды с кислородом и сплавы друг с другом» [9]; 2). *An alloy of two or more metallic elements*. «Сплав из двух или более металлических элементов» [9]; 3). *An object made of metal*. «Объект, сделанный из металла» [9]; 4). *Basic character; mettle* «Основной характер; лихость» [9]; 5). *Broken stones used for road surfaces or railroadbeds* «Щебень, используемый для дорожных покрытий или железнодорожной отсыпки» [9]; 6). *Molten glass, especially when used in glass making* «Расплавленное стекло, особенно при использовании в производстве стекла» [9]; 7). *Molten cast iron* «Расплавленный чугун» [9]; 8). *Printing Type made of metal* «Тип печати из металла»; 9). *Music Heavy metal* «Музыка. Тяжелый металл» [9].

Представленное лексикографическое толкование указывает на буквальное понимание компонента «металл» в английской лингвокультуре: как физический элемент различного качества (в аспекте разновидностей металла); как химический сплав; как предмет, сделанный из металла. При этом словарная дефиниция не содержит указания на дополнительные коннотации и оценочность. Вместе с тем существует достаточно большое количе-

ство ФЕ, где посредством вторичной номинации, метафоризации и метонимизации свойства, качества, цвет, характер металла передают оценочные смыслы.

ФЕ *pedal to the metal* – «педаль в металл (пол)» [10] согласно данным словаря идиом обозначает «делать что-либо по максимуму; выложиться на полную». Рассматриваемое устойчивое выражение появилось в середине 1950 гг., когда днища машин изготавливались из металла, и водителям приходилось давить педаль газа в пол (в металл), чтобы максимально быстро ехать. ФЕ частотна, имеет нейтральную коннотацию, которая актуализируется в контексте, например: *Let's put pedal to the metal and finish this job fast, then we can plan for our next step.* – «Давай ускоримся, закончим работу и дальше будем планировать» [10].

Прямой эквивалент слову «металл» достаточно редко формирует ФЕ. Видимо, это обстоятельство объясняется тем, что «металл» в чистом виде для английской лингвокультуры имеет в большей степени прагматический, нежели философский смысл. Соответственно, все больше в языке функционируют ФЕ с компонентами драгоценных металлов (золото) и способствуют актуализации метафорической модели «металл – ценность».

ФЕ *all that glitters is not gold* «не все то золото, что блестит» [10] описывает одушевленный или неодушевленный объект действительности, имеющий, с точки зрения говорящего, двойное дно. Независимо от контекста, ФЕ имеет отрицательную коннотацию, профилирующую предостережение: *My grand mother advised me to be careful about making new friends because all that glitters is not gold.* – «Бабушка посоветовала мне быть аккуратнее в выборе новых друзей, поскольку не все то золото, что блестит» [10].

Выражение *silence is golden* «молчание – золото» является сокращенным вариантом ФЕ *speech is silver, but silence is golden* «речь – серебро, а молчание – золото» [10] обозначает, что слова значат

много, однако промолчать бывает гораздо лучше. Полный вариант используется крайне редко, в основном предпочтение отдается сокращенному варианту, который в отличие от полной версии зачастую используется в негативном контексте с нравоучительной целью. Это обстоятельство можно подтвердить следующими контекстами: *Do not tell your mom that I broke her vase! Remember, silence is golden.* – «Не говори маме, что я разбил ее вазу. Молчание – золото» [8]. *This will stay between us, right? Silence is gold.* – «Это останется между нами, хорошо? Молчание – золото» [10].

ФЕ *kill the goos ethatlays the golden egg* «убить гусыню, несущую золотые яйца» [8] берет свое начало в баснях Эзопа, в которых фермер и его жена держали гусыню, которая несла золотое яйцо каждый день. Однако пара решила зарубить птицу, полагая, что ее внутренности состоят из золота и они таким образом сразу смогут заполучить золотые яйца. Однако, как выяснилось, внутри это была самая настоящая обычная птица, а пара лишилась средств к существованию. ФЕ имеет отрицательную коннотацию, которая выявляется в контексте: *By selling off his business, Alex killed the goose that lays the golden egg* «Продав бизнес, Алекс лишился курицы, которая несет золотые яйца» [10].

Еще одна ФЕ с компонентом «золото», *a golden key can open any door* «золотой ключ может открыть любую дверь» [10] описывает ситуацию скорейшего разрешения проблем посредством денег, причем в качестве золотого ключа выступают привлекательные ценности или же непосредственно деньги, что можно проиллюстрировать примерами фактического материала: *You should use a golden key to open this door otherwise it is almost impossible to get this contract for another year.* – «Тебе лучше воспользоваться золотым ключом, иначе этот контракт не получишь и в следующем году» [8]. *His father is a rich man so he uses his golden key to make the workers do everything he*

says. – «Его отец богат, поэтому он использует деньги, чтобы заставить рабочих делать все, что угодно» [10].

Выводы

Базовыми метафорическими моделями, актуализирующими ФЕ с компонентом «металл», являются «металл – твердость» и «металл – ценность». В качестве компонента стихии «металл» в английской лингвокультуре в основном выступает золото, которое актуализирует такую метафорическую модель, как «металл – ценность». Примеров, актуализирующих метафорическую модель «металл – твердость» в английских словарях не обнаружено.

В английских и китайских ФЕ с компонентом «металл» существуют достаточно серьезные сходные черты, тем не менее, констатируются различия, ввиду разницы культурных традиций и исторических ретроспектив наций.

Проведенный анализ, и систематизация существующего на сегодняшний момент лингвистического опыта показывает, что в научном мире накопилось достаточно большое количество исследований, непосредственно посвященных изучению компонента «стихия» в языке. К таким исследованиям относятся работы, где анализу подвергается лексика, слово сочетания и ФЕ различной степени сращенности. Исследования выполнены на материале китайского и английского языков, принимают во внимание разнообразные доступные в современной научной парадигме методы. При этом, согласно данным обзора, предложенного в настоящем исследовании, не существует ни одного исследования, которое бы описывало ФЕ китайского и английского языка одновременно на основании общих выделенных для систематизации критерии, и при обращении к лингвокультурологии, лингвоаксиологии и антропоцентризму. Данное обстоятельство определяет научные перспективы настоящей работы.

Список литературы

1. Большой китайско-русский словарь, 2019. URL: <https://bkrs.info>.
2. Готлиб О.М., Му Хуайн. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
3. 百度文库 – Книгохранилище «Байду». URL: <https://wenku.baidu.com/>
4. 刘筱红 神秘的五行 – 广西人民出版社, 2009. 199 页. ISBN : 9787219028131
5. 千篇国学·汉语词典 / 京 ICP 备 20015262 号-1. URL: <https://cidian.qianp.com/>
6. 新华字典/11 版. – 北京 : 商务印书馆, 2011, ISBN 9787100069595. (Словарь иероглифов Синьхуа – The Commercial Press, Beijing, 2011)
7. 徐中舒 汉语大字典[M]. 武汉、成都:湖北辞书出版社、四川辞书出版社, 1992:549
8. 中华成语大词典 / 原建平主编. – 北京: 人民日报出版社, 2002.11. ISBN 7-80153-576-6
9. The Free Dictionary (Electronic resource): Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus / Farlex, Inc. – Huntingdon Valley, 2003-2020. URL: <http://www.thefreedictionary.com/>
10. The Idioms - Largest Idioms Dictionary. URL: <https://www.theidioms.com/>

References

1. *Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'* [Large Chinese-Russian Dictionary]. 2019. Available at: <https://bkrs.info>. (In Russ.)
2. Gottlieb O.M. Mu Huaing. *Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'*. Okolo 3500 vyrazhenij [Chinese-Russian phraseological dictionary. About 3,500 expressions]. Irkutsk, 2019. 596 p. (In Russ.)
3. 百度文库 – Knigohranilishche «Bajdu» ["Baidu" Book Depository]. Available at: <https://wenku.baidu.com/> (In Russ.)
4. Liu Xiaohong Mysterious Five Elements – Guangxi People's Publishing House, 2009. 199 p. ISBN: 9787219028131
5. Thousand Chinese Dictionary. Beijing ICP No. 20015262-1. Available at: <https://cidian.qianp.com/>
6. Xinhua Dictionary/11 edition. Beijing: Business Press, 2011. ISBN 9787100069595.
7. Xu Zhongshu Chinese Dictionary [M]. Wuhan, Chengdu: Hubei Thesaurus Press, Sichuan Thesaurus Press, 1992, p. 549.
8. Chinese Idiom Dictionary / former editor-in-chief of Jianping. – Beijing: People's Daily Press, 2002.11. ISBN 7-80153-576-6
9. The Free Dictionary (Electronic resource): Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus / Farlex, Inc. – Huntingdon Valley, 2003-2020. Available at: <http://www.thefreedictionary.com/>
10. The Idioms-Largest Idioms Dictionary. Available at: <https://www.theidioms.com/>

Информация об авторе / Information about the Author

Чжао Пэнбо, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация
e-mail: chzhao@bsu.edu.ru

Zhao Pengbo, Post-Graduate Student of the Department of Roman-Germanic Philology and Intercultural communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation
e-mail: chzhao@bsu.edu.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 81'42

Косвенная оценка в жанре спортивной новости (на материале российского и британского письменного спортивного дискурса)**К. В. Пантеева¹ **¹ Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина
ул. Политехническая 77, г. Саратов 410054, Российская Федерация e-mail: kse-panteeva@yandex.ru**Резюме**

Данная статья посвящена проблеме косвенной оценки в спортивном дискурсе, а именно, способам ее выражения в жанре спортивной новости. Несмотря на ряд работ, посвященных непрямой оценке, вопрос о способах ее реализации по-прежнему требует дальнейшего изучения. Объектом данного исследования был выбран именно спортивный дискурс, поскольку его срачленность с дискурсом СМИ обусловила довольно высокий уровень оценочности. В качестве русскоязычного материала были использованы новостные тексты Федерации фигурного катания на коньках России (ФФКР). Источником англоязычных спортивных новостей послужил сайт Международного союза конькобежцев. Основными методами настоящего исследования стали описательный метод, анализ словарных дефиниций, компонентный анализ, а также метод контекстуального анализа и интерпретационный метод, с помощью которых выявлялись и толковались средства косвенной оценки. В ходе исследования были выявлены следующие способы реализации косвенной оценки: 1) использование потенциально оценочной лексики, 2) использование лексических стилистических средств, 3) выражение оценки через целенаправленный отбор фактов. Анализ русскоязычных и англоязычных текстов спортивных новостей выявил значительную разницу в соотношении способов выражения косвенной оценки в российском и британском спортивном дискурсе: в новостных текстах сайта ФФКР косвенная оценка выражена преимущественно с помощью целенаправленного отбора фактов (94 %), тогда как на использование потенциально оценочной лексики и лексических стилистических средств приходится 3,4 % и 2,6 % соответственно. Совсем иная ситуация наблюдается в текстах спортивных новостей Международного сайта конькобежцев: косвенная оценка в равной степени находит выражение через потенциально оценочную лексику (42 %) и целенаправленный отбор фактов (39 %). Доля косвенных оценочных высказываний, где оценка реализуется посредством лексических стилистических средств, гораздо меньше – 19 %. Помимо этого, было также обнаружено, что англоязычный материал отличается высоким уровнем оценочности, в то время как число косвенных оценочных высказываний в российских новостных текстах довольно незначительно. Данную особенность мы предположительно связываем с постановкой различных иллокутивных задач: воздействием на реципиента текста через ярко выраженную оценку в случае с британским спортивным дискурсом, а в случае с российским спортивным дискурсом – преимущественно информированием.

Ключевые слова: оценочность; косвенная оценка; спортивная новость; спортивный дискурс; контекст.**Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.**Для цитирования:** Пантеева К. В. Косвенная оценка в жанре спортивной новости (на материале российского и британского письменного спортивного дискурса) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 76–90.

Статья поступила в редакцию 31.03.2020 Статья подписана в печать 21.04.2020 Статья опубликована 20.07.2020

Indirect Evaluation in the Genre of the Sports News (Based on Russian and British Written Sports Discourse)

Ksenia V. Panteeva¹

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77 Politehnicheskaya str., Saratov 410054, Russian Federation

 e-mail: kse-panteeva@yandex.ru

Abstract

The article deals with the problem of indirect evaluation in sports discourse, namely the means of expressing indirect evaluation in the genre of sports news. Despite a number of studies about indirect evaluation, the issue of how indirect evaluation is implemented still needs further analysis. The source of Russian and British English data are the websites of Figure Skating Federation of Russia and International Skating Union (ISU). The main research methods include descriptive and interpretive analysis, componential and contextual methods. The research has revealed the following means of indirect evaluation expression: 1) use of potentially evaluative vocabulary, 2) use of lexical stylistic devices, 3) targeted selection of facts. The analysis also suggested a significant difference between the proportions of the means of indirect evaluation expression mentioned above in Russian and British sports discourse. For instance, in the news texts of Figure Skating Federation of Russia website indirect evaluation is mostly expressed by means of targeted selection of facts (94 %), whereas the use of potentially evaluative vocabulary and lexical stylistic devices account for only 3,4 % and 2,6 % respectively. The case of indirect evaluation in ISU sports news texts is quite different: potentially evaluative vocabulary (42 %) and targeted selection of facts (39 %) are equally used to express indirect evaluation. The use of lexical stylistic devices accounts for 19 % only. Furthermore, it was found out that English news texts are characterized by a high degree of evaluativeness, whereas a number of indirect evaluative statements in Russian sports news is rather low. This particular feature may be linked to the difference between the illocutionary goals of the texts: British news texts seem to be aimed at affecting recipients, that is why the analyzed sport news are highly evaluative. Russian sports news texts, on the contrary, are mostly focused on transferring factual information.

Keywords: evaluativeness; indirect evaluation; sports news; sports discourse; context.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Panteeva K. V. Indirect Evaluation in the Genre of the Sports News (Based on Russian and British Written Sports Discourse). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 76–90 (In Russ.).

Received 31.03.2020

Accepted 21.04.2020

Published 20.07.2020

Введение

Оценочность неизменно притягивает внимание ученых в разных научных областях, но оценочность как лингвистическая категория, на наш взгляд, представляет особый интерес для исследователей, поскольку позволяет рассмотреть оценку во всей многогранности ее проявлений. При анализе способов выражения оценки в речи помимо собственно языковых особенностей необходимо также учитывать

характеристики оценки с точки зрения философии [1, 2], логики [3], психологии [4 – 7].

Способы выражения оценки, как прямой, так и косвенной, во многом обусловлены типом дискурса, в рамках которого она реализуется, так как оценка непосредственно связана с категорией интенциональности [8 – 12]. Кроме того, важную роль играет и речевой жанр, поскольку то, каким образом автор вербализует оценку, зависит от жанрово-сти-

листических особенностей текста [13, 14]. Несмотря на ряд работ об оценке в публицистических текстах [15, 16], политическом и рекламном дискурсе [17 – 19], некоторые вопросы, связанные с особенностями функционирования и проявления оценки в спортивном дискурсе (хоть и срачном с дискурсом СМИ, но сохраняющим присущую только ему специфику), по-прежнему остаются открытыми. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы, во-первых, выявить основные способы выражения косвенной оценки в жанре спортивной новости, во-вторых, сравнить примеры косвенной оценки в российском и британском спортивном дискурсе.

Источниками материала исследования послужили два новостных сайта: сайт Федерации фигурного катания на коньках России (ФФКР) (<https://fsrussia.ru>) и сайт Международного союза конькобежцев (ИСУ) (<https://www.isu.org>). Были исследованы новостные тексты на русском и английском языках, посвященные прошедшим международным соревнованиям по фигурному катанию 2018 – 2019 гг.

Косвенная оценка представляет собой тип оценки, в которой оценочные смыслы выражены неявно. Стоит отметить, что к явным способам выражения оценки мы относим использование общепринятых прилагательных / наречий и другой лексики, где оценочная сема входит в денотативное значение слова: подобные примеры мы рассматриваем как случаи эксплицитной прямой оценки (например, превосходное выступление, победный прокат, неудачная программа, хорошо выполненный прыжок). Примеры оценки, выраженной всеми прочими способами, мы относим к косвенной (непрямой) оценке, и именно неявные, т. е. косвенные способы реализации оценки, являются объектом данного исследования.

Поскольку косвенная оценка исследуется на материале жанра спортивной новости, рассмотрим некоторые особенности этого жанра спортивного дискурса.

Несмотря на то, что основным жанром спортивного дискурса считается спортивный комментарий [20], спортивная новость, по мнению ряда лингвистов, также относится к ядерной части спортивного дискурса [21]. Жанр спортивной новости отличается высокой степенью подготовленности, т. к. объект оценки – уже прошедшее спортивное событие (предстоящие спортивные события могут быть объектом таких жанров как спортивный анонс или спортивное превью). Объем жанра спортивной новости может варьироваться в зависимости от освещаемого события: от одного-двух абзацев (если новость посвящена итогам одного из этапов соревнования, например, короткой программе у фигуристов-одиночников) до развернутых новостных текстов (в случае, когда подводятся общие итоги крупного международного соревнования). Характерными чертами жанра спортивной новости являются, с одной стороны, краткость и точность, с другой – эмоциональность и экспрессивность. Именно в жанре спортивной новости подводятся итоги спортивного соревнования [22]. Таким образом, основная цель данного жанра – информирование читателей / зрителей о результатах спортивного события. В качестве дополнительных компонентов спортивной новости стоит отметить используемые цитаты, отрывки интервью, фотографии и видеофрагменты. Однако данные элементы не являются жанрообразующими, и их наличие в спортивной новости опционально.

Результаты и обсуждение

Как показал проанализированный материал, одним из наиболее частотных способов выражения косвенной оценки является использование лексики, обладающей оценочным потенциалом, который реализуется непосредственно в контексте всего высказывания: лексемы, в значении которых оценочная сема присутствует, но не входит непосредственно

в сигнификат, в определенных ситуациях могут приобретать ярко выраженный оценочный оттенок. Рассмотрим отрывок из спортивной новости по итогам чемпионата мира по фигурному катанию 2019 года:

(1) Russia's Evgenia Tarasova / Vladimir Morozov settled for the silver medal while their teammates Natalia Zabiiako / Alexander Enbert earned the bronze. – Российские фигуристы Евгения Тарасова / Владимир Морозов удовольствовались серебряной медалью, тогда как другой дуэт российской сборной, Наталья Забияко / Александр Энберт, заработали бронзу.

Цель данного новостного отрывка – кратко и емко представить основные результаты соревнований спортивных пар. Как можно видеть, высказывание не содержит собственно оценочную лексику, однако то, что спортсменам-призерам оценка все-таки дается, вряд ли вызывает сомнения. Следовательно, в данном случае мы имеем дело с косвенными оценочными высказываниями. Косвенная оценка преимущественно реализуется через сочетание лексики, обозначающей призовое место (*the bronze*), и глагола *to earn*, приобретающего оценочность в контексте высказывания. Согласно одному из определений в Cambridge English Dictionary глагол *to earn* означает *to get something that you deserve* (получить то, что заслуживаешь), т. е. данный глагол содержит в себе потенциальные оценочные смыслы: один из российских дуэтов, Забияко / Энберт, занимал промежуточное четвертое место, но по итогам произвольной программы они «заработали» бронзу. Итоговое третье место для них – несомненный успех, учитывая, что ведущая российская спортивная пара, Тарасова / Морозов, не смогла реализовать свои шансы на золото. С учетом всего контекста можно сделать вывод, что общая косвенная оценка спортсменов – положительная.

Если в рассмотренном выше примере косвенная оценка была реализована с помощью глагола, актуализирующего оценку в контексте высказывания, то следующие два отрывка – примеры реализации косвенной оценки через прилагательные:

(2) Instead of working on a daily basis with coach Nikolai Morozov and competing in the Grand Prix, the team took part in an exhibition tour of the Canadian Olympic Team for two and a half months throughout the country in the fall. It was a different kind of training and preparing. – Вместо того чтобы ежедневно тренироваться с тренером Николаем Морозовым и участвовать в серии гран-при, фигуристы решили отправиться в осенний гастрольный тур канадской Олимпийской сборной, проходившийся два с половиной месяца. Тренировки и подготовка к сезону шли совершенно по-другому;

(3) Skating to “Oblivion” and “Primavera Porteno”, Papadakis/Cizeron performed a smooth and characteristic Tango that was highlighted by an original curve lift and excellent twizzles. – Катаясь под «Забвение» и «Весну в Буэнос-Айресе», Пападакис / Сизерон с легкостью исполнили характерное танго и подчеркнули его оригинальной поддержкой с дугой и превосходными твистами.

Второй пример представляет собой отрывок новости, посвященной результатам чемпионата четырех континентов (чемпионат четырех континентов – аналог чемпионата Европы по фигурному катанию, но для всех остальных континентов). В данной спортивной новости упоминаются канадские спортсмены Кэтлин Уивер / Андре Поже, которые заняли второе место: сезон они начали не с традиционной серии гран-при (которая часто рассматривается как основная подготовка к главным спортивным стартам), а отправились с гастролями по городам Канады. В новости подчеркивается, что подготовка к сезону была «другой». На первый взгляд, лексема *different* сама по себе не

несет какой-либо оценочности, но в рамках данной спортивной новости она, вероятно, приобретает скорее положительный оттенок: несмотря на то, что подготовка проходила в нестандартном режиме, фигуристы завоевали серебро на одном из самых престижных соревнований для североамериканских спортсменов. Помимо этого стоит отметить, что результаты пары в предшествовавшем этому соревнованию сезоне не были столь высоки, что, в свою очередь, также говорит о положительной оценочности слова *different* в контексте данной спортивной новости.

В третьем примере мы можем наблюдать косвенную оценку ритмического танца французских фигуристов Габриэллы Пападакис и Гийома Сизерона: исполненное ими танго описано как «характерное». Определение слова *characteristic* в Cambridge English Dictionary звучит так: *a typical or noticeable quality of someone or something* (типичное или примечательное качество чего-либо или кого-либо). Таким образом, явных оценочных смыслов данная лексема не содержит, однако представляется, что прилагательное *characteristic*, все же положительно характеризует исполненный танец: выступление, в котором переданы основные черты исполняемого танца, с большей вероятностью оценивается положительно.

В рамках данного исследования мы целенаправленно сравнивали новостные тексты на аналогичных сайтах – официальных сайтах крупных организаций по фигурному катанию, таких как Федерация фигурного катания России (для текстов на русском языке) и Международный союз конькобежцев (для текстов на британском варианте английского). В ходе анализа мы обнаружили довольно неожиданную особенность российских новостных текстов: при том, что на сайте Международного союза конькобежцев практически каждая фраза может быть отнесена к оценочным высказываниям,

косвенным или прямым, стиль текстов на российском сайте во многом тяготеет к официально-деловому стилю, отличаясь иногда клишированностью и сухостью. Возможно, это связано со склонностью официальных источников к канцеляриту. Факт победы, как правило, сообщается с помощью глаголов *выиграть*, *занять*, *завоевать* даже в тех случаях, когда речь идет о победе российских фигуристов, где уместной была бы более ярко выраженная оценочность. Рассмотрим наиболее «оценочные» примеры новостей в российском письменном спортивном дискурсе:

(4) Евгения Медведева, у которой уже есть два золота мирового первенства, в очередной раз продемонстрировала волю к победе;

(5) Заменившая Алену россиянка Ксения Синицына остановилась в шаге от пьедестала;

(6) Двукратная чемпионка мира среди юниоров Александра Трусова задает новые ориентиры в женском одиночном катании.

Первые два примера относятся к чемпионату мира 2019 года, третий пример – к результатам этапа серии гран-при в Японии 2019 года. Все три примера несколько специфичны, поскольку, как упоминалось выше, в других случаях мы сталкиваемся с глаголами со стертым оценочной семантикой. Однако мы также не можем утверждать, что и в приведенных нами примерах оценка ярко выражена: она, несомненно, присутствует, но оценочные смыслы практически не считаются. Такие фразы, как «продемонстрировать волю к победе», «остановиться в шаге от пьедестала», «задавать новые ориентиры» стали настолько типичными для спортивного дискурса, что в большинстве случаев они воспринимаются как факт, а не оценка.

С одной стороны, как мы видим, реализация косвенной оценки с помощью лексики, актуализирующей оценочные смыслы в контексте всего высказывания,

– относительно распространенное явление в анализируемых нами англоязычных текстах, относящихся к жанру спортивной новости. С другой стороны, найти аналогичные примеры в российских текстах довольно проблематично: исследуемые нами российские новостные тексты, построены таким образом, что найти примеры косвенной оценки, выраженной посредством потенциально оценочной лексики, нам просто не удалось. Так, если в англоязычном материале практически любое высказывание может быть отнесено к оценочным, т. е. сложно найти высказывания, просто констатирующие некоторые факты, то ситуация с русскоязычным материалом диаметрально противоположная – оценочные высказывания встречаются гораздо реже простого изложения фактов.

Как отмечалось выше, англоязычные тексты спортивных новостей отличает высокий уровень оценочности. К тому же, оценка в подобных текстах нередко характеризуется экспрессивностью. Проанализированный материал показал, что использование лексических стилистических средств, например, метафор, также довольно характерно для британского спортивного дискурса, поскольку тропы усиливают экспрессивность оценочного высказывания. Рассмотрим некоторые примеры косвенной оценки в англоязычных новостных текстах:

(7) Russian newcomer Sofia Samodurova stormed to gold in her debut as the Ladies event concluded at the ISU European Figure Skating Championships. – На завершившихся соревнованиях женщин на чемпионате Европы по фигурному катанию представительница России, Софья Самодурова, дебютировавшая на взрослом уровне в этом сезоне, штурмом взяла золото;

(8) Chen had drawn to skate after Hanyu, who had set the 18,000 spectators at a sold out arena on fire with his performance. Nevertheless, the 19-year-old remained composed and put out a clean

program <...>. – Чену выпало кататься после Ханью, который своим зажигательным выступлением привел в восторг все 18,000 зрителей на стадионе, где не осталось ни одного непроданного билета. Девятнадцатилетний спортсмен, однако, был невозмутим и чисто откатал программу <...>;

(9) Performing his program named «Origin», Hanyu reeled off a unique quad toe-triple Axel sequence. – В произвольной программе Ханью выпалил уникальный каскад – четверной тулуп тройной аксель.

В примере 7, о победе российской фигуристки Софьи Самодуровой на чемпионате Европы 2019 года, автор использует метафору *storm to gold* (дословный перевод – «несть к золоту как ураган») для реализации косвенной положительной оценки. Подобная метафора не только транслирует положительные оценочные смыслы, но создает яркий художественный образ, особенно актуальный для такого вида спорта, как фигурное катание, где спортсмены в буквальном смысле могут нестись как ураган. Стоит отметить, что победное выступление дебютировавшей российской фигуристки действительно отличалось высокой скоростью. Таким образом, в одной фразе заключены как прямые, так и переносные смыслы, которые позволяют выразить оценку в более экспрессивной форме.

В восьмом примере (спортивная новость по итогам чемпионата мира 2019 года) мы можем наблюдать сразу несколько способов реализации косвенной оценки. Наиболее очевидный из них – метафора *set on fire* (дословный перевод – «поджечь»): автор новости косвенно положительно характеризует японского фигуриста, Юдзуру Ханью, который «поджег» арену своим выступлением. Одновременно с этим, возможно наблюдать косвенную положительную оценку другого фигуриста, американского спортсмена, Натана Чена: именно на фоне оглушительного выступления Ханью тот факт, что Чен, выступавший сразу после

триумфатора, справился с эмоциями, выдал чистый прокат и, в итоге, завоевал золотую медаль, характеризует его как морально стойкого профессионального фигуриста, причем в этом случае оценка выражена с помощью прилагательного *composed* («сдержаный», «хладнокровный»), т. е. посредством потенциально оценочной лексики. Прилагательное *composed* действительно может приобретать как положительное, так и отрицательное значение в зависимости от контекста. Как мы видим в нашем примере, именно косвенная положительная оценка японского фигуриста позволяет корректно интерпретировать косвенную положительную оценку американского спортсмена.

Метафора, использованная в примере 9, как и в примере 7, помогает создать определенный зрительный образ, что способствует усилиению экспрессивности оценки: фразовый глагол *reel off* определяется в Cambridge English Dictionary как *to say a long list of things quickly and without stopping* (перечислить что-либо быстро и не останавливаясь). Таким образом, выполненный элемент – каскад, состоящий из четверного и тройного прыжков – сравнивается с быстрой речью, когда слова безостановочно следуют друг за другом, как прыжки в каскаде. Следовательно, в метафоре соединяются визуальные образы и оценочный компонент, так как прыжки, выполненные на такой скорости, видимо, оцениваются положительно.

Когда речь заходит о выражении косвенной оценки в российских спортивных новостях, найти примеры лексических стилистических средств представляется довольно сложной задачей. Так, изучив новостные тексты, опубликованные на сайте ФФКР, мы обнаружили всего несколько подобных примеров. Рассмотрим один из них:

(10) Элизабет Турсынбаева, для которой этот сезон явился настоящим прорывом, в произвольной программе прыгнула четверной сальхов. Турсынбаева

стала третьей в истории мирового фигурного катания фигуристкой, которая исполнила этот сложный прыжок. 16 лет назад "первооткрывательницей" была японка Мики Андо.

Интересен тот факт, что довольно редкие для российских новостных текстов примеры косвенной оценки, выраженной с помощью метафоры, оказались в одном и том же отрывке, что, в свою очередь, также говорит об относительно низком уровне оценочности спортивных новостей на официальном сайте ФФКР. Первая метафора (сезон явился настоящим прорывом) служит средством выражения положительной оценки начала сезона казахстанской фигуристки Элизабет Турсынбаевой, которая на одном из этапов гран-при сумела прыгнуть очень редкий для женского фигурного катания прыжок. Упоминание такого сложного элемента также дает косвенную положительную оценку фигуристке, но подобный способ реализации косвенной оценки мы рассмотрим чуть позже. Вторая метафора («первооткрывательница») относится уже к японской фигуристке, Мики Андо, которая стала первой фигуристкой, исполнившей данный прыжок шестнадцатью годами ранее Турсынбаевой. Обе метафоры, как нам кажется, обладают слабо выраженной эмоционально-оценочной окраской. Яркий визуальный образ, который иногда создается с помощью метафор в англоязычных текстах, здесь практически отсутствует. В данных примерах мы наблюдаем преимущественно стандартные метафоры со стертым семантикой, часто используемые в спортивном дискурсе. Подобные метафоры можно отнести к типу метафор-формул [23].

Таким образом, косвенная оценка в жанре спортивного комментария может находить выражение через лексические стилистические средства: несмотря на то, что в проанализированном нами материале были обнаружены только примеры метафор, мы не исключаем возможность

использования других лексических стилистических средств в других спортивных новостях. Говоря о способах реализации косвенной оценки, целесообразно использовать термин «лексические стилистические средства», отмечая при этом, что наиболее распространенным тропом, способным передать косвенную оценку, является метафора. В проанализированных текстах британского спортивного дискурса было обнаружено довольно много примеров метафор, реализующих косвенную оценку. Кроме того, в приведенных примерах метафоры повышают степень экспрессивности оценки и высказывания в целом, в некоторых случаях создавая красочный зрительный образ. Что касается примеров российского письменного спортивного дискурса, продолжается отмеченная нами ранее тенденция новостных текстов на сайте ФФКР к довольно сниженному уровню оценочности: изучив спортивные новости на данном сайте в период 2018 – 2019 гг. нам удалось найти всего несколько примеров метафор, к тому же, они все характеризуются относительной стандартностью и клишированностью.

Фигурное катание, несомненно, имеет много общего с искусством, поэтому, возможно, мы встречаем много примеров использования лексических стилистических средств. Тем не менее, фигурное катание – это еще и техничный вид спорта с присущими только ему техническими элементами. Так, техническая составляющая выступления нередко становится еще одним объектом косвенной оценки, как, например, в следующей спортивной новости:

(11) Performing to “Dark Eyes”, Boikova/Kozlovskii landed a side by side triple Salchow, triple twist, throw triple Salchow as well as a level-four spin and step sequence. – Катаясь под «Очи черные», Бойкова/Козловский чисто исполнили параллельный тройной сальхов, тройную подкрутку, выброс тройной сальхов,

вращение и дорожку шагов на четвертый уровень.

В данной спортивной новости дается косвенная положительная оценка выступления российских фигуристов Александры Бойковой и Дмитрия Козловского на этапе гран-при во Франции 2018 года. Для идентификации и правильной интерпретации косвенной оценки необходимо обладать определенными фоновыми знаниями: глагол *land* (приземлиться) подразумевает, что фигуристы не упали при выполнении перечисляемых далее элементов, что является показателем их высокого качества. Помимо этого, вращение и дорожка шагов были оценены судьями на четвертый уровень – высший уровень в системе судейства фигурного катания. Таким образом, все высказывание может считаться косвенным оценочным, причем фигуристы оцениваются положительно.

В некоторых случаях само перечисление элементов, выполненных спортсменом, говорит само за себя:

(12) <...>, pulling off a quad Lutz, flip, quad toe and quad toe-triple toe as well as five triples including an Axel. – <...>, выполнив четверной лутц, флип, четверной тулуп, каскад четверной тулуп тройной тулуп и пять тройных прыжков, включая аксель.

В данном примере (выступление американского фигуриста Натана Чена на чемпионате мира 2019) нет никаких указаний на то, как именно были выполнены перечисленные элементы: автор просто перечисляет их. Можно ли рассматривать данное высказывание как выражающее некую оценку? Скорее всего, да. Но здесь необходимо сделать некоторые пояснения: тот факт, что спортсмен выполнил три четверных прыжка (это самый сложный прыжок в фигурном катании, причем до недавнего времени исполнение двух четверных в одной программе считалось достижением) и каскад, состоящий из еще одного четверного и тройного прыжков (это самый сложный вид каскада), уже говорит о многом. Кроме того, в

спортивной новости упоминается пять тройных прыжков, один из которых – тройной аксель (аксель считается значительно более сложным прыжком по сравнению с такими видами прыжков, как тулуп, сальхов или лутц). Учитывая сложность, заложенную в самих названиях элементов, автору спортивной новости нет необходимости подчеркивать, удачно или неудачно они были исполнены: простого перечисления вполне достаточно для того, чтобы косвенно выразить положительную оценку. Похожие примеры находим и в российском спортивном дискурсе:

(13) На этапе в Китае, как и в США, Аня откатала произвольную программу с двумя 4-ми лутцами – самыми сложными прыжками в фигурном катании на сегодняшний день, которые исполняют не все представители мужского катания.

В данной спортивной новости, посвященной этапу гран-при по фигурному катанию 2019 года в Китае, оценкадается российской фигуристке Анне Щербаковой, выигравшей произвольную программу и, в итоге, занявшей первое место. Буквально несколько лет назад было невозможно представить, что фигуристки-одиночницы смогут выполнять прыжки в четыре оборота, поэтому на протяжении многих лет аксель в три с половиной оборота считался самым сложным прыжком в женском фигурном катании. С появлением юных фигуристок, которым не просто удалось исполнить четверной прыжок, но которые начали регулярно включать в программы несколько четверных прыжков, ситуация стала меняться. Так, несмотря на рекордные программы с тремя и более четверными прыжками, многие специалисты фигурного катания не перестали считать аксель в три с половиной оборота самым сложным элементом, поскольку принять то, что четверные прыжки у женщин-одиночниц – реальность, а не миф, довольно трудно. В любом случае, упоминание подобных прыжков, выполненных фигуристками, как правило, вызывает чу-

вство удивления и восхищения, особенно учитывая многолетнее отрицание самой возможности прыжка более, чем в три с половиной оборота. Следовательно, спортивная новость, включающая информацию о сложной технической составляющей программы Анны Щербаковой, несет в себе положительную оценку, выраженную опосредованно. Автор также посчитал необходимым пояснить, насколько сложными являются выполненные элементы, для того, чтобы читатели с большей вероятностью поняли уникальность произвольной программы фигуристки.

Вышеописанный способ реализации косвенной оценки, в свою очередь, может рассматриваться в качестве одной из разновидностей целенаправленного отбора фактов, основная задача которого – выразить оценочное суждение через те факты, которые кажутся автору оценки наиболее подходящими для передачи оценочных смыслов. Рассмотрим ещё несколько примеров:

(14) <...> and Matteo Rizzo of Italy surged from tenth to take the bronze, the first European medal for an Italian man in ten years. – <...> итальянец Маттео Риццо поднялся с десятого на третье место и взял бронзу: представитель Италии впервые за десять выиграл медаль европейского первенства.;

(15) Canadian ice dancers Kaitlyn Weaver/Andrew Poje are looking back at a distinguished career with three World medals and multiple other medals and titles and they are still major players in the game as they proved by taking the silver medal at the recent ISU Four Continents Figure Skating Championships 2019. – За плечами канадских танцоров на льду Кэтлин Уивер и Андре Поже выдающаяся карьера: в их арсенале три медали чемпионатов мира и множество других наград и титулов. Они по-прежнему в игре: они это доказали, выиграв серебряную медаль на недавнем чемпионате четырех континентов 2019 года.

В первом случае положительная оценка итальянского фигуриста, завоевавшего бронзовую медаль чемпионата Европы 2019 года, реализуется преимущественно через тот факт, что эта медаль много значит для итальянского фигурного катания. Автор целенаправленно включает этот факт в спортивную новость для усиления положительной оценки спортсмена: если в некоторых ситуациях бронза или даже серебро могут считаться неудачей, то в рассматриваемой спортивной новости третье место – большое достижение. Во втором примере мы видим отрывок спортивной новости о победе канадских фигуристов на чемпионате четырех континентов, однако автор не просто сообщает читателям о победе: в новости также упоминаются многочисленные медали данного дуэта, полученные на крупных соревнованиях. Данный факт усиливает общую положительную оценку спортсменов, причем автор логически связывает предыдущие и настоящие успехи канадцев.

Тогда как при анализе способов выражения косвенной оценки посредством потенциально оценочной лексики или при помощи лексических стилистических средств мы отмечали малую долю примеров подходящих косвенных оценочных высказываний, то в случае с целенаправленным отбором фактов для выражения оценки все меняется: спортивные новости на сайте российской федерации фигурного катания изобилуют подобными примерами. Приведем один из них:

(16) Опытные Евгения Тарасова – Владимир Морозов, хочется верить, преобразились в этом сезоне. Это относится к выбору музыки, постановке программ, стиля костюмов... Несколько месяцев назад фигуристы уехали тренироваться в США и готовились к сезону под руководством тренера Марины Зуевой. Пока призерам чемпионатов мира и Европы не удается избежать ошибок в прокатах <...>.

Весь отрывок (новость по итогам канадского этапа гран-при 2019 года), по большей степени, является набором взаимосвязанных фактов, которые способствуют выражению той или иной оценки. Положительно оцениваются, например, выбор музыки, хореография, костюмы. Факт смены тренера, по-видимому, также несет положительные оценочные смыслы, поскольку тренер Марина Зуева считается одним из лучших специалистов, чьи ученики выигрывают самые крупные старты. Важно также отметить, что в последнем предложении мы видим косвенную отрицательную оценку (Пока <...> не удается избежать ошибок в прокатах): за счет использования непрямой передачи оценочных смыслов происходит снижение категоричности отрицательной оценки [24]. Более того, помимо косвенной отрицательной оценки в последнем высказывании автор целенаправленно напоминает читателям о регалиях спортсменов (<...> призерам чемпионатов мира и Европы <...>), что также помогает смягчить отрицательную оценку.

На основе проанализированных спортивных новостей можно сделать промежуточный вывод о том, что выражение оценки через целенаправленный отбор фактов (и через описание технических элементов как его разновидность), довольно распространено как в российском, так и в британском письменном спортивном дискурсе. При сравнении всех трех основных способов выражения косвенной оценки в жанре спортивной новости были выявлены следующие соотношения: в англоязычных текстах на потенциально оценочную лексику и целенаправленный отбор фактов приходится по 42 % и 39 % соответственно, тогда как доля использования лексических стилистических средств – 19 % от общего числа косвенных оценочных высказываний. В русскоязычных новостных текстах сайта ФФКР, напротив, 94 % приходится на целенаправленный отбор фактов, в то время как оставшиеся 6 % делят между

собой лексические стилистические средства (3,4 %) и потенциально оценочная лексика (2,6 %).

Примеры косвенной оценки в заголовках спортивных новостей сайта ФФКР и Международного союза конькобежцев довольно точно отражают уже наметившиеся в ходе исследования тенденции: 1) в целом высокий процент косвенной оценки в англоязычных текстах, 2) относительно низкий уровень оценочности русскоязычных текстов сходной тематики, 3) большая доля использования потенциально оценочной лексики и специально отобранных фактов для передачи оценочных смыслов в англоязычных источниках, 4) значительное доминирование целенаправленного отбора фактов как основного способа передачи косвенной оценки в российских новостных текстах. Рассмотрим несколько заголовков:

(17) Quad queen Trusova (RUS) jumps to Junior Ladies gold – Королева четверных Трусова (Россия) допрыгнула до золота чемпионата мира среди юниоров;

(18) Sui/Han (CHN) skate to runaway victory on home ice – Неожиданная победа пары Сунь / Хань (Китай) на домашнем льду;

(19) Teen sensation Kostornaia (RUS) grabs gold on Grand Prix debut – Шестнадцатилетняя сенсация Косторная (Россия) завоевала медаль на дебютном этапе гран-при;

(20) Irrepressible Chen (USA) gets gold and ticket to Turin in Grenoble – Непотопляемый Чен получает золото и билет в Турин на этапе гран-при в Гренобле.

В первом примере упоминается техническая составляющая программ Трусовой, причем ее талант к четверным прыжкам обыгрывается фразой *jumps to Junior Ladies gold*. Во втором и третьем заголовках мы можем наблюдать сразу несколько примеров оценки, реализующейся через изначально неоценочную лексику, но приобретающую оценочное значение в контексте (*runaway victory*,

sensation, grabs gold). Положительные оценочные смыслы в четвертом заголовке выражены с помощью прилагательного *irrepressible*, которое в контексте выскаживания положительно характеризует фигуриста, и зевгмы *gets gold and ticket to Turin*, помимо всего прочего добавляющей заголовку экспрессивности. К тому же, упоминание «билетов в Турин» также можно рассматривать как косвенную оценку: поскольку фигурист выиграл французский этап гран-при, он имеет право принять участие в финале гран-при в Турине, а финал гран-при по важности равнозначен европейскому первенству.

Заголовки аналогичных новостей на сайте ФФКР вполне соответствуют уже проанализированным текстам в жанре спортивной новости. Так, одними из самых эмоциональных заголовков на сайте Федерации фигурного катания России являются следующие два примера:

(21) Александра Трусова прыгнула 4 четверных на «Japan Open»!;

(22) Алена Косторная выиграла «Финляндия Трофи», Елизавета Туктамышева завоевала серебро. Обе фигуристки исполнили в программе по два 3 акселя!

Как можно видеть, именно упоминание технической сложности является ключевым средством реализации косвенной оценки: в первом случае это рекордное количество четверных прыжков, во втором – два тройных акселя. Стоит отметить, что при общейдержанности изложения спортивных новостей на сайте ФФКР в некоторых случаях авторы пытаются сделать сами тексты и их заголовки более эмоциональными. Однако любопытен тот факт, что из всех возможных способов усиления экспрессивности высказывания предпочтение отдается восклицательным знакам, хотя и они встречаются довольно редко. В большинстве случаев заголовок – это выдержка из текста спортивной новости, резюмирующая, кто занял призовые места, независимо от гражданства победивших спортсменов. В

проанализированных английских заголовках, в свою очередь, восклицательные знаки не используются, что довольно типично для английской речевой культуры. Кроме того, общий высокий эмоционально-экспрессивный фон английских заголовков достигается преимущественно за счет лексических, а не пунктуационных средств. Складывается ощущение, что главная цель англоязычных заголовков – привлечь внимание читателей: заголовок даже не дублируется в начале самой новости, так как при переходе по ссылке мы сразу попадаем на страницу со спортивной новостью, которая, в свою очередь, изобилует примерами прямой и непрямой оценки. При нажатии на ссылку на сайте ФФКР мы также переходим на страницу спортивной новости, но заголовок неизменно расположен в самом верху страницы. Русскоязычные заголовки более сдержанные, как и следующие после них новостные тексты.

Выводы

В рамках данного исследования были проанализированы примеры косвенной оценки в жанре спортивной новости на материале новостных текстов двух сайтов сходной тематики и назначения: сайта ФФКР и ИСУ. В ходе исследования были выявлены три основных способа выражения косвенной оценки в жанре спортивной новости: 1) с помощью потенциально оценочной лексики, 2) посредством лексических стилистических средств, 3) через целенаправленный отбор фактов. Проведенный статистический анализ показал, что в англоязычных текстах все три способа косвенного выражения оценочных смыслов довольно распространены (42 %, 19 % и 39 % соответственно), тогда как в русскоязычных текстах значительно превалирует третий тип: на целенаправленный отбор фактов приходится около 94 %, на лексические стилистические средства 3,4 %, на потенциально оценочную лексику – 2,6 %. При этом также стоит отметить в целом до-

вольно низкую долю прямых и косвенных оценочных высказываний в русскоязычных источниках по сравнению с англоязычными текстами, причем данная особенность характерна как для самих спортивных новостей, так и для их заголовков.

В данный момент нам сложно объяснить этот феномен: невозможно однозначно заявить, что все российские спортивные новости даются в официальной безоценочной манере: в проанализированных русскоязычных материалах были обнаружены примеры метафор, хотя и со стертым оценочной семантикой. Нельзя игнорировать и многочисленные упоминания выполненных технических элементов и других фактов, способных косвенно выразить положительную оценку и повлиять на мнение читателей. Таким образом, оценочность в российских спортивных новостях, конечно, присутствует, но в очень неявной форме, что особенно заметно при сопоставлении русскоязычных стилистически сдержанных спортивных новостей и аналогичных новостей англоязычного сайта, которые по уровню оценочности напоминают, скорее, рекламные тексты. Возможно, данная особенность связана с постановкой различных задач: Международному союзу конькобежцев важнее привлечь большую аудиторию читателей и потенциальных зрителей, т. е. они могут преследовать коммерческие цели. Судя по новостным текстам Федерации фигурного катания на коньках России, их основная задача – информирование читателей о результатах прошедших соревнований, т. е. трансляция фактической информации. Возможно, при анализе новостных текстов из других русскоязычных источников будут получены иные результаты.

Поскольку данное исследование посвящено исключительно косвенной оценке в жанре спортивной новости, перспективы дальнейшего изучения проблемы оценочности спортивного дискурса мы видим в более детальном анализе косвен-

ной оценки в других жанрах. Например, с точки зрения оценочности малоизученными остаются такие жанры спортивного дискурса, как спортивная пресс-конференция, спортивное чат-интервью, спортивный анонс и др. Помимо этого науч-

ный интерес представляют такие вопросы, как случаи тесного переплетения косвенной и прямой оценки, а также роль дискурсивных маркеров при передаче оценочных смыслов.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Теория дискурса. М.: Прогресс, 1990. С. 5 – 32.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. 283 с.
3. Ивин А.А. Логика. М., 2016. 304 с.
4. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999. 179 с.
5. Bednarek M. Dimensions of evaluation: cognitive and linguistic perspectives // Pragmatics & Cognition. 2009. 17 (1). Pp. 146 – 175.
6. Levinson S. Pragmatics. Cambridge, 1983. 420 p.
7. Martin J.R., & White P.R.R. The language of evaluation. London: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.
8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
9. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2013. 128 с.
10. Клушина Н.И. Интенциональная конфигурация медийного пространства // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 40 – 45.
11. De Beaugrande R., & Dressler W. Introduction to text linguistics. London and New York: Longman, 1981. 270 p.
12. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
13. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
14. Кошкова Н.Н. Лингвопрагматические и жанрово-стилистические особенности презентации чемпионата мира по футболу 2018 г. в британском медиадискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 802 – 819.
15. Комиссарова Н.Г., Якупова Д.Р. Оценочность в дискурсе СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2. Ч. 1. С. 83 – 87.
16. Tolson A. Media Talk: Spoken Discourse on TV and Radio. Columbia University Press, 2006. 193 p.
17. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
18. Пащенко Н.М. Категория оценки в русском и английском политическом дискурсе (на материале выступлений политических деятелей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2(77). С. 134 – 138.
19. Bullo S. Evaluation in advertising reception: A social-cognitive and linguistic perspective // Discourse & Communication. 2014. Vol. 10 (5). Pp. 543 – 545.
20. Снятков К.В. Телевизионный спортивный дискурс : аспекты коммуникативно-прагматического анализа // Известия Российской государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 14 (37). С. 189 – 194.
21. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск, 2011. 324 с.
22. Conboy M. British popular newspaper traditions: From the nineteenth century to the first tabloid. In: Palander-Collin M., Ratia M., & Taavitsainen I. (eds.) Diachronic developments in English news discourse. John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 241 – 265.

23. Шевелева Г.И. Метафора как средство создания образности в текстах оригинала и перевода // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 222 – 230.

24. Щербатых Е.Ю. Категоричность оценки и ее снижение в текстах современных англоязычных интервью // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12 (67). С. 150 – 154.

References

1. Arutyunova N.D. *Teoriya diskursa* [Theory of discourse]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 5 – 32 (In Russ.)
2. Vol'f E.M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 283 p. (In Russ.)
3. Ivin A.A. *Logika* [Logic]. Moscow, 2016. 304 p. (In Russ.)
4. Sedov K.F. *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoi lichnosti: psichologicheskie i sotsiolingvisticheskie aspekty* [Formation of discursive thinking of a language personality: psycho- and sociolinguistic aspects]. Saratov, 1999. 179 p. (In Russ.)
5. Bednarek M. Dimensions of evaluation: cognitive and linguistic perspectives. *Pragmatics & Cognition*, 2009, no. 17(1), pp. 146–175.
6. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge, 1983. 420 p.
7. Martin J.R., & White P.R.R. *The language of evaluation*. London: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.
8. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (In Russ.)
9. Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: Problemy rechevogo vozdeistviya* [Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 128 p. (In Russ.)
10. Klushina N.I. *Intentsional'naya konfiguratsiya mediinogo prostranstva* [Intentional configuration of the media space]. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*, 2013, no. 2 (44), pp. 40–45 (In Russ.)
11. De Beaugrande R., & Dressler W. *Introduction to text linguistics*. London and New York, Longman Publ., 1981. 270 p.
12. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London, Longman Publ., 1983. 250 p.
13. Dement'ev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (In Russ.)
14. Koshkarova N.N. Lingvopragmatische i zhanrovo-stilisticheskie osobennosti reprezentatsii chempionata mira po futbolu 2018 g. v britanskom mediadiskurse [Linguopragmatic and genre-stylistic features of the representation of the 2018 FIFA world Cup in the British media discourse]. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 802–819 (In Russ.)
15. Komissarova N.G., Yakupova D.R. *Otsenochnost' v diskurse SMI* [Evaluation in the media discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2018, no. 2, pt. 1, pp. 83 – 87 (In Russ.)
16. Tolson A. *Media Talk: Spoken Discourse on TV and Radio*. Columbia University Press, 2006. 193 p.
17. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004. 326 p. (In Russ.)
18. Pashchenko N.M. *Kategoriya otsenki v russkom i angliiskom politicheskem diskurse (na materiale vystuplenii politicheskikh deyatelei)*. [Category of assessment in Russian and English political discourse (based on the material of speeches of political figures)]. *Filologicheskie*

- nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2017, no. 11-2(77), pp. 134–138 (In Russ.)
19. Bullo S. Evaluation in advertising reception: A social-cognitive and linguistic perspective. *Discourse & Communication*, 2014, vol. 10 (5), pp. 543–545.
20. Snyatkov K.V. *Televizionnyi sportivnyi diskurs: aspekty kommunikativno-pragmaticheskogo analiza* [TV sports discourse : aspects of communicative and pragmatic analysis]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*, 2007, no. 14 (37), pp. 189–194 (In Russ.)
21. Malysheva E.G. *Russkii sportivnyi diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguistic and cognitive research]. Omsk, 2011. 324 p. (In Russ.)
22. Conboy M. British popular newspaper traditions: From the nineteenth century to the first tabloid. In: Palander-Collin M., Ratia M., & Taavitsainen I. (eds.) *Diachronic developments in English news discourse*. John Benjamins Publishing Company, 2017, pp. 241 – 265.
23. Sheveleva G.I. *Metafora kak sredstvo sozdaniya obraznosti v tekstakh originala i perevoda* [Metaphor as a means of creating imagery in the original and translated texts]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda = Language, Communication and Social Environment*, 2012, no. 10, pp. 222 – 230 (In Russ.)
24. Shcherbatykh E.Yu. *Kategorichnost' otsenki i ee snizhenie v tekstakh sovremennoykh angloyazychnykh interv'yu* [Categorical assessment and its reduction in the texts of modern English-language interviews]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*, 2012, no. 12 (67), pp. 150–154.

Информация об авторе / Information about the Author

Пантеева Ксения Владимировна, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина», г. Саратов, Российская Федерация
e-mail: kse-panteeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6422-4906

Ksenia V. Panteeva, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russian Federation
e-mail: kse-panteeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6422-4906

Оригинальная статья/Original article

УДК 81'255.2

Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей-инофонов

Н. Ю. Кораблева¹

¹Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
ул. Остоженка 38, г. Москва 119034, Российская Федерация

 e-mail: korabl-nat@mail.ru

Резюме

В данной статье рассматриваются и анализируются особенности репрезентации идиолектной специфики литературных персонажей-иностранных на примере романа австралийского писателя Грегори Дэвида Робертса «Шантарам». На сегодняшний день проблема передачи речи персонажей-иностранных при переводе произведений художественной литературы остается недостаточно изученной, несмотря на ее очевидную актуальность и перспективность в связи с тем, что литературные персонажи-иностранные довольно часто встречаются в художественных произведениях. Передача особенностей их идиолектов в переводе носит обязательный для переводчика характер, так как данные речевые особенности часто используются авторами художественных произведений для создания максимально полного и запоминающегося для читателя образа героя, то есть, по сути, могут выполнять текст образующую функцию. При этом до сих пор отсутствуют рекомендованные стратегии и тактики передачи особенностей идиолектов персонажей-иностранных при переводе произведений художественной литературы с английского языка на русский. Речь персонажей-иностранных отличается набором специфических черт, проявляющихся на разных языковых уровнях, включая фонетический, грамматический, лексический и синтаксический. В данной статье будут проанализированы особенности идиолектов литературных персонажей-иностранных, проявляющихся на грамматическом и синтаксическом уровнях. В статье выделяется ряд приемов, позволяющих максимально полно раскрыть образ литературного персонажа-иностраника в оригинальном произведении. Полученные выводы подкрепляются многочисленными примерами, взятыми из романа, которые в дальнейшем могут быть использованы переводчиками-практиками в своей работе, а также исследователями в области лингвистики текста, литературоведения, перевода.

Ключевые слова: особенности идиолекта; литературный персонаж; персонаж-иностраник; отклонения от литературной нормы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кораблева Н. Ю. Соблюдение особенностей идиолекта литературных персонажей-инофонов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 91–97.

Статья поступила в редакцию 15.05.2020

Статья подписана в печать 03.06.2020

Статья опубликована 20.07.2020

Preservation of Idiolect of Literary Characters - Foreigners in Translation

Natalia U. Korableva¹

Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka str., Moscow 119034, Russian Federation

 e-mail: korabl-nat@mail.ru

Abstract

The article “Preservation of idiolect of literary characters-foreigners in translation” is aimed at classifying and analyzing deviations from the literary norm that can be traced in the speech of the literary characters-foreigners of the novel “Shantaram” written by Australian writer Gregory David Roberts. Despite the fact that the problem of reflection of idiolects of literary characters-foreigners in translation forms a great interest for researchers in general, it hasn’t been studied properly yet, there are no practical recommendations given on possible ways of their reflection in translation from English into Russian in particular. Idiolects in general as an artistic technique are widely used by the authors to make their literary characters unforgettable for the reader. They help to form a definite impression of the character and in some situations can even perform a text-forming function. Idiolects of literary characters-foreigners can be found in different language layers including grammar, phonetic and lexical levels. In this article they will be analyzed from the position of grammar and phonetic deviations from the literary norm. The author of the article points out several strategies that help the writer of the novel make the image of the literary characters-foreigners complete and substantiates these strategies with numerous examples.

Keywords: idiolect; literary character; character-foreigner; deviations from literary norm.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Korableva N. U. Preservation of Idiolect of Literary Characters - Foreigners in Translation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 91–97 (In Russ.).

Received 15.05.2020

Accepted 03.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

Проблема передачи речевых характеристик персонажей в переводе неоднократно поднималась исследователями в своих научных работах и продолжает вызывать неподдельный интерес в связи с ее актуальностью и многогранностью. Исследователь имеет возможность подойти к изучению и анализу речевых особенностей персонажей, то есть особенностей их идиолектов, с разных сторон, включая фонетический, лексический, грамматический и синтаксический уровни. Не меньшую значимость при анализе особенностей идиолекта литературных персонажей играет их социальный статус и уровень образования, так

как выше обозначенные составляющие выполняют не последнюю роль в формировании речевых особенностей героев. Нередко авторы художественных произведений прибегают к использованию отклонений от литературной нормы для того, чтобы сделать речь своих персонажей яркой, запоминающейся, в своем роде, неповторимой.

Как справедливо отмечает исследователь Ю.Н. Карапулов, в результате изменения научной парадигмы, претерпел изменение и подход к анализу художественных текстов [2], которые, в свою очередь, стали восприниматься исследователями как цельные произведения с определенным набором характеристик,

включая такие важные аспекты, как ассоциативные, коннотативные и текстообразующие характеристики [4]. Изменился и подход к анализу речевых особенностей литературных персонажей. На первый план вышли такие неотъемлемые для создания полноценного образа персонажа черты, как половозрастные и гендерные характеристики, а также социальный статус говорящего.

По мнению ряда исследователей, включая Я.И. Рецкера [6], речевые отклонения от литературной нормы можно условно отнести к коллективным, то есть характерным для целого социума, или индивидуальным, то есть составляющим основу идиолекта того или иного индивида или литературного персонажа.

Традиционно, к коллективным отклонениям принято относить просторечие, диалектальные особенности речи, жаргоны, сленг, а также профессиональные языки, отличающиеся специфической лексической и фонетической наполненностью. Как справедливо отмечает М.Ю. Титоренко, реализация сленга возможна лишь на лексическом уровне, так как сленг представляет собой особый словарь, то есть набор определенных слов и выражений, характерных для конкретной социальной общности [10]. По мнению исследователя Е.Д. Поливанова, жаргонизмы, в частности, широко используемые подростками в своей повседневной речи, отличаются богатым смысловым содержанием [5].

Что же касается индивидуальных речевых отклонений, к ним следует относить вольности устной речи, ломаную речь, фонетические, грамматические и лексические ошибки, встречающиеся как в устной речи, так и на письме. Как справедливо отмечают С. Влахов и С. Флорин [1], к индивидуальным речевым особенностям можно также отнести детскую речь и речь иностранцев.

Индивидуальные речевые отклонения от литературной нормы отличаются большей яркостью и неповторимостью, и

нередко используются авторами в произведениях художественной литературы, в определенных случаях, даже выполняя текстообразующую функцию. По мнению Д.Э. Розенталя, просторечная лексика и «необработанный» синтаксис, а также излюбленные «словечки» и обороты речи характеризуют литературный персонаж с общекультурной, социальной и профессиональной стороны [8].

Использование отклонений от литературной нормы в качестве речевого строительного материала открывает для писателя широкий круг возможностей, включая возможность сделать произведение незабываемым, придать особый колорит речи литературных персонажей, максимально точно и полно раскрыть образы героев литературных произведений.

Внимательный читатель всегда обращает внимание на индивидуальные речевые особенности героев художественных произведений. Именно они позволяют автору литературного произведения сделать образ своего героя запоминающимся. Нередко, наряду с использованием отклонений от литературной нормы, авторы художественных произведений прибегают, к своего рода, «речевой уловке» для того, чтобы образ литературного персонажа произвел большее впечатление на читателя. Стоит вспомнить революционно-романтический роман американской писательницы Этель Лилиан Войнич «Овод» [13], главный герой которого, запомнился читателю не только и не столько своими поступками и пламенными речами, но и обращающим на себя внимание дефектом речи – заиканием, которое писательница умело использовала для максимального раскрытия образа своего героя, для передачи его отношения к происходящим событиям, отражения его социальных взглядов и внутренних противоречий.

Результаты и обсуждение

В данной статье мы рассмотрим и проанализируем речь литературных пер-

сонажей-иностранцев, которая представляет особый интерес для исследователей в виду своей специфики, малой изученности, широкого спектра возможностей для литературоведческого и лингвистического анализа, а также переводческой сложности, в связи с тем, что индивидуальные речевые особенности героев литературных произведений требуют индивидуального подхода переводчика к герою, подбора соответствующих переводческих решений для максимально полно го сохранения образа героя в переводе.

Как справедливо отмечает исследователь Л.И. Скворцов, переводчик обладает достаточно широким набором средств [9] для полноценного воссоздания образа литературного персонажа в переводе за счет использования речевых нюансов. При этом каждый конкретный случай требует индивидуального подхода со стороны переводчика, предполагает принятие индивидуального решения.

По мнению А.В. Федорова, передача индивидуальных особенностей литературных персонажей требует функционального подхода со стороны переводчика. То, что представляется невозможным в отношении отдельного элемента, возможно в отношении целого за счет выявления и передачи смысловых и художественных функций отдельных единиц [11].

Для анализа речевых характеристик литературных персонажей-иностранцев мы выбрали роман австралийского писателя Грегори Дэвида Роберта «Шантарам».

Как следует из редакторской заметки, произведение вышеобозначенного автора не оставит читателя равнодушным, и это действительно так, несмотря на то, что это дебютный роман писателя, не имеющего соответствующего профессионального образования, не имеющего отношения ни к журналистике, ни к лингвистике. При этом Г.Д. Робертс тонко чувствует своих героев и понимает необходимость сохранения речевых особенностей своих персонажей, отличающихся

разнообразием, неповторимостью и бесспорной индивидуальностью.

В своем романе Шантарам Г.Д. Робертс уделяет особое внимание передаче речи персонажей-иностранцев, ведь герои произведения – представители разных стран, с различными традициями, языками, манерой общения, культурной и социальной принадлежностью. Речь героев романа отличается самобытностью, колоритностью и индивидуальностью, что создает определенную сложность при переводе произведения на другие языки, в том числе и русский язык, в связи с необходимостью подбора переводчиком соответствующих языковых средств, позволяющих максимально полно сохранить образ героя в переводном произведении.

По мнению болгарских теоретиков С. Влахова и С. Флорина, передача «ломаной» речи иностранцев представляет определенную сложность для переводчика в связи с тем, что, во-первых, она должна звучать естественно, а во-вторых, у читателя должен формироваться точный образ героя, с учетом его географической и социальной принадлежности, так как речь представителя той или иной страны характеризуется определенной спецификой [1]. По нашему мнению, эффекта натуральности можно добиться за счет использования переводчиком функционального подхода, позволяющего максимально точно и полно передать речевые особенности героев, то есть раскрыть особенности их идиолектов.

Проведенный нами лингвистический анализ текста позволил выделить следующие приемы, к которым прибегает автор оригинального произведения для придания речи своих героев аутентичности звучания. Г.Д. Робертс использует отклонения от литературной нормы, которые проявляются в виде грамматических нарушений, фонетических и лексических искажений. Автор также компилирует слова и выражения из разных языков в речи своих героев для того, что-

бы диалоги, произносимые персонажами, звучали естественно и непринужденно.

Обращает на себя внимание и тот факт, что речь героев напрямую связана с их социальной принадлежностью и полностью отражает их социальный статус. Чем выше социальный статус героя и уровень его образования, тем правильнее звучит его речь.

К грамматическим отклонениям от литературной нормы можно отнести следующее:

1. Использование некорректной формы прилагательного или причастия:

This is a fine name, a very power name [Roberts, p.29].

You think I was frightening for fire? [Roberts, p. 69].

May be you will become such good and closely friends that you will have a lot of sexes together [Roberts, p.25].

2. Использование приема двойной номинации:

I want to leave it this bottle of whisky you gave to me [Roberts, p.29].

Just you see how he likes it your name [Roberts, p.29].

He was drunk, that fellow, or not right in his head [Roberts, p.155].

See, Mr. Lindsay, I bought it just two cigarettes for us [Roberts, p.24].

3. Отсутствие фиксированного порядка слов, обязательного для английского языка:

Very fine fellow, he is also [Roberts, p.30].

And Bombey bus tickets, all they pay [Roberts, p.32].

Just one cigarette, you can buy only [Roberts, p.24].

4. Использование формы Continuous с глаголами, не употребляющимися в этой форме, или ее некорректное применение:

They are not liking it, and I am not liking their not liking [Roberts, p.65].

It is what foreigners are calling foreplay, isn't it? [Roberts, p. 26].

He is speaking Hindi language [Roberts, p.26].

He is telling it one very funny story, about an inspector of Bombay Police, a very great powerful fellow in this area [Roberts, p.26].

5. Использование неопределенного артикля со словами во множественном числе:

You must have it a good heads, and you must be having a good hearts, to not like them too much [Roberts, p. 66].

6. Некорректное образование вопроса и отрицания, проявляющегося в отсутствии вспомогательного глагола:

Correct. And also good eating, again you are not mention [Roberts, p.66].

You want to try it? [Roberts, p. 24].

You know her? [Roberts, p. 25].

Для создания у читателя максимально полного впечатления об образе персонажа-иностраница [3] автор оригинального произведения использует ряд стилистических приемов, направленных на придание речи героев естественности звучания. К ним можно отнести следующие приемы:

1. Повторение фразы, произнесенной героем на своем родном языке, на языке текста оригинала, то есть на английском языке:

Paous alla! S'alla ghurree! - the children cried repeatedly

The rain is coming. Let's go home! [Roberts, p. 132].

Thik hain. Challo! - he said

Let's go! [Roberts, p. 157].

2. Использование слов и выражений из родного языка героями в своей речи на иностранном языке:

Can you believe it! In my shoe! Nicht zu fassen [Roberts, p.41].

A toast! To the freedom ... to drink! Salut! [Roberts, p.41].

What, alone? C'est trop! Don't you know, my dear friend, it is faintly disgusting to be alone here? [Roberts, p.47].

It is wide-brimmed, in black or white, and made from furs of the lapin [Roberts, p.83].

Comme ça! That is my point! [Roberts, p.84].

Следует отметить, что персонажи-иностранцы прибегают к использованию слов и выражений из своего родного языка по разным причинам. Это может быть и желание продемонстрировать свою национальную принадлежность, а также любовь к родному языку, и возможность выразить свою мысль более лаконично. В некоторых случаях, это непосредственно связано с незнанием того или иного слова на иностранном языке.

Выводы

Проведенный нами анализ речевых особенностей персонажей-иностранцев дает возможность сделать вывод о том, что авторы оригинальных произведений уделяют большое внимание созданию образов своих героев, где речевые характеристики персонажа играют не последнюю роль. Особенности идиолектов литературных персонажей способствуют более полному раскрытию образа героя, делают персонаж запоминающимся для читателя. Образ героя приобретает многогранность. Максимально естественное и непринужденное звучание героев дости-

гается за счет применения автором оригинального произведения различных стилистических приемов, включая возможность использования отклонений от фонетической, лексической и грамматической нормы. Наличие в речи героев отклонений от литературной нормы также дает возможность авторам оригинальных произведений обозначить социальный статус говорящего, отразить уровень его образования.

Столь пристальное внимание авторов оригинальных произведений к речевым характеристикам своих героев не должно быть проигнорировано переводчиками, перед которыми стоит непростая задача максимально полно и точно передать замысел автора оригинального произведения и сохранить особенности идиолектов литературных персонажей в переводе. Использование соответствующих переводческих тактик, а также применение функционального подхода к переводу литературного произведения в целом, позволит переводчику сохранить образ литературного персонажа в переводе с учетом особенностей его идиолекта.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 2012. 368 с.
2. Карапулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. СПб.: Изд-во «ЛКИ», 2010. 264 с.
3. Кораблева Н.Ю. Передача возрастных и гендерных особенностей идиолекта (при переводе произведений художественной литературы с английского языка на русский): дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 253 с.
4. Пицальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопоэтика. М.: АСОУ, 2010. 144 с.
5. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 2010. 367 с.
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Валент, 2010. 240 с.
7. Робертс Г.Д. Шантарам. СПб.: Изд-во «Азбука», 2018. 608 с.
8. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. М.: Айрис-пресс, 2010. 245 с.
9. Скворцов Л.И. Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 2008. 254 с.
10. Титоренко М.Ю. Сленг как составляющая языковой личности подростка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 203 с.
11. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Филология Три, 2002. 416 с.
12. Roberts G. Shantaram. UK: Abacus, 2017. 933 p.
13. Voynich E.L. The Gadfly. М.: EBook, 2013. 344 p.

References

1. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslated aspects in translation]. Moscow, High School Publ., 2012. 368 p. (In Russ.)
2. Karaulov U.N. *Russkij yazik I yazikovayay lichnost* [Russian language and language personality]. St. Petersburg, LKI Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)
3. Korableva N.U. *Peredacha vozrastnyh i gendernyh osobennostei idiolecta (pri perevode proizvedeniy hudozestvennoi literaturi s angliyskogo yazika na russkiy)*. Diss. cand. filol. nauk. [Representation of age and gender peculiarities in translation from English into Russian in literary works. Cand. philological sci. diss]. Moscow, 2010. 253 p. (In Russ.)
4. Pischalnikova V.A. *Istoria i teoriya psicholinguistiki. Psychopoetik* [The history and theory of psycholinguistics]. Part 3. Psychopoetics. Moscow, ASOU Publ., 2010. 144 p. (In Russ.)
5. Polivanov E.D. *Statii po obshemey yazikoznaniu* [General article on linguistics]. Moscow, Science Publ., 2010. 367 p. (In Russ.)
6. Retsker I.E. *Teoriyay perevoda i perevodcheskay praktika* [The theory of translation and interpretation practice]. Moscow, Valent Publ., 2010. 240 p. (In Russ.)
7. Roberts G. *Shantaram* [Shantaram]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2018. 608 p. (In Russ.)
8. Rozental D.E. *Sovremenny russkyi yazik* [Modern Russian Language]. Moscow, Airis-Press Publ., 2010. 245 p. (In Russ.)
9. Scvortsov L.I. *Literaturnaya norma i prostorechie* [Literary norm and slang]. Moscow, Science Publ., 2008. 254 p. (In Russ.)
10. Titorenko M.U. *Slang kak sostavlayaushaya yazikovoи lichnosti podrostka*. Diss. cand. filol. nauk [Slang as an integral part of teenager's idiolect. Cand. filology sci. diss]. Moscow, 2003. 203 p. (In Russ.)
11. Fedorov A.V. *Osnovy obshei teorii perevoda* [Basis for translation]. Moscow, Philology Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)
12. Roberts G. *Shantaram* [Shantaram]. UK: Abacus Publ., 2017. 933 p.
13. Voynich E.L. *The Gadfly*. Moscow, EBook Publ., 2013. 344 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Кораблева Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: korabl-nat@mail.ru

Natalia Yu. Korableva, Candidate of Philology (PhD), Associate Professor, Department of English Language, Faculty of Translation and Interpreting, MSLU, Moscow, Russian Federation
e-mail: korabl-nat@mail.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 81'27

Структура чэньюя как когнитивная основа современной китайской социальной рекламы**Е.А. Ткачук¹ **

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ул. Ставропольская 149, г. Краснодар 350040, Российская Федерация

 e-mail: xiangjiao@inbox.ru

Резюме

Чэньюй – это особый вид устойчивого выражения в китайском языке, характеризующийся четырехсложной структурой, источниками которого являются классическая литература и древние тексты. Благодаря этому он несет в себе богатый этнокультурный и морально-ценостный смысл для понимания которого необходим определенный набор фоновых знаний, отличающий образованного человека в Китае. Чэньюй и схожие с ним конструкции являются распространенным средством достижения выразительности в современной китайской социальной рекламе. В статье уделяется внимание классификации и отличительным особенностям китайских фразеологических оборотов, а также их использованию в построении рекламного текста. Целью исследования является анализ их роли в формировании когнитивной основы данного вида рекламы в Китае. В статье решаются следующие задачи: определить принципиальное отличие чэньюй от других видов фразеологических оборотов, проанализировать продуктивность их структуры, отобрать из рекламных текстов чэньюй и схожие конструкции, оценить степень их выразительности и способы, которыми она достигается. В ходе исследования применялись следующие методики: наблюдение, лингвистический, семантический и компонентный анализ текста. В результате исследования 6 рекламных баннеров из сети Интернет были сделаны следующие выводы: 1) о современности и перспективности использования данных стилистических средств в рекламе за счет их гибкости и продуктивности; 2) о большей эффективности исконных чэньюев по сравнению со схожими конструкциями ввиду их более глубокого культурного и ценностного смысла; 3) о нецелесообразности применения данного средства в рекламе, направленной на детскую аудиторию.

Ключевые слова: китайская социальная реклама; чэньюй; лингвистический анализ; рекламный текст; стилистика; устойчивые выражения; китайский язык.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ткачук Е.А. Структура чэньюя как когнитивная основа современной китайской социальной рекламы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 98–109.

Статья поступила в редакцию 01.06.2020 Статья подписана в печать 24.06.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Ткачук Е.А., 2020

Chengyu Structure as the Cognitive Basis of Modern Chinese Social Advertising

Ekaterina A. Tkachuk¹

¹Kuban State University
149 Stavropolskaya str., Krasnodar 350040, Russian Federation

 e-mail: xiangjiao@inbox.ru

Abstract

Chengyu is a special kind of phraseological expression in the Chinese language, characterized by a four-syllable structure, the sources of which are classical literature and ancient texts. Due to this, it carries a rich ethnocultural and moral-value meaning for the understanding of which a certain set of background knowledge is needed that distinguishes an educated person in China. Chengyu and similar constructions are a common means of achieving expressiveness in modern Chinese social advertising. The article focuses on the classification and distinctive features of Chinese phraseological expressions, as well as their use in the construction of an advertising text. The aim of the study is to analyze their role in the formation of the cognitive basis of this type of advertising in China. The following tasks are solved in the article: determination of the fundamental difference between Chengyu and other types of phraseological expressions, analysis of the productivity of their structure, selection of Chengyu and similar constructions from advertising texts, evaluation of the degree of their expressiveness and the ways in which it is achieved. During the study, the following methods were used: observation, linguistic, semantic and component analysis of the text. As a result of the study of 6 advertising banners from the Internet, the following conclusions were drawn: 1) on the modernity and perspectiveness of using these stylistic tools in advertising due to their flexibility and productivity; 2) on the greater efficiency of the original Chenyuy in comparison with similar constructions due to their deeper cultural and value meaning; 3) on the ineffectiveness of using this tool in advertising aimed at a children's audience.

Keywords: Chinese social advertising; Chengyu; linguistic analysis; advertising text; style; stable expressions; Chinese language.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tkachuk E.A. Chengyu Structure as the Cognitive Basis of Modern Chinese Social Advertising. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 98–109 (In Russ.).

Received 01.06.2020

Accepted 24.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

Чэньюй – тип устойчивого выражения, специфичный для китайского языка, чаще всего состоящий из четырех иероглифов. Чэньюй как элемент классической литературы уходит корнями в легенды и мифы Древнего Китая и представляет в предельно краткой форме основные ценности китайских философских учений, будучи сходным в этом с русскими пословицами и поговорками,

фиксирующими базовые ценности русского этноса. В силу краткости формы и важности отточенного веками содержания чэньюй является популярным средством украшения речи в современном китайском языке: эти устойчивые выражения не только придают речи глубокую выразительность, но и демонстрируют образованность говорящего. Грамматика чэньюев отражает правила вэньянь – письменного книжного китайского языка,

сохранившего морфологию и синтаксис древнекитайского, которые сильно отличаются от разговорной речи [8].

Характерной чертой является специфическая синтаксическая конструкция: чаще всего чэньюй состоит из четырех слогов, из двух двучленных компонентов и строится на основе грамматической, семантической и фонетической парности [1], 天涯海角 / буквально ‘граница неба, угол моря’; имеет значение ‘самые отдаленные уголки земли’, ‘на краю света’, ‘по всему миру’). Фонетическая и семантическая парность факультативны, грамматическая – обязательна. Чэньюй может состоять и из большего или меньшего количества знаков (от трех до четырнадцати), но все-таки четырехсложная структура превалирует благодаря стремлению к экономии речевых усилий и отмечаемой общей тенденции китайского языка к парности и симметрии [3]. Такая синтаксическая конструкция, фиксирующая особую когнитивную модель, – построение аналогии, отражающей параллельность явлений в миру – задает познавательную схему, когнитивный путь понимания окказиональных фразеологизмов в литературных произведениях, рекламе, разговорной речи. Операционально это происходит путем подстановки в типовую параллельную конструкцию десемантизованных константных пар (это иероглифы-пары, утратившие свое значение в составе фразеологизма) [1], например, 天 – 地 / небо – земля): 天和地安 / мир во всем мире, буквально ‘Мир на небе, спокойствие на земле’.

Три основополагающих отличительных признака чэньюя это: 1) архаичность лексики; 2) семантическое единство (так как выражение имеет переносное значение, его элементы десемантизированы, делая чэньюй единой конструкцией, являющейся отдельным членом предложе-

ния и способной принимать на себя роль различных частей речи); 3) добавочное экспрессивное значение [1].

Среди сходных с чэньюями фразеологических конструкций можно назвать еще четыре, выделяемых китайским лингвистом Ма Гофанем: яньюи – пословицы (отличаются тем, что не заимствованы из классических текстов, а созданы народом, и обязательно несут поучительный смысл); сехоуюи – недоговорки-иносказания (нет определенного количества иероглифов, состоят из двух частей: иносказания и его пояснения; иногда употребляется только первый элемент, а второй отсекается по типу «слово не воробей...»); гуаньюньюи – трехсложные фразеологические сочетания; суюи – поговорки (отсутствует прямой поучительный смысл) [3].

Происхождение фразеологизмов может быть различно, начиная от классических канонов, философских трактатов и художественной литературы, и заканчивая историческими и философскими притчами и крылатыми выражениями, заимствованными из других языков [8], однако их функция в языке неизменна: они служат для компактного выражения в устойчивой форме определенного одобряемого обществом содержания, отсылают к книжной мудрости народа, создают специфический высокий стиль, а потому воспринимаются читателями как важный компонент коммуникации.

Все перечисленное в целом активно используется для повышения эффективности воздействия средств массовой информации в целях агитации, пропаганды, рекламы [2].

Результаты и обсуждение

Одной из самых актуальных тем современной китайской социальной рекламы является пандемия COVID-19. На

борьбу с ней власти КНР бросили все силы, в том числе такое мощное средство, как социальная реклама. Известно, что первая волна заболевания прошла в г. Ухань, и это вызвало актуализацию социальной рекламы в поддержку жителей и врачей, проводились конкурсы и акции

威海市实验高级中学赵悦霖

для поддержания боевого духа уханьцев и тех, кто борется за их жизни.

На рис. 1 можно увидеть написанный каллиграфией чэньюй 风雨同舟 / Вместе преодолевать трудности (буквально: В дождь и ветер в одной лодке).

Рис. 1. Каллиграфия в поддержку жителей Уханя в борьбе с коронавирусом. Автор: старшеклассник из города Вэйхай Чжако Юэлинь

Fig. 1. Calligraphy to support Wuhan residents in the fight against coronavirus. Made by high school student from the city of Weihai, Zhao Yaling

Здесь чэньюй выступает как средство объединения народа с помощью общей древней истории и мудрости. В данном выражении можно выделить такие характерные признаки чэньюя, как: четырехсложность, семантическая целостность, десемантизированность отдельных элементов. Например, 风 / ветер, 雨 / дождь, однако вместе они, благодаря ассоциации ветра и дождя с ненасыщением, невзгодами, в китайской фразеологии означают «жизненные трудности» [9]. Следует также отметить опущение лексических и синтаксических средств ради краткости высказывания, дословно «дождь и ветер – одна лодка», то есть, отсутствует глагол, например, «плыть», а также союз «в». Эти четыре иероглифа рождают в сознании картину плывущей по штормовым волнам лодки с людьми,

которых объединяют общие трудности. Отсюда происходит метафора совместной борьбы с невзгодами. Лодка здесь является символом спасения, что рождает антитезу первой и второй части высказывания: «проблемы — решение».

В связи с тем, что в КНР на новогодние праздники принято возвращаться на свою малую родину к родителям и старшим родственникам, и незадолго до наступления и во время Китайского нового года по лунному календарю все население страны активно переезжает из провинции в провинцию, была выпущена социальная реклама, призывающая оставаться дома и общаться с родней по доступным средствам связи для предотвращения распространения коронавируса (рис. 2).

Рис. 2. Социальная реклама, призывающая людей ограничить предновогоднее перемещение по стране в связи со вспышкой коронавируса

Fig. 2. Social advertising that encourages people to limit their New Year's travel around the country due to the coronavirus outbreak

Текст рекламы расположен на бирюзово-зеленом фоне, надпись белым шрифтом сверху: *这个春节我承诺* / В этот новый год я обещаю. Далее идет основной слоган в четыре крупных белых иероглифа: *见屏如面* / Смотреть на экран – то же, что встретиться (дословно: видеть экран будто лицо). Фраза построена так, чтобы напоминать чэньюй, хотя фактически она им не является: имеет четырехсложную структуру; ради краткости опущен глагол «видеть» во второй части предложения; присутствует противопоставление первой и второй части, т. е. парность: *屏* / экран – *面* / лицо; архаичный классический книжный синтаксис: *如* / будто, можно встретить только в художественном или научном тексте или в составе устойчивых выражений; архаичность лексики: *屏* / свиток, экран, имеет как древнее, так и современное толкование. Благодаря ассоциации с классическим устойчивым выражением достигается большая эффективность рекламы,

так как в такой форме информация воспринимается как мудрость, нечто поучительное, ведь чэньюи для китайцев являются отражением незыблемых истин. Фраза белым шрифтом внизу поясняет смысл: *网络拜年也是团圆* / Справлять новый год в Интернете тоже можно всей семьей. Она насыщена лексикой, связанной с китайским Новым годом: *拜年* / приходить в гости на Новый год, поздравлять с Новым годом, *团圆* / воссоединяться (о семье на Новый год). Эта лексика и рифма *拜年* bāinián – *团圆* tuán yuán усиливает запоминаемость и делает фразу похожей на устойчивое выражение. Она напоминает народную мудрость сеихоюй также благодаря тому, что её можно разделить на две части: первая является незаконченным высказыванием *网络拜年* – встречать Новый Год в Интернете..., а вторая поясняет его смысл: *也是团圆* / тоже значит собраться вместе. Вкупе с традиционностью лексики и рифмой эти средства помогают китайцам ассо-

цировать выражение с пословицей, которую легко запомнить и смысл которой априори считается неопровергимым [5].

Также эта реклама затрагивает одну из важнейших ценностей в культуре ки-

тайского народа: семью. В связи с этим она является максимально эффективной и доходчивой, призывающей беречь здоровье близких.

Рис. 3. Социальная реклама в поддержку жителей города Ухань в борьбе с коронавирусом

Fig. 3. Social advertising to support residents of the city of Wuhan in the fight against coronavirus

На рис. 3 изображена социальная реклама в поддержку г. Ухань от города Яньтай. На розово-красном фоне изображены соединенные руки, символизирующие сплоченность китайского народа в борьбе с инфекцией. Сверху в центре расположен основной слоган: 全民战疫 / Всей страной боремся с эпидемией. Он напоминает по своей структуре чэньюй, так как содержит четыре слога и рифму между первой и второй частью 全民 quánmín – 战疫 zhàn yì, а также имеет архаичную лексику (для древних классических текстов были характерны односложные слова, в то время как современная устная речь тяготеет к двусложности). Благодаря ассоциации с устойчивым выражением текст становится более запоминающимся и эффективным [4].

Первые три иероглифа фразы черного цвета, четвертый, 疫 / эпидемия – красного, что акцентирует внимание на нем и опасности болезни. Нижняя левая часть иероглифа 战 / бороться, представляющая собой графему 口 / рот, закрыта медицинской маской. Внутренний элемент иероглифа 疫 / эпидемия, представляющий собой графему 尸 / небольшой столик, также накрыт изображением маски. С помощью этого повтора закрепляется ассоциация «борьба с болезнью – защитная маска» [10].

Надпись красными иероглифами внизу: 武汉从不孤单, 烟台一直都在! / Ухань никогда не будет в одиночестве – Яньтай всегда с вами! Во фразе употреблен прием антитезы 从不 / никогда – 一直 / всегда, 孤单 / одинокий – 都在 / все

вместе, что характерно для китайских устойчивых выражений суюй. Суюй, «поговорка», – это устойчивое сочетание слов, характеризующееся метафоричностью и экспрессивностью. Среди них преобладают поговорки восьмикомпонентного характера, содержащие параллельные конструкции и антитезы (первые четыре иероглифа – тезис, следующие четыре – антитезис). Такие выражения обычно характеризуют качества человека, политической жизни, нравственные

ценности. Таким образом, благодаря ассоциации с поговоркой, китайцы воспринимают содержание фразы как непреложную истину.

Надпись красным слева сбоку: **抗击新型病毒** / борьба с новым типом вируса. Справа: **从你从我做起** / начинается с тебя и меня.

Интересен следующий пример противовирусной социальной рекламы (рис. 4)

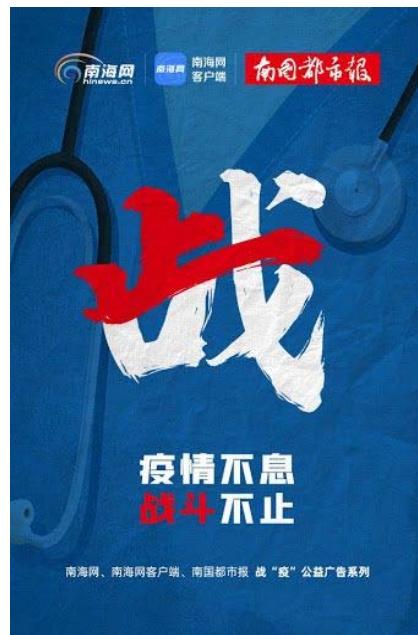

Рис. 4. Социальная реклама на тему борьбы с коронавирусом

Fig. 4. Social advertising on the fight against coronavirus

В центре плаката на синем фоне, изображающем врача со стетоскопом, можно увидеть крупный белый иероглиф **战** / борьба. В него вписан красным еще один иероглиф, как бы являющийся его элементом и совпадающий с его структурой: **止** / останавливать. Это подчеркивает важность остановления распространения вируса для победы над ним. Ниже более мелкими белыми иероглифами две строки: **疫情不息, 战斗不止** / эпидемия продолжается – и борьба не остановится. Красным выделены два иероглифа **战斗** / борьба, что говорит о важности совместной борьбы. Также в слогане присутству-

ет рифма и параллелизм, парность **不息** *bù xī* / непрерывно – **不止** *bù zhǐ* / безостановочно. Все это роднит ее с устойчивыми выражениями суюй (восьмикомпонентная структура, параллельные конструкции, характеристика ситуации) и чэньюй (парность, рифма) – носителями классической и народной мудрости. Благодаря этому слоган легко запоминается, убеждает и мотивирует людей не сдаваться и помогать другим в борьбе с эпидемией.

Следующий пример рекламы из провинции Аньхой (рис. 5) апеллирует к этнокультурным ценностям Китая.

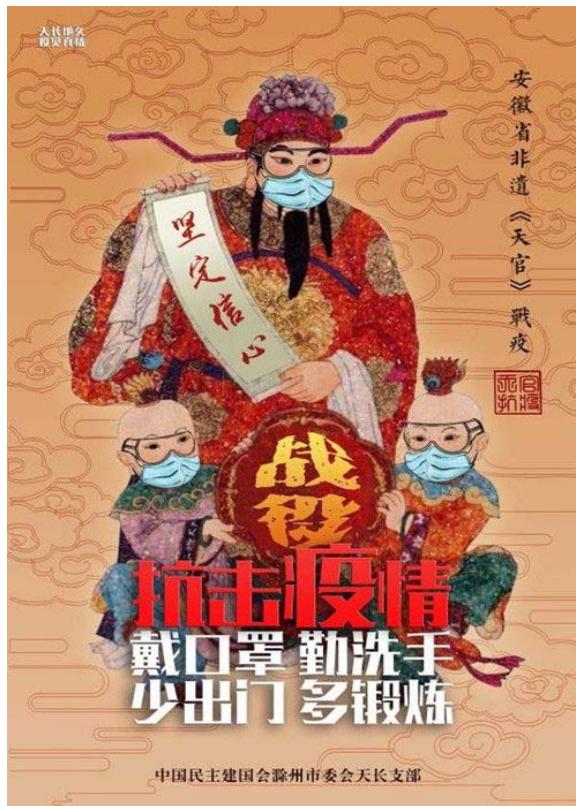

Рис. 5. Социальная реклама на тему борьбы с коронавирусом (провинция Аньхой)

Fig. 5. Social advertising on the fight against coronavirus (Anhui province)

Надпись традиционными иероглифами черным сверху-вниз справа: 安徽省非遗, 天官战疫 / Провинция Аньхой не отступает – Тянь-гуань борется с эпидемией (Тянь-гуань – один из духов неба в даосизме). Традиционные иероглифы (в 60-х-70-х годах XX века многие часто употребительные иероглифы были упрощены), написание старым стилем справа-налево сверху-вниз и односложная лексика, свойственная письменному языку вэньянь, и рифма 非遗 fēi yí / не отступать – 战疫 zhàn yì / бороться с эпидемией, делает слоган похожим на чэньюй. Есть также схожесть с суйюй (9 иероглифов, две части выражения, характеристика ситуации). Все эти характеристики вызывают ассоциацию с древними текстами – источниками мудрости, поэтому получают живой отклик в душе китайцев.

В центре плаката изображен Тянь-гуань, который также символизирует од-

но из созвездий в древнекитайской астрономии. На его лице и лицах его спутников – медицинские маски и защитные очки. Это закрепляет у смотрящего ассоциацию «борьба с вирусом – средства защиты». В руках он держит свиток с надписью: 坚定信心 / твердая уверенность, напоминающей чэньюй по своей четырехсложной структуре. Его спутники поддерживают красный шар с надписью: 战役 / борьба. Ниже красными иероглифами: 抗击疫情 / борьба с эпидемией (также конструкция из четырех иероглифов). Однако в обоих четырехсложных фразах употреблена современная двухсложная лексика, характерная для разговорной речи, а также нет древних служебных слов и лексем, синтаксических опущений, что снижает их выразительность.

Далее белыми иероглифами объясняется, что необходимо делать для пре-

дотвращения распространения вируса: 戴口罩 / носить маску, 勤洗手 / часто мыть руки, 少出行 / меньше выходить на улицу, 多锻炼 / больше тренироваться. Эти фразы можно соотнести с еще одной разновидностью китайских устойчивых выражений – гуаньюньюй. Гуаньюньюй – это всегда трехморфемное словосочетание, что отличает его от чэньюя. К ним чаще всего относят глагольные трехсложные сочетания. Они так же, как и другие фразеологизмы в китайском языке, обладают высокой экспрессивностью, образностью, яркой стилистической окраской. Это делает выгодным употребление похожих конструкций в рекламе для акцентирования внимания и лучшей запоминаемости. Однако в данных фразах

образность отсутствует, исключая фразеологический компонент, делая текст более сухим, менее красочным.

Тем не менее, данная реклама насыщена этнокультурным колоритом, что помогает вызвать эмоциональный отклик. Так текст, написанный сверху-вниз справа-налево по старой традиции, как на бамбуковых дощечках или свитках, кажется китайцу более духовно насыщенным, воспринимается как слова предков, мудрецов [7]. Здесь же рекомендации исходят от духа из даосской мифологии, что подчеркивает важность принятия мер по борьбе с вирусом.

Рассмотрим социальную рекламу по борьбе с коронавирусом, предназначенную для детей (рис. 6).

Рис. 6. Социальная реклама по повышению грамотности детей в борьбе с коронавирусом

Fig. 6. Social advertising to improve children's literacy in the fight against coronavirus

На плакате изображены дети в медицинских масках. В желтом облаке перед мальчиком надпись: **拒野味** / не ешьте диких животных. Это связано с предположением о том, что вирус был занесен путем поедания китайцами летучих мышей, что в дальнейшем даже привело к созданию закона, запрещающего употреблять диких животных в пищу, однако он не запрещает использовать их в медицинских целях, что снижает его эффективность в борьбе с распространением вирусов от животных.

С этой же фразы начинается серия слоганов в центре плаката. Первый иероглиф **拒** / отказываться, выделен оранжевым цветом, одна его черта скошена и образует элемент красного воспрещающего знака, дублируя и усиливая запретительный смысл. Далее красным иероглифами рекомендации: **不聚会** / не собираяться вместе, **亲友请**, **网上叙** / с родственниками, друзьями и любимыми общайтесь по интернету, **少出行**, **莫大意** / реже выходите на улицу, не будьте беспечны. Несмотря на схожесть с трехсложными гуаньюньюями, лексика и грамматика здесь простые, разговорные, так как отсылки к древнему языку, характерные для него лексика и синтаксис будут непонятны детям.

Внизу мелким шрифтом: **戴口罩** / носите маску, **勤洗手** / чаще мойте руки, **测体温** / меряйте температуру, **勤消毒** / чаще используйте средства дезинфекции, **少聚集** / реже собирайтесь вместе, **勤通风** / чаще проветривайте помещение. Серия крупных слоганов содержит рифму для легкого чтения и лучшего запоминания, например: **野味** *Yěwèi* / есть диких животных – **聚会** *Jùhui* / собираяться вместе. Каждая фраза состоит из трех иероглифов, которые при прочтении создают ритм, похожий на тот, которым читают дети на занятиях по китайскому языку, что делает для них информацию более удобной для восприятия [6]. Эти фразы

также можно сравнить с гуаньюньюями, для которых характерна трехкомпонентная структура. Однако фразы из рекламы не несут переносного значения, и фразеологизмами назвать их нельзя. Поэтому можно говорить о том, что трехсложная структура присутствует здесь лишь для удобства и обеспечивает привлечение внимания и хорошее запоминание представленной информации детьми.

Выводы

Проанализировав 6 примеров социальной рекламы из сети Интернет, касающихся актуальной проблемы борьбы с новой коронавирусной инфекцией, можно сделать вывод о том, что наряду с такими приемами, как отсылки к традиционным сюжетам (Тянь-гуань) и ценностям («любовь к ближнему», «семья»), использование старого стиля написания, литературного письменного языка, игры с элементами иероглифов, употребление чэньюев и схожих с ними конструкций (вновь созданных, а также сехоуюев, гуаньюньюев и суюев) является современным эффективным и перспективным за счет их гибкости и продуктивности стилистическим средством достижения выразительности в этом типе рекламы.

Тем не менее, по сравнению с исконными фразеологизмами, схожим конструкциям недостает метафоричности, образности, что делает их менее яркими и выразительными. Это оправдано в социальной рекламе для детей, которым не всегда может быть ясен смысл переносного значения, незнакомы конструкции и лексика древних текстов. Однако в рекламе для взрослой аудитории подбор уже существующего чэньюя или игра слов внутри него предпочтительны, так как по эмоциональному впечатлению они гораздо сильнее, они заставляют человека задумываться, строить ассоциативные связи. Это значительно обогащает содержание рекламы и делает ее более эффективной.

Список литературы

1. Барчукова К.В., Пескова А. В., Подкидышева Е. И., Скромных В. Э. Фразеология в китайском языке // Молодой ученый. 2015. № 18 (98). С. 514-517. URL: <https://moluch.ru/archive/98/22035/> (дата обращения: 27.05.2020).
2. Березовская Я.Л., Цзяо Ч. Особенности китайских рекламных текстов // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. №2. URL: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/109/293> (дата обращения: 11.02.2020).
3. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка. М.: Восток-запад, 2007. 509 с.
4. Горбачева О.Н. Текст социальной антикоммерческой, социально-коммерческой и социальной интернет-рекламы чистого типа в структурно-функциональном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 186 с.
5. Лю Сяонань. Социальная реклама на китайском телевидении: особенности функционирования // Известия ВУЗов. Северокавказский регион. 2014. №4. С. 110-113.
6. Ма Лия. К вопросу об особенностях социальных рекламных коммуникаций в современном китайском обществе // Социодинамика. 2015. №2. С. 15
7. Нивина О.Ю. Лингвокультурные особенности китайской социальной рекламы XXI в.: ВКР. СПб.: СПбГУ, 2017. 115 с.
8. Разина А.С. Происхождение чэньюй: взаимодействие культур в межъязыковой коммуникации // Молодой ученый. 2018. № 36 (222). С. 130-132. URL: <https://moluch.ru/archive/222/52536/> (дата обращения: 27.05.2020).
9. Рубец М.В. Восприятие и языковая картина мира (на материале китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 138 с.
10. Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 48 с.

References

1. Barchukova K.V., Peskova A. V., Podkidysheva E. I., Skromnykh V. E. Frazeologiya v kitaiskom yazyke [Phraseology in Chinese language]. *Molodoi uchenyi = Young scientist*, 2015, no. 18 (98), pp. 514-517 (In Russ.) Available at: <https://moluch.ru/archive/98/22035/> (accessed 27.05.2020).
2. Berezovskaya Ya.L., Tszyao Ch. Osobennosti kitaiskikh reklamnykh tekstov [Features of Chinese advertising texts]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii = Language. Culture. Communication Tools*, 2015, no. 2. (In Russ.). Available at: <http://journals.susu.ru/lcc/article/view/109/293> (accessed 11.02.2020).
3. Voitsekhovich I.V. *Prakticheskaya frazeologiya sovremennoego kitaiskogo yazyka* [Practical phraseology of modern Chinese]. Moscow, Vostok-zapad Publ., 2007. 509 p. (In Russ.)
4. Gorbacheva O.N. *Tekst sotsial'noi antikommercheskoi, sotsial'no-kommercheskoi i sotsial'noi internet-reklamy chistogo tipa v strukturno-funktional'nom aspekte*. Diss. kand. filol. nauk [Text of social anti-commercial, social-commercial and social Internet advertising of pure type in the structural and functional aspect. Cand. filol. sci. diss.]. Kemerovo, 2014. 186 p. (In Russ.)
5. Lyu Syaonan'. *Sotsial'naya reklama na kitaiskom televidenii: osobennosti funktsionirovaniya* [Social advertising on Chinese television: features of functioning]. *Izvestiya VUZov. Severokavkazskii region = Izvestiya Vuzov. North Caucasus Region*, 2014, no. 4, pp. 110-113 (In Russ.)

6. Ma Liya. K voprosu ob osobennostyakh sotsial'nykh reklamnykh kommunikatsii v sovremenном kitaiskom obshchestve [To the question of the features of social advertising communications in modern Chinese society]. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2015, no. 2, pp. 15 (In Russ.)
7. Nivina O.Yu. *Lingvokul'turnye osobennosti kitaiskoi sotsial'noi reklamy XXI v.: VKR* [Linguocultural features of Chinese social advertising of the XXI century: WRC]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2017. 115 p. (In Russ.)
8. Razina A.S. Proiskhozhdenie chen"yui: vzaimodeistvie kul'tur v mezh"yazykovoi kommunikatsii [The origin of Chengyu: the interaction of cultures in cross-language communication] *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 36 (222), pp. 130-132 (In Russ.) Available at: <https://moluch.ru/archive/222/52536/> (accessed 27.05.2020).
9. Rubets M.V. *Vospriyatie i yazykovaya kartina mira (na materiale kitaiskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Perception and language picture of the world (based on the Chinese language). Cand. Philol. sci. diss.]. Moscow, 2015. 138 p. (In Russ.)
10. Sonin A.G. *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Modeling mechanisms for understanding polycode texts. Cand. Philol. sci. author's abstract diss.]. Moscow, 2006. 48 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачук Екатерина Александровна, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения факультета истории, социологии и международных отношений, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация
e-mail: xiangjiao@inbox.ru

Ekaterina A. Tkachuk, Assistant of The Department of Foreign Regional Studies and Oriental Studies, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
e-mail: xiangjiao@inbox.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 81.23

Экспериментальное психолингвистическое исследование ценности УСПЕХ как индикатора адаптационных процессов**З. Г. Адамова¹ **

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
ул. Остоженка 38, г. Москва 119034, Российская Федерация

 e-mail: zoya_adamova@mail.ru

Резюме

В статье делается попытка установить мотивационную структуру ценности *успех* и определить ее мотивационную значимость. На основе феноменологического подхода к действию как на избирательное активное переживание и интерпретацию на основе предыдущего опыта, деятельностной теории двумодальной структуры мотивации и теории речевой деятельности определяются параметры для психолингвистического анализа ценности *успех* как индикатора адаптационных процессов: мотивационная значимость; побуждения в виде стремления и избегания, удовлетворения и страдания, поощрения и наказания; эмоции ожидания как направляющие поведение переменные; внешние и внутренние условия, связанные со значимостью; представления о затратах и усилиях, связанных с осуществлением потребности. С помощью типологизации данных ассоциативного эксперимента по выделенным параметрам на основе интегративной модели психологического значения определены эмоции и потребности, связанные с успехом, а также ожидания, связанные с условиями их удовлетворения: а) социокультурные представления, связанные с ожидаемыми обществом ценностями, и б) индивидуальные «влечения», связанные с «человечными» стимулами или «индивидуальной системой поощрений и наказаний»; определены структура и содержание «активно-действенного» компонента, связанного с определенными сферами и средствами деятельности; предложены структуры эмоционального, побудительного и действенного компонентов, а также мотивационная структура ценности *успех* с учетом двумодальной структуры мотивации; делается вывод о том, что ценность, выраженная в русском языке словом *успех*, является преимущественно «навязанной», не «активно-действенной», сопровождаемой противоречивыми эмоциями, следовательно, успех имеет не способствующую психологическому здоровью испытуемых мотивационную значимость.

Ключевые слова: социальная адаптация; теория мотивации; структура мотивации; успех; психолингвистика; модель актуального психологического содержания; модель мотивационной структуры.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Адамова З. Г. Экспериментальное психолингвистическое исследование ценности УСПЕХ как индикатора адаптационных процессов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 110–123.

Статья поступила в редакцию 10.04.2020 Статья подписана в печать 21.05.2020 Статья опубликована 20.07.2020

Experimental Psycholinguistic Study of the Value Success as an Indicator of Adaptation Processes

Zoya G. Adamova¹

¹Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka str., Moscow 119034, Russian Federation

 e-mail: zoya_adamova@mail.ru

Abstract

The article attempts to establish a motivational structure and for the value success and its motivational significance. On the basis of the phenomenological approach to action as an active experience and interpretation on the basis of previous experience, the activity theory of the two-way structure of motivation and the theory of speech activity, parameters are determined for the psycholinguistic analysis of the value success as an indicator of adaptation processes: motivational significance; motives in the form of striving and avoidance, satisfaction and suffering, encouragement and punishment; emotions of expectation as variables guiding behavior; external and internal conditions associated with significance; understanding the cost and effort of meeting the need. With the help of typologization of the data of the associative experiment according to the selected parameters on the basis of an integrative model of psychological meaning, identified emotions and needs associated with success, as well as expectations associated with the conditions for their satisfaction: a) sociocultural ideas associated with the values expected by society, and b) individual "drives" associated with "human" incentives or "individual reward system and punishments"; defined the structure and content of the "active-effective" component associated with certain areas and means of activity; the structures of emotional, incentive and effective components, as well as the motivational structure of the value success, taking into account the bimodal structure of motivation are proposed; it is concluded that the value expressed in the Russian language by the word success is predominantly "imposed", not "active-effective", accompanied by contradictory emotions, therefore, success has a motivational significance that does not contribute to the psychological health of the subjects.

Keywords: social adaptation; theory of motivation; structure of motivation; success; psycholinguistics; model of actual psychological content.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Adamova Z. G. Experimental Psycholinguistic Study of the Value Success as an Indicator of Adaptation Processes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 110–123 (In Russ.).

Received 10.04.2020

Accepted 21.05.2020

Published 20.07.2020

Введение

Ценности являются стабильным объектом психологических, социологических, лингвистических исследований. Как правило, в исследованиях диагностируется синхроническое содержание ценностей и анализируется динамика отношения к ценностям в общественном сознании. При этом исследователи пытаются обнаружить ценностный вектор развития общества, предугадать общественное мнение, а место и роль ценностей как вну-

тренних мотиваторов внешнего поведения, соотношение внешнего и внутреннего поведения на уровне индивидуального сознания нередко оказываются вне их поля внимания. Между тем сегодня в масштабах всего общества наблюдаются адаптационные процессы нового характера. С одной стороны, речь идет о том, «как нам использовать огромные новые возможности, которые дают нам информационные технологии и биотехнологии»; что нам с собой делать в мире, которым будут править «лишенные сознания», но

высокоразвитые алгоритмы, знающие нас лучше, чем знаем себя мы сами» [1]. С другой стороны, встает вопрос о выживании в условиях энергетического и экологического коллапса, где будут востребованы отнюдь не «западные (европейские) ценности развития», а «простота, солидарность и устойчивость» людей [2].

На наш взгляд, главная проблема заключается не в том, в каком направлении и как будет развиваться общество (социологический фактор), а в том, в какой мере способны люди адаптироваться к социальной среде (социопсихологический фактор), которая безнадежно отстает от социальной эволюции и не в состоянии обеспечить преемственность опыта, а отсюда и безопасность, по той причине, что такого опыта у человечества еще не было. Тем самым диагностика адаптации ценностей, переосмысление их содержания и значимости в связи с новыми условиями и перспективами жизнедеятельности общества, становится сегодня одной из наиболее важных задач современной науки.

Результаты и обсуждение

Параметры психолингвистического анализа структуры мотивации

Известно, что социальная адаптация – это многоуровневый сложный, противоречивый биопсихосоциальный процесс приспособления к изменениям окружающей среды и результат этих изменений, призванный защитить от состояния неопределенности, включающий в себя процесс социализации, который может как упрощать, так и усложнять адаптацию. В западной научной традиции процесс социализации рассматривается как основная причина «катастрофической» ситуации, в которой оказался западный мир. Так, по мнению Э. Морена, именно процессы социализации, «исключающие человека» из «человеческого» развития, идея о котором не подразумевала никогда развитие самого человека, а «всегда включала в себя технико-эконо-

мическую базу, измеряемую индикаторами роста и индикаторами дохода», и лишь «принимала во внимание экологический контекст, но не применяла его принципов», в ответе за крах «качественного прогресса» [3]. О том, что западная идея прогресса и развития игнорирует «качества сознания, внутрипсихические или субъективные способности переживать», говорил еще А. Маслоу, который был убежден в необходимости изучения «степени человечности» как научной категории, более полезной, чем «социальная компетенция» и «человеческая эффективность», так как неврозы – не что иное, как «снижение человечности», то есть духовное расстройство, связанное с неспособностью «слышать себя», свои «внутренние сигналы» или «стимулы», вследствие чего происходит сужение мира и сознания человека, подавление его способностей и в конечном счете превращение в «пустого человека», «зомби» [4].

Идеями создателя гуманистической психологии вдохновлена и современная переживающая в наши дни свое второе рождение психология потока М. Чиксентмихайи, главными категориями которой также являются «человечные» категории качества жизни и счастья, цели и внимания, а также «оптимального переживания» – идеи об ответственном созидании счастья посредством упорядочивания сознания как главного инструмента достижения «автономии сознания», не зависящего от общественного сознания, свободном от социализированности, то есть мышления «в терминах социальных награждений и наказаний» [5]. Как приверженец экзистенциально гуманистического подхода в психологии и психотерапии главной задачей достижения психологического здоровья М. Чиксентмихайи видит обретение человеком способности полностью осознавать себя, видеть и понимать личные переживания наперекор процессам социализации, а также креативности (творческих способностей), которая, как полагал А. Маслоу, «окажется

тем же, что и здоровая, полностью человечная личность» [6]. Таким образом, с точки зрения гуманистической психологии адаптационный процесс есть психический процесс формирования «человечности» или личностный внутренний процесс десоциализации – осознанного критического подхода к внешнему процессу социализации.

Для нас важно, во-первых, что такой подход соответствует феноменологическому взгляду на действие как на избирательное активное переживание и интерпретацию, основанные на «наличном знании», связанном с предшествующим опытом, воспринимаемым как нечто само собой разумеющееся, но которое в любой момент может быть подвергнуто сомнению [7]. Результатом такой активности является выделение типичных и индивидуальных характеристик «повседневности», которые зависят от «наличной цели» или «биологически детерминированной ситуации», предполагающей определенные «возможности будущей теоретической и практической деятельности» [7]. Во-вторых, такой подход к исследованию адаптационных процессов как к формированию «человечности» учитывает психологическую двумодальную структуру мотивации человека, построенную на основе теории деятельности С. А. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева. Главной составляющей структуры мотивации является функциональный критерий значимости – отсутствие или наличие активного вмешательства в процесс осуществления потребности, который и определяет характер смыслообразования [8]. Все это позволяет нам выделить определенные параметры для психолингвистического анализа ценностей как индикаторов адаптационных процессов. Рассмотрим их подробнее.

Согласно теории В. Г. Асеева, при анализе структуры мотивации необходимо учитывать структурные различия и соотношения двух форм побуждений: «влечения» с положительной эмоциона-

льной модальностью переживания (действие, которое производит индивид по С. А. Рубинштейну) и «побуждения типа объективно заданной необходимости, нужды» (воздействие, которому подвергается индивид, по С. А. Рубинштейну) с отрицательной эмоциональной модальностью переживания. Различие двух тенденций в структуре мотивации – влечения и долженствования – основывается на положении С.Л. Рубинштейна об общественно значимом и лично значимом: «Для человека как общественного индивида, как личности, общественное значимое, далеко выходящее за пределы лишь партикулярно-личностных интересов и иногда вступающее с ними в жесточайший конфликт, становясь лично значимым, т.е. значимым для данной личности, порождает в человеке динамические тенденции иногда большей действенной силы – тенденции долженствования, однородные по своему динамическому эффекту с тенденциями влечений, но существенно отличные от них по своему содержанию и источнику» [8].

Экспериментальное исследование ценности успех

Итак, применим эти положения к экспериментальному психолингвистическому исследованию ценностей. Для интерпретации полученных в ходе ассоциативного эксперимента данных по ценностям, представленным в языке, используем оптимальную для решения поставленных нами задач интегративную модель психологического значения [9]. В соответствии с двумодальной структурой мотивации выделим внутри эмоционально-оценочного компонента личностные представления, связанные с диалектически единными, но фиксируемыми в языке отдельными словами, побуждениями в виде стремления и избегания, удовлетворения и страдания, поощрения и наказания, общая направленность которых может проявляться и как влечение, и как необходи-

мость; а также соотносимые с ними введенные О. Маурером [10] эмоции ожидания как направляющие поведение переменные – надежду и облегчение (эмоции влечения), разочарование и страх (эмоции необходимости). Кроме того, для понимания структуры и содержания мотивации необходимо учитывать как внешние, так и внутренние условия, связанные со значимостью: а) социокультурные представления, связанные с ожидаемыми обществом ценностями; б) индивидуальные «влечения», связанные с «человечными» стимулами или «индивидуальной системой поощрений и наказаний». И наконец, поскольку мотивационная значимость ценностей может проявляться только в деятельности конкретного человека, нельзя не включить в анализ «функции активно-действенного момента», т.е. представления о «функционально-энергетических затратах, усилиях», связанных с осуществлением потребности [8]. Здесь для диагностики адаптационных процессов с точки зрения психологоческого здоровья важным является теоретическое положение об актуальном и потенциальном состоянии побуждений. Так, наличие «активно-действенного момента» присуще актуальному состоянию неудовлетворения потребности и сопровождается отрицательным эмоциональным переживанием, а отсутствие такой активности может означать как состояние удовлетворения побуждения с положительной эмоциональной модальностью переживаний, так и «состояние нецелесообразности или невозможности реализации» потребности, сопровождаемое эмоциями ожидания [8]. Поэтому параметром анализа должен стать операциональный характер ценностей – то, с какими сферами деятельности (предвосхищаемыми целями) и какими способами их

достижения связаны представления о потребностях.

Так как речевая деятельность как любой вид деятельности также имеет мотивационную, целевую и исполнительные стороны, мы можем включить в этнopsихолингвистический анализ ценностей с целью диагностики адаптационных процессов все вышеперечисленные параметры. В ходе анализа речевых действий, представляющих ассоциативные связи с той или иной базовой ценностью, «активирующих предикативный признак смысло-образования и специфический способ его репрезентации» в коммуникативно направленной ментальной деятельности мы можем обнаружить личностные смыслы ценностей, присваиваемые в процессе адаптации [9]. Для выявления сущности личностных смыслов, связанных с потребностями, а именно они составляют содержание ценностей, выделение таких параметров позволит смоделировать структуру и содержание потребностей как результатов осмыслиения социокультурных смыслов – этнических констант и этнических стереотипов, рассматриваемых нами вслед за В. А. Пицальниковой как «фиксированные в моделях значения слова, одобряемые обществом способы познания и деятельности», в их связи с конкретной целенаправленной деятельностью [9]. Это позволит нам говорить не только о мотивационной значимости той или иной ценности по шкале «хорошо – плохо», но и приблизиться к пониманию структуры и содержания мотивации и тем самым проводить качественную диагностику адаптационных процессов.

Для демонстрации этнopsихолингвистического анализа ценностей как индикаторов адаптационных процессов мы выбрали ценность, выраженную в русском языке словом *успех*. Именно успех является центральным объектом в изуче-

нии социальной аномии Р. Мертоном, для которого проблемы в адаптации возникают вследствие различия в значениях, придаваемых целям и нормам, регулирующим их достижение, а именно в нарушении баланса между «удовлетворением от достижения определенных данной культурой целей и удовлетворением, непосредственно проистекающим от использования институционально одобряемых способов достижения этих целей» [11]. Так, согласно теории социальной аномии создаваемый обществом чрезмерный акцент на целях порождает сосредоточенность на «технических» средствах достижения цели, оставляя без внимания удовлетворение от самого процесса достижения цели.

В ходе пилотного эксперимента в рамках работы Лаборатории психолингвистики при Московском государственном лингвистическом университете над Ассоциативным словарем базовых ценностей (далее АСБЦ – З.А.) мы проанализировали 855 реакций на слово-стимул *успех*. Респондентами для готовящегося к изданию словаря выступили студенты различных высших учебных заведений в возрасте от 17 до 29 лет, в том числе студенты Московского государственного лингвистического университета (Москва), Московского института электронной техники (Зеленоград), Московского энергетического института (Москва), Российской Академии народного хозяйства и государственной службы (Москва), Российского государственного геологоразведочного университета (Старый Оскол), Северо-Восточного федерального университета (Мирный, Нерюнгри, Якутск), Юго-Западного государственного университета (Курск).

Для начала анализа мы определили в отдельную группу реакции, которые согласно интегративной модели психологи-

ческого значения можно включить в компонент «понятие». Эти реакции представляют совокупность наиболее существенных признаков *успеха* как понятия, определяемого словарями как «положительный результат, удача в достижении чего-либо; достижения в изучении, освоении чего-либо; общественное признание» [12]: *удача* 39; *достижение* 24; *признание* 13; *стремление* 7; *результат* 6; *success* 5; *успех* 4; *достичь* 3; *достижение цели* 2; *успешность* 2; *успешный* 2; *добиваться*; *добиться цели*; *достигать*; *достигла цели*; *достичь цели*; *достичь чего-то*; *итог*; *обеспечить*; *преуспеть*; *успешные достижения* (всего 117 из 855). Согласно теории речевой деятельности, мы рассматриваем эту группу реакций как объективную по своей сути не «психологичную» группу реакций, которая тем не менее составляет одну из важных компонент психолингвистической модели психологического значения слова, так как они являются «важнейшей образующей индивидуального сознания». Именно в индивидуальном сознании происходит развитие «идеального содержания» понятия, оно «субъектируется» и вступает в «иную систему отношений, иное движение», не утрачивая при этом «своей общественно-исторической природы» [13].

В связи с этим рассмотрим теперь по выделенным нами параметрам содержание «функциональных» 738 реакций, в которых и в отношениях с которыми может быть презентирована «иная» субъективная система отношений, связанная со спецификой присвоения понятия *успех* как ценности.

С учетом двумодальной структуры мотивации мы выделили, в первую очередь, оценочные представления, связанные непосредственно со значимостью успеха. Эта группа представлена такими

реакциями, как: *цель 22; важен 4; важно 2; важность 2; значимость 2; цена; ценность* (всего 34); а также *не важен; не так важен; не ценен* (всего 3) и двумя реакциями с модальностью долженствования: *надо достичь и необходимо*. Далее

положительные и отрицательные эмоционально-оценочные представления, связанные с ожиданиями: с одной стороны, с надеждой и облегчением и с другой стороны, со страхом и разочарованием. Их содержание представлено в табл. 1.

Таблица 1. Оценочные представления, связанные с эмоциями ожидания

Table 1. Evaluative representations associated with the emotions of expectation)

Эмоции ожидания с положительной модальностью (всего 47 реакций)	Эмоции ожидания с отрицательной модальностью (всего 12 реакций)
<i>благополучие 5; вера 4; мечта 4; будет 3; будущее 3; желание 3; близко 2; любовь 2; придет 2; благо; большой; в будущем; вероятность; впереди; достигаем; меня ждет; можно; неизбежен; отлично; отличный; прекрасный; приветствуется; пришел; свет; скоро будет; удалось; хотелось бы; хочется</i>	<i>зависть 2; ложь 2; неудача 2; где?; зачем?; миф; обман; разочарование; слова</i>

Наконец, эмоционально-оценочные реакции, на одном конце которых представления, связанные со стремлением, удовлетворением, поощрением; на дру-

гом – с избеганием, неудовлетворением и наказанием. Их содержание представлено в табл. 2.

Таблица 2. Побудительные представления, связанные с эмоциями ожидания

Table 2. Incentive representations associated with the emotions of expectations

Побудительные представления с положительной модальностью (всего 120 реакций)	Побудительные представления с отрицательной модальностью (всего 17 реакций)
<i>счастье 45; радость 20; вершина 5; уважение 5; улыбка 5; высота 2; есть 2; спокойствие 2; удовольствие 2; ага; адреналин; вверх; взлет; выдающийся; величие; вперед; высоты; вышина; гордость; головокружение; да; довольный; достойно; здорово; круто; круть; маленький, но есть; наслаждение; не грех; жажды; классный; полный; стимул; счастливый; триумф; уверенность; удовлетворение; у меня есть; хорошая жизнь; шаг вперед; яркий</i>	<i>грех; краткосрочность; мимолетен; не вечен; не всегда; недолговечен; недолговременен; не обязателен; не приходит; переменен; поражение; посредственно; провал; пустота; сомнение; трудности; трудность</i>

Таким образом, структуру эмоционально-оценочного компонента успеха

можно представить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Мотивационная структура эмоционального компонента ценности успеха

Fig. 1. Motivational structure of the emotional component of the SUCCESS value)

Рассмотрим теперь содержание личностных представлений, соотносимых с

потребностями, определяющими значимость успеха (табл. 3).

Таблица 3. Потребности, определяющие значимость успеха

Table 3. Needs that determine significance of the SUCCESS value

Потребности, задаваемые обществом (всего 258 реакций)	«Человечные» потребности (всего 43 реакции)
деньги 103; карьера 57; слава 21; богатство 10; популярность 6; бизнес 4; должность 4; лестница 4; награда 4; медаль 3; власть 2; влияние 2; достаток 2; обеспеченность 2; престиж 2; прибыль 2; статус 2; бонус; в бабках; в карьере; выгоды; диплом; доход; доходы; з/п; зарплата; заработка; знаменитость; знаменитый; известность; карьера мечты; карьерная лестница; когда ты в телевизоре; машина; много еды; поднятие по карьерной лестнице; похвала; салют; состояние; состоятельность; сытость	жизнь 6; сила 4; в жизни 3; реализация 3; дорога 2; жизни 2; путь 2; самореализация 2; свобода 2; я 2; в себе; жизненный; личностный; мать; независимость; сам; самодостаточность; самообразование; самоощущение; саморазвитие; самоутверждение; свое; у каждого свой; человек; это я

Несмотря на то, что «тенденции долженствования» часто становятся для личности более значимыми, чем собственные влечения, и могут обладать большей действенной силой, мы вслед за

С. Рубинштейном рассматриваем тенденции долженствования как состояние «потенциально страдательное, включающее в себя жестко заданную необходимость удовлетворения и подчинение обстоя-

тельствам, связанным с удовлетворением», так как они по своей природе являются результатом воздействия на личность, «жестко заданной необходимостью, нуждой» [8]. Именно поэтому исходя из задач нашего исследования здесь

и далее мы рассматриваем «тенденции долженствования» как потребности с отрицательной эмоциональной модальностью, а «влечения» – с положительной. Структура потребностей, связанных с успехом, представлена на рис. 2.

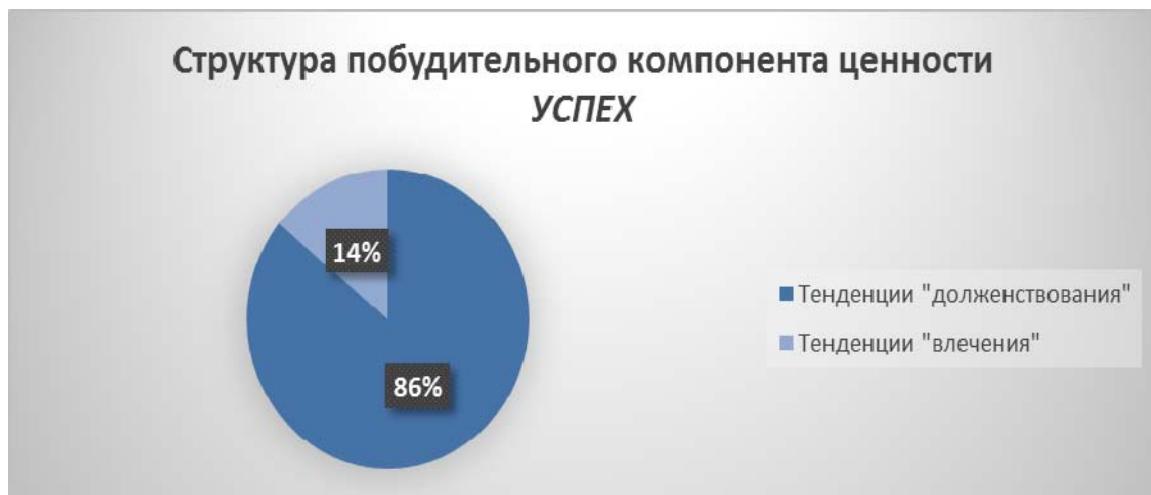

Рис. 2. Структура побудительного компонента ценности успех

Fig. 2. Structure of the incentive component of the SUCCESS value

Наконец, представим содержание «активно-действенного» компонента, связанного с определенными сферами и средствами деятельности. Анализ содержания данного компонента позволяет нам выделить в его структуре следующие составляющие составляющие (рис. 3):

Ожидания, связанные с определенной сферой или местом деятельности: *работа* 40; *во всем* 6; *в деле*; *в учебе*; *в спорте*; *дело*; *дом*; *Европа*; *КВН*; *команда*; *конструктор*; *костюм*; *логин*; *магазин*; *на работе*; *ограбление*; *один*; *по жизни*; *работа=хобби*; *сцена*; *шоу* (всего 65):

1. Ожидания, связанные с усилиями или процессом: *труд* 30; *старание* 4; *учеба* 3; *испытания*; *кровь*; *много приложенных сил*; *поддержка*; *пот*; *движение*; *прорыв*; *риск* (всего 45).

2. Ожидания, связанные с характеристиками успеха (не связанными с усилиями): *везение* 5; *всегда* 3; *абстракт-*

ность; *временно*; *временный*; *своеобразен*; *судьба*; *случайность*, *спонтанный*; *фортуна* (всего 16).

3. Ожидания, связанные со средствами и результатом (целью) деятельности: *победа* 18; *образование* 3; *знания* 2; *профессия* 2; *возможности*; *выигрыши*; *выполнение задуманного*; *друзья*; *занятость*; *кубок*; *ограбление*; *одновременный оргазм*; *открытие*; *победы*; *расчет*; *средство*; *ставки*; *творчество*; *языки*; *100000000000*; *стрела*; *5-летка в 4 года* (всего 43).

4. Ожидания, связанные с символами успеха: *Гарри Поттер*; *Гейтс*; *Путин* (всего 3).

5. Ожидания, связанные с личностными характеристиками: *талант* 3; *целеустремленность* 3; *трудолюбие* 2; *амбиции*; *дисциплина*; *интеллект*; *старательность*; *терпение*; *ум*; *честность* (всего 15).

Рис. 3. Структура действенного компонента успеха

Fig. 3. Structure of the actional component of the SUCCESS value

В результате мы получаем общую мотивационную структуру ценности *успех*, в которой представлены эмоционально-оценочный, побудительный и действенный компоненты. В следующих диа-

граммах структура представлена с двухмодальной структурой эмоционально-оценочного и побудительного компонентов (рис. 4 и 5):

Рис. 4. Мотивационная структура успеха с двумодальной структурой эмоционально-оценочного компонента

Fig. 4. The motivational structure of the SUCCESS value with the bimodal structure of the emotional component

В заключение приведем единичные реакции, которые мы на данном этапе не включили в наш анализ и обозначили как другие: *желтый 3; мир 2; Erfolg 2; года;*

клевер; клен; кожа; относительность; пожар; реальность; СПИДВАГОН (всего 15 реакций).

Рис. 5. Мотивационная структура успеха и двумодальная структура побудительного компонента

Fig. 5. Motivational structure of the SUCCESS value and bimodal structure of the incentive component

Рассмотрим подробнее мотивационную структуру и содержание ценности *успех* и подведем некоторые предварительные выводы.

В мотивационной структуре ценности *успех* преобладает побудительный компонент (42%), а доли эмоционально-оценочного и действенного компонентов составляют 32 % и 26 % соответственно, при этом эмоциональный компонент имеет в целом положительную модальность (85%). Это позволяет нам сделать вывод о значимости потребностей, связанных со словом *успех* у наших респондентов. Однако потребности, составляющие содержание побудительного компонента, носят характер «жестко заданной необходимости» (8). Именно с социальными или материальными потребностями связаны 86% потребностей в «ведущем» побудительном компоненте мотивационной структуры ценности *успех*. Анализ содержания потребностей с «тенденцией долженствования» в мотивационной структуре *успеха* позволяет нам сделать вывод о «зацикленности» на денежных потребностях, так как 132 из 258 реакций связаны с деньгами. Другие потребности можно разделить на 4 группы потребностей, связанных: с карьерой

(всего 65 из 258); с популярностью (33 из 258); с должностью (10 из 258); с поощрениями и наградой (10 из 258).

Ведущей потребностью, связанной с «влечениями», в содержании побудительного компонента мотивационной структуры *успеха* является потребность в самостоятельном ее осуществлении. В эту группу мы включили потребности, выраженные словесными реакциями: *самореализация* (2), *свобода* (2), *в себе*, *сам*, *самообразование*, *саморазвитие*, *у каждого* *свой* и другие (всего 13 из 42). Другие потребности в данной группе мы объединили в группы потребностей: в успехе в жизни; в непрекращающемся процессе достижения успеха; в переживаниях своего «я». Сюда же отнесли частотную реакцию *сила* (4 из 42) и единичную реакцию *мать*.

Таким образом, мы можем сделать вывод о существующем адаптационном конфликте между тем, что должно и тем, что хочется, в рассматриваемой группе. Данный конфликт находит выражение в двумодальной структуре эмоционального компонента, где оценочные представления с отрицательной эмоциональной модальностью составляют 14% всех оценочных представлений.

Приступим к самому важному этапу нашего анализа, а именно соотнесению полученных результатов с анализом структуры и содержания «действенного» компонента. Согласно смоделированной нами мотивационной структуре *успеха*, основной сферой достижения значимых материальных денежных потребностей является место работы. Так, 42 из 71 реакции, связанной с различными сферами деятельности (39% всех реакций, составляющих содержание действенного компонента), относятся к работе. Другие сферы представлены реакциями: *в учебе, спорт, КВН, Европа* и др. При этом основной характеристикой успеха, не связанной с приложением усилий, является его случайность: *абстрактность; везение 5; временно; временный; случайность; спонтанный; судьба; фортуна*.

Случайный характер успеха противоречит содержанию ожиданий, связанных с усилиями, которые представлены в анализируемой мотивационной структуре самой частотной реакцией *труд 30*, а также реакциями: *старание 4; учеба 3; знания 2* (39 из 47). Типичное речевое действие, обнаруженное в реакциях *труд* и *учеба*, так же, как и в реакции *работа, на работе, в учебе* подтверждают стереотипный характер средств достижения успеха, фиксированный в языке устойчивой речевой формулой пожелания успеха: успехов в работе (в учебе) и труде. Другая типичная реакция *победа* (18 из 39) представлена в группе ожиданий, связанных со средствами и результатом деятельности. С учетом природы структуры мотивации типичные ожидания мы соотносим с ожидаемыми обществом, но неосознаваемыми на индивидуальном уровне материальными, представленными в содержании анализируемой нами мотивационной структуры потребностями в деньгах, достижениях в карьере и славе.

А менее типичные реакции, представленные в выделенных нами группах, в особенности, связанные с личностными характеристиками, мы относим к индивидуальным потребностям влечения.

Выводы

В психолингвистическом анализе, основанном на феноменологическом подходе к действию, а также деятельностной теории мотивации и теории речевой деятельности, установлена мотивационная структура ценности *успех*. Анализ психологического характера предикатии между стимулом и реакцией по определенным нами параметрам позволил выявить мотивационную значимость ценностей: определены эмоции и потребности, лежащие в основе мотивации, а также условия их удовлетворения.

Основываясь на теоретическом положении Р. Мертона о социальной аномии, возникающей вследствие утраты интереса к самому процессу достижения цели из-за их чрезмерного навязчивого характера, можно сделать предварительный вывод о том, что ценность, выраженная в русском языке словом *успех*, является преимущественно «навязанной», не «активно-действенной», сопровождаемой противоречивыми эмоциями, следовательно, не способствующей психологическому здоровью наших испытуемых. Следующим нашим шагом к пониманию процесса ценостной адаптации как внутреннего психического процесса десоциализации мы видим подробный анализ нетипичных единичных реакций, в которых могут быть выражены новые смыслы, связанные с *успехом*. Для определения этнокультурной специфики ценостной адаптации необходимо также провести сравнительный анализ полученной мотивационной структуры с аналогичными других лингвокультур.

Список литературы

- Харари Ю.Н. *Homo Deus. Краткая история будущего* / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2019. 496 с.
- Servigne P., Stevens R. *Comment tout peut s'effondrer. Petit manuel de collapsologie a l'usage des generatiions presents*. Seuil, 2015. 300 p.
- Эдгар Морен. *К пропасти?* / пер. с франц. Г. Наумовой. СПб.: Алетейя, 2011. 136 с.
- Маслоу А. *Новые рубежи человеческой природы*. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.
- Чиксентмихайи М. *Поток: психология оптимального переживания*. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 461с.
- Маслоу А. *Мотивация и личность*. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
- Шюц А. *Структура повседневного мышления*. URL: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf> (дата обращения 01.02.20)
- Асеев В.Г. *Мотивация поведения и формирование личности*. М.: Мысль, 1976. 158 с.
- Пищальникова В.А. *Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования* // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 20-36.
- Хекхаузен Х. *Мотивация и деятельность*. М.: Педагогика, 1986. Т. 1. 408 с.
- Мертон Р. *Социальная структура и аномия*. URL: https://scepsis.net/library/id_632.html (дата обращения 01.02.20)
- Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения 01.04.2020)
- Леонтьев А.А. *Психолингвистический аспект языкового значения*. URL: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/13.pdf> (дата обращения: 01.04.2020)

References

- Harari Ju.N. *Kratkaja istorija budushhego* [Homo Deus. A Brief History of the Future]. A. Andreeva. Moscow, Sindbad Publ., 2019. 496 p. (In Russ.)
- Servigne P., Stevens R. *Comment tout peut s'effondrer. Petit manuel de collapsologie a l'usage des generatiions presents*. Seuil, 2015. 300 p.
- Jedgar Moren. *K propasti?* [On the abyss?]; per. s franc. G. Naumovo. St. Petersburg, Aletejja Publ., 2011. 136 p. (In Russ.)
- Maslou A. *Novye rubezhi chelovecheskoj prirody* [The New frontiers of human nature]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2011. 496 p. (In Russ.)
- Chiksentmihaji M. *Potok: psihologija optimal'nogo perezhivanija* [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2015. 461 p. (In Russ.)
- Maslou A. *Motivacija i lichnost'* [The Motivation end the Personality]. St. Petersburg, Evrazija Publ., 1999. 478 p. (In Russ.)
- Shjuc A. *Struktura povsednevnoj myshlenija* [The structure of The Life-World]. Available at: <http://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf> (accessed 01.02.20)
- Aseev V.G. *Motivacija povedenija i formirovanie lichnosti* [Motivation of behavior and personality formation]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 158 p. (In Russ.)

9. Pishhal'nikova V.A. *Bazovye cennosti: metodologicheskie problemy psiholinguisticheskogo issledovanija* [Basic values: methodological problems of psycholinguistic research]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki = Vestnik MSLU. Humanitarian Sciences*, 2020, no. 3 (832). pp. 20-36. (In Russ.)

10. Hekhauzen H. *Motivacija i dejatel'nost'* [Moivation and Action]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 408 p. (In Russ.)

11. Merton R. *Social'naja struktura i anomija* [Social structure and anomie] (In Russ.). Available at: https://scepsis.net/library/id_632.html (accessed 01.02.20)

12. Gramota.ru. (In Russ.). Available at: <http://gramota.ru/> (accessed 01.04.2020)

13. Leont'ev A.A. *Psiholinguisticheskij aspekt jazykovogo znachenija* [Psycholinguistic aspect of linguistic meaning] (In Russ.). Available at: <https://iling-ran.ru/library/voprosy/13.pdf> (accessed 01.04.2020)

Информация об авторе / Information about the Author

Адамова Зоя Гаврильевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолингвистики, кафедра общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва, Российской Федерации
e-mail: zoya_adamova@mail.ru

Zoya G. Adamova, Candidate of Philological Sciences, Department of General and Comparative Linguistics, Laboratory of Psycholinguistics, Leading Researcher, Moscow State Linguistic university
e-mail: zoya_adamova@mail.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 81271

Способы смягчения импозиции в СМС-коммуникации (на материале немецкой лингвокультуры)

Р. А. Газизов¹

¹ Башкирский государственный университет
ул. Заки Валиди 32, г. Уфа 450076, Республика Башкортостан, Российская Федерация
 e-mail: tasufa.gazizov@gmail.com

Резюме

В статье анализируются основные способы смягчения импозиции, реализуемые в СМС-коммуникации немецкой лингвокультурной общности при помощи таких методов исследования, как прагмалингвистический анализ коммуникативного поведения немцев в виртуальном пространстве, а также контекстуальный анализ, предполагающий учет компонентов коммуникативной ситуации – участников коммуникативного акта, темы общения, обстановки и т.д. – с целью описания функциональных возможностей языковых/неязыковых единиц в аспекте вежливости. Материалом исследования послужили побудительные речевые акты просьбы, совета, предложения и приглашения, используемые немцами в СМС-сообщениях. В данных речевых актах содержится определенная доля импозиции, которая может привести к коммуникативным неудачам, если адресант не прибегнет к тем или иным способам смягчения категоричности высказывания.

Среди основных способов минимизации иллокутивной силы импозитивов можно выделить коммуникативные стратегии негативной и позитивной вежливости, соответствующие такому принципу лингвистической прагматики, как принцип вежливости, имеющий особое значение для межличностного взаимодействия между коммуникантами. Активное использование стратегий негативной вежливости в побудительных речевых актах является залогом успешной коммуникации, поскольку адресату предоставляется выбор совершать определенное действие или нет. В свою очередь, стратегии позитивной вежливости направлены на проявление внимания, интереса и заботы по отношению к собеседнику, что также способствует достижению поставленных адресантом целей.

Наиболее частотными средствами выражения проанализированных стратегий вежливости, смягчающими импозицию, являются, с одной стороны, модальные глаголы *können*, *dürfen* в речевых актах просьбы, *müssen* в речевых актах совета, *mögen*, *wollen* в речевых актах предложения и приглашения, употребленные как в сослагательном, так и в изъявительном наклонении; частицы *mal*, *vielleicht*, *doch*; определенные лексико-сингтаксические конструкции (*Es*) *wäre schön* / *super* / *toll*, *Lust* / *Zeit* / *Möglichkeit* / *nichts dagegen haben*, *würden* + инфинитив основного глагола; модификаторы вежливости *bitte*, *ja*, *ok*, *ein paar*; ксеноденоминативные диминутивы с суффиксом *-chen*; с другой стороны, глагол сорадования *sich freuen*; наречия *sehr*, *total*, *gail*; местоимение *wir*; некоторые неформальные оценочные обращения.

Ключевые слова: импозиция; СМС-коммуникация, принцип вежливости, максима такта, максима благородства, стратегии негативной и позитивной вежливости.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-012-00226 А «Моделирование влияния социальных процессов на формирование лингвокультурных констант современного немецкоязычного пространства Европы и оптимизация межкультурного общения».

Для цитирования: Газизов Р. А. Способы смягчения импозиции в СМС-коммуникации (на материале немецкой лингвокультуры) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 124–132.

Статья поступила в редакцию 19.05.2020

Статья подписана в печать 10.06.2020

Статья опубликована 20.07.2020

Methods for Mitigating Imposition in Sms Communication (on the Material of German Linguoculture)

Rafael A. Gazizov¹

Bashkir State University
32 Validi str., Ufa 450076, Russian Federation
✉ e-mail: tasufa.gazizov@gmail.com

Abstract

This article analyzes the main ways of mitigating the imposition in the short message communication within the German linguocultural community. Research methods include pragmalinguistic analysis of the communicative behavior of Germans in the virtual space as well as the contextual analysis that involves taking into account the components of the communicative situation – participants in the communicative act, the topic of communication, circumstances, etc. – for the purpose of describing the functionality of linguistic / nonlinguistic units in terms of politeness

The material of the study consists of the imperative speech acts of requests, advice, offer and invitations used by the Germans in SMS messages. These speech acts contain a certain amount of imposition, which can lead to communicative failures if the addressee does not resort to one way or another of softening the categoricalness of the utterance.

Among the main ways of mitigating the illocutionary force of impositives, one can single out communication strategies of negative and positive politeness, which form such a principle of linguistic pragmatics as the principle of politeness, which is of particular importance for interpersonal interaction between communicants. The active use of strategies of negative politeness in imperative speech acts is the key to successful communication, since the addressee is given the choice to perform a certain action or not. Conversely, strategies of positive politeness are aimed at showing attention, interest and care in relation to the interlocutor, which also contributes to the achievement of the goals set by the addressee.

The most frequent means of expressing the analyzed politeness strategies that soften the imposition are, on the one hand, the modal verbs können dürfen in speech acts of request, müssen in speech acts of advice, mögen, wollen in speech offer acts and invitations, used both in the subjunctive and in indicative mood; particles mal, vielleicht, doch; certain lexical-syntactic constructions (Es) wäre schön / super / toll, Lust / Zeit / Möglichkeit / nichts dagegen haben, würden + infinitive of the main verb; politeness modifiers bitte, ja, ok, ein paar; xenodenotative diminutives with the -chen suffix; on the other hand, the verb of sympathy sich freuen; adverbs sehr, total, gail; pronoun wir; some informal evaluative appeals.

Key words: imposition, SMS communication, the principle of politeness, maxim of tact, maxim of generosity, strategies of politeness.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: the Publication was prepared within the framework of the RFBR-supported research project No. 18-012-00226 A "Modeling the influence of social processes on the formation of linguistic and cultural constants of the modern German-speaking space in Europe and optimization of intercultural communication".

For citation: Gazizov R. A. Methods for Mitigating Imposition in Sms Communication (on the Material of German Linguoculture). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 124–132 (In Russ.).

Received 19.05.2020

Accepted 10.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

Целью настоящей статьи является описание способов смягчения импозиции в сетевой коммуникации немецкой линг-

вокультурной общности, в частности в СМС-коммуникации. Материалом исследования послужил корпус из 1500 СМС-сообщений школьников и студентов из Оsnabrюка и Ганновера [1].

Необходимо отметить, что в настоящее время актуальной и популярной является такая форма коммуникативного взаимодействия между людьми, как сетьвая, которая осуществляется прежде всего посредством электронных средств связи. По мнению Л.А. Саенко и М.В. Егорова, именно распространение и развитие сетевых форм общения и взаимодействия между людьми являются основным индикатором состояния современного общества [2, с. 159]. При этом СМС-коммуникация, представляющая собой форму виртуального общения, актуализирует проблемы виртуализации межличностного общения. Виртуальный тип коммуникации образует «безусловную ценность как для личности, так и для общества» [3, с. 55] (см. также работы об особенностях и роли виртуальной коммуникации [4, 5, 6, 7]).

Как известно, среди основных целей коммуникативного взаимодействия между людьми можно выделить информирование, фатическое взаимодействие, побуждение к действию и т.д. При этом побуждение к действию связано с воздействием на адресата в целях осуществления последним того или иного речевого/неречевого акта. Коммуникативное воздействие представляет собой некое давление, или импозицию, которое не увенчается перлокутивным эффектом, если оно не будет смягчено определенными способами и реализующими их лексико-грамматическими средствами. К числу наиболее эффективных способов смягчения импозиции как в реальной речевой, так и в виртуальной коммуникации можно отнести коммуникативные стратегии вежливости, соответствующие определенным постулатам вежливого и эффективного общения.

Необходимо отметить, что среди основных принципов лингвистической прагматики, разработанных американским ученым Дж. Личем [8], особо значимым для межличностного общения является принцип вежливости, который

направлен на сохранение коммуникативного баланса между собеседниками, а также поддержание доброжелательных и дружеских отношений между ними. Таким образом, принцип вежливости выполняет огромную регулятивную функцию как в реальной речевой, так и в сетевой виртуальной коммуникации. Рассматриваемый принцип лингвистической прагматики включает в себя 6 максим речевого общения: максими такта (Tact Maxim), симпатии (Sympathy Maxim), согласия (Agreement Maxim), одобрения (Approbation Maxim), скромности (Modesty Maxim), благородства (Generosity Maxim) [8]. При этом исследование максим вежливости актуализирует понятие лингвистической вежливости, образующей систему определенных коммуникативных стратегий и тактик, направленных на сохранение лица как адресата, так и самого адресанта.

В теории сохранения лица П. Браун и С. Левинсона [9] понятие лица связано с положительным образом, социальным имиджем человека, с его желанием быть любимым и востребованным (позитивное лицо, *positive face, positives Gesicht*), с одной стороны, и желанием быть уважаемым и почитаемым (негативное лицо, *negative face, negatives Gesicht*), с другой стороны). Таким образом, согласно теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, коммуниканты при взаимодействии друг с другом прибегают к определенным коммуникативным стратегиям вежливости в целях сохранения позитивного и негативного лица адресата vs. адресанта [9, с. 102, 131].

Ученые выделяют 15 стратегий позитивной вежливости (ср. понятие солидарной вежливости, в нем. *Solidaritätshöflichkeit* [10, с. 179]) и 10 стратегий негативной вежливости (ср. понятие дистанционной вежливости, в нем. *Distanzhöflichkeit* [10, с. 179]).

Исследование способов и средств реализации лингвистической вежливости с учётом максим речевого общения пред-

полагает анализ функционирования максим принципа вежливости в тех или иных речевых актах. Как справедливо отмечает И.П. Сусов, максимы принципа вежливости «успешно реализуются в иллокутивных актах определенных сёрловских типов» [11, с. 198]. Так, максима такта реализуется в директивах, т.е. побудительных речевых актах, максимы симпатии и одобрения – в экспрессивах (приветствия, прощания, поздравления, пожелания, извинения, благодарности, комплимента и т.д.), максима благородства – в комиссивах (речевые акты предложения и обещания), максимы согласия и скромности – в ассертивных речевых актах согласия, несогласия и самокритики. Максимы вежливости реализуются в тех или иных речевых актах при помощи определенных стратегий позитивной и негативной вежливости. В свою очередь, средствами выражения коммуникативных стратегий являются соответствующие языковые и неязыковые единицы.

Результаты и обсуждение

В результате прагмалингвистического анализа способов смягчения импозиции в СМС-коммуникации немецкой лингвокультуры мы пришли к выводу, что смягчение импозиции связано прежде всего с соблюдением требований максим такта и благородства, которые реализуются в таких побудительных речевых актах, или импозитивах, как просьба, совет, приглашение и предложение.

Согласно максиме такта, необходимо, с одной стороны, минимизировать возможный ущерб собеседнику, с другой стороны, увеличивать выгоду для него. Это так называемая максима границ личной сферы [12, с. 33].

В свою очередь, соблюдение требований максимы благородства, или великолдушия предписывает минимизацию моральной и эстетической выгоды и увеличение ущерба для говорящего. Как справедливо отмечает Г.Р. Власян, максима благородства – это максима не-

обременения собеседника, предохраняющая его от доминирования в процессе общения [12, с. 33].

В целях уменьшения ущерба адресату, а также для достижения поставленных целей адресанту необходимо прибегать прежде всего к стратегиям негативной вежливости, в частности к *употреблению косвенных речевых актов*, способных смягчить воздействие на адресата или компенсировать ему наносимый моральный ущерб.

Одним из средств реализации стратегии косвенного выражения речевых актов в немецком языке являются модальные глаголы, ср. использование глаголов *können* (а), (б), *dürfen* (с) в речевых актах просьбы, глагола *müssen* (д) в речевых актах совета, глаголов *mögen* (е) и *wollen* (ф) в речевых актах предложения и приглашения:

(а) *Hi. Könntest du vielleicht noch 5 g mitbringen? Wäre super gail!* (досл. *Привет. Ты мог бы принести еще 5 гр.? Было бы просто замечательно!*).

(б) *Kannst Du Sina vielleicht fragen, ob sie meinen grünen Pullover ... morgen zu Mensa mitbringt?* (досл.: *Ты мог бы спросить у Зины, сможет ли она принести завтра мой зеленый пулlover в студенческую столовую?*).

(с) *Darf ich mal eben zu Dir fahren und meine Bluse bügeln?* (досл.: *Можно мне сейчас приехать к тебе и погладить свою блузку?*).

(д) *Wie wär's denn mit Feierabend-Party...? Da müßten wir dann allerdings schon früher da sein* (досл.: *Как насчет вечеринки после работы ...? Тогда нам следовало бы быть там пораньше*).

(е) *Möchtest Du was von Plus? Ne Pizza, oder so?* (досл.: *Ты хотел бы чего-нибудь из «Plus»? Пиццу или что-нибудь подобное?*).

(ф) *Wollen wir ins Kino gehen?* (досл.: *Не сходить ли нам в кино?*).

Во многих случаях косвенность высказывания может создаваться благодаря использованию устойчивых вопроси-

тельных конструкций, таких как *Wie wäre es mit...?* (a), *Wie wäre es mit..., falls (wenn)?* (b), а также придаточных условия (c), которые употребляются, как правило, в составе речевых актов предложения:

(a) *Wann treffen wir uns mal wieder?* *Wie wär es mit morgen abend?* (досл.: *Когда мы снова встретимся? Как насчет завтрашнего вечера?*).

(b) *Hi!!! Wie wär's mit einem Kaffeeklatsch, falls Du wieder in OS bist?* (досл.: *Привет!!! Как насчет встречи за чашкой кофе, если ты снова будешь в Оsnабрюке?*).

(c) *FAHRE SAMSTAG AUCH NACH FLENSBURG! ALSO WENN DU WILLST....!* (досл.: *Я еду в субботу тоже во Фленсбург! Если ты хочешь....!*).

Необходимо также отметить, что в концепции П. Браун и С. Левинсона речевые акты предложения реализуют такую стратегию позитивной вежливости, как «*Предлагайте, обещайте*», которая направлена на удовлетворение интересов собеседника, т.е. данные речевые акты так же, как и речевые акты приглашения и совета, совершаются в интересах адресата, однако несмотря на это они содержат определенную долю импозиции, поэтому адресант часто прибегает к различным стратегиям вежливости, направленным на смягчение иллокутивной силы соответствующих импозитивов.

Помимо вышеописанных способов и средств к специальным маркерам вежливости, смягчающим иллокутивную силу импозитивов, можно отнести также некоторые лексико-сintаксические конструкции, напр., (Es) *wäre schön* (a), (Es) *wäre super*, (Es) *wäre toll*, а также конструкцию *würden + инфинитив* основного глагола (b):

(a) *Treffen wir uns nächste Woche? Wär schön. Kuss J.* (досл.: *Встретимся на следующей неделе? Было бы неплохо. Целую Й.*).

(b) *Was geht heute abend noch? ich würde vorschlagen, wir gehen ins Kino*

(досл.: *Что еще показывают сегодня вечером? Я предложил бы пойти в кино*).

Некоторые побудительные речевые акты могут иметь в своем составе конструкцию с *würden + sich freuen, wenn*, в которой используется глагол сорадования *sich freuen* (радоваться) для выражения радости по поводу предстоящего события, напр. совместной встречи (a), празднования дня рождения (b), ср.:

(a) *WÜRD MICH FREUEN WENN WIR UNS ALLE TREFFEN!* (досл.: *Буду рад, если мы все встретимся!*).

(b) *Tach zusammen. Feier meinen Geburtstag am 10.10 ab 19uhr. Würde mich freuen, wenn ihr kommt. Jens* (досл.: *Всем привет. Собираюсь отметить свой день рождения 10 октября в 19.00. Буду очень рад, если вы приедете. Йенс*).

Как справедливо отмечает А.В. Шаляхина, глаголы сорадования «играют большую роль в создании и поддержании эмпатии», с помощью которых «можно эмоционально настроить собеседника на общение, создав у него ощущение принадлежности к определенному кругу единомышленников, подбодрить его, проявив интерес к его мнению» [13, с. 45]. В немецком языке глагол *sich freuen* является также средством реализации стратегии демонстрации усиленного интереса, направленной на соблюдение требований максимы симпатии. В свою очередь, с использованием некоторых наречий, напр., *sehr, total* в сочетании с глаголом сорадования актуализируется стратегия преувеличения интереса к партнеру по коммуникации, что также минимизирует категоричность побудительного высказывания, ср.: *Ich fahr auf jeden Fall mit nach Flensburg und würde mich total freuen, wenn Du auch dabei wärst-wir drei, wie in alten Zeiten! Küssse* (досл.: *Я в любом случае поеду во Фленсбург и был бы очень рад, если бы ты тоже был там – мы втроем, как в старые времена! Целую*). В данном примере содержится придаточное условия, используемое в конъ-

юнктиве, которое повышает степень вежливости всего высказывания.

Как известно, в вопросительных импозитивах, напр., в речевом акте предложения адресант часто прибегает к вопросу о желании адресата совершить определенное действие. Подобные вопросы, которые образуются посредством лексико-синтаксических конструкций *Lust haben* (a), (b), *Zeit haben* (c), *Möglichkeit haben, nichts dagegen haben* (d) представляют адресату выбор принять то или иное предложение или отказаться от него, тем самым способствуя минимизации импозиции, ср.:

(a) *HAST DU LUST NOCH MIT MIR HIN ZU GEHEN? DANIELA* (досл.: У тебя есть еще желание пойти туда со мной? Даниэла).

(b) *HAST DU LUST MICH NACHHER MAL ANZURUFEN? JESSY* (досл.: У тебя есть желание потом созвониться со мной? Джесси).

(c) *sag, hättest du morgen abend zeit und lust auf ne cola?* (досл.: Скажи, будет ли у тебя завтра вечером время и желание выпить стакан колы?).

(d) *Hi Eva. Wenn Du nichts dagegen ... hast, würde ich gerne mit dir ins Index fahren. Wenn es nicht klappen sollte dann melde Dich mal..! H.d.l* (досл.: Привет, Ева. Если ты не против, я бы поехал с тобой в «Индекс». Если не получится, то сообщи мне...! Люблю тебя).

При употреблении личного местоимения *wir* (мы) в сочетании с модальными глаголами в речевых актах предложения актуализируется стратегия побуждения к совместным действиям. Совместное осуществление того иного действия, на наш взгляд, снижает степень импозиции по отношению к адресату и во многих случаях является залогом успешной коммуникации, ср. (a), (b):

(a) *Wollen wir frühstückchen gehen?* (досл.: Не пойти ли нам позавтракать?).

(b) *Ruf mich mal an! Vielleicht können wir uns ja dann auch mal wieder treffen*

(досл.: Позвони-ка мне! Может, мы сможем еще встретиться).

В составе косвенных высказываний может использоваться стратегия семантической минимизации импозиции, основанная на употреблении модификаторов, смягчающих категоричность побудительных речевых актов. В немецком языке это такие лексические средства, как *ein bißchen, ein wenig, ein paar, etwas, einige, (einen) Moment, (einen) Augenblick* и др., напр.: *Will nur fragen, ob ich ein paar Tage bei dir wohnen könnte* (досл.: Хочу только спросить, можно ли пожить у тебя несколько дней).

В.Д. Девкин выделяет также так называемые «ксеноденотативные диминутивы» [14, с. 138], которые, как и отмеченные выше модификаторы вежливости, выражают рассматриваемую стратегию негативной вежливости, смягчая категоричность побудительного высказывания. Они образуются при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*, ср. использование лексем *Bierchen* (a) и *Käffchen* (b) в речевых актах предложения и приглашения:

(a) *Hi Caro! Lange nichts von dir gehört. Alles fit? Hast du Lust auf ein paar Bierchen? Komm vorbei am 15.06.! Liebe Grüße, Nils* (досл.: Привет, Каро! Давно тебя не было слышно. Все хорошо? У тебя есть желание выпить несколько бокалов пива? Заходи 15 июня! С дружеским приветом, Нильс).

(b) *Ruf mich doch einfach morgen an, wenn Du wieder feste Nahrung zu Dir nehmen kannst, dann trinken wir Käffchen und besprechen alles Weitere* (досл.: Просто позвони завтра, если хочешь хорошо подкрепиться, выпьем с тобой кофейку и все обсудим).

Однако наиболее распространенными лексическими средствами, смягчающими категоричность высказывания и реализующими рассматриваемую стратегию, являются модальные частицы. Продемонстрируем употребление частиц *mal*

(a), *doch* (b), *vielleicht* (c), в том числе в различных комбинациях (d), (e), (f):

(a) *Schreib mir mal ne sms* (досл.: *Напиши-ка мне СМС-сообщение*).

(b) *Ruf mich doch einfach morgen an, wenn Du wieder feste Nahrung zu Dir nehmen kannst* (досл.: *Просто позвони завтра, если хочешь хорошо подкрепиться*).

(c) *Könntest du vielleicht noch 5 g mitbringen?* (досл.: *Ты не мог бы принести еще 5 гр.?*)

(d) *Vielleicht rufst Du mich mal an, da bei Dir nur Dein Fax rangeht* (досл.: *Может, ты позвонишь мне, так как у тебя срабатывает только твой факс?*)

(e) *Hello Steffi! Waths up? Schreib doch mal! Ciao Wiebke :-)* (досл.: *Привет, Штеффи! Что случилось? Напиши-ка! Пока, Вибке :-)*)

(f) *Vielleicht tanze ich ja mal privat für dich* (досл.: *Может, я станцую для тебя лично?*)

Некоторые частицы и междометия могут выступать в качестве конечных формативов, выполняя функцию смягчения импозиции, напр., *ja* (a), *OK* (b), также «актуализатор вежливости» *bitte* (c), (d):

(a) *ICH MUß DIR SOVIEL ERZÄHLEN! LAß UNS MORGEN BITTE UNBEDINGT TELEFONIEREN, JA?* (досл.: *Я должен тебе так много рассказать! Давай завтра обязательно созвонимся, хорошо?*)

(b) *Lass uns noch einkaufen gehen nach dem Training, ok?* (досл.: *Давай после тренировки пойдем за покупками, хорошо?*)

(c) *BITTE SCHICK MIR DOCH NE SMS. LG S.* (досл.: *Пожалуйста, пришли-ка мне СМС-сообщение. С дружеским приветом, С.*)

(d) *Schreib mal bitte zurück. Bis dann, Jutta* (досл.: *Напиши мне, пожалуйста. Пока, Ютта*).

Одним из способов смягчения импозиции является также *стратегия маркирования внутригрупповой принадлежности*, которая реализуется посредством

употребления личных имен, лексем, обозначающих ту или иную степень родства, а также неформальных оценочных обращений, таких как *Liebling*, *Schatz* и др., сп.: *Schatz, bitte sei nicht mehr sauer auf mich. Ich liebe Dich über alles* (досл.: *Мильй, не сердись на меня больше. Я люблю тебя больше всего на свете*).

Степень импозиции можно уменьшить также при помощи *стратегии имперсонализации*, по классификации П. Браун и С. Левинсона, *стратегии обезличивания говорящего и слушающего* (*Impersonalize S. and H.*), то есть вывода говорящего и/или слушающего из дискурса. Одним из средств реализации данной стратегии является пассивный залог. При его использовании адресант избегает прямого давления на адресата, сп.: *SEID IHR AM 23.06. ZUFÄLLIG IN HM? ICH FEIER MEINEN GEBURTSTAG UM 18 H BEI MIR: IHR SEID EINGELADEN! KRISSI* (досл.: *Вы, случайно, не будете 23 июня в Хамельне? Я буду отмечать свой день рождения в 18.00: Вы приглашены! Крисси*).

Выводы

Проанализированные способы смягчения импозиции в СМС-коммуникации немцев свидетельствуют о том, что в данном типе виртуального общения коммуниканты чаще всего используют коммуникативные стратегии негативной вежливости, такие как стратегию косвенного выражения высказываний, стратегию семантической минимизации импозиции, стратегию имперсонализации, а также стратегию «Задавайте вопросы, будьте уклончивы».

Однако минимизировать давление на адресата способны также некоторые стратегии позитивной вежливости, зафиксированные нами в ходе исследования. Это такие стратегии, как стратегия побуждения к совместным действиям, стратегия маркирования внутригрупповой принадлежности, стратегия «Предлагайте, обещайте», стратегия демонстрации усилен-

ного интереса, а также стратегия преувеличения интереса.

Грамматическими средствами выражения стратегий негативной вежливости являются сослагательное наклонение, прошедшее время, вопросительная форма, пассивный залог; лексические средства представлены модальными глаголами и частицами, модификаторами вежливости, ксеноденотативными диминутивами и т.д.

В свою очередь, средствами выражения стратегий позитивной вежливости

в СМС-коммуникации немцев являются глагол сорадования *sich freuen*, наречия *sehr, total, gail*, местоимение *wir*, неформальные оценочные обращения.

Перспективным, на наш взгляд, представляется исследование способов и средств реализации нерассмотренных максим вежливости в сетевой (виртуальной) коммуникации разновозрастных групп коммуникантов.

Список литературы

1. SMS-Korpus. URL: http://www.mediensprache.net/archiv/corpora/sms_os_h.pdf (дата обращения: 11.11.2019).
2. Саенко Л.А., Егоров М.В. Интернет-пространство как фактор формирования сетевого общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 1. С. 159-162.
3. Крюков Р.В. Виртуализация общения как ценность и феномен современного общества // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2. №3 (29). С. 55-59.
4. Апетян М.К. Особенности виртуальной коммуникации // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 939-941.
5. Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы // Философские науки. 2015. № 10. С. 94-110.
6. Морозова О.Н. Особенности Интернет-коммуникации: определение и свойства // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 5. С. 150-158.
7. Шаброва Л.Е. Виртуальная коммуникация современного информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 86-92.
8. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, New York, (1983). 250 p.
9. Brown, P.; Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, Cambridge University Press, (1987). 345 p.
10. Rathmayr, R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. In: Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literatuten und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft, 1996. S. 174-185.
11. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница, Нова Книга, 2009. 272 с.
12. Власян Г.Р. Принцип вежливости в английском диалоге // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2011. № 3 (10). С. 33-36.
13. Шалюхина А.В. Глаголы речи как средство выражения эмпатии в испанском языке // Филологические науки в МГИМО. 2018. Т. 3, № 15. С.40-46.
14. Девкин В.Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005. 670 с.

References

1. SMS-Korpus. Available at: http://www.mediensprache.net/archiv/corpora/sms_os_h.pdf (accessed 11.11.2019).

2. Saenko, L.A., Egorov, M.V. Internet-prostranstvo kak faktor formirovaniya setevogo obshchestva [Internet space as a factor in the formation of a network society]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Socio-educational Thought*, 2015, vol. 7, no. 1. pp. 159-162 (In Russ.)
3. Kryukov R.V. Virtualizaciya obshcheniya kak cennost' i fenomen sovremennoj obshchestva [Communication virtualization as a value and phenomenon of modern society]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2016, no. 3, part 2. pp. 55-59 (In Russ.)
4. Apetyan M.K. Osobennosti virtualnoj kommunikacii [Features of virtual communication]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2015, no. 3, pp. 939-941 (In Russ.)
5. Baeva L.V. Virtualnaya kommunikaciya: osobennosti i eticheskie principi [Virtual communication: features and ethical principles]. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*, 2015, no. 10, pp. 94-110 (In Russ.)
6. Morozova O.N. Osobennosti Internet-kommunikacii: opredelenie i svoistva [Features of Internet communication: definition and properties]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2010, vol. 1, no. 5, pp. 150-158 (In Russ.)
7. Shabrova, L.Ye. Virtual'naya kommunikaciya sovremennoj informacionnoj obshchestva [Virtual communication of the modern information society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 86-92 (In Russ.)
8. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*, London, New York, 1983. 250 p.
9. Brown, P.; Levinson S.C. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 345 p.
10. Rathmayr, R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. In: Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literatuten und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft, 1996, pp. 174-185.
11. Susov I.P. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Vinnica, Nova Kniga Publ., 2009. 272 p. (In Russ.)
12. Vlasyan G.R. Princip vejlivosti v angliiskom dialoge [The principle of politeness in English dialogue]. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2011, no. 3 (10), pp. 33-36 (In Russ.)
13. Shalyuhina A.V. Glagoli rechi kak sredstvo virajeniya empatii v ispanskem yazike [Verbs of speech as a means of expressing empathy in Spanish]. *Filologicheskie nauki v MGIMO = Philology at MGIMO*, 2018, vol. 3, no. 15, pp. 40-46 (In Russ.)
14. Devkin V.D. *Nemeckaya leksikografiya* [German lexicography]. Moscow, Vissshaya shkola Publ., 2005. 670 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Газизов Рафаэль Аркадьевич, доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация
e-mail: tasufa.gazizov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1391-5288>

Rafael A. Gazizov, Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of Department of Romance-Germanic Philology, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
e-mail: tasufa.gazizov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1391-5288>

Оригинальная статья/Original article

УДК 81'23

Вежливость и деликатность: взаимосвязь ассоциативных полей

Н.И. Степыкин¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российской Федерации

 e-mail: nick1086@mail.ru

Резюме

Исследования психологически реального содержания базовых морально-этических категорий является одной из актуальных проблем антропоцентрического языкоznания. Материалом исследования послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, полученные в 2020 г. в рамках разработки мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Концепт вежливость детерминирует образ мира индивида, принадлежащего к той или иной лингвокультуре. Цель данного фрагмента исследования – установить психологически реальные связи ассоциативных полей «деликатность» и «вежливость» в ассоциативно-вербальной сети представителей русской лингвокультуры. Под термином «ассоциативное поле» понимается модель структуры вербальной памяти. В результате анализа лексикографических источников и данных свободного ассоциативного эксперимента была выявлена взаимосвязь концептов деликатность и вежливость, которая проявилась в таких общих структурно-содержательных компонентах, как качество, учтивость, культура, внимательность, привет, точность, воспитанность, воспитание, тактичность, уважение, галантность, такт, обходительность, вежливость. Данные ассоциаты имеют различную частотность в структуре ассоциативных полей вежливость и деликатность, что является их дифференцирующим признаком. Психологически актуальные содержательные компоненты для ассоциативного поля вежливость – это учтивость, воспитанность и воспитание, а для ассоциативного поля деликатность – вежливость и тактичность. Была выявлена связь между звуковой оболочкой и формой стимульного слова, с одной стороны, и характером речевых действий индивида, с другой. Это проявилось в реакциях, образованных по аналогии с деривационной моделью слова-стимула (вежливость – воспитанность и пр.). Также было установлено, что большинство сочетаний стимул – реакция являются топик – коммент структурами формата существительное – существительное, что свидетельствует о недостаточной сформированности операций синтаксирования у испытуемых.

Ключевые слова: ассоциативное поле; вежливость; деликатность; речевое действие; речевая операция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 20-012-00160.

Для цитирования: Степыкин Н.И. Вежливость и деликатность: взаимосвязь ассоциативных полей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 133–141.

Статья поступила в редакцию 22.05.2020 Статья подписана в печать 16.06.2020 Статья опубликована 20.07.2020

Politeness and Delicacy: the Correlation of Associative Fields

Nikolay I. Stepykin¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

 e-mail: nick1086@mail.ru

Abstract

Research of the psychologically real content of basic moral and ethical categories is one of the topical problems of anthropocentric linguistics. The research is based on data from a free associative experiment obtained in 2020 as part of the project of multilingual associative thesaurus of politeness. The concept of politeness determines the image of the world of an individual belonging to a particular linguistic culture. The purpose of this research fragment is to establish psychologically real connections of the associative fields of delicacy and politeness in the associative-verbal network of representatives of the Russian linguistic culture. The term "associative field" refers to a model of the structure of verbal memory. The analysis of lexicographical sources and of free associative experiment data revealed the close relationship of the concepts of delicacy and politeness which resulted in such common structural components, as quality, courtesy, culture, care, hi, accuracy, good manners, upbringing, tact, respect, gallantry, tact, complaisance, politeness. These associates have different frequency in the structure of association fields of politeness and delicacy, which is their differentiating feature. Psychologically relevant content components for the associative field of politeness are courtesy, education and upbringing. Politeness and tact are distinctive features of the associative field of delicacy. The connection between the sound and the form of the stimulus word, on the one hand, and the nature of the individual's speech actions, on the other, was revealed. This was shown in reactions formed by analogy with the derivational model of the cue word (вежливость – воспитанность, etc.). It was also found that most of the stimulus-response combinations are topic-comment structures of the noun-noun format, which indicates that the syntactic operations are not sufficiently formed.

Keywords: associative field; politeness; delicacy; speech action; speech operation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding. The research was supported by the RFBR, scientific project no. 20-012-00160.

For citation: Stepykin. N. I. Politeness and Delicacy: the Correlation of Associative Fields. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 133–141 (In Russ.).

Received 22.05.2020

Accepted 16.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

Проблема изучения специфики организации ассоциативно-вербальной сети (далее АВС) языковой личности, образа мира индивида, принадлежащего к той или иной лингвокультуре, требует привлечения достаточно большого объёма языковых данных. В настоящее время созданы лексикографические базы данных, постоянно дополняются и изменяются

ассоциативные тезаурусы, моделирующие языковую способность носителя определённого языка в форме ассоциативно-вербальной сети [1 – 4], разработаны национальные корпусы различных языков мира, которые представляют собой информационно-справочные системы, основанные на собрании текстов в электронной форме. Исследования, проводимые в рамках антропоцентрического

языкознания, не должны ограничиваться описанием лексической единицы, основанным на её толковании в словаре. Значение, зафиксированное в словаре, безусловно, содержит «культурную память» слова, однако не даёт представления о динамике значения слова, о специфике этнического образа мира. Данные ассоциативного эксперимента позволяют моделировать личностные смыслы испытуемых, которые по своей природе ситуативны и динамичны. Отдельный интерес представляют исследования близких по смыслу слов, а именно то, насколько схоже их психологически реальное содержание. В качестве интерпретирующей модели ассоциативных данных может быть использовано ассоциативное поле, под которым «понимается не фрагмент вербальной памяти человека, а психолингвистический конструкт, моделирующий структуру вербальной памяти» [5, с. 20]. В. А. Пищальникова отмечает, что «ассоциативное поле обнаруживает и правила оперирования знаниями, зафиксированными в определенных способах их представления» [5]. Ассоциативное поле как модель позволяет представить динамику психологически актуального содержания лексикона индивида и особенности организации АВС [6].

Методы исследования

В качестве основного метода исследования в настоящей работе был применён свободный ассоциативный эксперимент. В нём приняло участие более 500 носителей русского языка в возрасте от 17 до 50 лет, большинство из которых студенты и преподаватели различных высших учебных заведений, в том числе Юго-Западного государственного университета (Курск), Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону), Московского государственного лингвистического университета (Москва), Ставропольского государственного педа-

гического института (Ставрополь). Испытуемым было предложено написать первое пришедшее на ум слово на предъявленные слова-стимулы. Полученные ассоциативные данные были обработаны, систематизированы и проанализированы с опорой на модель речепорождения Леонтьева-Ахутиной [7]. Для сбалансированности выборки по гендерному признаку к участию в эксперименте были привлечены представители мужского и женского полов. Также в работе были использованы дефиниционный анализ и количественные методы обработки ассоциативного материала.

Результаты и обсуждение

Предметом настоящего исследования является концепт *деликатность* и его взаимосвязь с концептом *вежливость*. В малом академическом словаре (далее МАС) представлено толкование слова *деликатность* как свойства по прилагательному *деликатный*, которое имеет следующие значения:

1. Вежливый, предупредительный, мягкий в обращении.
2. Разг. требующий осторожного и тактичного отношения; щекотливый.
3. Разг. нежный, слабый, хрупкий [8, с. 382].

Однако данные толкового словаря фиксируют значение слова в определённый период развития языка, не учитывая его динамики в речевой деятельности. Отмечается, что «ассоциативное поле может быть инструментом анализа значения слова при условии рассмотрения исследователем характера действования со словом (языком)...» [9, с. 110]. Анализ ассоциативного поля позволяет выявить речевые операции, характерные для испытуемых при использовании слова *деликатность* в речевой деятельности.

Рассмотрим ассоциативное поле *деликатность*: *вежливость* 25, *аккуратность* 13, *осторожность* 10, *тактич-*

ность 9, мягкость 6, воспитанность 5, уважение 5, тонкость 4, стирка 4, галантность 3, такт 3, воспитание 3, обходительность 3, толерантность 2, утонченность 2, элегантность 2, вежливый 2, фартук 2, предложения 2, аккуратный 2, скромность 2, умение подобрать слово 2, выбор 2, учтивость 2, культура 2, нежность 2, качество 2, руки, девушка, еда, характер, заботливая, активность, знание, гурман, изящество, дети, искренность, чувство такта, вранье в глаза, блюдо, красота, картина, взрослый, трусость, мама, деликатес, мягкая одежда, фальшивь, мягко, цветок,

внимание, рука, находчивый, секретность, не помешала бы, старательный, шелк, страх, внимательность, тактильность, адекватность, тишина, нужна, тонко, вопрос, точность, в общении, уборка, отношения, удивляет, отточенность, услужливость, песня, дипломата, подход, дипломатичность, политика, хороша, порядочный, чувствительность, в поступках, доверие, привет, я деликатный, ненавязчивость, нормально.

Систематизируем полученные ассоциаты по уровням языка в соответствии с моделью речепорождения Леонтьева-Ахутиной (табл. 1).

Таблица 1. Классификация реакций на стимул *деликатность*

Table 1. Classification of responses to the cue word *delicacy*

Тип ассоциации	Ассоциаты, общее кол-во	% от общего количества ассоциатов
Ассоциации на фонетическом уровне	деликатес	0,5
Ассоциации на морфологическом уровне	деликатный	0,5
Ассоциации на лексическом уровне	вежливость, мягкость, воспитанность, уважение, воспитание, обходительность, вежливый, умение подобрать слово, скромность, толерантность, учтивость, галантность, культура, внимание, внимательность, мягко, ненавязчивость, порядочный, терпимость, точность, услужливость, аккуратность, осторожность, тактичность, такт, аккуратный, дипломатичность, чувство такта, утонченность, тонкость, нежность, элегантность, заботливая, изящество, мягкая одежда, отточенность, песня, картина, тактильность, тонко, цветок, чувствительность, фартук, гурман, еда, адекватность, активность, знание, красота, искренность, доверие, находчивый, старательный, страх, вранье в глаза, трусость, фальшивь, секретность, взрослый, мама, дети, я, качество	83

Окончание табл. 1

Table 1. (ended)

Тип ассоциации	Ассоциаты, общее кол-во	% от общего количества ассоциатов
Синтаксические примитивы	стирка, выбор, блюдо, вопрос, девушка, отношения, подход, привет, рука, руки, мишина, уборка, характер, шелк, нормально	10
Синтаксемы	предложения, в общении, в поступках, дипломата, политика, не помешала бы, нужна, удивляет, хороша	6

Простейшие с точки зрения речепроизводства фонетические ассоциации составляют всего 0,5% структуры АП *деликатность*. Их активация происходит по упрощённой программе речепорождения, т.е. без трёх ступеней синтаксирования. Следует отметить, что слово *деликатес* является этимологически родственным и употребляется не только в узком значении «вкусное блюдо, лакомство», но и в более широком – «чечто изысканное, особенное».

Морфологические ассоциации актуализируют формы словоизменения, а также отнесение слов к определенной части речи. В предпринятом исследовании данный тип ассоциаций представлен единичной словоформой *деликатный*.

Лексические ассоциации составляют 83% структуры АП *деликатность* и проходят четыре этапа речепорождения: *мотив – преобразование мысленного образа прошедшего-настоящего в образ потребного будущего – смысловое синтаксирование – кинетическое программирование*. Отметим, что более 50% ассоциатов подобного типа образованы по аналогии с деривационной структурой слова-стимула, например, реакции *вежливость, аккуратность, осторожность*. Это является свидетельством высокой степени операциональности данных речевых действий.

Значение «вежливый, предупредительный, мягкий в обращении» представлено ассоциатами *вежливость, мягкость,*

воспитанность, утонченность, уважение и др. (38 %). Реакции *аккуратность, осторожность, тактичность, такт, аккуратный, дипломатичность, отточенность, чувство такта* актуализируют второе значение лексемы *деликатный* – «требующий осторожного и тактичного отношения; щекотливый» и составляют 23 % структуры АП. Значение «нежный, слабый, хрупкий» реализовано в ассоциациях *тонкость, нежность, тонко*.

Помимо конвенциональных значений, зафиксированных в МАС, можно также выявить смыслы, психологически актуальные для данного слова. Ассоциаты *элегантность, изящество, красота, цветок* подчёркивают этические и эстетические представления испытуемых, связанные со стимулом *деликатность*. Они могут проявляться как в культуре и искусстве (*картина, песня*), так и в обыденной жизни (*фартук, гурман, еда, блюдо*).

Эмоционально-оценочные реакции на стимул *деликатность* носят противоречивый характер. С одной стороны, деликатность связана с адекватностью, искренностью и доверием. С другой стороны, были актуализированы негативные эмоции испытуемых, вербализованные в реакциях *страх, вранье в глаза, трусость, фальшивь, секретность*.

Синтаксические ассоциации могут быть выражены синтаксемой, репрезентирующей полный цикл речепорождения, или «синтаксическим примитивом» [10].

Очевидно, что при образовании синтаксических примитивов этап поверхностного синтаксирования пропускается. В настоящее время не вызывает сомнений операциональность речевых действий *деликатная стирка, деликатная уборка* и пр., что отражено в реакциях испытуемых (*уборка, стирка, мягкая одежда, шёлк*). Деликатность проявляется в общении (*деликатный вопрос*) и в поступках. Среди синтаксических реакций можно отметить эмоционально-оценочные ассоциаты, содержащие положительную оценку (*хороша*) и подчёркивающие необходимость такого качества, как деликатность (*не помешала бы, нужна*). Речевое действие испытуемого *деликатность* удивляет содержит личностный смысл, который можно интерпретировать следующим образом: данное положительное качество человека проявляется так редко, что вызывает удивление.

С целью обнаружения общих черт АП *деликатность* и *вежливость* рассмотрим реакции на стимул *вежливость*: *учтивость 21, воспитанность 18, доброта 14, воспитание 11, уважение 9, качество 5, обходительность 5, было 3, культуры 3, такт 3, галантность 3, любезность 3, порядочность 2, люди 2, культурность 2, улыбка 2, поклон 2, этикет 2, вежливость, тактичность, про-давец, внимательность, поведение, королей, привет, корректность, семья, где она? к старшим, горы, полезно, лицемерие, правильно, ложь, приятно, лояльное отношение, с людьми, грамотность,*

студента, грубость, точность, манеры, персонала, милая, добро, начитанность, понимание, необходима, правда, норма, правильность, образованный, принцип, хороший, приятность, черта сильных, просто, джентльмен, светский, уступчивость скучный, высота, драка, открытость, терпение, отличительная черта человека, здравствуйте, отношения, отсутствие, быть вежливым, благодарность, ополаскиватель, ласка, чувство, общество, обычно, обязательна.

Следует отметить, что стимульное слово *вежливость* не породило ни одной реакции *деликатность*. Напротив, реакция *вежливость* на стимул *деликатность* оказалась самой частотной (25 ассоциатов). Это ни в коей мере не опровергает утверждение Н.В. Крущевского, согласно которому любое слово способно возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами [11]. Полученные данные свидетельствуют о том, что ассоциативная связь *вежливость – деликатность* не является достаточно сильной. Свободный ассоциативный эксперимент выявляет наиболее прочные ассоциативные связи. При применении иного инструмента исследования, например, цепного ассоциативного эксперимента или метода интеллект карт, ассоциативная связь *вежливость – деликатность*, безусловно, будет проявляться.

Сопоставив ассоциативные поля *вежливость* и *деликатность*, мы выявили их общие компоненты (см. табл. 2).

Таблица 2. Общие реакции на стимулы «деликатность» и «вежливость»

Table 2. Common responses to cue words "delicacy" and "politeness"

Общие компоненты АП <i>вежливость</i> и <i>деликатность</i>	Количество реакций на стимул <i>вежливость</i>	Количество реакций на стимул <i>деликатность</i>
<i>Воспитанность</i>	18	5
<i>Воспитание</i>	11	3
<i>Тактичность</i>	1	9
<i>Уважение</i>	9	5
<i>Галантность</i>	3	3
<i>Такт</i>	3	3

Окончание табл. 2

Table 2. (ended)

Общие компоненты АП <i>вежливость и деликатность</i>	Количество реакций на стимул <i>вежливость</i>	Количество реакций на стимул <i>деликатность</i>
<i>Обходительность</i>	5	3
<i>Вежливость</i>	1	25
<i>Качество</i>	5	2
<i>Учтивость</i>	21	2
<i>Культура</i>	3	2
<i>Внимательность</i>	1	1
<i>Привет</i>	1	1
<i>Точность</i>	1	1

Из данных таблицы 2 очевидно, что *учтивость, воспитанность и воспитание* являются общими содержательными компонентами анализируемых концептов, однако они значительно сильнее проявляются в структуре АП *вежливость*. В структуре АП *деликатность* можно отметить *вежливость и тактичность* как превалирующие компоненты. Уважение и обходительность более выражены в

структуре АП *вежливость*. *Галантность, тант, обходительность, качество, культура, внимательность, точность и привет* являются компонентами устойчивого баланса, сближающими слова *вежливость* и *деликатность* в АВС языковой личности. Отобразим графически взаимосвязь общих компонентов для АП *вежливость* и *деликатность* (см. рис. 1).

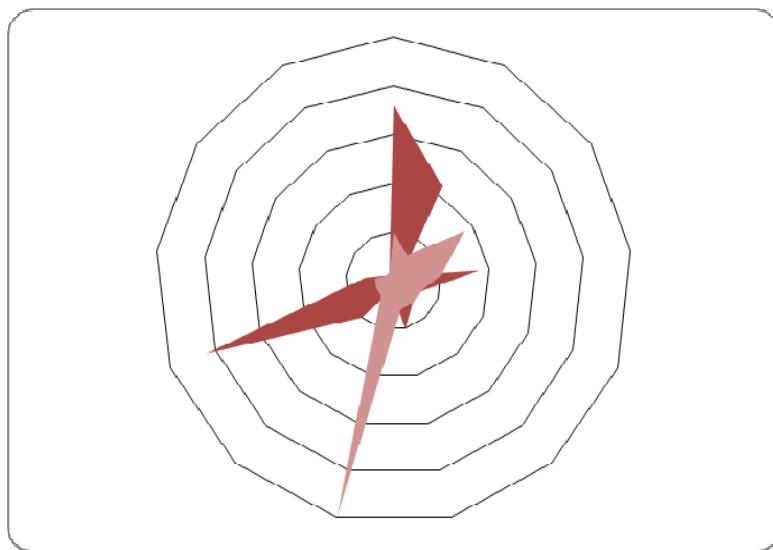
Рис. 1. Взаимосвязи общих компонентов ассоциативных полей *вежливость* и *деликатность*

Fig. 1. Correlation between common components of the associative fields politeness and delicacy

Выводы

В результате проведённого исследования была выявлена структурно-содер-

жательная специфика АП *деликатность* и *вежливость*, которая не только отражает фиксированное словарное значение

лексем, но и акцентирует их динамику, раскрывая семантические, синтаксические и психологические связи данных слов в АВС индивида. Рассматривая ассоциацию как речевое действие, следует отметить, что большинство полученных сочетаний стимул – реакция являются топик – коммент структурами формата существительное – существительное. Более 50 % реакций на стимул *деликатность* образованы по аналогии с деривационной моделью слова-стимула (*вежливость*, *воспитанность* и пр.), что может говорить о влиянии звуковой оболочки и формы слова на характер речевых действий индивида. В результате сопоставительного анализа ассоциативных полей *вежливость* и *деликатность* были выявлены их общие компоненты: *воспитанность*, *воспитание*, *тактичность*, *уважение*, *галантность*, *такт*, *обходительность*, *вежливость*, *качество*, *учтивость*, *культура*, *внимательность*, *привет*, *точность*. Было отмечено, что перечисленные ассоциаты не только сближают слова *вежливость* и *деликатность*, но и могут служить дифференцирующим признаком в зависимости от их частотности в составе ассоциативных полей. Так психологически актуальными содержательными компонентами для АП *вежливость* выступают *учтивость*, *воспитанность* и *воспитание*, а для АП *деликатность* – *вежливость* и *тактичность*, при этом на стимул *вежливость* не было получено ни одной реакции *деликатность*, т.е. деликатность не является психологически актуальным компонентом в структуре АП *вежливость*.

Список литературы

1. Joyce T. Building a word association database for basic Japanese vocabulary // Poster session presented at The 3rd Annual Meeting of the Japanese Society for Cognitive Psychology, 28-29 May, Kanazawa University, Kanazawa, Japan, 2005.
2. Lönngrén L. A Swedish Associative Thesaurus// Euralex '98 Proceedings. 1998. Vol. 2. Pp. 467 – 474.
3. Okamoto, Ishizaki S. Construction of associative concept dictionary with distance information, and comparison with electronic concept dictionary // 2001. Vol. 8. Pp. 37 – 54.
4. Rubinsten O., Anaki D., Henik A., Drori S., Faran Y. Free association norms in the Hebrew language // In A. Henik, O. Rubinsten, & D. Anaki, (Eds.). Word Norms in Hebrew, Ben-Gurion University of the Negev, 2005. pp. 17 – 34.
5. Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, N 1. С. 17–29.
6. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле вежливый: динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида // Science for Education Today. 2020. № 2. С. 151–166.
7. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967-2005 // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 13 – 27.
8. Словарь русского языка: в 4 т. // АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I. А - Й. 696 с.
9. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (20). С. 110 – 116.
10. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.]. М.: Астрель: АСТ, 2002. 992 с.
11. Крущевский Н. Очерк науки о языке. М.: Книга по Требованию, 2011. 173 с.

References

1. Joyce T. Building a word association database for basic Japanese vocabulary. Poster session presented at The 3rd Annual Meeting of the Japanese Society for Cognitive Psychology, 28-29 May, Kanazawa University, Kanazawa, Japan, 2005.
2. Lönngren L. A Swedish Associative Thesaurus. Euralex '98 Proceedings, 1998, vol. 2, pp. 467 – 474.
3. Okamoto, Ishizaki S. Construction of associative concept dictionary with distance information, and comparison with electronic concept dictionary. 2001, vol. 8, pp. 37 – 54.
4. Rubinsten O., Anaki D., Henik A., Drori S., Faran Y. Free association norms in the Hebrew language. In A. Henik, O. Rubinsten, & D. Anaki, (Eds.). Word Norms in Hebrew, Ben-Gurion University of the Negev, 2005. pp. 17 – 34.
5. Pishchal'nikova V. A. *Eksperimental'noe psiholingvisticheskoe issledovanie znacheniya slova: nereshennye problemy* [Psycholinguistic Research of Word Meaning: Unresolved Issues]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University Series: Linguistics and Pedagogics*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 17–29 (In Russ.).
6. Stepykin N. I. *Associativnoe pole vezhlivyj: dinamika psihologicheski aktual'nogo soderzhaniya v leksikone individu* [Associative field of the concept ‘polite’: Dynamics of psychologically relevant content in speaker’s lexicon]. *Science for Education Today*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 151–166 (In Russ.).
7. Ahutina T. V. *Model' porozhdeniya rechi Leont'eva-Ryabovo: 1967-2005* [Model of speech production Leontiev and Ryabova: 1967-2005]. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of Psycholinguistics*, 2007, no. 6, pp. 13 – 27 (In Russ.).
8. *Slovar' russkogo jazyka*. [Dictionary of the Russian language]; ed. by A. P. Evgen'ev. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1985–1988, vol. I. A - J. 696 p. (In Russ.).
9. Stepykin N. I. *Associativnoe pole: produkt associativnogo eksperimenta i instrument analiza znacheniya slova* [Associative field: a product of an associative experiment and a tool for analyzing the meaning of a word]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 3 (20), pp. 110 – 116 (In Russ.).
10. Karaulov Yu. N., *Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza jazykovoj sposobnosti* [Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing language ability]. Moscow, Astrel': AST Publ., 2002. 992 p. (In Russ.).
11. Krushevskij N. *Ocherk nauki o jazyke* [Essay on linguistics]. Moscow, Kniga po Trenovaniyu Publ., 2011. 173 p. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Степыкин Николай Иванович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация
e-mail: nick1086@mail.ru

Nikolay I. Stepykin, Candidate of Philological Sciences, Head of Theoretical and Applied Linguistics Chair, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: nick1086@mail.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 811'322

Экспериментальное исследование связи естественных языков и языков программирования высокого уровня**Е. А. Таныгина¹✉, А. О. Власова¹, Т. В. Миронюк¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: eabel@yandex.ru

Резюме

Вычислительная лингвистика является относительно молодой ветвью лингвистики. Однако, несмотря на это, ее роль очень существенна, так как вычислительная техника стала неотъемлемой частью современного мира. Актуальность проведенного нами исследования определяется, прежде всего, подходом к изучению проблем языка как инструмента общения и компьютерной лингвистики, в частности, к вопросу обучения естественным языкам и языкам программирования высокого уровня. В работе процесс обучения анализируется не с позиции обучающего, как это делается традиционно, а с позиции обучаемого. Разностороннее рассмотрение проблемы позволит добиться лучших результатов в процессе обучения.

Цель представленной работы – выявление общих закономерностей и подходов к изучению иностранного языка и языков программирования с точки зрения обучаемых. Для достижения поставленной цели понадобилось решить следующие задачи: проанализировать основные проблемы вычислительной лингвистики, провести экспериментальное исследование, позволяющее определить особенности обучения иностранному языку и языкам программирования высокого уровня, а также проанализировать основные различия методов обучения человеческим и машинным языкам с точки зрения обучающихся данным дисциплинам. Для нахождения наилучших путей изучения как компьютерных, так и живых языков мы предлагаем использовать опыт самих обучающихся.

Основным методом исследования в данной работе является анкетирование с использованием вопросов открытого и закрытого типа.

Проведенное исследование показало тесную взаимосвязь обучения естественным языкам и языкам программирования. В процессе анкетирования также выявлен ряд недостатков современных учебных пособий по программированию и иностранному языку и намечены возможные пути их устранения.

Ключевые слова: обучение; иностранный язык; языки программирования; вычислительная лингвистика.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Таныгина Е. А., Власова А. О., Миронюк Т. В. Экспериментальное исследование связи естественных языков и языков программирования высокого уровня // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 142–159.

Статья поступила в редакцию 08.04.2020

Статья подписана в печать 29.04.2020

Статья опубликована 20.07.2020

The Study of Foreign Languages and High Level Programming Languages. Mutual Correlation of Computational and General Linguistics

Elena A. Tanygina¹ , Anna O. Vlasova¹, Timur V. Mironyuk¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

 e-mail: eabel@yandex.ru

Abstract

Computational linguistics is a relatively young branch of linguistics. However, its role is very significant, since computer technology has become an integral part of the modern world. The relevance of our study is determined, first of all, by the approach to the study of the discussed problems. In the work, the learning process is analyzed not from the position of the teacher, as it is traditionally done, but from the position of the student. A comprehensive review of the problem will allow you to achieve better results in the learning process.

The purpose of the present work was to identify common patterns and approaches to the study of general and computer linguistics, in particular the features of learning foreign languages and programming languages from the point of view of students. To find the best ways to learn both computer and foreign languages, we suggest using the experience of the students. To achieve this goal, we solved the following problems: analyzed the main problems of computational linguistics, conducted an experimental study that revealed correlations in applied linguistics, and also analyzed the main differences in teaching methods of human and machine languages from the point of view of students. The main research method in this work is a questionnaire using open and closed questions.

The study showed a close relationship between computational and general linguistics. In the process of questioning, a number of shortcomings of modern textbooks on programming and foreign languages and possible ways to solve them were identified.

Keywords: education; foreign language; programming languages; computational linguistics.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tanygina E.A., Vlasova A.O., Mironyuk T.V. The Study of Foreign Languages and High Level Programming Languages. Mutual Correlation of Computational and General Linguistics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 142–159 (In Russ.).

Received 08.04.2020

Accepted 29.04.2020

Published 20.07.2020

Введение

В век технологий методология развивается с огромной скоростью. Появляются инновационные пути познания мира и человеческой культуры. Одним из ключевых моментов в истории человечества можно считать создание современной вычислительной техники и ее дальнейшее широкое распространение. Сегодня миллионы пользователей по всему миру не представляют своей жизни без компьютера с выходом в интернет. Как спра-

ведливо отмечает В.А. Яцко «посылая запросы в информационно-поисковые системы, отдавая голосовые команды телефонам, выполняя автоматическое реферирование текстов» пользователи «не подозревают, что это стало возможным в результате развития предметной области, в рамках которой проводятся исследования и разработки алгоритмов и программ обработки текстов на естественном языке» [1, с. 24-25]. Все это явилось следствием появления в 60 гг. XX в. в рамках лингвистики такого направления, как вы-

числительная (компьютерная) лингвистика (в зарубежной науке для обозначения данной предметной области используется термин *Computational Linguistics*).

Компьютерная лингвистика – «одно из направлений прикладной лингвистики, в котором для исследования языка и моделирования функционирования языка в тех или иных условиях, ситуациях и проблемных сферах разрабатываются и используются компьютерные программы, компьютерные технологии организации и обработки данных, а также вся сфера применения компьютерных моделей языка в лингвистике и смежных дисциплинах» [2]. Краткий обзор тенденций современной компьютерной лингвистики мы находим в работе С.Ю. Толдовой, О.Н. Ляшевской [3]. Актуальными на сегодняшний день являются многие проблемы, такие как современные тенденции в области машинного перевода, создание глубоко аннотированных лингвистических ресурсов, компьютерная лексикография, автоматический морфологический и синтаксический анализ, автоматический анализ на уровне дискурса, тенденции в области информационного поиска и автоматического извлечения информации из текстов, анализ тональности и извлечение мнений, современные технологии решения задач в области компьютерной лингвистики [4]. Кроме того, с развитием современных технологий отдельно начинают выделяться исследования в области лингвистики Интернета.

Лингвистика – многоотраслевая гуманитарная дисциплина, большинство из разделов которой представляют собой симбиоз с отдельными самостоятельными науками. Компьютерная лингвистика представляет собой объединение математики, науки об искусственном интеллекте и языкоznания. Главный объект изучения данной отрасли – компьютер и пути "общения" с ним. С развитием технологий в данной сфере, языки программирования (ЯП) потенциально могут превратиться в натуральные (незаменимые и используе-

мые человеком). Наиболее важным и популярным вкладом в общее языкоznание является выделение корпусной лингвистики, позволяющей лингвистическим теориям быть более количественными и статистически строгими.

Вычислительная лингвистика фокусируется на подходе к языку с использованием статистических моделей и вычислительных перспектив. Математические модели в данном случае применимы как к изучению языков естественных, так и к изучению искусственных языков, к которым в частности относятся ЯП [5].

Устройства проверки орфографии, автозамены, программное обеспечение для перевода, автоматизированное обслуживание клиентов и программное обеспечение для распознавания голоса – все это продукты компьютерной лингвистики, которые работают над взаимодействием человека с компьютером и направлены на улучшение способа обработки компьютером человеческого языка. Самым известным примером достижений вычислительной лингвистики является голосовой помощник Siri [6].

Материалы и методы

Для выявления закономерностей и подходов в изучении естественного языка и компьютерного языка мы решили провести разведывательный эксперимент с использованием стандартных методик (опроса и анкетирования), широко применяемых для решения различных задач. Анкетирование – средство получения информации для социального обследования. При анкетировании каждому опрашиваемому из группы необходимо ответить на вопросы анкеты. Вопросы делятся на открытые (свободный ответ) и закрытые (ответ выбирается из нескольких вариантов). Участникам нашего опроса было предложено ответить на вопросы различного типа, выразить свое мнение насчет сходств и различий методик изучения естественного и компьютерного языков.

Проведенное анкетирование было анонимным. Язык в нашей работе рассматривается в качестве практического инструмента общения.

В нашем исследовании приняло участие 152 человека, учащиеся первого, второго и третьего курсов Юго-Западного государственного университета различных направлений подготовки. Из них 80% являются студентами факультета фундаментальной и прикладной информатики и изучают программирование, в учебный план этих направлений подготовки входят такие предметы, как «Визуальное программирование», «Программирование на языках высокого уровня», «Языки объектно-ориентированного программирования», «Языки программиро-

вания», «Технологии и методы программирования». Этой группе испытуемых нами было предложено сравнить методы изучения естественного языка и языка вычислительной техники, так как они имеют опыт практического изучения как иностранного языка (ИЯ), так и ЯП. Всего в ходе анкетирования респондентам было задано десять вопросов, среди которых были вопросы открытого типа, закрытого типа и альтернативные (с вариантами ответа и возможностью при необходимости добавить собственный ответ). Вопросы, предложенные в ходе исследования, представлены в табл. 1.

Полученные в ходе исследования данные мы представили в форме диаграмм (рис. 1 – 6).

Таблица 1. Список предложенных вопросов

Table 1. The questions of the survey

№	Вопрос	Вид вопроса
1	Как много часов в неделю вы уделяете изучению иностранных языков?	Альтернативный
2	Приходилось ли вам бросать занятия языками?	Закрытый
3	Какова основная причина прекращения изучения иностранных языков? (ваш опыт, мнение)	Открытый.
4	Какими носителями вы предпочитаете пользоваться для освоения языков?	Открытый
5	Какие причины затрудняют обучение языкам?	Открытый
6	Каким вы видите оптимальный подход к обучению с максимальной эффективностью	Открытый
7	Изучаете ли вы программирование?	Закрытый
8	С помощью каких источников вы изучаете языки программирования?	Открытый.
9	С какими проблемами вы сталкиваетесь при изучении языков программирования?	Альтернативный
10	Сравните ваши подходы к изучению иностранных языков и языков программирования. Опишите отличия и сходства методов изучения.	Открытый

Результаты и обсуждение

В первом и втором вопросах испытуемым было предложено определить количество времени, выделяемое ими для изучения ИЯ (рис.1). Оказалось, что большинство (68%) уделяют изучению ИЯ от 1 до 3 часов в неделю, что пример-

но равно аудиторной нагрузке по предмету. При этом 12% испытуемых либо вообще не уделяют времени изучению ИЯ, либо отводят на это менее часа в неделю. Ответы на второй вопрос показали, что абсолютное большинство (62%) изучают ИЯ постоянно.

СКОЛЬКО ЧАСОВ В НЕДЕЛЮ ВЫ УДЕЛЯЕТЕ ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ?

■ 0 часов ■ 1-3 часа ■ Более трёх ■ Другое

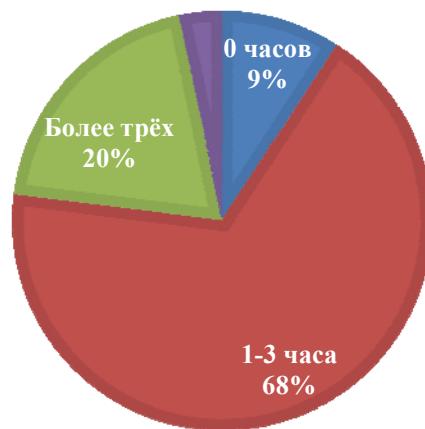

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос 1

Fig.1. Answers to question 1

КАКОВА ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПРЕКРАЩЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ?

■ Есть более приоритетные цели
 ■ Сложность изучения
 ■ Скучно (не интерактивно, нет мотивации)
 ■ Нехватка времени
 ■ Не прекращал изучение

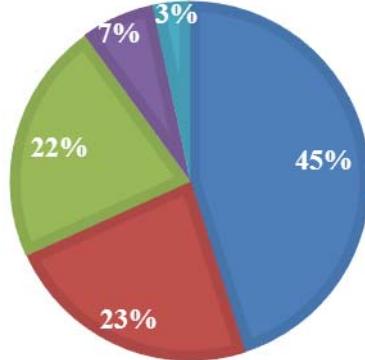

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос 3

Fig. 2. Answers to question 3

В третьем вопросе мы попытались выяснить, что заставляет студентов прекращать изучение ИЯ (рис. 2).

Исследование показало, что для 45% причиной послужило появление новых жизненных целей, 23% столкнулись с проблемами изучения языка, а 22% отметили скучность и монотонность процесса обучения и отсутствие должной мотивации (рис. 2) [7, 8]. Ряд испытуемых ответили на данный вопрос развернуто, представив свой собственный вариант ответа (здесь и далее собственные ответы испытуемых представлены курсивом с сохранением авторской орфографии и пунктуации): *лень; нет причин; и мотивация теряется и какие-то новые цели появля-*

ются; тяжело дается; каникулы; не хватает времени; закончила школу, забросила язык; 4 человека отметили, что никогда не прекращали изучение ИЯ.

В современном мире все больше информации представлено в цифровом виде, поэтому многие люди предпочитают электронные носители информации бумажным. В следующем вопросе мы попытались выяснить, какие носители информации являются наиболее предпочтительными с точки зрения обучающихся. Наше исследование показало, что 44% предпочитают электронные носители информации, 31% – бумажные носители, а 21% предпочитает общение с носителями языка (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос 4

Fig. 3. Answers to question 4

Среди основных причин, вызывающих трудности в изучении языков, 61% отметил недостаточное изучение отдельных аспектов языка (как показывают предыдущие исследования особенно трудными для изучения являются грамматика, аудирование и фразеология [9]), 40% – сложность организации и подачи

изучаемого материала, 2 человека отметили недостаток времени для изучения. Отдельно можно отметить такие ответы, как *причин нет, просто тут уже зависит от желания человека; моя собственная прокрастинация; не могу назвать; много текста; моя память; плохой подход к изучению языка* (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос 5

Fig. 4. Answers to question 5

Следующий блок вопросов был ориентирован на тех респондентов, которые занимаются изучением языков программирования (ЯП). Среди нашей группы таких студентов было 80%. Вначале мы выяснили, какие источники используют современные студенты при изучении ЯП. Оказалось, что для 66% – это интернет (в

эту группу были объединены такие ответы, как *приложения для android*, названия отдельных сайтов, *YouTube*, *форумы* и т.п.), 42% – книги и учебные пособия (рис. 5). Мы видим, что доля электронных источников информации при изучении программирования несколько выше, чем при изучении ИЯ.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос 8

Fig. 5. Answers to question 8

Исследование показало, что, несмотря на большое количество источников информации, многие обучающиеся (35%) сталкиваются с трудностями при изучении ЯП и связывают это в том числе с недостаточным количеством учебного материала (в том числе недостаточно источников и пособий на русском языке,

низкий уровень владения английским). 28% считают необходимым разделение учебных пособий с учетом различного начального уровня владения языком, 26% сталкиваются с недостаточно подробным описанием способов построения программного кода (рис. 6).

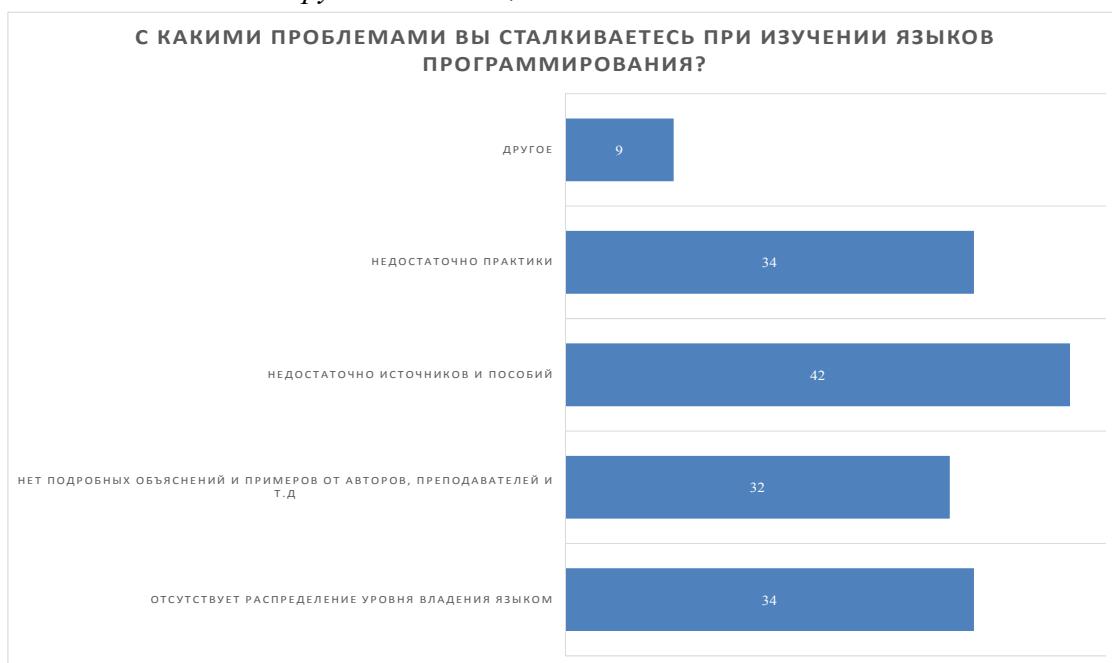

Рис. 6. распределение ответов на вопрос 9

Fig.6. Answers to question 9

Согласно проведенному исследованию, изучение языка (как естественного, так и языка вычислительной техники) – трудоемкий и долгий процесс (рис. 1, 2, 3). Изучив соответствующую литературу, обучающийся еще не способен полностью обрабатывать информацию и оперировать данными. Для эффективного изучения ЯП требуется сочетание двух основных методов изучения: теоретического и практического. Эти два метода тесно связаны между собой и также применяются людьми, цель которых освоить основы ЯП высокого уровня. Теоретическая часть – это анализ научно-методической литературы, основные наборы и модели "компьютерного языка".

Исходя из результатов опроса (рис. 4-6), теория играет большую роль для опрашиваемых, так как она является первой ступенькой или основным фундаментом для последующих шагов в изучении языка. Стоит отметить, что это относится как к изучению ЯП, так и к изучению ИЯ. Существует довольно большое количество и отечественной, и зарубежной литературы с различным подходом к обучению (примеры приведены ниже). Однако, на наш взгляд, некоторые учебные пособия имеют ряд недостатков, о которых будет сказано далее.

81% опрошенных изучают ИЯ, при этом 62% бросали занятия ввиду различных причин (рис. 1, 2). В ходе исследова-

ния было установлено, что основными причинами прекращения уроков были более приоритетные цели, сложность и незаинтересованность участников опроса (рис. 2). Все это связано с недостатками методов изучения, из-за которых соотношение результат-время является недостаточно удовлетворительным. Кроме того, при обучении в вузе не всегда учитывается возрастная специфика обучения, так как на данном этапе целесообразно переходить от традиционной педагогической модели обучения к андрагогической [10].

Почти половина опрошенных предпочитают пользоваться электронными носителями для изучения человеческих языков, так как такие источники обладают большей интерактивностью и доступностью, однако треть опрашиваемых отмечает важность наличия структурированных бумажных учебников. Кроме того, одним из приоритетных методов изучения любого ИЯ является общение с носителями этого языка (рис. 3).

Участники опроса, интересующиеся программированием, назвали предпочтительными источниками информации официальную документацию и интернет ресурсы (рис. 5). В то же время, в изучении ЯП опрошенные отмечают большее влияние практической деятельности. На теорию отводится минимальное время, далее идет непосредственное взаимодействие с механизмом (рис. 6).

В чем же все-таки различие между теоретической частью и эмпирической? Ответ на этот вопрос очень прост: теорию подкрепляет практика. Тяжело практиковаться в той или иной сфере, не зная ее основ. Эмпирической метод предназначен для укрепления знаний, полученных в ходе изучения теоретической части, а также для совершенствования навыков, будь то общение с носителями языка или реально поставленная задача

по написанию программы. Ни для кого не секрет, что эти два метода могут различаться между собой, не всегда теория относится с практикой, однако в совокупности они дают необходимые знания.

Однако следует отметить, что многие люди, изучающие программирование или ИЯ, часто прекращают обучение. Это может быть связано как с методами обучения, так и с недостатками используемой в ходе обучения литературы. Для каждого «класса» обучающихся должен быть свой структурированный учебник. К сожалению, таких учебников мало, ведь многие методические пособия уже расчтитаны на людей, которые имеют базовые знания. Особенно актуальным этот вопрос является для используемых в обучении программированию учебных пособий. С книгами, предназначенными для изучения английского языка, дело обстоит гораздо лучше. На данный момент существует огромное количество учебников для изучения ИЯ с учетом начального уровня владения языком и цели изучения языка. Например, на занятиях по ИЯ в ЮЗГУ используются как учебные пособия, рекомендованные министерством образования, так и специально разработанные на кафедре для работы с разными направлениями подготовки бакалавриата и магистратуры учебные пособия [11-18].

Рассмотрим подробнее те недостатки, которые мы отметили в современных учебных пособиях [19-24] по изучению ИЯ и ЯП. Ведь даже серьезная профессиональная литература имеет свои недочеты, несмотря на большое количество работ, посвященных проблемам грамотного составления учебных пособий [25-29]. Порой это либо переизбыток информации, либо ее недостаток (пример 1, 2). В результате представленная информация оказывается непонятной читателю.

Пример 1:

16.3. Как найти путь к папке автозапуска?

Путь к папке автозапуска можно найти с помощью вызова метода `GetFolderPath`:

```
System.Environment.GetFolderPath(
    System.Environment.SpecialFolder.Startup);
```

В данном учебном пособии нет каких-либо пояснений, указаний, как и где применять данный отрезок кода. Недо-

статок информации может привести к ошибкам читателя.

Пример 2:

Интерфейс `System.IComparable<T>` определяется так (в `MSCorLib.dll`):

```
public interface IComparable<T> {
    Int32 CompareTo(T other);
}
```

Следующий код демонстрирует, как определить тип, реализующий этот интерфейс, и код, сравнивающий два объекта `Point`:

```
using System;

// Объект Point является производным от System.Object
// и реализует IComparable<T> в Point
public sealed class Point : IComparable<Point> {
    private Int32 m_x, m_y;

    public Point(Int32 x, Int32 y) {
        m_x = x;
        m_y = y;
    }

    // Этот метод реализует IComparable<T> в Point
    public Int32 CompareTo(Point other) {
        return Math.Sign(Math.Sqrt(m_x * m_x + m_y * m_y)
            - Math.Sqrt(other.m_x * other.m_x + other.m_y * other.m_y));
    }
}
```

В данном учебном пособии мы видим довольно большой объем информации с разъяснением кода. Также присутствуют схемы для лучшего понимания материала, что, несомненно, является важным для начинающих программистов.

Можно отметить, что знание английского языка является хорошей базой для изучения программирования. Это связано с использованием английского языка как основы для построения программного кода, а также для его описания. Однако при обучении ИЯ учащиеся также сталкиваются с рядом проблем. В учебниках часто используется такой дизайн, что

обучающийся сбивается с основной мыслью предложенного задания. Часто авторы уделяют недостаточно внимания таким факторам, как шрифт, размер текста, наличие или отсутствие в тексте выделения. Текст учебника должен быть понятен человеку и интуитивно распознаваем, ведь качество учебника также влияет на усвоение материала.

Еще одной проблемой можно назвать недостаток материала (пример 3). В этом учебнике нет каких-либо объяснений материала, несмотря на то, что данное учебное пособие рассчитано на англоговорящую аудиторию.

Пример 3:

문법과 표현 1 Grammar and Expression 1

1. N(이)라고 하다 track 02

A 안녕하세요? 저는 스티븐입니다.
B 저는 다니카 마리코라고 합니다.

예
• 저는 김민수라고 합니다.
• 저는 히엘이라고 해요.

2. V-(으)려고 track 03

A 왜 한국어를 공부하세요?
B 한국 친구들과 이야기하고 공부해요.

예
• 편지를 보내려고 우체국에 갈아요.
• 저녁에 먹으려고 과일을 살아요.

Каждое правило должно быть конструировано с определенной логикой его построения. Учащийся также будет испытывать затруднения в связи с отсутствием контекста употребления и объяснения общей концепции правила.

В целом, можно отметить, что учебники по ИЯ обладают большей информативностью по сравнению с учебниками по программированию. В то же время организовать практическую работу по программированию проще. Это связано с тем, что гораздо проще найти задачу по программированию с готовым решением для проверки самого себя, чем найти носителя языка, который сможет просто объяснить концепцию грамматики.

Каковы же сходства и различия методов преподавания программирования и ИЯ? В ходе опроса мы попросили респондентов описать сходства и различия методов изучения ИЯ и ЯП. Предложенный вопрос являлся вопросом открытого типа и требовал развернутого ответа. Оказалось, что 20% респондентов отметили различия и сходства в методологии, 20% – затруднились ответить, около 5% – различий не замечают.

Анкетированные выявили меньшую гибкость искусственных языков, а именно *упор ставится на логику; на выходе при изучении ЯП получаем технический продукт, а не передачу информации, как при обычных*. При этом изучение синтаксиса и грамматики идентично – дается условие применения, значение, и этими

данными изучающие должны впоследствии оперировать (*В искусственных языках программирования существуют базовые конструкции, освоив которые, можно создавать программы. Код этих программ будет понятен программистам со всего мира, независимо от языка, на котором они говорят; Изучение языков программирования и иностранных языков сходно тем, что в обеих сферах требуется знание основного набора первичных слов, фраз и их сочетаний; И в иностранном языке и в языке программирования есть строгие правила в изложении. Отличаются они тем, что в программировании инструкции более строгие*). Важно отметить, что ЯП не допускают синонимичного замещения команд, а при изучении естественных языков – Это один из главных показателей владения языком (*В программировании необходимо изучить только функции и их написание, а в языке есть множество разделов которые изменяют написание слов; Главное отличие заключается в том, что изучение любого языка программирования сводится к овладению его вариации стандартного каркаса алгоритмического языка. В случае же изучения естественных языков приходится сталкиваться с гораздо большим количеством неизвестных ранее конструкций, например, грамматики*).

При этом мнения о том, какая отрасль более сложна разделились. Половина склоняется к тому, что программи-

рование легче для освоения, так как обладает своим запасом шаблонов: «*В искусственных языках программирования существуют базовые конструкции, освоив которые, можно создавать программы. С естественными языками так сделать нельзя, они требуют глубоких знаний, погружения в тему и её всестороннего изучения. На мой взгляд, связь между языками программирования и иностранными языками весьма неочевидная. Лично я знаю несколько языков программирования на базовом уровне, но не могу сказать о том, что владею хотя бы одним иностранным языком на том же базовом уровне. Однако я изучаю английский на протяжении многих лет (сначала в школе, теперь в институте), а на изучение языков программирования мной была потрачена относительно небольшая часть свободного времени*». Данный ответ показывает шаблонность ЯП и противопоставляет их устройство устройству языков человеческих. Респондент считает искусственный язык менее сложным, объясняя это своим знанием ЯП на базовом уровне. «*Языки программирования для изучения значительно проще, требуется меньше времени и практики*»; Другие респонденты признают изучение ЯП более сложным ввиду постоянного внедрения новых технологий и постоянной практики (*В языках программирования в основе лежат логические операции в отличии от иностранного языка и трудности в основном в необходимости обработки большого количества логических операций; Нельзя просто заучить язык программирования, как например словарный запас в английском языке. Технологии, используемые в программировании намного сложнее в понимании; При изучении ЯП требуется больше практики; Программирование труднее учить одному*).

Респонденты отмечают, что «*язык программирования и иностранный язык очень взаимосвязаны. Для меня иностранный язык это английский, а он для меня один из основных для программиро-*

вания; И там и там нужна практика. Без знаний английского будет затруднительно писать программу; Язык программирования - сугубо структурированный объект, обладающий малым количеством исключений и эффектом создавать что-то, обозримом для глаза, интерфейсом. Язык же английский имеет сугубо иное назначение, его задача - создать мостик между восприятием человека и информации вокруг. Подходы в изучении здесь различны на концептуальном уровне, язык программирования это набор команд на английском, потому-то изучение естественного языка - лишь шаг в освоении программирования, уникальный и отличающийся; В программировании требуется только технический английский». Кроме того, отмечается различие конечных целей изучения ИЯ и ЯП: «*В программировании, человек, изучивший иностранный язык, должен знать технические аспекты языка, и на выходе должен быть программный продукт, а не знания и навыки человека*». Необходимым аспектом изучения как ИЯ так и ЯП считается практика: «*успехов можно добиться только благодаря постоянной практике*». Подчеркивается также взаимосвязь ИЯ и ЯП: «*Иностранный язык помогает в понимании программирования*»

Следует упомянуть, что современные студенты воспринимают язык операторов ЯП как иностранный и порой операторы языков не имеют для них того семантического смысла, как, скажем для англоговорящих. Языки формул редакторов таблиц офисных пакетов или отечественных специализированных сред, в которых операторы написаны по-русски, используются несравненно реже, чем ЯП высокого уровня. Можно отметить что студент, владеющий ИЯ, понимает значение слова-оператора, но воспринимается он им как независимая семантическая единица. Это можно отнести к плюсам в освоении семантики ЯП, так как при программировании использование, например, оператора «IF» в сознании

русскоязычного программиста никак не связывается с его прямым значением «ЕСЛИ». Использование же оператора «ЕСЛИ» в русскоязычных ЯП для программиста вызывает в его сознании непосредственно саму лексическую единицу, которая обозначается этим словом. И программисту приходится разделять данные лексические единицы: если—слово и если—оператор ЯП. Но, скажем, если операторы ЯП были написаны на незнакомом программисту ИЯ, то их использование было бы ещё более затруднительно, так как в таком случае использование оператора требовало бы запоминания исключительно его написания без понимания его смысла, что, как мы знаем, достаточно трудно. Поэтому мы можем выстроить следующий порядок ЯП по сложности их освоения в зависимости от языка, которым написаны его операторы: самый лёгкий – ЯП на известном программисту иностранном языке (C++, C#, JS, Python), затем – ЯП на родном языке программиста (Встроенный язык программирования 1С: Предприятие, КУМир, РАПИРА), и, наконец, самый тяжёлый для освоения – ЯП на неизвестном программисту иностранном языке (Fjölnir, GOTO++, Lexico [30])

Выводы

Компьютеры часто используются для анализа естественных языков. Полноценное общение с компьютером на естественном языке на сегодняшний день не представляется возможным. Однако благодаря технологиям компьютерной лингвистики подобное общение может осуществляться в ограниченном объеме. Единственный способ передавать информацию компьютеру состоит в наборе команд, не способных варьироваться, вследствие чего натуральные языки не могут быть точно переведены компьютером с учетом контекста. С другой стороны, программисты должны говорить «компьютерно». Мы можем «говорить» на C, Pascal, SQL или даже на машинном

коде. Мы изучаем компьютерный язык, используя те же способности, что и изучая наш собственный человеческий язык, без глубокого понимания того, что происходит в нашем мозгу. ЯП просты и однозначны, а естественные языки сложны, открыты для интерпретации и развития. Наша текущая модель вычислений требует, чтобы машина была способна однозначно интерпретировать оператор, поэтому ЯП являются «свободными от контекста», то есть требуемое действие оператора однозначно и не зависит от окружающих операторов. Наш мозг устроен совсем по-другому и может очень легко определить смысл из интонации и контекста в дополнение к кажущемуся значению. Таким образом, естественные языки имеют свободный синтаксис, его символы могут иметь несколько значений, а сам язык развивается. Несмотря на простой язык, компьютеры полезны благодаря способности многократно выполнять простые запросы очень быстро и без ошибок.

Проведенный опрос показал, что в ходе изучения ИЯ опрошенные столкнулись с такими проблемами, как недостаточно понятная подача материала (визуальная составляющая) и неверное распределение нагрузки на различные аспекты языка (говорение, письмо, грамматика). Респонденты отметили, что лучшим методом обучения является погружение в языковую среду (рис. 4-5).

Мы убедились, что ИЯ и ЯП имеют сходства в процессе обучения. Многие студенты изучают ИЯ для более "нативного" использования компьютерных команд, и в то же время языки человеческие позволяют обычным пользователем адаптироваться к технике намного проще, чем если бы техника до сих пор была во многом кодировкой двоичных символов. К примеру, респонденты отмечают роль английского языка как основного для программирования. Проведенное исследование подтвердило, что «иностранный язык для студентов – не только одна из

дисциплин учебной программы, но и средство получения профессиональных знаний» [31, с. 205].

Как естественные, так и ЯП высокого уровня используются для передачи информации, и, исходя из наших исследований, имеют несколько сходств в методах изучения. Необходимо уделить больше внимания практике использования как ИЯ, так и ЯП. Ряд респондентов отмечает необходимость заучивания как иностранной лексики, так и операторов

ЯП. В то же время, естественный язык имеет человеческую природу, благодаря которой появляется способность распознавать цель, функции, средства общения без контекста, через эмоциональную составляющую, интонацию и эмпатию. Это более гибкая система, не ограниченная компьютером, чувствительным к контексту, к условиям, порядку и синтаксису. Все это объясняет различия в подходах к обучению естественного языка и языков программирования высокого уровня.

Список литературы

1. Яцко В.А. Предметная область компьютерной лингвистики // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 24-35.
2. Баранов А. Н. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2087783> (дата обращения: 01.04.2020).
3. Толдова С.Ю., Ляшевская О.Н. Современные проблемы и тенденции компьютерной лингвистики (В зеркале 24-й Международной конференции по компьютерной лингвистике COLING 2012, Мумбай) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 120-145.
4. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М., 2009.
5. Овчарова М. В., Хаустова С. А. Параллели между естественными языками и языками программирования // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 43-45. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11553/> (дата обращения: 31.03.2020).
6. Lars Engwall , Enno Aljets , Tina Hedmo , Raphaël Ramuz. Computer Corpus Linguistics: An Innovation in the Humanities. // Organizational Transformation and Scientific Change: The Impact of Institutional Restructuring on Universities and Intellectual Innovation. Vol.42. 2014. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/S0733-558X20140000042011/full/html> (дата обращения: 01.04.2020).
7. Анненкова А.В., Рак Н.Г., Сибилева Е.Э. Мотивация к изучению иностранных языков // Обучение иностранному языку: современность и перспективы: сборник научных статей региональной научно-методической конференции. Курск, 2019. С. 50-65.
8. Махова В.В. Развитие мотивационно-смысловой регуляции учебной деятельности студентов // Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве: сб. VIII Межд. науч.-практ. конференция / ред. В.И. Левин. Пенза, 2006. С. 68 -70.
9. Таныгина Е.А., Карафизи Н.В. Основные трудности изучения иностранного языка в неязыковом вузе: взгляд студента // Обучение иностранному языку: современность и перспективы: сборник научных статей региональной научно-методической конференции. Курск, 2019. С. 475-483.
10. Таныгина Е.А. Возможности использования андрагогической модели обучения на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе // Обучение иностранному языку: современность и перспективы: сборник научных статей региональной научно-методической конференции. Курск, 2019. С. 465-474.
11. Анненкова А.В., Попадинец Р.В., Сороколетова А.В. Английский язык для магистрантов: учебное пособие. Курск, 2018. 280 с.

12. Атакищева И.В., Таныгина Е.А. История, культура и традиции стран изучаемого языка: учебное пособие по английскому языку. Курск, 2011. 164 с.
13. Кананыхина Ж.Б., Таныгина Е.А. Наумов С.П. Английский язык для социологов: учебное пособие по английскому языку. Курск, 2012. 140 с.
14. Гришкова В.И., Левина Л.В. Английский язык для аспирантов: учебное пособие. Курск, 2008. 140 с.
15. Толмачева И.А., Власенко Н.И. Строительство и архитектура: учебное пособие. Курск, 2015. 100 с.
16. Таныгина Е.А., Павлова А.В., Ставинская А.Б. Язык и культура англоговорящих стран: учебное пособие. Курск, 2019. 156 с.
17. Тененёва И.В., Тененёва Н.В. Английский язык для специальности «Правоохранительная деятельность». Курск, 2017. 188 с.
18. Махова В. В. Слово – текст – смысл: учебное пособие по английскому языку. Курск, 2016. 207 с.
19. Дейкстра Э. Дисциплина программирования. М.: Мир, 1978. С. 275.
20. Орловская И.В., Самсонова Л.С., Скубриева А.И. Учебник английского языка для технических университетов и вузов. М.: Издательство МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2004. С. 56-64.
21. Korean 1B Students Book. Seoul University Language Education center, Seoul University, 2013. Р.43
22. Агурев П.В., С#/. Сборник рецептов. СПб.: БХВ-Петербург, 2007. 432 с.
23. Рихтер Дж., CLR via C#. Программирование на платформе Microsoft .NET Framework 4.5 на языке C#. 4-е издание СПб: Питер, 2017. 896с.
24. Kevin Larson, Richard L. Hazlett, Barbara S. Chaparro Rosalind W. Picard, Measuring the Aesthetics of Reading// British HCI, 2005.
25. Самосенкова Т.В., Капустина О.Н. Отбор и презентация лексического материала в учебном пособии для иностранных студентов (сельскохозяйственный профиль) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 1. С. 21-25.
26. Krakovich В.Б., Костина И.О. Создание учебника по языку специальности: коммуникативный по форме, профессиональный по содержанию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2011. № 1. С. 49-52.
27. Югова М.А. Учебник по иностранному языку для неязыкового вуза как модель современного образовательного процесса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 109-114.
28. Успенская Е. А., Пасько Ю. В. Принципы организации учебника нового поколения по иностранному языку для вузов неязыковых специальностей // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия «Философские, социальные и естественные науки». 2013. № 2 (21). С. 246-254.
29. Павлова И.П. Современный учебник иностранного языка для неязыкового вуза: проблемы и перспективы языков // Вестник МГЛУ. 2011. Вып. 12 (618), Педагогические науки. С. 43–60.
30. URL: <https://www.gotopp.org/index.en.html> (дата обращения: 01.04.2020)
31. Марахина В.Н. Развитие коммуникативной компетенции в процессе преподавания иностранного языка в неязыковом вузе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. № 2. С. 204-207.

References

1. Yacko V.A. Predmetnaya oblast' komp'yuternoj lingvistiki [Subject area of computational linguistics]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Proceedings of the Irkutsk State Linguistic University*, 2014, no. 2, pp. 24-35 (In Russ.)
2. Baranov A.N. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya* [Great Russian encyclopedia] (In Russ.). Available at: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2087783> (accessed 01.04.2020).
3. Toldova S.U., Lyshevskaya O.N. Sovremennye problemy i tendencii komp'yuternoj lingvistiki (V zerkale 24-j Mezhdunarodnoj konferencii po komp'yuternoj lingvistike COLING 2012, Mumbai) [Modern problems and trends in computational linguistics (in the mirror of the 24th International conference on computational linguistics COLING 2012, Mumbai)]. *Voprosy yazykoznanija = Questions of Linguistics*, 2014, no. 1, pp. 120-145 (In Russ.)
4. Bazylev V.N. *Rossijskaya lingvistika XXI veka: tradicii i novacii* [Russian linguistics of the XXI century: traditions and innovations]. Moscow, 2009 (In Russ.)
5. Ovcharova M.V., Khaustova S.A. [Parallels between natural languages and programming languages]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom. Materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Philological Sciences in Russia and Abroad. Materials of the IV international scientific conference]. Saint Petersburg, 2016. P. 43-45 (In Russ.). Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11553/> (accessed 31.03.2020).
6. Lars Engwall, Enno Aljets, Tina Hedmo, Raphaël Ramuz. Computer Corpus Linguistics: An Innovation in the Humanities. Organizational Transformation and Scientific Change: The Impact of Institutional Restructuring on Universities and Intellectual Innovation. 2014. Vol. 42. Available at: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/S0733-558X20140000042011/full.html>.
7. Annenkova A.V., Rak N.G., Sibileva E.E. [Motivation to learn foreign languages]. *Obuchenie inostrannomu yazyku: sovremenost' i perspektivy. Sbornik nauchnyh statej regional'noj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Teaching a foreign language: modernity and prospects. Collection of scientific articles of the regional scientific and methodological conference] Kursk, 2019, pp. 50-65 (In Russ.)
8. Makhova V.V. [Development of motivational and semantic regulation of students educational activity]. *Problemy obrazovaniya v sovremennoj Rossii i na postsovetskom prostranstve. Sbornik VIII Mezhd. nauch.-prakt. konferenciya* [Problems of education in modern Russia and the post-Soviet space. Collection VIII Int. scientific and practical conference]. Penza, 2006, pp. 68-70 (In Russ.)
9. Tanygina, E.A., Carafizi N.V. [The main difficulties of learning a foreign language in a non-linguistic university: the view of a student]. *Obuchenie inostrannomu yazyku: sovremenost' i perspektivy. Sbornik nauchnyh statej regional'noj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Teaching a foreign language: modernity and prospects. Collection of scientific articles of the regional scientific and methodological conference]. Kursk, 2019, pp. 475-483 (In Russ.)
10. Tanygina E.A. [The ways of using of the andragogical model of education in course of language study in technical university]. *Obuchenie inostrannomu yazyku: sovremenost' i perspektivy. Sbornik nauchnyh statej regional'noj nauchno-metodicheskoy konferencii* [Teaching a foreign language: modernity and prospects. Collection of scientific articles of the regional scientific and methodological conference]. Kursk, 2019, pp. 465-474 (In Russ.)
11. Annenkova A.V., Popadynets R. V., Sorokoletova A. V. *Anglijskij yazyk dlya magistrantov* [English for undergraduates]. Kursk, 2018, 280 p. (In Russ.)
12. Atakishcheva I.V., Tanygina E.A. *Istoriya, kul'tura i tradicii stran izuchaemogo yazyka* [History, culture and traditions of the countries of the studied language]. Kursk, 2011. 164 p. (In Russ.)
13. Kananykhina Zh.B., Tanygina E.A. Naumov S.P. *Anglijskij yazyk dlya sociologov* [English for Sociologists]. Kursk, 2012. 140 p. (In Russ.)

14. Grishkova V.I., Levina L.V. *Anglijskij yazyk dlya aspirantov* [English for graduate students]. Kursk, 2008. 140 p. (In Russ.)
15. Tolmacheva I.A., Vlasenko N.I. *Stroitel'stvo i arhitektura* [Construction and architecture]. Kursk, 2015. 100 p. (In Russ.)
16. Tanygina E.A., Pavlova A.V., Stavinskaya A.B. *Yazyk i kul'tura anglogovoryashchih stran* [Language and culture of English-speaking countries]. Kursk, 2019. 156 p. (In Russ.)
17. Teneneva I.V., Teneneva N.V. *Anglijskij yazyk dlya special'nosti «Pravoohranitel'naya deyatel'nost'»* [English for the specialty "Law Enforcement"]. Kursk, 2017. 188 p. (In Russ.)
18. Makhova V.V. *Slovo – tekst – smysl. Uchebnoe posobie po anglijskomu yazyku* [Word – text – meaning. A textbook in English]. Kursk, 2016. 207 p. (In Russ.)
19. Dijkstra E. *A Disciplina programmirovaniya* [A discipline of programming]. Moscow, World Publ., 1978, pp. 275. (In Russ.)
20. Orlovskaya I.V., Samsonova L.S., Skubrieva A.I. *Uchebnik anglijskogo yazyka dlya tekhnicheskikh universitetov i vuzov* [English textbook for technical universities and universities]. Moscow, Publishing house of MSTU named after N.E.Bauman Publ., 2004, pp. 56-64 (In Russ.)
21. Korean 1B Students Book. Seoul University Language Education center, Seoul University, 2013. P. 43.
22. Agurov P.V., C #. *Sbornik receptov* [Collection of recipes]. St. Petersburg, BHV-Petersburg Publ., 2007. 432 p. (In Russ.)
23. Richter J., CLR via C#. *Programmirovaniye na platforme Microsoft .NET Framework 4.5 na yazyke S#* [CLR via C#. Programming on the Microsoft. NET Framework 4.5 platform in C #]. St. Petersburg, Peter Publ., 2017, 889 p. (In Russ.)
24. Kevin Larson, Richard L. Hazlett, Barbara S. Chaparro Rosalind W. Picard, Measuring the Aesthetics of Reading. British HCI, 2005.
25. Samosenkova T.V., Kapustina O.N. *Otbor i prezentaciya leksicheskogo materiala v uchebnom posobii dlya inostrannyh studentov (sel'skohozyajstvennyj profil')* [Selection and presentation of lexical material in a textbook for foreign students (agricultural profile)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2012, no. 1, p. 21-25 (In Russ.)
26. Krakovich VB, Kostina I.O. *Sozdanie uchebnika po yazyku special'nosti: kommunikativnyj po forme, professional'nyj po soderzhaniyu* [Creating a textbook on the language of the specialty: communicative in form, professional in content]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2011, no 1, pp. 49-52 (In Russ.)
27. Yugova M.A. *Uchebnik po inostrannomu yazyku dlya neyazykovogo vuza kak model' sovremennoogo obrazovatel'nogo processa* [A foreign language textbook for a non-linguistic university as a model of the modern educational process]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Proceedings of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2016, no. 2, pp. 109-114 (In Russ.)
28. Uspenskaya E. A., Pasko Yu. V. *Principy organizacii uchebnika novogo pokoleniya po inostrannomu yazyku dlya vuzov neyazykovyh special'nostej* [Principles of organizing a new generation textbook on a foreign language for universities of non-linguistic specialties]. *Vestnik Moskovskoj gosudarstvennoj akademii delovogo administrirovaniya. Seriya "Filosofskie, social'nye i estestvennye nauki" = Proceedings of the Moscow State Academy of Business Administration. Series "Philosophical, social and natural sciences"*, 2013, no. 2 (21), pp. 246-254. (In Russ.)
29. Pavlova I.P. *Sovremennyj uchebnik inostrannogo yazyka dlya neyazykovogo vuza: problemy i perspektivy yazykov* [Modern textbook of a foreign language for a non-linguistic university: problems and prospects of languages]. *Vestnik MGLU, Vyp. 12 (618), Pedagogiches-*

kie nauki = Proceedings of MSLU, Is. 12 (618), Pedagogical sciences, 2011, pp. 43–60 (In Russ.)

30. Available at: <https://www.gotopp.org/index.en.html> (accessed 01.04.2020)

31. Marakhina V.N. Razvitiye kommunikativnoj kompetencii v processe prepodavaniya inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze [The development of communicative competence in the process of teaching a foreign language in a non-linguistic university]. *Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2012, no. 2, pp. 204-207 (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Таныгина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: eabel@yandex.ru
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Elena A. Tanygina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: eabel@yandex.ru
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Власова Анна Олеговна, студент кафедры информационной безопасности, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: anononanaa@gmail.com
Researcher ID: 0000-0002-6224-5244

Anna O. Vlasova, Student of the Department of Information Security, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: anononanaa@gmail.com
Researcher ID: 0000-0002-6224-5244

Миронюк Тимур Вячеславович, студент кафедры информационной безопасности, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: mtv2800@gmail.com
Researcher ID: 0000-0002-7493-707X

Timur V. Mironyuk Student of the Department of Information Security, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: mtv2800@gmail.com
Researcher ID: 0000-0002-7493-707X

Оригинальная статья/Original article

УДК 81

**Способы выражения экспрессивных высказываний
в эпистолярном жанре****Н. И. Власенко¹**

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация

 e-mail: natashavlasenko@yandex.ru

Резюме

К лингвистическим проблемам можно безоговорочно отнести такое явление, как экспрессивность речи, которая связана с эмоциональным отношением говорящего к адресату и к содержанию речи. В процессе межличностного общения особое социальное значение приобретает психологическое состояние коммуникантов, а именно экспрессивные речевые акты. В рамках теории речевых актов при изучении данного класса следует обратить внимание на их реализацию относительно коммуникативной ситуации, в которой они были употреблены, а также учитывать психологические и лингвистические особенности языковой личности.

Экспрессивный речевой акт может реализовываться как в одном высказывании, так и на уровне текста. В работе дается описание условий функционирования речевых актов благодарности, поздравления, извинения и соболезнования, начиная с конкретной ситуации, и кончая всей совокупностью культурных и социальных норм и правил, необходимых для успешного протекания того или иного типа высказывания. Каждый участник общения преследует разные цели и потребности, которые прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированы в языковой структуре. Целью речевого действия экспрессивного характера является намерение выразить психологическое состояние и оказать эмоциональное воздействие на адресата. В данной работе мы проанализируем употребление экспрессивов (высказываний и текстов) по классам и подклассам в деловой и частной переписке в зависимости от обстоятельств коммуникативной ситуации. Один и тот же речевой акт может обладать признаками, характерными для разных иплокутивных классов, при этом адресат речевого акта может правильно распознать ведущую интенцию, извлекая недостающую информацию из условий коммуникативной ситуации. В качестве основного метода исследования использован метод лингвистического наблюдения. Материалом наших наблюдений стали оригинальные тексты официальных писем, представленных учебных пособий по обучению деловой переписке. Материалом для частной переписки послужили письма выдающихся людей ХХ-го века: писателей, режиссёров и актёров.

Ключевые слова: эпистолярный жанр; речевой акт; экспрессивы; деловая переписка; частная переписка.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Власенко Н. И. Способы выражения экспрессивных высказываний в эпистолярном жанре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 160–169.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020 Статья подписана в печать 03.06.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Власенко Н. И., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика /Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 160–169

Ways to Express Expressive Statements in Correspondence

Natalya I. Vlasenko¹

¹Southwest State University,
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

 e-mail: natashavlasenko@yandex.ru

Abstract

The phenomenon of expressiveness of speech, which is associated with the emotional attitude of the speaker to the addressee and to the content of speech, can be unconditionally attributed to linguistic problems. In the process of interpersonal communication, the psychological states of communicants, namely expressive speech acts, acquire special social significance. In the framework of the theory of speech acts, when studying this class, one should pay attention to their implementation in relation to the communicative situation in which they were used, as well as take into account the psychological and linguistic features of the language personality.

An expressive speech act can be implemented both in a single utterance and at the text level. The paper describes the conditions for the functioning of speech acts of gratitude, congratulations, apologies and condolences, starting with a specific situation, and ending with the entire set of cultural and social norms and rules necessary for the successful flow of a particular type of utterance. Each participant of communication pursues different goals and needs, which are directly or indirectly, explicitly or implicitly encoded in the language structure. The purpose of a speech action of an expressive nature is the intention to express a psychological state and have an emotional impact on the recipient. In this paper, we will analyze the use of expressions (statements and texts) by class and subclass in business and private correspondence, depending on the circumstances of the communicative situation. The same speech act may have features that are characteristic of different illocutionary classes, and the addressee of the speech act can correctly recognize the leading intent, extracting the missing information from the conditions of the communicative situation. The method of linguistic observation is used as the main research method. The material of our observations is the original texts of official letters, presented in textbooks on teaching business correspondence. The material for private correspondence was the letters of prominent people of the twentieth century: writers, directors, and actors.

Keywords: epistolary genre; speech act; expressives; business correspondence; private correspondence.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Vlasenko N.I. Ways to Express Expressive Statements in Correspondence. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 160–169 (In Russ.).

Received 14.05.2020

Accepted 03.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

В современной лингвистике большое внимание уделяется теории речевых актов, которая имеет множество различных трактовок, в связи с тем, что речевой акт – это сравнительно молодой объект исследования особенностей речевой деятельности. Основоположником данной теории стал английский философ лингвист Дж. Остин, он заложил основы, которые были развиты его учеником Дж. Серлем. Впервые эти ученые выделили от-

дельный класс речевых актов – экспрессивы. По мнению Дж. Серля, иллокутивная цель экспрессивов состоит в том, «чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» [1]. Отличительными особенностями данных речевых актов является то, что они не имеют направления приспособления и выражают определенное психологическое состояние говоря-

щего на положение дел, определяемое пропозициональным содержанием. Мы можем сравнить экспрессивы с другими речевыми актами, а именно ассертивами, так как они передают сообщение о том, как чувствует себя говорящий (чувство сожаления, радости, благодарности). Поздравления, благодарности, соболезнования обладают признаками класса констатаций. Приветствия, прощания и извинения как побуждают адресата к некоторым действиям (директивы), так и оказывают эмоциональное воздействие на него.

В эпистолярном произведении частного характера автор пытается раскрыть положение дел, описать ситуацию, сложившуюся в обществе, объяснить ее причины и сделать выводы. Он делает это субъективно, дает свою оценку тому, о чем идет речь в письме. Стилю же деловых документов присуща традиционность средств выражения и строгая композиционная структура. Рассмотрим употребление экспрессивов как в отдельных высказываниях, так и в макротекстах, встречающихся в деловой и частной переписке.

Результаты и обсуждение

Выражение благодарности в письменном виде является проявлением как доброго намерения, так и признательности за время и усилия, потраченные другим человеком. Грамотно составленное благодарственное письмо помогает найти новых партнеров, расширить деловые связи и способствует повышению доходов. Для достижения желательных результатов важно правильно составить такое письмо, найти нужные высказывания и выбрать соответствующий стиль, который должен быть не слишком официальным.

Рассмотрим примеры из деловой и частной переписки. Существует ряд устойчивых словосочетаний и конструкций, которые достаточно часто встречаются в деловой переписке и имеют прямое выражение. Данное явление обусловлено

тем, что при написании thank you letters автор должен придерживаться следующих правил. Быть лаконичным, не отнимать у адресата время длинными письмами. Избегать длинных слов, которые плохо воспринимаются при чтении и требуют большого количества времени на их осмысление.

We shall be very glad to see your new Export Manager..... [3].

We appreciate the confidence you show ... [3].

We are pleased to inform you of the prompt execution ... [3].

Many thanks for your enquiry of 3 April...[3].

Ответ на запрос от постоянного клиента должен быть кратким, нет необходимости выражаться витиевато, так как поставщик способен выполнить все условия клиента. Из примеров мы видим, что благодарственные тексты пишутся по разным поводам и событиям, разными по статусу и положению авторами, что накладывает отпечаток на выбор слов и стиля текста.

Для усиления коммуникативного намерения высказывания в официальной переписке автор часто прибегает к употреблению особых оборотов, которые помогают выразить не только общую оценку пропозиционального действия говорящего, но и выражают эмоциональное состояние, вызванное положением вещей.

Needless to say we shall regard this as a very special favor and shall be only pleased to reciprocate if you will give that opportunity at any time [3].

Благодарность в данном примере выражена косвенно, автор приглашает к сотрудничеству, которое оценивает как особую услугу [4].

В частной переписке краткость и официальность, канцелярский стиль могут привести к нежелательному результату. У автора есть больше возможностей для использования оригинальных языко-

вых оборотов, чтобы раскрыть свою личность и подчеркнуть индивидуальность адресанта.

You are so good and kind with offers of help that I should like to work night and day without stopping to make up for it [5].

Both boys are highly manners-able (you've trained them well) and have lost the shyness with strangers [6].

Выражение благодарности происходит без употребления перформативного глагола “thank you”, а с помощью констатации.

Речевой акт извинения по своей сути выражает несколько иллокутивных функций, адресант просит адресата о прощении, при этом выражает такие эмоции, как сожаление, чувство вины, раскаяние. Успешность речевого акта извинения зависит от ситуации, статуса собеседников и от степени серьезности проступка. Собеседники иногда как в частной, так и в деловой переписке могут не сообщать о своих намерениях прямо, а делают это в косвенной форме.

Самыми частотными формами выражения извинений при далекой социальной дистанции является использование развернутых схем извинения с приведением причин, признанием собственной ответственности и вины – при определенных обстоятельствах – обещание исправиться. Косвенные извинения выражаются при помощи указания на объективные обстоятельства, вызвавшие причинение неудобства адресату.

Owing to a lighting strike in the factory the production was held up for twenty-four hours. The strike has been settled but there is likely to be some delay [3].

You should know that if I have not written to you more quickly on such an occasion, it is not that you have not been constantly in my mind [5].

В примере, взятом из частной переписки, автор негативно оценивает самого себя и свое поведение, тем самым косвенно извиняясь и раскаиваясь в своих предшествующих действиях, также про-

слеживается развернутая схема извинения.

We regret that no priority can be given, but you can be sure that all orders are being executed in strict rotation [3].

В данном примере автор приносит извинения и выражает сожаление по поводу сложившейся ситуации, он испытывает по этому поводу чувство вины и сообщает об этом адресату, для того, чтобы сохранить партнерские отношения.

Однако следует отметить, что для успешного осуществления извинений на письме как в официальной, так и в неформальной обстановке адресант чаще прибегает к использованию стандартных формул прямых экспрессивов. На наш взгляд, это обусловлено социальными конвенциями.

Речевой акт сожаления выражает определенное эмоциональное состояние, чувство печали, по поводу невозвратимости, утраты или сострадания к кому-либо. Данный пример высказывания косвенного сожаления взят из частного письма:

What can you do, dear lady, cats are only mortal [5].

Он состоит из двух частей, первая часть по своей форме является вопросительной, что смягчает степень категоричности данного утверждения.

В письмах-соболезнованиях нам встретилось много ярко выраженных примеров сожаления. Такие письма выражают сочувствие человеку, который испытывает боль, возникающую из-за смерти, душевной муки или несчастья. При написании таких писем люди выражают сожаления конкретному лицу или по поводу определенной ситуации, предлагая поддержку. В частной и деловой переписке, при разных социальных дистанциях и статусах высказывания соболезнования получили форму утверждений. Следует отметить, что в этих примерах авторы избегают ритуальных фраз, тем самым выражают свои личные чувства.

It was a great shock to hear the sad news of Sir James Brown's sudden death [3].

I know you had hell. But I can't be brave about it and in all my heart I am sick for you both [5].

В примерах, приведенных выше, из разных видов переписки авторы стараются использовать такие слова и выражения, которые передают личные переживания, тем самым выполняется условие искренности.

Суть речевого акта поздравления заключается в передаче положительных эмоций говорящим адресату. Написание красивого и лаконичного поздравления всегда было достаточно сложной задачей. Очень важно подобрать правильные слова и стиль поздравления. Этикет поздравлений в компании во многом зависит от социальных характеристик коммуникантов: дистанции, статуса, возраста и пола.

May we congratulate you on your success.

(May we express our sincere good wishes [3].

Чем выше статус и роль адресата, тем официальнее обстановка, тем вежливее поздравление. Деловому стилю присущи различные стандартизированные речевые формулы, которые служат для выражения радости и тем самым усиливают её: *it was with great pleasure, may we congratulate, with all the best*. По форме данное поздравление является вопросом, а по содержанию выражает положительную оценку адресантом успешно совершенной сделки. Большинство косвенных поздравлений и пожеланий встречаются в деловой переписке.

Высказывания поздравления показывают определенный тип отношений между коммуникантами, когда хотят подчеркнуть свое внимание к адресату, проявить заботу о нем. В неформальной обстановке общения не принято скрывать свои эмоции, поэтому автор лишь иногда прибегает к употреблению косвенных пожеланий,

ний, как это показано в письме Фицджеральда Хемингуэю

It was fine to see you as well and full of life, Ernest [7].

Экспрессивные речевые акты благодарности, пожеланий и поздравлений осуществляют этикетное действие с помощью речи, передают адресату положительные эмоции. Адресат судит о степени благодарности, принимая во внимание всю совокупность факторов, участвующих в данном речевом акте, разумеется, при соблюдении условия искренности, поскольку всякое его несоблюдение должно быть оговорено контекстом [8].

Обратимся теперь к тексту как к одному из важных элементов языка. Экспрессивный речевой акт может быть реализован как в одном высказывании, так и на уровне макротекста. Рассмотрим тексты с широкой вариативностью, имеющие определенную структуру и выясним их композиционный рисунок, в зависимости от типа переписки. Подобно тому, как при интерпретации высказывания следует учитывать ситуацию, контекст, различные грамматические и лексические средства [9], так и понимание текста зависит от объективных знаний, цели, и соответствующим ей иллокутивным индикаторам (просодика, типовые синтаксические схемы, лексические группы – языковые средства; ситуация, контекст и коммуникативные импликатуры – внеязыковые) [10,11,12].

Правила построения письма, его формально-содержательная структура находится в полной зависимости от статусно-ролевых отношений коммуникантов. Экспрессивы высказывания в письмах в основном встречаются в начальной и конечной части письма и по ним можно с легкостью установить степень близости/отдаленности адресата и адресанта и тон написания эпистолярного произведения. Если мы рассмотрим экспрессивные макротексты, мы увидим что целью благодарственных писем является выражение благодарности, пожелания или изви-

нения, выражаемые конкретному лицу или организации по какому-то поводу.

В деловой переписке благодарственное письмо может быть самостоятельным документом, объем передаваемой информации в таком письме регулируется постулатами количества Грайса, то есть оно должно содержать достаточное количество информации, которое необходимо для его успешного понимания. Следует отметить, что благодарности, описывающие эмоциональное состояние автора, в деловой переписке имеют прямое выражение и встречаются в любой части письма.

Dear Sir Wallet

Back now in my country I wish to thank you most warmly for your very excellent hospitality extended to me. The opportunity to meet yourself and your directors is something I had long looked forward to, and I can only hope now that one day I may be able to receive a visit here from you.

I very much appreciate your kindness and that of Mr James Frobisher in showing me round the new plant.

I thank you once again, and am.

Sincerely

J.Daly [4].

В частной же, при близкой социальной дистанции нами было встречено косвенное выражение благодарности, при этом оно находится в середине письма. Сам текст письма строится иначе, он включает много подробностей, сообщений, утверждений. Информация распределяется в зависимости от коммуникативного намерения автора, его вкусов и таланта.

Darling Brenda,

Just a few words now – more tomorrow – to tell you how very precious you are to me.

When I saw your letter on my desk yesterday my heart fell.

I had so looked forward to seeing you again. However I thoroughly understand.

I woke up feeling empty – missed you so much and thinking

that the great event I am looking for (promised by the astrologers) – this great event has already happened. It's you! How blind of me not to recognize it!

That letter you read me yesterday was the greatest tribute

any woman ever paid me – do I really deserve it? You always

speak only of my virtues, never my faults. That's such a wonderful thing. (Val is just the contrary – yet you are both Scorpions!)

So I will see you soon. How very very wonderful. Like the answer to a prayer.

Bless you, bless you, my darling Brenda!

Henry [13].

Автор письма американский писатель и художник Генри Миллер достигает поставленной цели, благодарности за время и внимание, которое его подруга уделяет ему. В результате правильной последовательности речевых актов, то есть в начале письма автор сообщает о значении Бренды в его жизни, подводя к доминирующему высказыванию косвенной благодарности, занимающей центральное положение в тексте.

Поздравления и добрые пожелания имеют развернутую схему независимо от стиля письма. Поводом для написания письма поздравления может быть составлено в различных случаях, адресуются они в основном руководителям или всей фирме в целом. Прямые и косвенные поздравления тексты, независимо от статуса и роли автора занимают начальную позицию в тексте, как в частной, так и в деловой переписке. В примере, взятом из частной переписки, косвенное поздравление объединяет в себе форму и прагматическое содержание двух разных рече-

вых актов, а именно вопроса и экспрессива.

My dear General :

May I congratulate you belatedly on your appointment to

Chief of Staff. I only learned of this on returning from a fishing trip.

All of us who were with the Seventh Corps and the First

Army are happy about your appointment. I personally was

afraid that some jerk from SHAEF would receive this

appointment. But it is a fine thing to know that a fine

soldier who understands the big picture has it rather than

a big picture man.

I hope these are not subversive sentiments and I would like

to say that I will be happy to serve under you in any

capacity (preferably in one which involves writing) at any

time, anywhere, and against any enemies of our country.

Yours very respectfully

Ernest Hemingway [14].

Доминирующее высказывание поздравление занимает начальное положение и в официальном письме, за ним следует информация, которая расширяет и разъясняет предыдущее высказывание.

Dear Sir,

May we congratulate you on your success participation to

the training on demand oriented energy policies.

I am still at your disposal for any information you may require.

Yours faithfully,

Deputy Director [3].

Письма извинения это письма ответы на претензию, достаточно часто встречаются в деловой переписке. Задачей такого рода писем является ответ на жалобу, для того чтобы показать свое неравнодушие к проблеме, а также желание

сохранить хорошие отношения и продолжить дальнейшее сотрудничество. Чем выше должность автора ответа, тем более убедительно будет его содержание для адресата. Основное содержание письма ответа на рекламацию в каждом случае индивидуально, но по своей композиционной структуре одинаково. Главный речевой акт извинения находится в центральном положении, что показано на примере делового письма. В ответе на высказанные претензии, необязательно с ними полностью соглашаться, можно вежливо объяснить причину, то есть привести оправдания или согласиться частично с жалобой и сообщить о принятых мерах.

Dear Sirs,

We recently sent part of the above order to you.

Unfortunately, we could send half of the tea that you ordered.

We hope to send the rest to you by the end of the month.

*Yours faithfully,
Sales Supervisor [3].*

Существуют инструкции по написанию ответов на претензии. В первой части данного типа письма идёт сообщение о причине извинения, а затем оно само, подкреплённое для усиления коммуникативного намерения – обещанием [15,16]. Косвенные речевые акты-извинение находятся в центре письма. Композиционный рисунок такого письма включает в себя суть претензии, пояснение причин рекламации, доминирующее высказывание извинение и обещание устранение претензии.

Выводы

В заключение этого исследования описания экспрессивных речевых актов следует сказать, что благодарности, поздравления, добрые пожелания в эпистолярном жанре представлены очень широко. При написании писем автор использует значительное количество вежливых

фраз и выражений, тем самым достигается главная цель эпистолярного произведения – общение. В официальной и неофициальной обстановке для выражения благодарности, чувств и признательности употребляются высказывания, характеризующиеся тем, что языковая структура в них буквального речевого акта, а pragmaticальное содержание – буквального и актуального, однако буквальное в данном контексте как бы отодвигается на второй план. Такие речевые акты часто используются для экономичности и ёмкости высказывания. Извинения, добрые пожелания и соболезнования в неофициальной обстановке общения независимо от статусно-ролевых отношений коммуникантов и социальной дистанции выражаются речевыми актами, в которых признаки актуального представлены полностью, а буквального – частично. Поздравления и извинения выражаются такими же речевыми актами и в официальной обстановке. Косвенные речевые акты извинения встретились нам лишь в деловой корреспонденции, где коммуниканты находятся на далёкой социальной дистанции. В то время как в частной переписке адресант отдает предпочтение прямым экс-

прессивам извинениям. В официальной обстановке общения макротексты благодарности имеют преимущественно прямое выражение. Что касается частной переписки, когда между коммуникантами существует близкая социальная дистанция, то здесь прослеживается другая тенденция, косвенная благодарность в большинстве случаев находится в основной части текста эпистолярного произведения и ей характерна развернутая схема. Макротексты поздравления и пожеланий имеют единообразную структуру письма. В первой части письма автор использует косвенные речевые акты поздравления и пожелания, за которыми следует поясняющая и расширяющая информация. Такая композиционная структура письма характерна как официальной, так и частной переписке, где коммуникантами выступают люди различного статуса, положения и возраста. Таким образом, можно сказать, что косвенные речевые акты, обладающие различной иллюктивной силой, проявляют своё pragmaticальное значение в определенной ситуации и зависят от статусно-ролевых отношений.

Список литературы

1. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М.: Прогресс, 1986. С. 242 – 264.
2. Шиленко Р.В. Прямые и косвенные экспрессивные высказывания в аспекте регулирования межличностных отношений // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. С. 49–54.
3. King F. English Business Letters. M., 1994.
4. Власенко Н.И. Лингвопрагматическое исследование функционирования косвенных речевых актов в эпистолярном жанре: монография. Старый Оскол, 2009. 124 с.
5. Eliot V. The Letters of T.S.Eliot. London. 1988.
6. Steinbeck J. A Life in letters. New York, 1975.
7. Turnbull A. The Letters of Scott Fitzgerald. New York, 1963.
8. Шиленко Р.В. К определению класса экспрессивных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин, 1985.

9. Богданов В.В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983. С. 27-38.
10. Власенко Н.И. Принципы и правила речевого общения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2018. Т.8. № 4 (29). С. 22-27.
11. Кружилина Т.В. Понимание текста в онтогенезе. Курск, 2016. 173 с.
12. Толмачева И.А. Особенности многоязычия иностранных студентов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 4. С. 71-76.
13. Miller H. Dear, Dear Brenda. B. Venus. William Morrow, 1986. 191 p.
14. Baker C. Selected Letters. New York, 1981.
15. Власенко Н.И. Соблюдение принципов и норм коммуникации в деловом общении // Язык, познание, культура на современном этапе развития общества: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной Европейскому Году Языка и 70-летию Саратовской государственной академии права. Саратов, 2001. С. 93-95.
16. Vlasenko N.I., Tolmacheva I.A. Approaches to the study of languages interaction in the mind of an individual // SGEM 2014: International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts 2014. С. 89-94.

References

1. J. R. Searle, Vanderveken D. [Basic concepts of speech act calculation]. *Novoe v zaryubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Is. 18. Moscow, Progress, 1986, pp. 242-264 (In Russ.)
2. Shilenko R. V. [Direct and indirect expressive utterances in the aspect of regulation of interpersonal relations]. *Yazykovoe obshchenie i ego edinicy* [Language communication and its units]. Kalinin, 1986, pp. 49-54 (In Russ.)
3. King F. English Business Letters. Moscow, 1994.
4. Vlasenko N. I. *Lingvoprakticheskoe issledovanie funkcionirovaniya kosvennyyh rechevyh aktov v epistolyarnom zhanre* [Linguopractic study of the functioning of indirect speech acts in the epistolary genre]. Stary Oskol, 2009. 124 p. (In Russ.)
5. Eliot V. The Letters of T.S.Eliot. London. 1988. (In Russ.)
6. Steinbeck J. A Life in letters. New York, 1975. (In Russ.)
7. Turnbull A. The Letters of Scott Fitzgerald. New York, 1963. (In Russ.)
8. Shilenko R. V. [To define the class of expressive utterances]. *Pragmaticskie i semanticheskie aspekty sintaksisa* [Pragmatic and semantic aspects of syntax]. Kalinin, 1985 (In Russ.)
9. Bogdanov V. V. [Illocutive function of utterance and performative verb]. *Soderzhatel'nye aspekty predlozheniya i teksta* [Substantive aspects of the proposal and of the text]. Kalinin, 1983, pp. 27-38 (In Russ.)
10. Vlasenko N. I. Principy i pravila rechevogo obshcheniya [Principles and rules of speech communication]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 22-27 (In Russ.)
11. Kruzhilina T. V. *Ponimanie teksta v ontogeneze* [Understanding the text in ontogenesis]. Kursk, 2016. 173 p. (In Russ.)

12. Tolmacheva I. A. Osobennosti mnogoyazychiya inostrannyh studentov [Features of multilingualism of foreign students]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2013, no. 4, pp. 71-76 (In Russ.)
13. Miller H. Dear, Dear Brenda. B. Venus. William Morrow, 1986. 191 p.
14. Baker C. Selected Letters. New York, 1981.
15. Vlasenko N. I. [Compliance with the principles and norms of communication in business communication]. *Yazyk, poznanie, kul'tura na sovremennom etape razvitiya obshchestva. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Language, cognition, culture at the present stage of society development. Materials of the all-Russian scientific conference]. Saratov, 2001, pp. 93-95 (In Russ.)
16. Vlasenko N.I., Tolmacheva I.A. Approaches to the study of languages interaction in the mind of an individual. *SGEM 2014: International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences & Arts 2014*, pp. 89-94.

Информация об авторе / Information about the Author

Власенко Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация
e-mail: natashavlasenko@yandex.ru

Natalya I. Vlasenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: natashavlasenko@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCE

Оригинальная статья/Original article

УДК 378

Формирование предпринимательских компетенций при подготовке кадров для гостиничной индустрии

Н.Е. Горюшкина¹ , О.Л. Ворошилова¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

 e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена проблеме формирования предпринимательских компетенций у будущих специалистов гостиничной индустрии. Отмечено, что значительная часть обучающихся по направлению подготовки «Гостиничное дело» связывают свою профессиональную деятельность с предпринимательством. Раскрыты специфические черты предпринимательства в гостеприимстве, определены компетенции, необходимые выпускнику для открытия собственного бизнеса, указаны способы развития предпринимательских компетенций в период обучения. Даны рекомендации по совершенствованию профессиональной подготовки специалистов для гостиничной индустрии. Выделены важнейшие направления развития предпринимательских способностей у обучающихся. Раскрыта роль лекционных, практических факультативных занятий, учебной и производственных практик, курсов повышения квалификации в формировании предпринимательских компетенций. Отмечена положительная роль мастер-классов, ролевых и деловых игр, кейс-заданий и тренингов. Авторы обосновывают мнение, что при подготовке кадров для гостиничной индустрии необходимо уделить особое внимание практической стороне обучения, налаживанию связи с работодателями через институт наставничества (менторства). Исходя из того, что предпринимательство в гостиничной сфере есть профессиональная работа по учреждению и управлению собственным бизнесом, организованная на началах самозанятости и направленная на оказание гостиничных услуг, подготовка предпринимателей для сферы гостеприимства является на сегодняшний день весьма перспективной задачей. Сделан вывод о том, что успех будущей профессиональной деятельности обучающихся по направлению подготовки «Гостиничное дело» во многом будет зависеть от уровня сформированности предпринимательских компетенций. Высокая степень формирования предпринимательских компетенций позволит обеспечить гостиничную индустрию квалифицированными, инициативными молодыми кадрами, повысить востребованность выпускников на рынке труда.

Ключевые слова: предприниматель; гостиничное дело; гостиничная индустрия; обучение предпринимательству; предпринимательские компетенции.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н.Е., Ворошилова О.Л. Формирование предпринимательских компетенций при подготовке кадров для гостиничной индустрии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 170–179.

Статья поступила в редакцию 06.04.2020 Статья подписана в печать 19.05.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Горюшкина Н.Е., Ворошилова О.Л., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика /Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 170–179

Formation of Entrepreneurial Competencies when Preparing Personnel for Hotel Industry

Natalya E. Goryushkina¹ , Olga L. Voroshilova¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
 e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of forming entrepreneurial competencies among future hotel industry professionals. It is noted that a significant part of students in the field of training "Hotel business" associate their professional activities with entrepreneurship. Specific features of entrepreneurship in hospitality are revealed, the competencies necessary for a graduate to start their own business are identified, ways of developing entrepreneurial competencies during the training period are indicated. Recommendations are given on improving the professional training of specialists for the hotel industry. The most important directions of the development of entrepreneurial abilities among students are highlighted. The role of lecture, practical optional classes, training and production practices, continuing education courses in the formation of entrepreneurial competencies is disclosed. The positive role of master classes, role-playing and business games, case studies and trainings was noted. The authors substantiate the opinion that when training personnel for the hotel industry, special attention should be paid to the practical side of training, to establish ties with employers through the institution of mentoring (mentoring). Based on the fact that entrepreneurship in the hotel industry is a professional work on the establishment and management of their own business, organized on the basis of self-employment and aimed at the provision of hotel services, training entrepreneurs for the hospitality industry is today a very promising task. It is concluded that the success of the future professional activities of students in the field of preparation of the "Hotel Business" will largely depend on the level of formation of entrepreneurial competencies. A high degree of formation of entrepreneurial competencies will provide the hotel industry with qualified, initiative young staff, and increase the demand for graduates in the labor market.

Keywords: entrepreneur; hotel business; hotel industry; entrepreneurship training; entrepreneurial competencies.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E., Voroshilova O.L. Formation of Entrepreneurial Competencies when Preparing Personnel for Hotel Industry. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 170–179 (In Russ.).

Received 06.04.2020

Accepted 19.05.2020

Published 20.07.2020

Введение

Гостиничная индустрия всегда нуждалась в личностях, умеющих нестандартно мыслить, творчески подходить к работе, проявлять инициативность, мобильность, предпринимчивость. Пандемия новой короновирусной инфекции, охватившая весь мир, нанесла серьезный удар по гостиницам. В этой связи вопрос подготовки специалистов направления «Гостиничное дело», способных проявить инициативу, выстоять в условиях кризиса

и найти точки роста, приобрел особую остроту и актуальность.

Подготовка кадров для гостиничной индустрии, в виду своей многогранности и многоаспектности, непростой педагогический процесс. Требуется сформировать у студентов компетенции организационно-управленческой, сервисной, технологической, проектной, исследовательской направленности. Новые вызовы делают этот процесс еще более сложным.

Данная статья затрагивает только один аспект подготовки кадров для гос-

тиничной индустрии – формирование предпринимательских компетенций.

В качестве ее методологической основы были использованы общенаучные методы, а также методы анализа и синтеза, моделирования и наблюдения.

Результаты и обсуждение

Несмотря на большой объем информации о предпринимательских компетенциях, вообще, и процессе их формирования, в частности, многие аспекты проблемы остаются невыясненными. В этой связи несомненный интерес вызывают работы Е.А. Щербаковой [1], А.Н. Третьяковой [2], Н.Ш. Зариповой [3], Г.Н. Франновской [4] об обучении предпринимательству в современном социокультурном пространстве. О заинтересованности студентов в предпринимательстве подробно писали Г.В. Широкова [5], А.Ю. Чепуренко [6], Н.Е. Горюшкина [7, 8].

Напомним, что в научной литературе термин «предпринимательство» имеет множество характеристик. При этом в большинстве случаев он подменяется изложением цели предпринимательской деятельности. Так, Гражданский кодекс РФ (статья 2) относит к предпринимательской «самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [9]. Получается, что предпринимательская деятельность приобретает профессиональный характер, когда люди самостоятельно обеспечивают свою трудовую занятость. Исходя из сказанного выше, предпринимателем целесообразно именовать лицо, самостоятельно принимающее решения и самостоятельно реализовывающее свою деятельность в условиях неопределенности.

Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 2018 г. заявил, что «малый и средний бизнес – это один из масштабных резервов экономического роста России <..> к 2020 г. доля в

ВВП малого и среднего бизнеса должна вырасти до 50 %» [10].

Именно предпринимательство способно, а потому должно стать драйвером развития гостиничной индустрии. Один из самых влиятельных теоретиков менеджмента XX века П.Ф. Друкер писал: «Предпринимательство – это дисциплина и, как любой дисциплине, ему можно научиться» [11, с. 44].

В настоящее время в теории и практике профессионального образования, в том числе и гостиничного, широко используется компетентностный подход. Компетенцию принято относить к поведенческим характеристикам личности, в связи с чем под предпринимательской компетентностью применительно к гостиничной деятельности понимают способность и готовность к профессиональной деятельности по оказанию гостиничных услуг, включая ее морально-нравственную, познавательно-творческую, информационно-коммуникативную и технологическую составляющие.

Предпринимательская деятельность в гостиничной индустрии отражает весь спектр отношений, которые объективным образом складываются у предпринимателей с потребителями гостиничных услуг, друг с другом, наемными работниками, государством, банками и другими субъектами гостиничного рынка.

Исходя из того, что предпринимательские компетенции являются неотъемлемой частью профессиональных компетенций, их формирование представляется многосторонним и многосложным процессом, особенно учитывая тот факт, что российский опыт подготовки кадров для гостиниц, в принципе, невелик, а система обучения предпринимательству в вузах находится в процессе становления.

Подготовка студентов по направлению 43.03.03 «Гостиничное дело» на сегодняшний день базируется на государственном образовательном стандарте высшего образования (приказ Минобрнауки России от 08.06.2017 N 515 «Об

утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат» [12]. Студенты готовятся к решению задач профессиональной деятельности организационно-управленческой, технологической, сервисной, проектной и исследовательской направленности.

Как заявлял британский предприниматель, основатель корпорации Virgin Group, включающей в себя около 400 компаний различного профиля, Р. Брэнсон, «предпринимательский успех зависит от довольно необычной комбинации личных качеств и инстинктивных умений, большинство из которых можно отточить в процессе работы и обучения» [13].

Научить предпринимательству – это значит сформировать «предпринимательские» компетенции, к которым объективно относятся такие, как умение ставить и решать инновационные задачи, работать в команде, вести экономические расчеты, принимать риски, вести деловые переговоры.

Направленность на компетентностный подход влечет качественные изменения в планировании, организации и методике всего образовательного процесса

Учебный план включает в себя 3 блока: «Дисциплины (модули)», «Практика» и «Государственная итоговая аттестация». Блок «Дисциплины (модули)» в свою очередь делится на две части – обязательную и формируемую участниками образовательных отношений. В обязательную часть входят общеобразовательные дисциплины, которые дают возможность формирования предпринимательских компетенций: философия (развитие навыков мышления, формирование способности к обобщению и анализу информации; русский язык (знание правил грамотной устной и письменной речи, готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе); история (умение видеть взаимообусловленность и взаимосвязь событий, знание успешных примеров предпринимательской деятельности),

математика (умение делать расчеты, логически мыслить); информатика (знание информационных и коммуникационных технологий, ведение деловой переписки) и т.д. Особую роль в формировании предпринимательских компетенций играют дисциплины «Правовое обеспечение гостиничной деятельности» (знание основ правового регулирования предпринимательства в сфере гостеприимства); «Инновационные методы прогнозирования и планирования гостиничной деятельности» (самостоятельность в принятии рациональных решений, восприятие инноваций), «Технология формирования и продвижения гостиничного продукта» (умение принимать разумные, перспективные решения в ситуациях риска и неопределенности).

В учебные планы бакалавров по направлению подготовки «Гостиничное дело» в Юго-Западном государственном университете включена дисциплина «История предпринимательства», которая изучается на 4 курсе, в седьмом семестре. Цель дисциплины – формирование у студентов целостного представления о прошлом отечественного предпринимательства через раскрытие роли отечественных предпринимателей в хозяйственном освоении огромных территорий страны, укреплении российской государственности, показ культурных традиций «людей дела» в России. В содержание дисциплины включены следующие темы: 1) Предпринимательство как феномен в истории мировой цивилизации и России; 2) Ранняя история отечественного предпринимательства: X – XV вв.; 3) Развитие российского предпринимательства на пороге Нового времени: XVI – XVII вв.; 4) Петровские реформы и предпринимательство в Российской империи XVIII в.; 5) Предприниматели и экономическая жизнь России в первой половине XIX в.; 6) Русский бизнес в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX в.); 7) Предприниматели и общество в дореволюционной России; 8) Предпринима-

тельство в советскую эпоху; 9) Возрождение российского предпринимательства (конец 80-х – 90-е гг. ХХ в.).

Положительные результаты в подготовке к предпринимательской деятельности приносят семинарские занятия, лабораторные работы, мастер-классы, мастерские, ролевые игры, деловые игры, кейсы и тренинги, где участники образовательного процесса активно взаимодействуют.

Формированию предпринимательских компетенций в значительной мере способствует практика студентов. Учебная ознакомительная практика, производственная практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности, педагогическая практика, производственная организационно-управленческая практика, производственная практика (научно-исследовательская работа), производственная преддипломная практика – актуализируют и интегрируют знания, умения и навыки студентов, позволяют определить степень готовности к самостоятельной профессиональной деятельности. При прохождении практик закладываются основы профессионализма, профессионального мышления и профессионального мастерства.

Технология формирования предпринимательских компетенций предусматривает работу по созданию мотивационно-ценостных установок. Высокой степенью мотивации, активизации управленческого поведения и управленческой деятельности, формированию отношения к будущей профессии как способу построения успешной карьеры способствуют круглые столы, встречи с лидерами гостиничной индустрии. Они являются важным дополнением к специализированным занятиям.

Заметный вклад в генерацию новых предпринимателей способны внести спецкурсы (факультативы) «Свое дело», «Я – предприниматель», «Предпринимательская деятельность». Они предоставляют студентам реальную возможность вы-

двинуть и защитить собственную бизнес-идею, разработать бизнес-план, определить круг задач в рамках поставленной цели, выбирать оптимальные способы их решения.

Одной из продуктивных форм обучения предпринимательству в гостиничной сфере являются курсы повышения квалификации. Их организация возложена в вузах либо на академические (в ЮЗГУ – кафедра истории и социально-культурного сервиса), либо на специализированные (в ЮЗГУ – учебно-методический центр повышения квалификации и переподготовки) подразделения. В последнее время ряд российских университетов учредил центры поддержки предпринимательства. Разработанные в рамках повышения квалификации программы характеризуются не столько трудоемкостью, сколько практической направленностью. Помимо цикла лекционных занятий, они предусматривают практики, направленные на формирование компетенций по созданию, ведению и развитию собственного дела, выходу из гостиничного бизнеса, факультативы, участие в программах наставников. Высокую эффективность показали курсы повышения квалификации, организованные как лагерная смена (от 3-х до 7-ми дней) или стажировка в гостиницах России и за рубежом.

В ряде высших учебных заведений страны открыты «предпринимательские» бизнес-инкубаторы (акселераторы, технопарки), где организовано обучение предпринимательству. Они являются благоприятным местом для обмена знаниями, опытом и технологиями, аккумулирования инновационных проектов и инициатив. Формирование предпринимательских компетенций в этом случае осуществляется путем включения в проект команды, которая помещается в особые условия, позволяющие в короткий срок разработать собственный бизнес-проект и выйти с ним на рынок, в нашем случае, на гостиничный рынок [14, с. 36].

Значительную роль в формировании предпринимательских компетенций при подготовке кадров для гостиничной индустрии способен сыграть институт наставничества (менторства). Наставники из числа руководителей органов исполнительной и законодательной власти, лидеров гостиничной индустрии, поддерживают предпринимательскую инициативу и демонстрируя успешные примеры предпринимательства, мотивируют студентов к открытию собственного дела, курируют их первые шаги.

В тех вузах, где предпринимательское образование набирает обороты, студенты, помимо учебных занятий, участвуют во внеучебных мероприятиях, направленных на развитие предпринимательских инициатив (семинары, конференции, круглые столы и т.д.).

В ряду таких мероприятий важное место отводится Всероссийской олимпиаде по истории российского предпринимательства, которую, начиная с 2014 г., организует общественная организация «Деловая Россия» совместно с Российским историческим обществом. Основная цель олимпиады, по заявлению организаторов, состоит в «сохранении исторической памяти о предпринимателях, внесших большой личный вклад в развитие государства, формирование положительного образа предпринимателя и популяризации в обществе профессии предпринимателя в целом» [15].

Некоторые высшие учебные заведения страны организуют ежегодные недели предпринимательства, направленные на популяризацию молодежного предпринимательства, обмен идеями и знаниями, формирование предпринимательской культуры.

В ноябре 2020 года пройдет 13-я Всемирная неделя предпринимательства. В прошлом году во Всемирной неделе предпринимательства приняло участие

свыше 10 млн начинающих и будущих предпринимателей из 187 стран и 61 региона России. В рамках Всемирной недели предпринимательства был организован Форум отельеров, где рассматривались вопросы образования в гостиничном бизнесе, а также инструменты продаж и управления гостиницами, кейсы с проектами новых гостиничных комплексов [16].

Исследовательские умения и навыки являются базовыми компонентами в становлении предпринимателя, в этой связи важную роль в обучении предпринимательству призвана сыграть научно-исследовательская деятельность студентов. Основные этапы научно-исследовательской деятельности регламентированы учебным планом и рабочими программами дисциплин. Не редкость, когда студенты первого курса выбирают тему выпускной квалификационной работы и на протяжении четырех лет всесторонне изучают в целом гостиничный рынок, факторы конкурентоспособности гостиничных предприятий, особенности предпринимательского поведения, инновации в гостиничной индустрии, а также свою, конкретную проблему.

Говоря о мотивации студентов к предпринимательству, нельзя обойти сетевые сообщества: виртуальные сообщества бизнесменов (деловые сети), социальные сети, интернет-форумы, электронные доски объявлений и т.п. Такого рода объединения обеспечивают тесное взаимодействие предпринимателей в сфере гостеприимства,

Профессиональная деятельность бакалавра по направлению подготовки «Гостиничное дело» основывается на глубоких знаниях, умениях и навыках, позволяющих создать и развить собственный бизнес, принимать экономически обоснованные решения, обеспечивать экономическую эффективность организаций избранной сферы профессиональной деятельности.

Выпускники на выходе из университета имеют большие амбиции, запрос на высокую заработную плату характерен для подавляющего их числа. Работодатели, ссылаясь на отсутствие у выпускников вузов опыта практической работы, не всегда готовы платить вчерашним студентам высокую зарплату. Самостоятельная деятельность, самозанятость могли бы разрешить ситуацию.

Оценить уровень сформированности предпринимательских компетенций у студентов направления подготовки «Гостиничное дело» позволяют следующие критерии: познавательный (знание законов бизнеса, умение ставить и решать инновационные задачи); мотивационно-личностный (стремление открыть своё дело, готовность принимать решения в сложных и нестандартных ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью, брать на себя ответственность); деятельностно-практический (умение работать в команде, вести деловые переговоры).

Выводы

Гостиничный рынок Российской Федерации составляет немногим более 1% мирового гостиничного рынка. Однако потенциал для роста у него огромен. Одним из основных драйверов развития гостиничной индустрии может стать предпринимательство. Немалая часть выпускников направления подготовки «Гостиничное дело» связывает свое будущее с предпринимательской деятельностью. Предпринимательство в гостиничной индустрии – это профессиональная работа в сфере создания и управления собственным бизнесом, организованная на началах самозанятости и направленная на оказание гостиничных услуг. Формирование предпринимательских компетенций позволяет обеспечить гостиничную индустрию квалифицированными молодыми кадрами, повысить востребованность выпускников на рынке труда.

Список литературы

1. Щербакова Е.А. Инновационный подход к обучению предпринимательству // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2012. № 3. С. 83-86.
2. Третьякова А.Н. Исследование предпринимательских намерений выпускников туристского вуза // Формирование профессиональных предпринимательских компетенций молодежи в процессе обучения предпринимательству: Сборник тезисов международной конференции. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2014. С. 147-156.
3. Зарипова Н.Ш. Обучение предпринимательству в современном социокультурном пространстве // Информация и образование: границы коммуникаций. 2014. № 6 (14). С. 220-222.
4. Франовская Г.Н. Обучение предпринимательству: особенности и задачи // Вестник ВГУ. 2013. № 1. С. 190-194.
5. Широкова Г.В. Обучение предпринимательству в России: факторы развития предпринимательского духа студентов // Бизнес-образование. 2012. № 1. С. 35-40.
6. Чепуренко А.Ю. Как и зачем обучать студентов предпринимательству: полемические заметки // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 248-276.

7. Горюшкина Н.Е. Гостиничное дело: проблемы привлечения квалифицированного персонала в курские гостиницы // Актуальные проблемы современного регионоведения: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2017. С. 5-9.
8. Горюшкина Н.Е. «Кадры решают все»: подготовка профессиональных кадров для индустрии туризма и гостеприимства в ЮЗГУ // Документационное обеспечение организационной и производственной деятельности: сборник материалов региональной научно-практической конференции. Курск, 2015. С. 72-74.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. 1) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/ (дата обращения: 25.03.2020)
10. Путин В.В. Послание президента Федеральному Собранию 2018 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 25.03.2020)
11. Drucker P.F. Innovation and entrepreneurship: Practice and Principles. New York: Harper & Row. (Original work published 1985). 277 р.
12. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.03 Гостиничное дело: приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2017 г. N 515. URL: <https://base.garant.ru/71708704/>
13. Официальный сайт Ричарда Брэнсона. URL: http://www.ng.ru/branson/2011-09-27/2_branson.html (дата обращения: 02.02.2019)
14. Лучшие практики обучения предпринимательству: возможности использования в России / С.В. Паникова, А.В. Иванова, Ю.Б. Рубин, Д.Ю. Матвиенко, Д.Г. Шишкин, С.Н. Полбицын // Формирование профессиональных предпринимательских компетенций молодежи в процессе обучения предпринимательству: сборник тезисов докладов международной конференции. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2014. С. 26-37.
15. Всероссийская олимпиада студентов. URL: <http://historybiz.ru/vserossijskaya-olimpiada-studentov.html> (дата обращения: 25.03.2020)
16. Всемирная неделя предпринимательства. URL: <http://www.cfe.ru/programs/gen.php> (дата обращения: 25.03.2020)

References

1. Scherbakova E.A. Innovacionnyj podhod k obucheniyu predprinimatel'stvu [An innovative approach to teaching entrepreneurship]. *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta). Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Socio-economic sciences*, 2012, no. 3, pp. 83-86 (In Russ.)
2. Tretyakova A.N. [A study of entrepreneurial intentions of graduates of a tourist university]. *Formirovanie professional'nyh predprinimatel'skikh kompetencij molodezhi v processe obucheniya predprinimatel'stvu: Sbornik tezisov mezhdunarodnoj konferencii* [Formation of professional entrepreneurial competencies of youth in the process of teaching entrepreneurship. A collection of abstracts of an international conference]. Moscow, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" Publ., 2014, pp. 147-156 (In Russ.)

3. Zaripova N.Sh. Obuchenie predprinimatel'stu v sovremenном sociokul'turnom prostranstve [Entrepreneurship training in the modern socio-cultural space. *Informaciya i obrazovanie: granicy kommunikacij = Information and education: the boundaries of communications*, 2014, no. 6 (14), pp. 220-222. (In Russ.)
4. Franovskaya G.N. Obuchenie predprinimatel'stu: osobennosti i zadachi [Education for entrepreneurship: features and objectives]. *Vestnik VGU = Bulletin of Voronezh State University*, 2013, no. 1, pp. 190-194 (In Russ.)
5. Shirokova G.V. Obuchenie predprinimatel'stu v Rossii: faktory razvitiya predprinimatel'skogo duha studentov [Entrepreneurship training in Russia: factors for the development of the entrepreneurial spirit of students]. *Biznes-obrazovanie = Business Education*, 2012, no. 1, pp. 35-40. (In Russ.)
6. Chepurenko A.Yu. Kak i zachem obuchat' studentov predprinimatel'stu: polemicheskie zametki [How and why to teach students entrepreneurship: polemic notes]. *Voprosy obrazovaniya = Educational Issues*, 2017, no. 3, pp. 248-276 (In Russ.)
7. Goryushkina N.E. [Hospitality: problems of attracting qualified personnel to Kursk hotels]. *Aktual'nye problemy sovremennogo regionovedeniya. Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of modern regional studies. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]. Kursk, 2017, pp. 5-9 (In Russ.)
8. Goryushkina N.E. [“Cadres decide everything”: training of professional personnel for the tourism and hospitality industry at Southwestern State University] *Dokumentacionnoe obespechenie organizacionnoj i proizvodstvennoj deyatel'nosti: Sbornik materialov regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Documentation support for organizational and production activities. Collection of materials of a regional scientific and practical conference]. Kursk, 2015, pp. 72-74 (In Russ.)
9. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii* [Civil Code of the Russian Federation] (Part 1) dated November 30, 1994 N 51-ФЗ (as amended on December 16, 2019, as amended on May 12, 2020). (In Russ.). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/ (accessed 25.03.2020)
10. Putin V.V. Poslanie prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 2018 goda [Putin V.V. President's Message to the Federal Assembly of 2018]. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 25.03. 2020)
11. Drucker P.F. Innovation and entrepreneurship: Practice and Principles. New York: Harper & Row. (Original work published 1985). 277 p.
12. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vys-shego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 43.03.03 Gostinichnoe delo: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 8 iyunya 2017 g. N 515* [On the approval of the federal state educational standard of higher education - undergraduate in the direction of preparation 03.03.03 Hotel business. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of June 8, 2017 N 515]. (In Russ.). Available at: <https://base.garant.ru/71708704/>
13. *Oficial'nyj sajt Richarda Bransona* [The official website of Richard Branson] (In Russ.). Available at: http://www.ng.ru/branson/2011-09-27/2_branson.html (accessed 02.02.2019)
14. Panikarova S.V., Ivanova A.V., Rubin Yu.B., Matvienko D.Yu., Shishkin D.G. Polbitsyn S.N. [Best Practices in Entrepreneurship Education: Possibilities of Use in Russia]. *Formirovaniye professional'nyh predprinimatel'skikh kompetencij molodezhi v processe obucheniya predprinimatel'stu. Sbornik tezisov dokladov mezhdunarodnoj konferencii* [Formation of

Professional Entrepreneurial Competencies of Youth in the Process of Entrepreneurship Education. Collection of abstracts of reports of an international conference]. Moscow, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" Publ., 2014, pp. 26-37 (In Russ.)

15. *Vserossiyskaya olimpiada studentov* [All-Russian Student Olympiad] (In Russ.). Available at: <http://historybiz.ru/vserossiyskaya-olimpiada-studentov.html> (accessed 25.03.2020)

16. *Vsemirnaya nedelya predprinimatel'stva* [World Entrepreneurship Week] (In Russ.) Available at: <http://www.cfe.ru/programs/gen.php> (accessed 25.03.2020)

Информация об авторах / Information about the authors

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, завкафедрой истории и социально-культурного сервиса ФГБОУВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация
e-mail: gor046@yandex.ru

Natalya E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: gor046@yandex.ru

Ворошилова Ольга Леонидовна, кандидат педагогических наук, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, ФГБОУВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация
e-mail: o_voroshilova@mail.ru

Olga L. Voroshilova, Candidate Pedagogical Sciences, Dean of the Faculty of Linguistics and Intercultural Communication Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "South-Western State University", Kursk, Russian Federation
e-mail: o_voroshilova@mail.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 159.9.07

Особенности формирования гражданско-патриотических характеристик личности современного добровольца в высшей школе (экспериментальное исследование)

Н.В. Тарасова¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nadia-79@bk.ru

Резюме

В работе с помощью психолого-педагогического анализа рассматривается добровольческая деятельность как действенная форма гражданско-патриотического воспитания молодежи. Актуальность изучения проблемы добровольчества заключается в том, что она обладает высоким педагогическим, нравственно-воспитательным потенциалом, выступает действенным механизмом межличностного взаимодействия, рассматривается как продуктивный способ разрешения злободневных общественных проблем. Добровольческая деятельность вырабатывает и развивает в личности такие характеристики, как независимость в принятии решений, лидерские навыки, сопереживание за судьбу других людей, эмпатию, помогает проявить себя в обществе через участие в значимых социальных мероприятиях, является эффективным способом сохранения и укрепления фундаментальных общечеловеческих ценностей.

Целью данного психологического исследования стало рассмотрение ведущих особенностей личности, характеризующих портрет современного добровольца, на примере студенчества. В работе изучаются такие личностные характеристики, как эмпатия, мотивация, смысложизненные и ценностные ориентации, коммуникативные и организаторские склонности в группе испытуемых, имеющих опыт добровольческой деятельности, и среди респондентов, у которых он отсутствует.

В работе осуществлен библиометрический анализ проблемы, проведено эмпирическое исследование. Благодаря проведенному эксперименту доказано, что для молодежи, активно занимающейся добровольческой деятельностью, уровень развития ведущих личностных характеристик, основанных на механизмах эмпатии, имеющих определенные смысложизненные ориентиры, четкую мотивацию, выраженные организаторские и коммуникативные склонности, выявлены значимые различия по сравнению с испытуемыми, никогда ранее не принимавшими участие в добровольчестве.

Методологическую основу исследования составили подходы: системный, историко-культурный, аксиологический подход, гуманистически ориентированный. Методами исследования выступили теоретический анализ научных исследований; организационные методы; эмпирические методы: наблюдение, анкетирование, психоdiagностические методы; методы статистической обработки данных.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание; добровольчество; добровольческая деятельность; психологические характеристики личности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тарасова Н.В. Особенности формирования гражданско-патриотических характеристик личности современного добровольца в высшей школе (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 180–199.

Статья поступила в редакцию 27.05.2020 Статья подписана в печать 10.06.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Тарасова Н.В., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика /Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 180–199

Volunteering as an Activity Component of Civil-Patriotic Education of the Younger Generation

Nadezhda V. Tarasova¹✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation
✉ e-mail: nadia-79@bk.ru

Abstract

In the work with the help of psychological and pedagogical analysis, volunteerism is considered as an effective form of civic-patriotic education of youth. The relevance of the study of the problem of volunteerism lies in the fact that it has a high pedagogical, moral and educational potential, acts as an effective mechanism for interpersonal interaction, and is considered as a productive way to resolve topical social problems. Volunteer activity develops and develops personality characteristics such as independence in decision-making, leadership skills, empathy for the fate of others, empathy, helps to express themselves in society through participation in significant social events, is an effective way to preserve and strengthen fundamental universal human values.

The purpose of this study was to consider the leading personality traits that characterize the portrait of a modern volunteer. The work explores such personal characteristics as empathy, motivation, life-meaning and value orientations, communicative and organizational inclinations in a group of subjects with experience of volunteering, and among respondents who do not have it.

A bibliometric analysis of the problem was carried out in the work, an empirical study was conducted. Thanks to the experiment, it was proved that for young people who are actively involved in volunteering, the level of development of leading personal characteristics based on empathy mechanisms that have certain meaningful life guidelines, clear motivation, expressed organizational and communicative tendencies, revealed significant differences compared with subjects who have never taken part before in volunteering.

The methodological basis of the study was made by the approaches: a systematic, historical-cultural, axiological approach, humanistically oriented. The research methods were theoretical analysis of scientific research; organizational methods; empirical methods: observation, questionnaire, psycho-diagnostic methods; methods of statistical data processing.

Keywords: civic patriotic education; volunteering; volunteer activities; psychological characteristics of personality.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tarasova N.V. Volunteering as an Activity Component of Civil-Patriotic Education of the Younger Generation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 180–199 (In Russ.).

Received 27.05.2020

Accepted 10.06.2020

Published 20.07.2020

Введение

Добровольческая (волонтерская) деятельность молодежи признана Концепцией развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года одной из приоритетных задач гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения. Добровольчество (волонтерство) выступает той формой деятельности, которая подразумевает без-

возмездную реализацию услуг, выполнение различных видов работ, необходимых для эффективного решения насущных социальных проблем. Сфера применения добровольческих навыков весьма разнообразны: начиная от здравоохранения, социальной поддержки населения и заканчивая охраной окружающей среды, предотвращением и устранением последствий чрезвычайных ситуаций. На территории нашего государства развитие и

распространение различных форм добровольчества (волонтерства) причислено к одному из видов ведущих направлений социальной и молодежной политики [1].

Сегодня сами термины «добровольчество» и «волонтерство» трактуются как синонимы. Чаще всего они интерпретируются как одна из разновидностей форм участия граждан в социально значимой деятельности, способ взаимодействия личностей в группе, коллективе и представляют собой результативный способ разрешения острых общественных проблем [2].

Передовой опыт активного участия волонтеров в жизни общества в Европе, Америке, показывает, что добровольчество не только может выступить в виде результативной деятельности по оказанию помощи нуждающимся людям, но и принести значительный материальный вклад в бюджет своей страны [3, с. 4-10].

На территории Российской Федерации такое яркое, активное развивающееся явление, как добровольчество (волонтерство), безусловно, сможет стать единственной формой жизни социума. Добровольчество позволит сформировать и разить верные отправные принципы гражданско-патриотической, духовно-нравственной позиций молодежи.

Обращение к истокам зарождения и становления феномена добровольчества (волонтерства) в России на сегодняшний день будет весьма полезно с точки зрения выбора правильного пути построения и продвижения молодежной политики.

Результаты и обсуждение

Волонтерская деятельность напрямую взаимосвязана с таким общественным феноменом, как благотворительность (меценатство), из которого она собственно и берет свои истоки. Совместные нравственные принципы, построенные на альтруистических началах, сострадании, гуманности, активной гражданской позиции и независимости, представляют собой фундаментальные основы этого феномена. Многие ученые прошлого и со-

временности интересовались природой явления добровольчества (волонтерства).

Сам термин «альtruизм» был введен в научный оборот О.Контом. В дальнейшем данное явление было рассмотрено и дополнено в работах А. Шопенгауэра, В.С. Соловьева, И.В. Гете, Ж.Ж. Руссо, А. Смит, Г.Спенсер, которые изучали добровольчество через призму общечеловеческих отношений, строящихся на смещении приоритетов отдельно взятой личности в пользу общественного сознания [4, с. 11].

Рассмотрение вопроса возникновения и функционирования добровольчества в России проводилось в рамках различных научных направлений: истории (С.М. Соловьев, В.О. Ключевской, М.П. Погодин, Н.М. Карамзин), филологии, культурологии, этнологии (М.М. Громыко, Д.С. Лихачев) [5, с. 12].

Ряд ученых-философов (П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Н.Ф. Федоров, А.С. Хомяков, С.Н. Булгаков) проводили анализ добровольческой деятельности исключительно через религиозную составляющую, основанную на православных традициях: любви к ближнему, терпеливом, сердобольном отношении к окружающим людям, доброте [6, с. 1-23].

В настоящее время рассматриваемые нами термины очень часто употребляются, как синонимы. По своему происхождению «волонтер» от французского «volontaire», появившегося в свою очередь от латинского «voluntarius». Есть и другие модификации данного понятия: английское «volunteer», старославянские «волентир», «волунтер». Весь представленный терминологический ряд по сути своей определяется, как солдат-доброволец [7, с. 31].

Во многих словарях мы встречаем схожие определения. Так, например, волонтер – человек, добровольно вступивший в ряды действующей армии своей страны, добровольно согласившейся идти на военную службу [8, с. 49].

Под волонтером рассматривается человек, который безвозмездно служит на благо своей Родине [8, с. 33].

Доброволец (волонтер) – персона, зачисленная по доброй воле на военную службу (вольнослужащей) и исполняющая обязанности без какого-либо жалования [9, с. 35].

В.И. Даль в своем толковом словаре русского языка, опубликованном впервые в середине XIX века, трактует термин «доброволец», как «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчинолюб, отечественник или отчизник; человек по своему собственному желанию, вступившего в военное время в ряды армии и не имеющего за этого какого-либо жалования» [9, с. 101].

В конце XIX века в энциклопедическом слове под издательством Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана «добровольчество» сливаются с термином «патриотизм», который в свою очередь рассматривается через такие составляющие, как «родственные (кровные) связи между членами племени», «чувство общественной солидарности, совпадающее с чувством семейным». Авторы отмечают, что изначально у человека возник «первичный патриотизм», основанный на кочевом быте племени, рода. При постепенном переходе племен от кочевого к оседлому образу жизни происходило и изменение понимания рассматриваемого понятия. Любовь к «матушке-кормилице» земле, чувство искренней привязанности к родному краю объединяются в духовно-нравственные категории патриотического сознания личности. Естественное чувство любви к своей Родине трансформируется в плоскость роли гражданина и его обязанностей по отношению к своей стране. Патриотизм при этом становится близко связан с областью духовно-нравственных, религиозных отношений: «служба родине была деятельным богослужением, и патриотизм совпадал с благочестием» [10, с. 83].

Т.Ф. Ефремова при описании волонтерской деятельности отмечает, что волонтер – это человек, безусловно, участвующий, прежде всего, в военной службе для блага своей страны, однако он и в мирное время он может осуществлять общественно полезную деятельность на добровольных началах [11, с. 107].

Большая советская энциклопедия, описывая феномен добровольческой деятельности, волонтерства, прежде всего, тоже подчеркивает важность системы комплектования действующей армии государства, основанной на принципе патриотизма и добровольного начала [12, с. 31].

Малый академический словарь под ред. А.П. Евгеньевой анализирует добровольческую деятельность также в военном контексте: участие вольнонаемных лиц в военных баталиях без должного материального содержания [13, с. 31].

В конце XX столетия происходит расширение терминологических рамок феномена добровольчества. Так, например, в толковом словаре современного русского языка мы встречаем его трактовку, где речь идет уже не столько о военной службе, сколько о занятости в благотворительных акциях в самых различных объединениях, союзах [14, с. 107].

Сегодня в России произошли существенные модификации рассматриваемых терминов. Так, можно отметить, что, например, современная трактовка термина «добровольчество» встречается в толковом словаре В.И. Даля. Автор определяет «добровольчество» как избранный, не принужденный вид деятельности, который произведен кем-то по собственной свободной воле [15, с. 107].

В 1917-1991 гг. в нашей стране происходит возврат к пониманию «добровольчество» исключительно через военную принадлежность, как средство пополнения вооруженных сил действующей армии с помощью поступления на военную службу добровольцев [16, с. 107].

С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведова описывают личность добровольца как лица, добровольно занимающегося каким-либо

делом, действующим не по принуждению, а по собственной добреi воле [17, с. 107].

Толковый словарь современного русского языка дает трактовку термина «волонтер» как лицо, добровольно принимающее участие в каком-либо важном непростом, серьезном деле [18, с. 151-152].

Два термина описываются как синонимы в большом юридическом словаре. Доброволец характеризуется, с одной стороны, как человек по собственному желанию вступивший в ряды вооруженных сил, а, с другой, как гражданин своей страны, осуществляющий безвозмездную (благотворительную) деятельность в пользу своего государства [19, с. 535].

С точки зрения социологии доброволец (волонтер) рассматривается как человек, сознательно занимающийся определенным общественно значимым видом деятельности без какого-либо материального вознаграждения [20, с. 26].

Постепенно трактовка «военная служба на добровольных началах» и «общественно полезный труд на благо своей страны» начинают дополнять друг друга при описании данных терминов [21, с. 29].

Н. Абрамова, подвергая анализу термин «волонтер» отмечает, что он является синонимом «доброволец». На первый план выходит желание у таких людей оказаться полезным своей Родине. Автор отмечает, что волонтерами становятся люди из самых разных возрастных категорий, социальных статусов, профессий. Краеугольный камень добровольческой деятельности – глубокое личностное осознание, что в мире существуют глобальные проблемы, решить которые отдельно взятый человек не в состоянии [22, с. 56].

Таким образом, все чаще закрепляется мысль о том, что добровольчество (волонтерство) представляет собой такую форму социально значимой деятельности, которую могут осуществлять как отдель-

но взятые личности с их определенными психологическими характеристиками, так и целые негосударственные некоммерческие организации [23, с. 211].

Подводя итог происхождению и становлению терминов «добровольчество» и «волонтерство» можно отметить, что по своим этимологическим корням они практически идентичны. Однако наш анализ трансформации двух данных понятий позволил выделить значимые различия. Во-первых, мы считаем, что наиболее близок русскому менталитету термин «добровольчество», который по своей этимологии включает в себя два совершенно независимых понятия «Добро» и «Воля». Во-вторых, именно добровольчество позволяет рассмотреть описанные понятия в своей совокупности, найти отражение нравственной стороны деятельности личности, основным критерием которой становится «добрая воля» [24, с. 25-26].

В основе такого яркого феномена, как «добровольчество» нашла свое отражение психологическая составляющая, фундаментальная основа доброй воли: доброта, милосердие, осмысленность выбора жизненной позиции, принятие ответственности, эмпатия. Именно в добровольчестве очень часто происходит раскрытие определенных черт личности, которые не могут реализоваться в обычной жизни. Добровольческая деятельность выступает тем вектором воспитания молодежи, через который у подрастающего поколения происходит становление и развитие самостоятельности, независимости, лидерства, сочувствия, возможности проявить себя в общественно полезном деле на благо своей страны.

Цель нашего исследования – изучение основных характеристик личности современного добровольца.

Гипотеза исследования – уровень выраженности ключевых личностных характеристик (эмпатии, мотивации, смысложизненных и ценностных ориентаций, комму-

никативных и организаторских склонностей) для испытуемых, имеющих опыт добровольческой деятельности, значимо различается в сравнении с респондентами, у которых он отсутствует.

В исследовании приняли участие 138 респондентов: студенты 3 курса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Юго-Западный государственный университет», из них 103 юноши и 35 девушек.

Для данного эмпирического исследования были использованы следующие методики:

1. *Авторская анкета «Ваше отношение к добровольческой деятельности».* Разработанная нами анкета, включает в себя серию вопросов, для изучения мотивации, отношения респондентов к волонтерской деятельности.

2. *Методика оценки коммуникативных и организаторских склонностей личности (КОС-1) (В. Синявский, Б.А. Федоришин)* [25, с. 22-24]. Методика используется для оценки коммуникативных и организаторских склонностей личности. Коммуникативные и организаторские способности являются необходимыми для ряда профессий, связанных с работой с людьми. Кроме того данные склонности личности выступают главенствующим фактором для реализации межличностного взаимодействия, сплочения группы, для проявления лидерских способностей, в умении организовывать и направлять деятельность коллектива.

3. *Опросник оценки уровня развития эмпатийных тенденций (А. Меграбян, Н. Эпштейн)* [26, с. 55-56]. Опросник призван оценить уровень развития эмпатийных тенденций личности. Эмпатия (от греч. Empatheia – сопереживание) – психологическая характеристика личности, связанная со способностью к сопереживанию, сочувствию, умению понять эмоциональное состояние другой личности.

Эмпатия – ключевой элемент ядра коммуникации личности человека. В сфере общения эмпатия способствует соблюдению баланса межличностных отношений, способствует выработке навыков социально обусловленного поведения.

4. *Методика изучения ценностных ориентаций личности (М. Рокича)* [27, с 22-24]. Методика направлена на изучение отношения личности к окружающей действительности: к другим людям, к самому себе, целостному восприятию мира. М. Рокич выделяет два класса ценностей – терминальные и инструментальные. Под терминальными ценностями он рассматривал некую определенную итоговую цель, к которой стремится индивид; инструментальные ценности представляли собой определенный инструментарий для достижения терминальных ценностей. Таким образом, терминальные ценности – это ценности – цели, а инструментальные – ценности – средства [31, с. 30-35]. Под ценностью М. Рокич понимал «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования» [31, с. 34].

5. *Тест «Смысложизненные ориентации (СЖО)» (Д.А. Леонтьев)* [28, с. 5-12]. Тест направлен на изучение жизненных позиций респондентов. В тесте рассматриваются такие субшкалы, как наличие или отсутствие у испытуемых жизненных целей, как долговременных, так и ближайших; полнота восприятия собственной жизни; оценка прожитого временного промежутка и соотношение его с будущими жизненными перспективами; восприятие себя как сильной или слабой личности; возможность влияния, управления своими жизненными процессами.

6. *Опросник «Мотивация помощи» (С.К. Нартова-Бочавер)* [29, с. 26-29]. Опросник направлен на изучение причин

оказания помощи другим людям, выявляются тенденции альтруизма, эгоизма, толерантности.

7. *Методы математической обработки данных с помощью компьютерной программы STATISTICA 8.0. (U – критерий Манна-Уитни)* [30, с. 34-38]. Критерий предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо признака, количественно измеряемого.

Нами было проведено анкетирование с целью выявления отношения респондентов к добровольческой деятельности.

В анкетировании приняли участие студенты третьего курса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Юго-Западный государственный университет» следующих направлений подготовки: 37.03.02 «Конфликтология», 11.03.03 «Конструирование и технология электронных средств», 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника», 15.03.01 «Машиностроение», 18.03.01 «Химическая технология», 39.03.01 «Социология».

Общий объем выборки составил 138 молодых людей в возрасте от 19 до 21 года, из них 103 юноши и 35 девушек.

Данные психологического анкетирования позволяют сделать вывод, что большинство студентов данной выборки, (115 человек – 83,3%) имеют представление о добровольчестве, однако опыт участия в добровольческой деятельности есть только у 43 человек (31,2 %). Весьма смутное представление о добровольчестве и связанной с ним деятельности имеют 23 человека (16,7%).

При этом к добровольчеству, как явлению общественной жизни, весьма необходимому современному обществу, относятся 64 испытуемых (46,4%); скорее положительно – 45 респондентов (32,6%); нейтрально – 29 человек (21,0%).

Большинство испытуемых положительно относятся к деятельности добровольцев – 109 человек (79,1%). Однако при ответе на вопрос анкеты, касающейся желания самому заниматься добровольческой деятельностью, только 36 испытуемых (26,1%) утвердительно ответили на него. Большинство респондентов 79 человек (57,2%) не хотели бы сами заниматься добровольчеством. 23 респондента (16,7%) затруднились ответить на данный вопрос анкеты.

Из представленного списка благотворительных акций, в которых опрошенные студенты хотели и могли бы участвовать, респондентами были выделены такие, как: «помощь детям и подросткам, оставшимся без попечения родителей (в детских домах)» – 89 человек (64,5%); «посадка цветов и деревьев» – 42 испытуемых (30,4%); «организация благотворительных акций» – 40 респондентов (29,1%); «помощь социально незащищенным гражданам (инвалидам, престарелым людям, беженцам, мигрантам и др.)» – 25 человек (18,1%).

Среди испытуемых 11 (8,1%) человек указали свои варианты помощи: «помощь детям, больным раковыми заболеваниями»; «сходить в магазин, что-то купить»; «проведение компьютерных курсов для пожилых людей».

На вопрос о времени, которое готовы потратить испытуемые на добровольческую деятельность, большинство респондентов указали вариант «несколько раз в месяц» – 42 испытуемых (30,4%); вариант «2-3 раза в год» был отмечен 23 респондентами (16,7%); вариант «несколько дней в неделю» был выбран лишь 3 студентами (2,1%). Остальные испытуемые, 70 человек (50,8%) затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, даже несмотря на желание и осведомленность молодого поколения в вопросах добровольчества,

немногие готовы пожертвовать своим личным временем для подобного рода деятельности.

В работе добровольца респондентов привлекают такие критерии, как «возможность самореализации» – 42 испытуемых (30,4%); «вероятность «эффекта бумеранга» (добро возвращается)» – 41 человек (29,7 %); «помощь незащищенным слоям населения» – 29 студентов (21%); «чувство выполненного долга перед обществом» – 23 респондента (16,7 %); «возможность испытать себя» – 17 испытуемых (12,3%).

7 человек (5,1%) выделили свои критерии привлекательности добровольческого движения: «главная жизненная цель», «испытания чувства гордости за себя, свои поступки», «выработка жизненного опыта», «все перечисленное», «желание хоть чем-нибудь помочь».

От активного участия в добровольческой деятельности респондентов отталкивают: «коррупция в данной сфере» – 45 человек (32,6%); «безвозвездный характер работы» – 29 студентов (21%); «контакт с различными слоями населения (инвалиды, пенсионеры, бомжи и т. д.)» – 28 респондентов (20,3%); «неблагодарная и никому не нужная деятельность» – 19 испытуемых (13,8%); «затратно по времени» – 11 человек (8,1%); «отсутствие поддержки государства» – 11 человек (8,1%).

15 человек (10,1%) выделили свои собственные критерии, характеризующие негативное отношение к добровольческой деятельности. Среди данных критериев были отмечены такие, как «недостатка времени при современном темпе жизни»; «добровольчеством преимущественно занимаются бедные слои населения»; «трудности с информированием потенциальных добровольцев о проводимых акциях».

Подавляющее количество испытуемых – 117 человек (84,8%) не представляют, в каких источниках можно найти подробную информацию о добровольчестве. 11 респондентами (8,1%) были названы такие информационные источники, как интернет и СМИ. 115 человек (83,3%) считает, что информация о добровольчестве не достаточно освещена или не освещена в СМИ. Варианты «очень подробно», «достаточно подробно» выбрали лишь 23 респондента (16,7%).

На вопрос о том, как можно привлечь молодежь к добровольческой деятельности были предложены такие варианты: «создание единого интернет портала, посвященного российскому добровольчеству»; «поощрение государством наиболее выдающихся добровольцев»; «освещение деятельности добровольческих организаций в СМИ»; «открытость информации о возможности участия в различных мероприятиях, носящих добровольный характер».

Таким образом, исходя из полученных данных, нами были выделены две группы респондентов и даны их сравнительные характеристики. Группа 1 – респонденты-добровольцы, группа 2 – испытуемые, не имеющие опыта добровольческой деятельности.

В первую группу вошли 43 человека, имеющих опыт добровольческой деятельности, во вторую – 95 испытуемых, у которых таковой отсутствует.

С целью оценки коммуникативных и организаторских склонностей личности нами была использована методика (КОС-1) (В. Синявский, Б.А. Федоришин) в каждой выделенной группе.

Результаты оценки коммуникативных склонностей личности представлены на рис. 1.

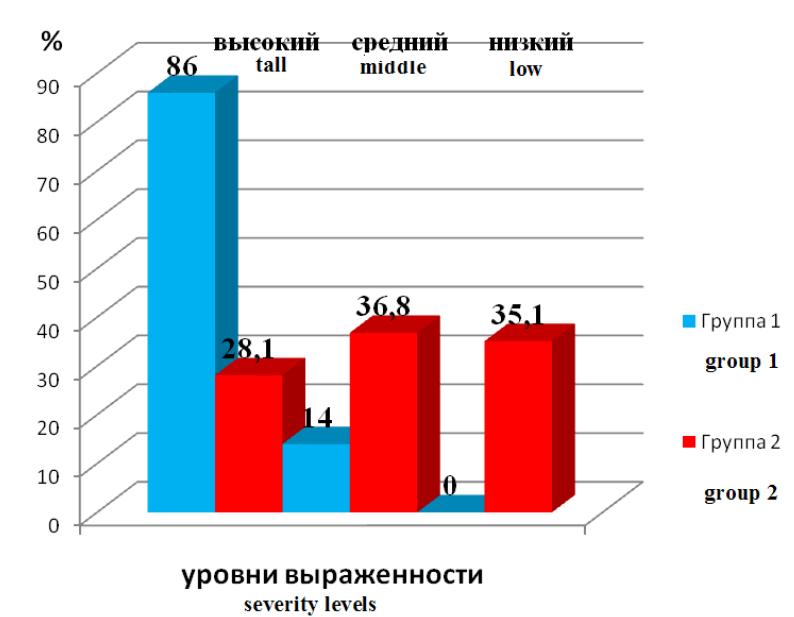

Рис. 1. Соотношение результатов оценки коммуникативных склонностей личности

Fig. 1. Correlation of the results of assessing the communicative tendencies of the individual

Таким образом, у большинства студентов, 37 человек (86,0%) первой группы был установлен высокий уровень коммуникативных склонностей. Для испытуемых с такими показателями присущи такие характеристики, как инициативность в коммуникативной сфере, быстрая адаптация в новой группе незнакомых людей, большой круг знакомых, умение брать на себя ответственность и вести за собой в непредвиденных обстоятельствах. Высокий уровень коммуникативных склонностей отражает способность человека осуществлять коммуникативный процесс без особых затруднений, легко налаживать новые контакты, заводить новых друзей, идти на контакт, строить процесс общения грамотно и корректно. Обычно в таких людях другие видят прекрасного собеседника, готового оказать помощь.

Однако для респондентов из данной категории не выявлена высокая устойчивость всех перечисленных качеств. Для 6 человек (14,0%) из первой группы выявлен средний уровень коммуникативных склонностей. Данный критерий свиде-

тельствует о том, что для данных студентов характерно присутствие навыков общения с новыми незнакомыми людьми, респонденты способны заявлять свои интересы, высказывать собственную жизненную позицию, отстаивать свое мнение. У 27 испытуемых (28,1%) из второй группы установлен высокий уровень развития коммуникативных склонностей и навыков, средний уровень – для 35 испытуемых (36,8%), низкий – для 33 опрошенных (35,1%).

Низкий уровень коммуникативных склонностей присущ людям с ярко выраженным индивидуальными характеристиками личности, для них характерен небольшой круг друзей, данные люди любят побывать в одиночестве, наедине со своими чувствами и мыслями. Необходимость принимать решения в непривычных условиях, действовать не по шаблонам, а креативно, быстро для них является огромным стрессовым фактором.

Результаты оценки организаторских склонностей личности представлены на рис. 2.

Рис. 2. Соотношение результатов оценки организаторских склонностей личности

Fig. 2. Correlation of the results of assessing the organizational inclinations of the individual

Высокий уровень организаторских склонностей выявлен у 41 респондента (95,3%) из первой группы. Высокий уровень организаторских склонностей характерен для лиц инициативных и деятельных. Они легко решают задачи группы, обладают даром убеждения, способны отстоять свою точку зрения, принять важное решение и нести за него ответственность, проявляют критичность как к другим, так и к самому себе, требовательны и выдержаны.

Средний уровень организаторских склонностей был установлен у 2 человек (4,7%). Для них присуще умение организовать, прежде всего, себя, и окружающих для принятия решений, чаще всего в критических, экстремальных ситуациях. В обычной жизни такие люди предоставляют право принятия решений другим. Для большинства студентов, вошедших во вторую группу, характерен низкий уровень развития организаторских склонностей – 78 человек (82,1%). Для низкого уровня характерно отсутствие внутренней собранности личности, неумение и нежелание брать ответствен-

ность за себя и свои поступки в обыденной жизни. Средний уровень организаторских склонностей выявлен у 13 респондентов (13,7%), высокий – у 4 человек (4,2%).

Таким образом, давая характеристику коммуникативных и организаторских склонностей личности испытуемых, можно отметить, что для большинства респондентов, имеющих опыт добровольческой деятельности, превалирует высокий уровень выраженности коммуникативных и организаторских склонностей, в то время, как для студентов, вошедших во вторую группу нашего психологического исследования, наблюдается большой разброс в оценках результатов коммуникативных склонностей и для подавляющего большинства респондентов наблюдается низкий уровень выраженности организаторских склонностей личности.

Для оценки уровня развития эмпатийных тенденций был использован опросник А. Меграбян, Н. Эпштейна. Полученные результаты наглядно представлены на рис. 3.

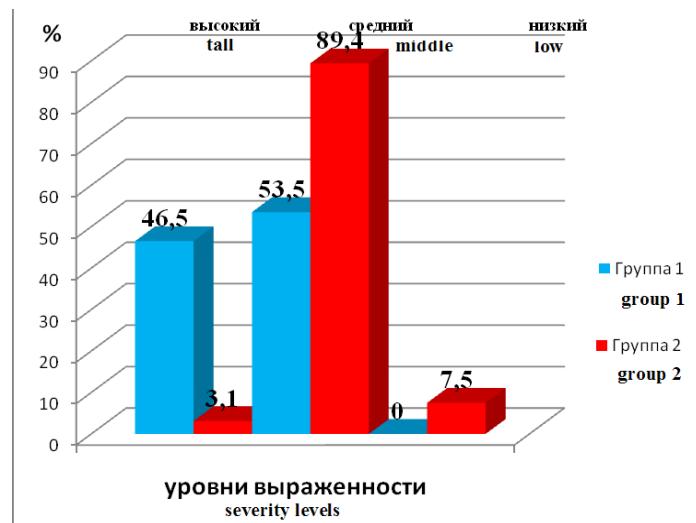

Рис. 3. Соотношение результатов оценки уровня развития эмпатийных тенденций

Fig. 3. Correlation of the results of assessing the level of development of empathic tendencies

Для 20 респондентов (46,5%) первой группы характерен высокий уровень развития эмпатийных тенденций, для 23 человек (53,5%) – средний уровень. Для большинства студентов, 85 человек (89,4%) из второй группы был установлен средний уровень развития эмпатии, высокий уровень был выявлен у 3 респондентов (3,1%), а низкий уровень у 7 человек (7,5%). Необходимо помнить, что именно

эмпатийные тенденции личности являются одним из ведущих факторов успешности коммуникации. Эмпатия (от греч. *empatheia* – «сопереживание») – отождествление переживаний самого человека с эмоциональной сферой другой личности.

Ценностные ориентации личности были изучены с помощью методики М. Рокича (табл. 1) [31, с. 30-35].

Таблица 1. Терминальные и инструментальные ценности (методика М. Рокича)

Table 1. Terminal and instrumental values (M. Rokich's method)

Терминальные ценности	Инструментальные ценности
1. Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	1. Аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке вещи, четкость в ведении дел)
2. Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые благодаря жизненному опыту)	2. Воспитанность (хорошие манеры, умение вести себя в соответствии с нормами культуры поведения)
3. Здоровье (физическое и психическое)	3. Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)
4. Интересная работа	4. Жизнерадостность (оптимизм, чувство юмора)
5. Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	5. Исполнительность (дисциплинированность)

Окончание табл. 1

Table 1. (ended)

Терминальные ценности	Инструментальные ценности
6. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	6. Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)
7. Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных проблем)	7. Непримиримость к недостаткам в себе и других
8. Наличие хороших и верных друзей	8. Образованность (широта знаний, высокий культурный уровень)
9. Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, коллег)	9. Ответственность (чувство долга, умение держать свое слово)
10. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	10. Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)
11. Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	11. Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)
12. Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	12. Смелость в отстаивании своего мнения
13. Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	13. Чуткость (заботливость)
14. Счастливая семейная жизнь	14. Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)
15. Счастье других (благосостояние, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	15. Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)
16. Творчество (возможность заниматься творчеством)	16. Твердая воля (умение настаивать на своем, не отступать перед трудностями)
17. Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	17. Честность (правдивость, искренность)
18. Удовольствия (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей, развлечения)	18. Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)

Ценностные ориентации личности студентов, имеющих опыт добровольческой деятельности, и для респондентов, у которых он отсутствует, были изучены с помощью методики М. Рокича

Полученные данные представлены в табл. 2-3.

Таблица 2. Иерархия терминальных и инструментальных ценностей студентов первой группы

Table 2. Hierarchy of terminal and instrumental values of students of the first group

Терминальные ценности			Инструментальные ценности		
№ ценности	Средний ранг	Групповой ранг	№ ценности	Средний ранг	Групповой ранг
8	3,8	1	6	5,1	1
6	4,5	2	4	5,5	2
13	6,1	3	2	5,6	3
4	6,7	4	16	6,9	4
3	7,0	5	17	7,1	5
14	7,3	6	10	7,8	6
1	7,7	7	9	8,2	7
10	9,3	8	8	8,6	8
12	9,7	9	13	8,9	9
7	10,0	10	18	9,1	10
11	10,0	11	12	10,3	11
2	10,3	12	1	10,7	12
17	10,3	13	11	11,0	13
9	10,7	14	14	11,0	14
18	11,7	15	15	12,3	15
5	14,0	16	7	13,3	16
15	15,7	17	5	15,0	17
16	16,7	18	3	16,0	18

Таким образом, студенты первой группы выделяют из терминальных ценностей такие, как наличие хороших и верных друзей; любовь (духовная и физическая близость с любым человеком); свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках); интересная работа; здоровье (физическое и психическое).

Из инструментальных ценностей респондентами-добровольцами выделены такие, как независимость (способность действовать самостоятельно, решительно); жизнерадостность (чувство юмора); воспитанность (хорошие манеры); твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями); честность (правдивость, искренность).

Таблица 3. Иерархия терминальных и инструментальных ценностей студентов второй группы**Table 3.** Hierarchy of terminal and instrumental values of students of the second group

Терминальные ценности			Инструментальные ценности		
№ ценности	Средний ранг	Групповой ранг	№ ценности	Средний ранг	Групповой ранг
3	3,8	1	2	5,1	1
8	4,5	2	8	5,5	2
6	6,1	3	9	5,6	3
1	6,7	4	1	6,9	4
2	7,0	5	6	7,1	5
14	7,3	6	10	7,8	6
13	7,7	7	4	8,2	7
12	9,3	8	5	8,6	8
7	9,7	9	12	8,9	9
4	10,0	10	18	9,1	10
11	10,0	11	17	10,3	11
17	10,3	12	14	10,7	12
10	10,3	13	11	11,0	13
16	10,7	14	16	11,0	14
9	11,7	15	3	12,3	15
18	14,0	16	7	13,3	16
5	15,7	17	13	15,0	17
15	16,7	18	15	16,0	18

Для респондентов второй группы по убыванию значимости были установлены такие ценности-цели, как психическое и физическое здоровье; присутствие в жизни настоящих друзей; любовь; эмоционально насыщенная жизнь; наличие жизненного опыта.

Из ценностей-средств для опрошенных из второй группы были выделены: умение себя вести в обществе; уровень образования; ответственность; добросовестность и пунктуальность; способность самостоятельно принимать решения.

Используя тестовую методику «Смысложизненные ориентации», нами были даны существенные характеристики ответов испытуемых из двух групп выборки

в соответствии с пятью субшкалами: цели в жизни; процесс жизни; результативность жизни; локус контроля—Я; локус контроля—жизнь.

У респондентов, вошедших в первую группу, был отмечен высокий уровень по шкалам «Цели в жизни», «Локус контроля—Я», «Процесс жизни» (95,3%, 88,4%, 76,7% соответственно). Результативность жизни, воспринимаемая на уровне выше среднего, была отмечена 76,7 % испытуемых. Возможность контролировать свою жизнь подтверждают только 19 испытуемых (44,2%).

Полученные данные наглядно представлены на рис. 4.

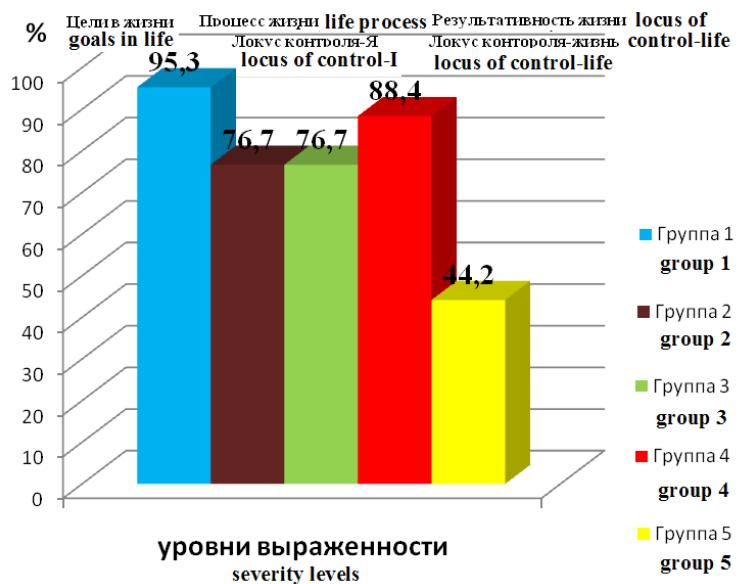

Рис. 4. Результаты оценки смысложизненных ориентаций личности в первой группе испытуемых

Fig. 4. The results of assessing the life-meaning orientations of the personality in the first group of subjects

В ходе анализа полученных эмпирических данных респондентов было установлено, что по каждой из пяти шкал ответы находятся в пределах нормального распределения данных: 72,4%, 75,9%, 62,1%, 82,7%, 51,7% соответственно. Однако стоит отметить, что только 34,7% испытуемых выделяют у себя такую характеристику, как умение осуществлять

контроль своей собственной жизни; 6,9% опрошенных могут говорить о себе, как о сильной свободной личности, которая сама может определять свою жизненную траекторию; 17,2% респондентов недовольны своей жизнью в настоящее время.

Полученные эмпирические результаты представлены на рис. 5.

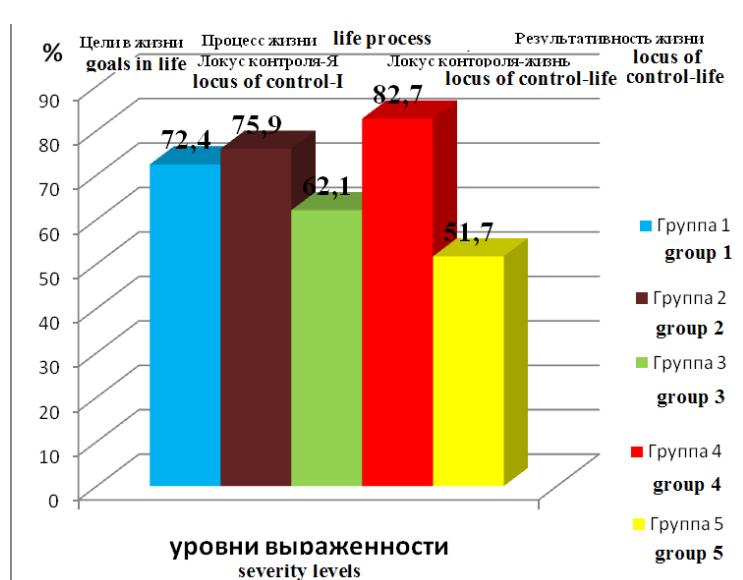

Рис. 5. Результаты оценки смысложизненных ориентаций личности во второй группе респондентов

Fig. 5. The results of assessing the life-meaning orientations of the personality in the second group of Respondents

С помощью опросника «Мотивация помощи», разработанного С.К. Нартовой-Бочавер, были проанализированы основные компоненты системы отношений человека к нуждам других людей, проявления уровня развития эмпатийных тенденций.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные позволили сделать вывод, что высокий уровень развития мотивационной составляющей личности, связанный с оказанием помощи нуждающимся, активном участии в благотворительных акциях установлен у 41 опрошенного (95,3%) из первой группы и у 9 испытуемых (9,5%) из второй группы.

Жизненная позиция, основанная на безразличии к трудностям в жизни посторонних людей, оказание различного рода помощи только при непосредственном обращении выявлена у 2 испытуемых (4,7%) из первой группы и у 62 студентов (65,3%) из второй.

Мотивы, в основе которых лежит уклонение, отсутствие желания помочь окружающим людям, завуалированные весовыми обстоятельствами, характерны для 24 респондентов (25,2%) из второй группы.

Полученные эмпирические данные представлены на рис. 6.

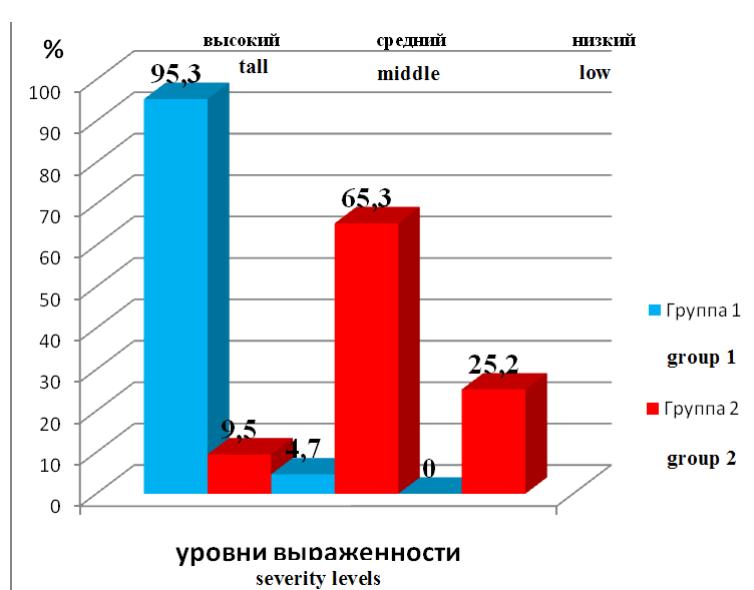

Рис. 6. Соотношение результатов оценки уровня развития мотивации личности

Fig. 6. The ratio of the results of assessing the level of development of personal motivation

Для установления значимости различий в полученных эмпирическим путем данных нами был применен такой метод математической обработки, как U – критерий Манна-Уитни метод математической обработки данных с помощью компьютерной программы STATISTICA 8.0. (U – критерий Манна-Уитни).

Достоверные различия, при значении $U_{эмп.} \leq U_{кр.}$, были обнаружены у респондентов из первой и второй групп при анализе их организаторских склонностей ($U_{эмп.} = (26*20) + 20*(20+1)/2 - 650,5 = 79,5$,

при $U_{кр.} = 185$ ($p \leq 0,05$), 154 ($p \leq 0,01$)); уровня развития эмпатии ($U_{эмп.} = (24*20) + 20*(20+1)/2 - 631,5 = 58,5$, при $U_{кр.} = 169$ ($p \leq 0,05$), 140 ($p \leq 0,01$); смысложизненных ориентаций (шкалы «Цели в жизни», «Результативная жизнь», «Локус контроля-жизнь») ($U_{эмп.} = (24*26) + 26*(26+1)/2 - 673,5 = 301,5$, при $U_{кр.} = 226$ ($p \leq 0,05$), 191 ($p \leq 0,01$)); мотивации оказания помощи ($U_{эмп.} = (26*20) + 20*(20+1)/2 - 650,5 = 520$, при $U_{кр.} = 185$ ($p \leq 0,05$), 154 ($p \leq 0,01$)).

Выходы

Таким образом, вопросы гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения всегда были в центре внимания ученых в различные исторические периоды. Современными педагогами отмечается социокультурная и общественно-государственная значимость патриотического воспитания молодежи, подчеркивается единство гражданского и патриотического воспитания.

Проведя сопоставительный анализ научных педагогических исследований современных ученых, рассматривающих данную проблему, были выделены ключевые факторы патриотического воспитания личности: смещение жизненных приоритетов от материального начала в сторону духовности; обладание знанием своих культурно-исторических корней; умение любить и ценить свою малую Родину. Безусловно, представленные критерии стоит рассматривать в гармоничном единстве, с точки зрения взаимодополнения и взаимовлияния друг на друга.

Добровольчество, по нашему мнению, следует рассматривать, как социально-психологический феномен, обладающий высоким педагогическим, нравственно-воспитательным потенциалом, в процессе формирования гражданско-па-

тиотического воспитания, социальной ответственности и активности у молодежи, как один из действенных способов развития самого гражданского общества.

Нами было проведено психологическое эмпирическое исследование ключевых характеристик личности, присущих добровольцу. Полученные данные позволяют говорить о том, что была подтверждена выдвинутая нами гипотеза с точки зрения значимых различий ряда рассмотренных показателей. Так уровень выраженности ключевых личностных характеристик (эмпатии, мотивации, смысложизненных ориентаций, организаторских склонностей) для испытуемых, имеющих опыт добровольческой деятельности, значительно отличается в сравнении с респондентами, у которых он отсутствует.

Эмпирическим путем доказано, что для людей, занимающихся добровольческой деятельностью, уровень развития ключевых характеристик личности, связанных с пониманием чувств других людей, умением сопереживать окружающим, имеющим определенные смысложизненные ориентиры, четкую мотивацию, яркие организаторские склонности находится на высоком уровне и значительно отличается от уровня развития для респондентов, никогда не принимавших участия в добровольчестве.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039562/> (дата обращения 08.04.2020).
2. Всеобщая декларация добровольчества. URL: <http://www.social.jaba.ru/facture/declaration> (дата обращения 13.04.2020).
3. Крылов А., Барковец О. Благотворительность не игра, а серьезная работа... // Российская благотворительность в зеркале СМИ. М., 2006. № 5. С. 4-10.
4. Джуринский А.Н. История образования и педагогической мысли. М.: Гуманитарное издательство «Владос», 2003. 400 с.
5. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции. М.: Изд-во Московского Университета, 2006. 34 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. 2 т. С. 31.

7. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 466.
8. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, со значением их корней. М.: Издание книгопродавца А.И. Манухина, 1865. 718 с.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М.: Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. С. 35.
10. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880. С. 101.
11. Энциклопедический словарь / госиздатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург); под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевска. СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1890-1907. 558 с.
12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С.107.
13. Большая советская энциклопедия / Государственный институт «Советская энциклопедия»; гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 22. С. 794.
14. Малый академический словарь: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1985–1988. 2 т. 736 с.
15. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Астрель: АСТ, 2001. С. 151-152.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: ТОО «Диамант», 1996. 1 т.
17. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров [и др.]; гл. ред. С.М. Ковалев. М.: Советская Энциклопедия, 1980. 1600 с.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
19. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА, 1999. С. 535.
20. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15000 словарных статей. М.: РУССО, 2002. С. 26.
21. Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка. М.: Эксмо, 2005. 480 с.
22. Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999. 638 с.
23. Большой толковый словарь официальных терминов: более 8000 терминов. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 211.
24. Сикорская Л.Е. Педагогический потенциал добровольческой деятельности в социализации студенческой молодежи: дис. ... д-ра. пед. наук. М., 2011. 421 с.
25. Столяренко Л.Д. Психология. СПб.: Лидер, 2005. 592 с.
26. Психологические тесты: в 2 т. / под ред. А.А. Карелина. М: Владос, 2000. Т.1. 312 с.
27. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб.: Питер, 2005. 351 с.
28. Андреева Г.М. Социальная психология. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2002. 313 с.
29. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. 2-е изд. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 352 с.
30. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2010. 350 с.
31. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 108-118.

32. Рокич М. Методика «ценностные ориентации» // Энциклопедия психологических тестов. Личность, мотивация, потребность. М.: Изд-во «АСТ», 1997. С. 57-62.

References

1. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 27 dekabrya 2018 g. № 2950-r "Ob utverzhdenii Konsepcii razvitiya dobrovol'chestva (volonterstva) v RF do 2025 g."* [Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2018 No. 2950-r On approval of the Concept for the development of volunteering (volunteering) in the Russian Federation until 2025] (In Russ.). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039562/> (accessed 04.08.2020).
2. *Vseobshchaya deklaraciya dobrovol'chestva* [Universal Declaration of Volunteering] (In Russ.). Available at: <http://www.social.jaba.ru/facture/declaration> (accessed 13.04.2020).
3. Krylov A., Barkovets O. [Charity is not a game, but serious work ...]. Rossijskaya blagotvoritel'nost' v zerkale SMI [Russian charity in the mirror of the media]. Moscow, 2006, no. 5, pp. 4-10 (In Russ.)
4. Dzhurinsky A.N. *Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli* [History of education and pedagogical thought]. Moscow, Vlados Publ., 2003, 400 p. (In Russ.)
5. Kudrinskaya L.A. *Dobrovol'cheskij trud: opyt teoretycheskoj rekonstrukcii* [Volunteer work: experience of theoretical reconstruction]. Moscow; Moscow University Publ., 2006, 34 p. (In Russ.)
6. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Progress Publ., 1986, vol. 2. pp. 31 (In Russ.)
7. Popov M. *Polnyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkom yazyke* [Complete dictionary of foreign words that have come into use in the Russian language]. Moscow, 1911, p. 466 (In Russ.)
8. Michelson A.D. *Ob"yasnenie 25000 inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkij yazyk, so znacheniem ih kornej* [An explanation of the 25,000 foreign words that have come into use in the Russian language, with the meaning of their roots]. Moscow, 1865. 718 p. (In Russ.)
9. Chudinov A.N. *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. Moscow, 1894. P. 35 (In Russ.)
10. Dal V.I. *Illyustrirovannyj tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Illustrated Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, 1880. P. 101 (In Russ.)
11. *Enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, Semenovskaya Tipo-Lithography Publ., 1890-1907. 558 p. (In Russ.)
12. Efremova T.F. *Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [The new dictionary of the Russian language. Interpretative and derivational]. Moscow, 2000. P. 107 (In Russ.)
13. *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1935, vol. 22, p. 794 (In Russ.)
14. *Malyj akademicheskij slovar'* [Small Academic Dictionary]; ed. by A.P. Evgenieva. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1985-1988. 736 p. (In Russ.)
15. *Tolkovyj slovar' sovremennoj russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya konca XX stoletiya* [Explanatory dictionary of the modern Russian language. Language changes at the end of the twentieth century]; ed by G.N. Sklyarevskaya. Moscow, Astrel: AST Publ., 2001, p. 151-152 (In Russ.)
16. Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. St. Petersburg, Diamond LLP Publ., 1996, 1 vol. (In Russ.)

17. *Sovetskij enciklopedicheskij slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1980. 160 p. (In Russ.)
18. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (In Russ.)
19. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Large legal dictionary]; ed. by A. Ya. Sukharev, V.D. Zorkin, V.E. Krutsky. Moscow, INFRA Publ., 1999. P. 535. (In Russ.)
20. Kravchenko S.A. *Sociologicheskij enciklopedicheskij anglo-russkij slovar'*. *Bolee 15000 slovarnyh statej* [Sociological Encyclopedic English-Russian Dictionary. Over 15,000 entries]. Moscow, RUSSO Publ., 2002, pp. 26 (In Russ.)
21. Gorbachevich K.S. *Slovar' sinonimov russkogo jazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 480 p. (In Russ.)
22. Abramov N.A. [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]. Moscow, Russian dictionaries Publ., 1999. 638 p. (In Russ.)
23. *Bol'shoj tolkovyj slovar' ofisial'nyh terminov: bolee 8000 terminov* [A large explanatory dictionary of official terms: more than 8000 terms]. Moscow, Astrel: AST Publ., 2004. P. 211 (In Russ.)
24. Sikorska L.E. *Pedagogicheskij potencial dobrovol'cheskoj deyatel'nosti v socializacii studencheskoy molodezhi*. Diss. dokt. ped. nauk [The pedagogical potential of volunteerism in the socialization of student youth. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 2011. 421 p. (In Russ.)
25. Stolyarenko L.D. *Psihologiya* [Psychology]. St. Petersburg, Leader, 2005. 592 p. (In Russ.)
26. *Psihologicheskie testy* [Psychological tests]; ed. by A.A. Karelina. Moscow, Vlados Publ., 2000, vol. 1, 312 p. (In Russ.)
27. Burlachuk L.F. *Psihodiagnostika* [Psychodiagnostics]. St. Petersburg, Peter Publ., 2005. 351 p. (In Russ.)
28. Andreeva G.M. *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. Moscow, 2002. 331 p. (In Russ.)
29. Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Moscow, Voronezh, 1997. 352 p. (In Russ.)
30. Sidorenko E.V. *Metody matematicheskoy obrabotki v psihologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg, Speech Publ., 2010. 350 p. (In Russ.)
31. Maslow A. [Self-actualization]. *Psihologiya lichnosti. Teksty* [Psychology of personality. Texts]. Moscow; Moscow State University Publ., 1982, pp. 108-118 (In Russ.)
32. Rokich M. [Method «value orientations»]. *Enciklopediya psihologicheskikh testov. Lichnost', motivaciya, potrebnost'* [Encyclopedia of psychological tests. Personality, motivation, need]. Moscow, ACT Publ., 1997, pp. 57-62 (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Тарасова Надежда Владимировна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры коммуникологии и психологии, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация
e-mail: nadia-79@bk.ru

Nadezhda V. Tarasova, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Communology and Psychology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: nadia-79@bk.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 372.8

Увеличение объема входящей информации об изучаемом языке как один из основных факторов успешности его изучения**С. С. Польская¹, Е. М. Кирсанова²✉**

¹Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (МГИМО)
проспект Вернадского 76, г. Москва 119415, Российская Федерация

²Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
ул. Остоженка 38, г. Москва 119034, Российская Федерация

✉ e-mail: elena.kirсанова@mail.ru

Резюме

Влияние входящей информации как ключевого фактора успешного овладения иностранным языком нуждается в системном методическом осмыслиннии. Среди многочисленных факторов, оказывающих влияние на эффективность результатов изучения иностранного языка, именно входящая информация об этом языке играет наиболее важную роль, приобретая особое значение в том случае, если изучение того или иного иностранного языка осуществляется в образовательной среде, независимо от уровня знания этого языка. Подвергаясь влиянию входящей информации на регулярной основе, обучаемые начинают строить тесную взаимосвязь между лингвистическими характеристиками изучаемого языка и различными контекстами, в которых они встречаются. Цель описанного в статье эксперимента – выяснить, как увеличение объема входящей информации влияет на скорость и качество владения иностранным языком и существует ли разница в ее восприятии разновозрастными обучаемыми. В рамках эксперимента с помощью анкетирования были выявлены различные источники входящей информации как для групп младшего возраста, так и для групп старшего возраста, такие как онлайн-ресурсы, чтение литературы на изучаемом языке или общение с носителями языка. После анкетирования объем вышеуказанной информации был целенаправленно увеличен для экспериментальных групп, участвовавших в исследовании. В течение нескольких месяцев экспериментальные группы получали больший объем входящей информации, который превышал ее обычный объем до начала эксперимента. В завершение исследования в данных группах было проведено письменное тестирование, результаты которого сравнивались с показателями письменного тестирования контрольных групп. Выдвинутые нами в рамках эксперимента гипотезы в отношении тесной взаимосвязи между увеличением количества входящей информации и эффективностью освоения иностранного языка, а также отсутствия значительных отличий процесса усвоения этой информации между обучаемыми младшего школьного возраста и взрослыми обучаемыми, получили свое подтверждение в процессе анализа результатов эксперимента. Таким образом, увеличение объема такой информации продемонстрировало определенный методический эффект, при этом отличий в ее усвоении выявлено не было.

Ключевые слова: входящая информация об изучаемом языке; гипотеза входящей информации; освоение иностранного языка; обучающая среда.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Польская С. С., Кирсанова Е. М. Увеличение объема входящей информации об изучаемом языке как один из основных факторов успешности его изучения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 200–208.

Статья поступила в редакцию 16.04.2020

Статья подписана в печать 22.05.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Польская С. С., Кирсанова Е. М., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика /Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 200–208

Increasing Input Information Volume as one of the Major Factors of Successful Foreign Language Acquisition

Svetlana S. Polskaya¹, Elena M. Kirsanova²

¹Moscow State Linggistic University
76, Vernadskogo Pr. Moscow 119415, Russian Federation

²Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign Ministry (MGIMO)
Ostozenka str. 38, Moscow 119034, Russian Federation

 e-mail: elena.kirsanova@mail.ru

Abstract

The effect of input information as a key factor of successful foreign language acquisition requires systematic methodological comprehension. Among numerous factors influencing the efficacy of mastering a foreign language, input information plays a particular role, obtaining specific importance in case language acquisition occurs in educational setting, irrespective of the learners' proficiency level. Being exposed to input information on a regular basis, learners begin to build closer relationship between linguistic features of the language to be studied and different contexts in which these features can be found. The aim of the experiment described in the article is to reveal how the increased volume of input information affects pace and quality of a foreign language learning and if there is a certain difference between its perception by learners of various age. With the help of questionnaires, we revealed various sources of input information such as online resources, literature in the target language, communication with native speakers etc. After analyzing these data, the input information volume was intentionally increased for experimental groups participating in the experiment. Within several months, experimental groups received an increased volume of input information, exceeding its volume before the experiment. The latter was finalized by a lexical grammatical written test the results of which were compared with the results of the control groups. The hypotheses we put forward within this study, namely, close relationship between the increased input information volume and language acquisition efficiency as well as similarity between the way this input information is processed by younger learners and adult learners were confirmed after the results of the experiment were analyzed. Thus, the increased input information volume demonstrated a certain methodological effect while showing no particular differences in its processing.

Key words: input information; input information hypothesis; foreign language acquisition; educational environment.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kirsanova E. M., Polskaya S. S. Increasing Input Information Volume as one of the Major Factors of Successful Foreign Language Acquisition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 200–208 (In Russ.).

Received 16.04.2020

Accepted 22.05.2020

Published 20.07.2020

Введение

Существует ряд причин, препятствующих успешному освоению иностранного языка, в особенности, если процесс изучения происходит не в естественных, а в образовательных условиях. Одни исследователи, поддерживающие распространенный стереотип «чем раньше – тем лучше», полагают, что только раннее начало изучения иностранного языка мо-

жет помочь достичь желаемого уровня знания [9, 3, 10]. Другие подчеркивают важность методического инструментария, применение которого помогает достичь ощутимых результатов [1]. При этом сам феномен «входящей информации» (input information) не находит должного научного осмысливания. Что мы подразумеваем под данным термином? Это любая информация о структурах изучаемого язы-

ка, которые могут быть использованы в целях конструирования лингвистических знаний. Несмотря на значительное количество существующих сегодня источников входящей информации, ее методическое применение, по нашему мнению, недооценено.

Кроме того, многие исследователи полагают, что «обучаемые старшего возраста воспринимают и обрабатывают входящую информацию менее эффективно по сравнению с теми, кто младше их» (перевод наш) [19]. Недостаточное количество эмпирических данных о структуре и восприятии входящей информации ставит нас перед необходимостью ее углубленного исследования.

Проведенный нами экспериментставил целью определить, сможет ли увеличение объема входящей информации в рамках образовательной среды сделать освоение иностранного языка более эффективным для обучаемых младшего возраста, а также для взрослых. Посредством опроса участников мы выяснили, что основным источником входящей информации для всех участников в эксперименте являлось непосредственно само занятие иностранным, в нашем случае – английским, языком. В одной группе из каждой возрастной категории этот объем был увеличен на 25%, в то время как для контрольной группы в каждой категории он оставался неизменным. Продолжительность эксперимента составила три месяца, по истечении которых результаты групп были оценены посредством лексико-грамматического теста, при этом идентичный тест был проведен до начала эксперимента.

Гипотезу входящей информации выдвинул американский лингвист С. Крэшн (Krashen) как часть своей общей теории освоения второго языка. По мнению С. Крэшена, самое важное условие освоения второго (иностранный) языка – это усвоение входящей информации об этом языке, получаемой посредством чтения или прослушивания, при этом она долж-

на содержать языковые структуры, уровень сложности которых несколько выше уровня языковой подготовки обучаемого [7]. Важно, чтобы информация находилась в пределах возможности восприятия, то есть быть «не слишком трудной (не $i+2$), но в то же время не слишком простой (не $i+0$)» (перевод наш) [7].

Исследователь был уверен, что как только обучаемые накопят достаточное количество входящей информации, они смогут свободно использовать иностранный язык для коммуникации. Большинство исследователей поддержали идеи С. Крэшена. Например, М. Гасс (Gass), описывая природу входящей информации и различные стадии ее трансформации, подчеркивает важность ее влияния на образовательную среду, в которой происходит использование языка (перевод наш) [5]. Работы других исследователей также рассматривают входящую информацию в качестве важнейшей составляющей процесса освоения иностранного языка (перевод наш) [15]. Однако, несмотря на признание, гипотеза С. Крэшена подвергалась и подвергается критике. Например, Б. Маклафлин (McLaughlin) указывал, что С. Крэшн «никогда должным образом не уточнял созданный им же термин «доступная входящая информация» (comprehensible input) (перевод наш) [12]. Ряд исследователей выражают мнение, что «из-за размытости самого термина невозможно определить, какое именно ее количество является достаточным» (перевод наш) [10]. К. Грэгг (Gregg) также указывает на неточность терминов «доступная входящая информация» и «освоение» (иностранный языка) (перевод наш) [6].

Эксперимент целенаправленно включал группы разного возраста: средний возраст групп 1 и 1а составил 8 лет, а средний возраст групп 2 и 2а – 26 лет. Опираясь на гипотезу критического периода (critical period hypothesis), значительное количество исследователей полагает, что успешное освоение иностранного языка возможно лишь в том случае,

если оно происходит до окончания раннего пубертатного периода [9, 16, 13].

Особый интерес для нашего исследования представляет предположение, что после определенного возраста обучаемые не могут должным образом усваивать и обрабатывать входящую информацию об иностранном языке в силу целого ряда причин: формирующиеся структуры мозга подвергаются определенным изменениям, что делает невозможным полноценное ее понимание [9].

Также ученые отмечают и существенные отличия в подаче входящей информации: некоторые утверждают, что дети получают более структурированную и лингвистически менее сложную входящую информацию за счет ее предварительной адаптации и использования менее сложных источников (перевод наш) [3], другие исследователи (например, тот же С. Крэшен) предполагают, что речь, адресованная изучающим язык во взрослом возрасте, также может быть модифицирована в соответствии с их языковым уровнем и, таким образом, может служить значительной методической опорой (перевод наш) [8].

Исследователи, не поддерживающие гипотезу критического периода (critical period hypothesis), соответственно, не находят возрастных различий в усвоении входящей информации: ряд проведенных экспериментов показал более быстрые темпы освоения морфологии и синтаксиса у обучаемых в возрасте старше 16 лет [3, 2]. Более поздний эксперимент, проведенный М. Урпонен (Urporen), продемонстрировал, что 38% из ста участвовавших в эксперименте женщин выполнили тесты совершенно идентично участникам контрольной группы носителей языка [18].

Таким образом, нами были выдвинуты две гипотезы: гипотеза 1 – увеличение объема входящей информации способствует более эффективному освоению иностранного языка; гипотеза 2 – не существует существенных различий в ее

восприятии и обработке между обучаемыми детского и взрослого возраста.

Основная часть

В эксперименте участвовали 4 группы, по две группы в каждой возрастной категории (группы 1 и 1а – средний возраст 8 лет) и группы 2 и 2а – средний возраст 26 лет), при этом группы 1а и 2а из каждой категории являлись контрольными группами.

Группы 1 /1а состояли из учащихся московской школы (средний возраст - 8 лет), участники групп 2 и 2а – из молодых людей и девушек (средний возраст - 26 лет), посещающие курсы английского языка. Общее количество - 55 (15 и 14 чел. в группах 1 и 1а и 14 и 12 чел. в группах 2 и 2а).

Основной независимой переменной эксперимента является объем входящей информации, который был целенаправленно увеличен на 25% в группах 1 и 2 каждой возрастной категории для сравнения результатов участников до и после эксперимента. Обработка полученных данных осуществлялась посредством количественного метода. Первый этап эксперимента включал получение информации об источниках входящей информации и идентификацию наиболее важных источников входящей информации посредством заполнения анкет. Также участникам был предъявлен лексико-грамматический тест (Тест 1), результаты которого сравнивались с результатами Теста 2 по окончании эксперимента.

Анализ анкет показал следующие результаты распределения источников входящей информации по важности:

В группах 1 /1 а - аудиторная работа – 60%, Интернет – 25%, мультфильмы, сериалы, фильмы, книги на английском языке -8%, общение с носителями языка – 7%.

В группах 2/2а - аудиторная работа – 72%, Интернет – 14%, фильмы, сериалы, книги – 10%, общение с носителями языка – 4%.

Второй этап эксперимента включал целенаправленное увеличение объема входящей информации для групп 1 и 2 в каждой возрастной категории во время аудиторных занятий без увеличения количества или протяженности последних. Для контрольных групп (1а и 2 а) увеличения входящей информации не предусматривалось.

Каким именно образом был увеличен объем входящей информации? Было сокращено время, традиционно отводимое на объяснение лексико-грамматического материала и его отработку при помощи различных упражнений. Это не означает, что исходящие от преподавателя объяснения были полностью исключены из структуры занятия. Был лишь изменен формат подачи данного материала: традиционная парадигма «объяснение - практическая отработка» была заменена предъявлением аутентичного материала (чаще всего – видеоматериала (для группы 1 – небольшие эпизоды оригинальных фильмов для детей/мультфильмов, для группы 2 – отрывки из фильмов для взрослых, презентаций на платформе Ted Talks, иногда – подкасты разнообразного содержания), включающего то или иное грамматическое или лексическое явление, подлежащее изучению. При этом обучающие были активно вовлечены в данный процесс, осуществляя выполнение предлагаемых заданий таким образом, чтобы внешние стимулы и внутренняя система обучающихся взаимодействовали.

Наконец, третий этап эксперимента должен был определить, имели ли место позитивные изменения знаний обучаемых групп с увеличенным объемом входящей информации.

Результаты и обсуждение

Анализ анкет дал нам четкую картину того, какие именно источники входящей информации являются наиболее важными для всех участников эксперимента: ответы явно демонстрируют то,

что самым значительным источником информации для обеих возрастных категорий является работа в аудитории. Показатели других источников оказались гораздо ниже.

Таким образом, мы можем предполагать, что именно работа в аудитории, речь преподавателя и используемые материалы становятся определенным «фундаментом», на который надстраивается все входящая информация. И именно от преподавателя, его языковой компетенции, способности обеспечивать качественный и количественный отбор необходимой информации будет зависеть форма ее представления. Однако исследователи справедливо указывают в этом отношении, что «даже если традиционное обучение иностранному языку и носит эффективный характер, оптимальные цели не могут быть достигнуты, потому что в образовательных условиях объем входящей информации по умолчанию ограничен» (перевод наш)» [14]. Почему же обучающие не могут эффективно усваивать входящую информацию вне пределов образовательной среды? Вероятно, здесь имеет место психологического рода ограничение, когда при изучении иностранного языка в образовательной среде обучающие сознательно сводят получение такой информации только к аудиторной работе.

Интернет в качестве источника входящей информации составил лишь 25% и 14% для групп 1/1а и 2/2а соответственно. Из полученных данных мы видим, что участники эксперимента младшего возраста (группы 1 и 1а) более активно использовали Интернет в качестве источника входящей информации по сравнению с группами более старшего возраста (25 и 14 % соответственно). Количество тех, кто получал входящую информацию об изучаемом языке из англоязычных книг, фильмов, сериалов, мультфильмов было сходным (8 и 10 % соответственно). Очевидно, что младшая возрастная категория

делает это чаще в силу наличия большего объема свободного времени по сравнению со взрослыми.

В категории «общение с носителями языка», участники эксперимента младшего возраста составили в этом отношении 7%, в то время как лишь 4 % взрослых вступали в общение подобного рода. Следует признать определенное ограничение в отношении данного вывода ввиду не

слишком значительного количества участников.

После данного 25%-ного увеличения объема входящей информации, которое длилось в течение трех месяцев, мы сравнили полученные результаты Теста 2 с результатами Теста 1, при этом проводя параллельное сравнение между экспериментальными группами и контрольными группами:

Таблица. Среднее количество ошибок, совершенных экспериментальными группами и контрольными группами до и после эксперимента

Table. Social advertising to improve children's literacy in the fight against coronavirus

Группа/Тест	Тест 1 (грамматика/количество ошибок) (из 100 возможных баллов)	Тест 1 (вocabulary/количество ошибок)	Тест 2 (грамматика)	Тест 2 (вocabulary)
Группа 1	43	36	21	25
Группа 1а	41	37	38	32
Группа 2	47	52	20	19
Группа 2а	49	48	37	41

Из таблицы мы видим, как изменились количественные показатели ошибок: для группы 1 количество грамматических ошибок уменьшилось практически вдвое (с 43 до 21), а количество ошибок в отношении словарного запаса снизилось почти на 30%. У взрослых (группа 2) мы видим еще более значительное уменьшение (более чем в 2 раза – грамматические ошибки и троекратное уменьшение лексических ошибок). Контрольные группы (1а и 2а) также продемонстрировали улучшение уровня, впрочем, не слишком значительное: например, у младшего возраста количество грамматических ошибок снизилось с 41 до 38.

Выводы

Полученные результаты дают основания предполагать, что структурированное увеличение объема входящей инфор-

мации может привести к качественному улучшению владением иностранным языком при экономии временного ресурса в аудитории. Более того, полученные результаты также противоречат идеи о том, что взрослые усваивают входящую информацию хуже, чем дети. Таким образом, помимо возраста, необходимо также принимать во внимание и другие, не менее значимые индикаторы успешности/отсутствия успешности в изучении иностранного языка, это, прежде всего, – специфика воздействия этой информации, языковой опыт, мотивация. Взрослые группы не продемонстрировали снижения эффективности в усвоении входящей информации. Более того, в качестве компенсации они эффективно использовали способность к анализу, синтезу, а также экстенсивный языковой опыт.

В заключение подчеркнем еще раз, что в каком бы возрасте не происходило обучение иностранному языку, достаточный и грамотно структурированный объ-

ем доступной входящей информации об этом языке будет положительным образом сказываться на скорости и качестве его освоения.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Динамика умственного развития школьника в связи с обучением // Антология гуманной педагогики. М., 1996. С. 135-154.
2. Ekstrand L. Age and length of residence as variables related to the adjustment of migrant children, with special reference to second language learning // Proceedings of the Fourth International Congress of Applied Linguistics, 1976. Vol. 3. P. 179-197.
3. Ervin-Tripp S. Is second language learning like the first? // TESOL Quarterly. 1974. Vol. 8 (№2). P. 111-127.
4. Gardner R. C. Social psychology and second language learning: the role of attitudes and motivation. Edward Arnold publishers. 1995. 71 p.
5. Gass S. M. Input, Interaction and Second Language Learner. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associate Publishers, 1997.
6. Gregg K.R. Krashen's Monitor and Occam's razor // Applied Linguistics. 1984. № 5. P. 79-100.
7. Krashen S. Second language acquisition and second language learning. Pergamon, 1981. 82 p.
8. Krashen S. The Input Hypothesis: Issues and Implications. London: Longman, 1985. 120 p.
9. Lenneberg E. Biological foundations of the language. New York: Wiley, 1967. 102 p.
10. Long M. Problems in Second Language Acquisition. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 2007. 319 p.
11. McLaughlin B., Rossman T., McLeod B. Second language learning: an information-processing perspective // Language Learning. 1983. № 33. P. 135-158.
12. McLaughlin B. Theories of second language learning. London: Edward Arnold, 1987. 201 p
13. Mitchell R. & Myles F. Second Language Learning theory (2nd edition). London: Arnold, 2004. 102 p.
14. Munoz C. On how age affects foreign language learning/ Advance in Research on Language and Teaching: Selected Papers, 2008. P. 39-50.
15. Piske T. & M. Young-Scholten (Edi). Input Matters in second language acquisition. Bristol: Multilingual Matters., 2009.
16. Scovel T. A time to speak: a psycholinguistic inquiry into the critical period for human speech, Rowley, MA: Newbury House, 1988. 172 p.
17. Sun Y. Input processing in Second Language Acquisition: a Discussion of Four Input Processing Models. Working papers in TESOL & Applied Linguistics, Vol. 8 # 1, 2008
18. Urponen M.L. Ultimate attainment in post-puberty second language acquisition. Unpublished doctoral dissertation. Boston University, 2004. 82 p.

19. Vanhove J. The Critical Period Hypothesis in Second Language Acquisition: a statistical critique and a reanalysis. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/articles.com>. 2013, Access date: September 02'2018

References

1. Vygotsky L.S. *Antologiya gumannoj pedologii* [Dynamics of a schoolchildren mental development in connectin with studying] [Anthology of humanistic pedagogy]. Moscow, 1996, pp. 135-154 (In Russ.)
2. Ekstrand L. Age and length of residence as variables related to the adjustment of migrant children, with special reference to second language learning. *Proceedings of the Fourth International Congress of Applied Linguistics*, 1976, vol. 3, pp. 179-197.
3. Ervin-Tripp S. Is second language learning like the first? *TESOL Quarterly*, 1974, vol. 8 (№2), pp. 111-127.
4. Gardner R. C. Social psychology and second language learning: the role of attitudes and motivation. Edward Arnold publishers, 1995. 71 p.
5. Gass S. M. Input, Interaction and Second Language Learner. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associate Publishers, 1997.
6. Gregg K.R. Krashen's Monitor and Occam's razor. *Applied Linguistics*, 1984, no. 5, pp. 79-100.
7. Krashen S. Second language acquisition and second language learning. Pergamon, 1981. 82 p.
8. Krashen S. The Input Hypothesis: Issues and Implications. London, Longman, 1985. 120 p.
9. Lenneberg E. Biological foundations of the language. New York, Wiley, 1967. 102 p.
10. Long M. Problems in Second Language Acquisition. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 2007. 319 p.
11. McLaughlin B., Rossman T., McLeod B. Second language learning: an information-processing perspective. *Language Learning*, 1983, no. 33, pp. 135-158.
12. McLaughlin B. Theories of second language learning. 1987. London: Edward Arnold, 1987. 201 p.
13. Mitchell R. & Myles F. Second Language Learning theory (2nd edition). London, Arnold, 2004. 102 p.
14. Munoz C. On how age affects foreign language learning. Advance in Research on Language and Teaching: Selected Papers, 2008, pp. 39-50.
15. Piske T. & M. Young-Scholten (Edi). Input Matters in second language acquisition. Bristol, Multilingual Matters, 2009.
16. Scovel T. A time to speak: a psycholinguistic inquiry into the critical period for human speech, Rowley, MA: Newbury House, 1988. pp. 172.
17. Sun Y. Input processing in Second Language Acquisition: a Discussion of Four Input Processing Models. Working papers in TESOL & Applied Linguistics, Vol. 8 # 1, 2008.
18. Urponen M.L. Ultimate attainment in post-puberty second language acquisition. Unpublished doctoral dissertation. Boston University, 2004. pp. 82.

19. Vanhove J. The Critical Period Hypothesis in Second Language Acquisition: a statistical critique and a reanalysis. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/articles.com>. 2013 (access 02.09.2018)

Информация об авторах / Information about the Authors

Польская Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 4 факультета прикладной экономики и коммерции Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (МГИМО), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: Polskaya7@gmail.com

Кирсанова Елена Митрофановна, кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: elena.kirсанова@mail.ru

Svetlana S. Polskaya, PhD, Associate Professor of the Department of the English language # 4, Faculty of Applied Economics and Commerce, Moscow State Institute of International Relations (University) (MGIMO), Moscow Russian Federation
e-mail: polskaya7@gmail.com

Elena M. Kirsanova, Candidate Philological Sciences, Associate Professor, Head of Department of English Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: elena.kirсанова@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PSYCHOLOGY

Оригинальная статья/Original article

УДК 316.624.3-053.6

Особенности взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы

Л.Н. Молчанова¹ , А.В. Фомина^{1,2}, А.А. Прокофьев¹

¹Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса 3, г. Курск 305000, Российская Федерация

²Областное казенное общеобразовательное учреждение "Курская школа-интернат № 3" г. Курска
ул. Смородиновая 2, корпус 4, г. Курск 305046, Российская Федерация

 e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Резюме

Современное состояние проблемы буллинга среди обучающихся средней и высшей школы свидетельствует о том, что внимание исследователей преимущественно сосредоточено на подростках и гендерных особенностях его проявления. Исследование половозрастных особенностей и личностного профиля склонных к буллингу школьников и студентов по-прежнему остается мало изученной, но достаточно актуальной проблемой. Это объясняется тем, что пол и возраст, личностные особенности школьников и студентов могут выступать как причинами, так и следствиями психологической травли в образовательной среде и могут оказать влияние на успешность профessionализации. В этой связи целью исследования явилось изучение особенностей взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы. В нем приняли участие 20 школьников в возрасте 15-16 лет, обучающихся в муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении «Лицей №21» (г. Курска), и 41 студент в возрасте 17-19 лет Курского государственного медицинского университета. Для сбора данных использовали наблюдение и беседу, а также стандартизированные методики для диагностики риска буллинга и структуры личности, а для обработки результатов – компьютерные методы математико-статистического анализа. Эмпирически доказано существование взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся. Общее и специфическое во взаимосвязях можно рассматривать как мишени и как личностный ресурс профилактико-коррекционной работы с прогнозируемым буллингом. Специфическое, реализуемое в критичности мышления, спокойствии и рассудительности школьников способствует принятию статусно-ролевых различий, усиливает возможность конструктивного диалога и защищает от риска травли. Активное стремление студентов к достижению поставленных целей, организаторские и лидерские качества снижают уровень агрессивных установок в общении, а спокойствие и рассудительность способствуют стабилизации межличностных отношений и повышают уровень статусно-ролевой определенности.

Ключевые слова: личностные качества; риск буллинга; взаимосвязи; обучающиеся средней и высшей школы; школьники; студенты.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Молчанова Л. Н., Фомина А. В., Прокофьев А. А. Особенности взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 209–225.

Статья поступила в редакцию 12.05.2020 Статья подписана в печать 29.05.2020 Статья опубликована 20.07.2020

© Молчанова Л. Н., Фомина А. В., Прокофьев А. А., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика / Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 209–225

Features of Relationships of Personal Qualities and Risk of Bullying Among Students Secondary and Higher School

Lyudmila N. Molchanova¹ , Anastasia V. Fomina^{1,2}, Anastasia A. Prokofieva¹

¹Kursk State Medical University

3 K. Marx str., Kursk 305000, Russian Federation

²Regional state educational institution "Kursk boarding school No.3"

2 Smorodinovaya str., building 4, Kursk 305046, Russian Federation

 e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

Abstract

The current state of the problem of bullying among students in secondary and higher school indicates that the attention of researchers is mainly focused on adolescents and the gender characteristics of its manifestation. The study of bullying among students, age and gender characteristics of its manifestations, as well as personal profile inclined to bullied students of secondary and higher school is still poorly understood, but the actual problem. This is due to the fact that gender and age, personal characteristics of pupils and students can act as the causes and consequences of psychological harassment in the educational environment and can affect the success of professionalisation. In this regard, the study of the relationship of personal qualities and the risk of bullying among students in secondary and higher education was the research aim. 20 schoolchildren aged 15-16 years studying in the municipal budgetary educational institution "Lyceum No. 21" (Kursk), and 41 students aged 17-19 years old, Kursk State Medical University took part in it. Observation and conversation, as well as standardized techniques for diagnosing the risk of bullying and personality patterns were used to collect data. Computer methods of mathematical and statistical analysis were used to process results. The relationship of personal qualities and the risk of bullying among students have been proven empirically. The general and specific in the relationships can be considered as targets and as a personal resource for preventive and corrective work with predicted bullying. Specific, implemented in the criticality of thinking, calmness and judiciousness of schoolchildren contribute to the adoption of status and role differences, enhances the possibility of constructive dialogue and protects against the risk of bullying. The students' active desire to achieve their goals, organizational and leadership qualities reduce the level of aggressive attitudes in communication, and peace and prudence contribute to the stabilization of interpersonal relationships and increase the level of status and role certainty.

Keywords: personal qualities; bullying risk; relationships; students in secondary and higher school; schoolchildren; students.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Molchanova L.N., Fomina A.V., Prokofieva A.A. Features of Relationships of Personal Qualities and Risk of Bullying Among Students Secondary and Higher School. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 209–225 (In Russ.).

Received 12.05.2020

Accepted 29.05.2020

Published 20.07.2020

Введение

Современное состояние проблемы буллинга среди обучающихся средней и высшей школы свидетельствует о том, что внимание исследователей преимущественно сосредоточено на подростках и гендерных особенностях его проявления [1, 2, 3, 4, 5]. На это указывают и резуль-

таты библиометрического анализа публикационной активности отечественных ученых, проведенного с использованием электронной библиотеки Elibrary.ru за последние десять лет (с 2010 г. по 2020 г.) по запросам «буллинг подростков» (268 публикаций) и «гендерные особенности буллинга» (16 публикаций из 34219415 штук) (рис. 1-4).

Рис. 1. Распределение публикаций по тематическим рубрикам по запросу "буллинг подростков"

Fig. 1. Distribution of publications by thematic headings at the request "bullying teenagers"

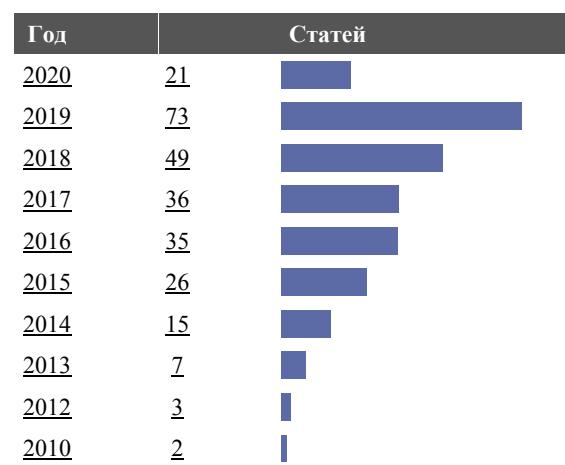

Рис. 2. Распределение публикаций по годам по запросу "буллинг подростков"

Fig. 2. Distribution of publications by year at the request "teen bullying"

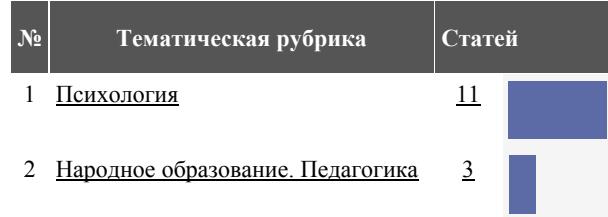

Рис.3. Распределение публикаций по тематическим рубрикам по запросу "гендерные особенности буллинга"

Fig. 3. Distribution of publications by thematic headings at the request "gender characteristics of bullying"

Рис. 4. Распределение публикаций по годам по запросу "гендерные особенности буллинга"

Fig. 4. Distribution of publications by year at the request "gender characteristics of bullying"

Особенности подросткового возраста различны для представителей обоих полов. Для лиц мужского пола выделяют следующие характерные черты: злость и агрессия, снижение порога страха, повышенное внимание к своей внешности, самостоятельность, стремление к взрослой

жизни, усиление эмоциональных реакций, влечеие к противоположному полу. У девочек подросткового возраста выделяют следующие признаки: желание быть похожими на подруг, потребность привлечь внимание, перепады настроения, самостоятельность, желание испытать пе-

рвую любовь. Подростковый возраст является наиболее сложным для буллинга. Лица мужского пола чаще проявляют роль агрессора в образовательной среде и исполняют ее в открытой форме, что обусловлено психофизиологическими особенностями развития мужского организма в период подросткового возраста. Девушкам же присуща скрытая форма проявления агрессивного поведения, манипулирование окружающими, высмеивание, распространение ложной информации, оскорблечение и бойкоты.

По данным исследования, проведенного в 2014 г. в Тульском государственном университете им Л.Н. Толстого, 56% лиц мужского пола имеют повышенный уровень агрессии. У лиц женского пола этот уровень падает до 33%. Чем старше становятся девушки, тем уровень агрессии снижается. У юношей этот уровень уменьшается незначительно. К причинам проявления агрессии у мальчиков относят желание самоутвердиться, чувство неполноценности, у девочек – желание выделяться, инфантильность, эгоцентризм [2].

Долгое время как в образовательной среде, так и среди родителей считалось, что травля присуща только лицам мужского пола. Однако за последнее время ситуация изменилась. Девушки все чаще используют агрессивную форму поведения, что говорит о важности изучения проблемы буллинга через призму гендерного аспекта [3].

В исследовании Ю.В. Обуховой и В.О. Гурьевой представлены гендерные особенности взаимосвязей между выраженностью виктимного поведения и самооценкой личностных качеств учащихся 10-11 лет, а также особенности образа жертвы буллинга у школьников с разной степенью выраженности виктимного поведения [1].

Независимо от пола у подростков доминирует агрессивный и гиперсociальный тип виктимного поведения. Также у подростков женского пола диагно-

стированы низкий уровень коммуникативных способностей и самоконтроля агрессии, тревожности, адекватности оценки угрожающей ситуации. У подростков мужского пола с повышением выраженности виктимности выявлено снижение самооценки, ответственности, сдержанности и тревожности. Следует отметить, что в зависимости от выраженности виктимного поведения подростков образы жертвы буллинга у мальчиков и девочек различны [1]. Так, виктимные девочки, в сравнении с невиктимными, считали себя впечатлительными, общительными и настойчивыми и не относили с категорией жертвы буллинга, в описании образа которой редко использовали эмоциональные характеристики. Виктимные необщительные мальчики оценивали себя как неуверенных и недипломатичных и в описании образа жертвы буллинга чаще употребляли статусные характеристики и национальную принадлежность. Невиктимные общительные мальчики в образе жертвы буллинга игнорировали ее волевые и выделяли статусные и интеллектуальные качества [1].

В исследовании гендерных особенностей буллинга у подростков, проведенном К.С. Шалагиновой, Т.И. Куликовой, С. А. Залыгаевой (2019), представлены различия в формах его проявления у мальчиков и девочек. Так буллинг подростков-девочек в большей степени эмоционально насыщен и разрушителен, а буллинг подростков-мальчиков связан с борьбой за власть [4].

По данным опроса, полученным психологами во время его проведения в 2019 году, девочки становятся чаще жертвами буллинга, чем мальчики. При этом число жертв прямого буллинга во всем мире по полу примерно одинаковое [5].

Исследование буллинга среди студентов, половозрастных особенностей его проявления, а также личностного профиля склонных к буллингу школьников и студентов по-прежнему остается мало

изученной проблемой, но достаточно актуальной [6, 7]. Это также обеспечивается результатами библиометрического анализа по ключевым запросам «буллинг студентов» (рис. 5, 6), «половозрастные

Рис. 5. Распределение публикаций по тематическим рубрикам по запросу у "буллинг студентов"
Fig. 5. Distribution of publications by subject headings at the request of "bullying students"

особенности буллинга» (рис.7, 8) и «взаимосвязи личностных качеств и буллинга» (2 публикации из 34219415 шт. имеющихся) (рис. 9, 10).

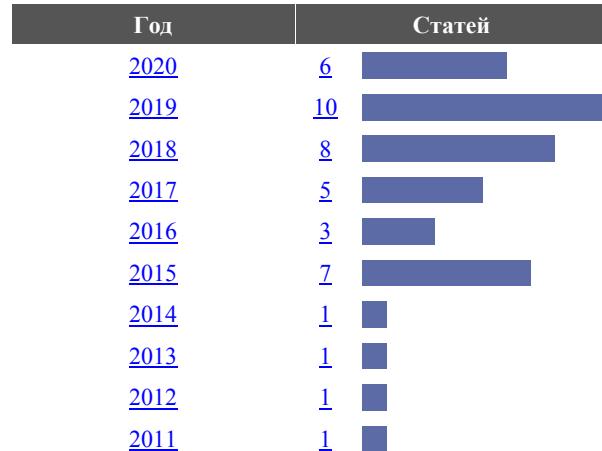

Рис. 6. Распределение публикаций по годам по запросу "буллинг студентов"
Fig. 6. Distribution of publications by year at the request of "bullying students"

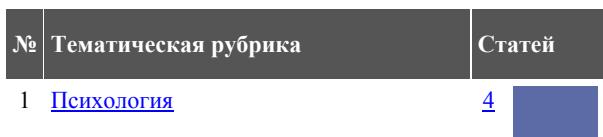

Рис. 7. Распределение публикаций по тематическим рубрикам по запросу "половозрастные особенности буллинга"
Fig. 7. Distribution of publications by thematic headings at the request "age and sex characteristics of bullying"

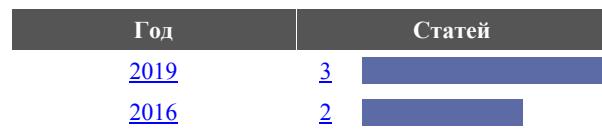

Рис. 8. Распределение публикаций по годам по запросу "половозрастные особенности буллинга"
Fig. 8. Distribution of publications by year at the request "age and sex characteristics of bullying"

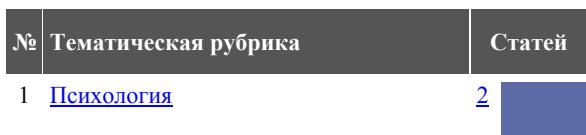

Рис. 9. Распределение публикаций по тематическим рубрикам по запросу "взаимосвязи личностных качеств и буллинга"
Fig. 9. Distribution of publications by thematic headings at the request "the relationship of personality characteristics and bullying"

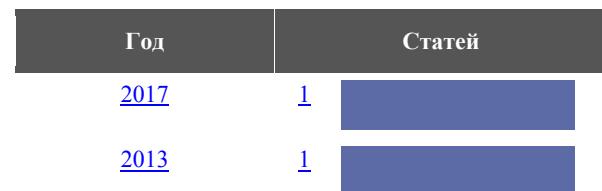

Рис. 10. Распределение публикаций по годам по запросу "взаимосвязи личностных качеств и буллинга"
Fig. 10. Distribution of publications by year at the request "the relationship between personality characteristics and bullying"

Как видно из рисунков 5-10, количество научных статей, посвященных изучению буллинга среди студентов (43 публикации) и половозрастным особенно-

стям его проявлений (5 публикаций) из 34219415 шт. имеющихся, незначительно. О взаимосвязях личностных качеств и буллинга среди обучающихся выявлено

наличие всего лишь двух публикаций. Наибольшее количество публикаций приходится на 2019-2020 гг. Все они вошли в тематическую рубрику «Психология».

Так в исследовании личностных особенностей подростков, участвующих в буллинге, проведенном Н.А. Лужбиной, О.С. Гуровой, Д.А. Подручной, С.С. Даренских (2019), было установлено, что риск его возникновения увеличивается благодаря высокому уровню агрессивности большинства подростков и использованию ими в конфликтных ситуациях неконструктивных стратегий поведения [6].

Исследование половозрастных дентерминант риска буллинга в образовательной среде, проведенное К.С. Шалагиновой, Т.И. Куликовой, С.А. Залыгаевой (2019), позволило выявить основные личностные особенности и особенности поведения в конфликтах, статусно-ролевые позиции школьников в ситуации прогнозируемого буллинга, а также обозначить мишени профилактической работы [7]. Среди младших школьников в «группу риска» вошли дети, занимающие статусные позиции «звезд», «отвергнутых» и «непринятых» в классе. У «звезд» диагностированы тревожность, демонстративность и склонность проявлять агрессию, а у «отвергнутых» и «непринятых» – тревожность и низкая самооценка, эмоциональность. Среди старшеклассников «группу риска» составили учащиеся с социометрическим статусом «звезд» и «предпочитаемых», склонных к роли «преследователя» и соперничеству, имеющих повышенную агрессивность, низкий уровень эмпатии, личностной и коммуникативной толерантности. Старшеклассники, предрасположенные к роли «жертвы», обладают низким уровнем агрессивности, толерантности и эмпатии, избегают конфликтных ситуаций и имеют социальный статус «отвергнутых» [7].

Изучению факторов риска буллинга (индивидуально-личностных, половозрастных, контекстуальных, ситуационно-временных, проблем со здоровьем), а также

взаимосвязей между личностными качествами и различными формами буллинга среди школьников и студентов посвящены и зарубежные исследования [8, 9, 10, 11, 12].

Исследование буллинга среди студентов медицинских и немедицинских факультетов Саудовской Аравии (А.А. Al-Mulhim, M. Nasir; A. AlThukair, M. Al-Nasser, J. Pikard, S. Ahmer, M. Ayub, A. Elmadih, F. Naeem, 2018) засвидетельствовало следующие результаты. У студентов выявлены взаимосвязи между частотой проявлений буллинга и тревогой, депрессией. Почти половина респондентов во время получения медицинского образования испытывали влияние буллинга, виктимизации или другие домогательства, среди которых наиболее распространенными формами издевательств были словесные оскорбления и чрезмерное давление. При этом студенты немедицинских специальностей (одинокие молодые женщины) в большей степени испытывали буллинг, нежели студенты-медицини. Число студентов-медиков, подвергшихся сексуальным домогательствам, было выше, а физическому насилию – ниже в сравнении со студентами немедицинских специальностей [8].

Исследование (S. Pengpid, K. Peltzer, 2019) демонстрирует наличие взаимосвязи между различными формами издевательств над подростками из стран Юго-Восточной Азии (Индонезии, Лаоса, Филиппин, Таиланда и Тимора-Лешти), проблемами их физического здоровья и психосоциального статуса, расширяет научные представления о проблеме булинга не только в странах с высоким уровнем дохода. Общий объем выборки составил 33 184 человек, средний возраст 14,6 лет. Полученные результаты доказывают, что виктимизация связана с употреблением подростками табака, алкоголя и наркотиков, физическим насилием, травмами, прогулами, одиночеством, суициальными идеями, попыткой самоубийства, отсутствием близких друзей, недостаточным или избыточным весом. Среди раз-

личных форм издевательств наиболее распространенным является психологическое насилие (13,5%) [11].

Результаты исследования связи между такими факторами риска буллинга у 64670 обучающихся (из них 50,3% женщин; 48,8% белых; 25,7% афроамериканцев из 107 средних и высших школ штата Мэриленд), как состояние здоровья (астма, ожирение и избыточный вес) молодежи и такими переменными, связанными со здоровьем, как физическая активность, здоровое питание, проблемы со сном, и издевательствами, представлены в работе Т.Е. Waasdorp, К.Р. Mehari, A.J. Milam, C.P. Bradshaw (2019). Выявлено, что у тучной молодежи больше шансов стать жертвой или преследователем. Молодые люди, страдающие астмой, с большей вероятностью становятся жертвами, в том числе в результате киберзапугивания. Проблемы со сном постоянно ассоциируются с причастностью к буллингу, с более высокой вероятностью быть жертвой или преследователем в реальном или виртуальном пространстве. Напротив, здоровое потребление пищи связано со значительно более низкими шансами на запугивание, а физическая активность – со значительно более низкими шансами стать жертвой [12].

Исследование Martinez Ramon, Juan Pedro; Ruiz Esteban, Cecilia; Mendez Mateo, Inmaculada (2019) содержит анализ демографических переменных, а также временных (во время групповой работы, в классе или в другое время) и ситуационных (в классе или вне класса) факторов буллинга среди студентов университета и других учебных заведений на юго-востоке Испании. Обнаружено, что жертвами буллинга (35,4% женщин и 26,7% мужчин) являлись студенты четвертого курса, а прямая агрессия имела место даже во время обучения (3,3% у мужчин и 1,1% у женщин), а также за пределами класса и во время групповой работы [10].

В исследовании K. Kosir, L. Klasinc, T. Spes (2020) индивидуальных и контекстуальных предикторов виктимизации и

буллинга подростков пол признан наиболее последовательным предиктором как виктимизации, так и буллинга со стороны сверстников. Другими общими предикторами виктимизации и запугивания выступили высокий уровень интернализации и экстернализации гнева и предполагаемая поддержка со стороны сверстников и учителей, более молодой возраст и более низкие академические достижения, меньшее количество дружеских отношений [9].

В этой связи все вышеизложенное определило **цель** настоящего **исследования** – изучение особенностей взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы.

В качестве объекта исследования рассматривали риск буллинга, а предмета – особенности взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование осуществлялось в 2020 г. на базах муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лицей №21» (г. Курска) и ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России с использованием опросника риска буллинга (ОРБ) (А. А. Бочавер, В.Б. Кузнецовой, Е.М. Бианки, П.В. Дмитриевского, М. А. Завалишиной, Н. А. Капорской, К.Д. Хломова, 2015) [1] и психодиагностического теста (ПДТ) В. Мельникова, Л. Ямпольского [4]. Общий объем выборки составил 61 человек. Из них 20 школьников в возрасте 15-16 лет (14 человек женского и 6 мужского пола) и 41 студент в возрасте 17-19 лет (30 девушек и 11 юношей). Для математико-статистической обработки полученных результатов использовали компьютерные методы описательной и сравнительной (U-критерий Манна-Уитни) статистики, а также корреляционный (r-Спирмена) анализ («Statistica 11.0»).

Результаты и обсуждение

Диагностика риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы проводилась с помощью опросника риска буллинга (ОРБ) [13].

Вне зависимости от пола, у школьников по шкале «Благополучие» выявлены низкие значения показателей (у девушек: $\bar{X}_{ср.} \pm \sigma = 5,71 \pm 1,14$; у юношей: $\bar{X}_{ср.} \pm \sigma = 5,50 \pm 1,05$) (табл. 1).

Таблица 1. Средние значения показателей риска буллинга и значимость различий у школьников в зависимости от пола (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U_{эмп.}^* \leq U_{кр.}$)

Table 1. Average values of bullying risk indicators and the significance of differences in schoolchildren depending on gender (Mann-Whitney U-test, $p \leq 0.05$; $U_{эмп.}^* \leq U_{кр.}$)

№ п\п	Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
		Женский (1) (n=14 чел.)		Мужской (2) (n=6 чел.)			
		$X_{ср.} \pm \sigma_x$	каче- ствен- ный	$X_{ср.} \pm \sigma_x$	каче- ствен- ный	$U_{эмп.}$	p
1	Небезопасность	$9,14 \pm 3,11$	средний	$9,00 \pm 4,05$	средний	40,00	0,868
2	Благополучие	$5,71 \pm 1,14$	низкий	$5,50 \pm 1,05$	низкий	36,00	0,605
3	Разобщённость	$2,93 \pm 1,98$	средний	$2,00 \pm 1,55$	низкий	29,00	0,256
4	Равноправие	$4,43 \pm 1,45$	средний	$5,33 \pm 1,03$	средний	26,00	0,178

Следовательно, школьников характеризует низкая устойчивость психологических границ, негативные установки в отношении общения и взаимодействия, а также уважительного отношения к личности как групповой нормы, что обеспечивается низкими показателями по шкале «Благополучие» (у девушек: $\bar{X}_{ср.} \pm \sigma = 5,71 \pm 1,14$; у юношей: $\bar{X}_{ср.} \pm \sigma = 5,50 \pm 1,05$). Вместе с тем, мальчики, в отличие от девочек, более сплоченные и умеют выстраивать диалог с учителями. Об этом свидетельствуют низкие показатели по шкале «Разобщённость» ($\bar{X}_{ср.} \pm \sigma$

= $2,00 \pm 1,55$) (см. табл. 1). Сравнительный анализ выраженности показателей риска буллинга у школьников по соответствующим шкалам в зависимости от пола свидетельствовал отсутствие достоверных различий. То есть пол не является детерминантой риска буллинга.

Психологическая диагностика личностных качеств подростков с учетом пола, выполненная с помощью теста (ПДТ) В. Мельникова, Л. Ямпольского [14], свидетельствовала следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2. Средние значения показателей личностных качеств и значимость различий у школьников в зависимости от пола (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U_{эмп.}^* \leq U_{кр.}$)

Table 2. Average values of indicators of personal qualities and the significance of differences among schoolchildren depending on gender (Mann-Whitney U-test, $p \leq 0.05$; $U_{эмп.}^* \leq U_{кр.}$)

№ п\п	Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
		Женский (1) (n=14 чел.)		Мужской (2) (n=6 чел.)			
		$X_{ср.} \pm \sigma_x$	каче- ствен- ный	$X_{ср.} \pm \sigma_x$	каче- ствен- ный	$U_{эмп.}$	p
1	Невротизм	$6,50 \pm 2,65$	средний	$4,67 \pm 1,97$	средний	24,00	0,132
2	Психотизм	$4,07 \pm 2,02$	низкий	$4,83 \pm 2,23$	низкий	34,00	0,503
3	Депрессия	$5,79 \pm 1,93$	низкий	$4,67 \pm 1,86$	низкий	28,00	0,235

Окончание табл. 2

Table 2. (ended)

№ п\п	Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
		Женский (1) (n=14 чел.)		Мужской (2) (n=6 чел.)			
		$X_{cp.} \pm \sigma_x$	качествен- ный	$X_{cp.} \pm \sigma_x$	качествен- ный	$U_{эмп}$	p
5	Расторможенность	4,93 ± 1,64	низкий	5,00±1,79	средний	41,00	0,933
6	Общая активность	4,50 ±1,61	низкий	6,17±1,83	средний	20,50	0,070
7	Робость	5,43 ± 2,41	средний	5,00±2,28	средний	37,00	0,676
8	Общительность	6,21 ± 1,93	средний	5,67±2,66	средний	34,50	0,527
9	Эстетическая впе- чатливательность	5,21 ±1,81	низкий	5,83±1,72	низкий	33,00	0,439
10	Женственность	4,79 ±1,53	средний	5,67±2,25	средний	32,00	0,365
11	Психическая не- уравновешенность	5,45±2,2	низкий	4,72±2,02	низкий	25,00	0,153

Вне зависимости от пола, у школьников средние значения показателей по шкалам «Невротизм», «Робость», «Общительность» и «Женственность» соответствуют среднему уровню выраженности. Таким образом, школьники активны, инициативны, склонны к соперничеству и соревнованию. Их отличает серьезность и реалистичность, высокая требовательность к себе. Перед тем, как принять решение и пойти на риск, всесторонне взвесят все "за" и "против". Коммуникабельны, способны легко вступить в контакт даже с незнакомым человеком. Не испытывают дискомфорта ни от одиночества, ни от большой шумной компании. Иногда любят пофилософствовать. Если заинтересовать, становятся уступчивыми и мягкими. Кроме того, у школьников мужского пола, в отличие от женского, средние значения показателей по шкалам «Совестливость» ($X_{cp.} \pm \sigma_x = 5,50 \pm 2,26$), «Расторможенность» ($X_{cp.} \pm \sigma_x = 5,00 \pm 1,79$)

и «Общая активность» ($X_{cp.} \pm \sigma_x = 6,17 \pm 1,83$) достигли уровня диагностируемых значений. Следовательно, школьники мужского пола, в отличие от женского, характеризуются требовательностью к себе и другим людям, рассудительностью, работоспособностью. Интересуются новым и необычным, иногда проявляют упрямство. Обладают хорошими адаптивными и исполнительскими способностями. Статистически достоверных различий в выраженности показателей личностных качеств по соответствующим шкалам в зависимости от пола не выявлено.

Вне зависимости от пола, у студентов по шкале «Благополучие» выявлены низкие значения показателей (у девушек: $\dot{X}_{cp.} \pm \sigma = 5,73 \pm 1,41$; у юношей: $\dot{X}_{cp.} \pm \sigma = 5,64 \pm 1,43$) (табл. 3).

Таблица 3. Средние значения показателей риска буллинга и значимость различий у студентов в зависимости от пола (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{\text{эмп.}} \leq U_{\text{кр.}}$)

Table 3. Average values of bullying risk indicators and significance of differences among students depending on gender (Mann-Whitney U-test, $p \leq 0.05$; $U^*_{\text{emp.}} \leq U_{\text{cr.}}$)

№ п\п	Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
		Женский (1) (n=30 чел.)		Мужской (2) (n=11 чел.)			
		$X_{\text{ср.}} \pm \sigma_x$	каче- ственны	$X_{\text{ср.}} \pm \sigma_x$	каче- ственны	$U_{\text{эмп}}$	p
1	Небезопасность	8,30±1,95	средний	7,91±1,22	низкий	154,00	0,739
2	Благополучие	5,73±1,41	низкий	5,64±1,43	низкий	161,00	0,903
3	Разобщённость	2,77±1,45	средний	3,36±2,16	средний	143,50	0,519
4	Равноправие	4,93±2,15	средний	4,36±1,57	средний	135,50	0,381

Таким образом, у студентов, как и у школьников, наблюдается низкая устойчивость психологических границ, что обеспечивает повышение уровня негативных установок в общении и взаимодействии, о чем свидетельствуют низкие показатели по шкале «Благополучие» (у девушек: $\bar{X}_{\text{ср.}} \pm \sigma = 5,73 \pm 1,41$; у юношей: $\bar{X}_{\text{ср.}} \pm \sigma = 5,64 \pm 1,43$) (см. табл. 3). Кроме того, низкие показатели по шкале «Небезопасность» у юношей ($\bar{X}_{\text{ср.}} \pm \sigma = 7,91 \pm 1,22$), в отличие от девушек, свидетельствуют о пониженном риске травли и

других форм агрессивного поведения. Статистически достоверных различий в выраженности показателей риска буллинга у студентов в зависимости от пола не выявлено.

В результате исследования личностных качеств студентов, проведенного с использованием теста (ПДТ) В. Мельникова, Л. Ямпольского [14], выявлено, что вне зависимости от пола преимущественно по всем шкалам методики показатели достигли среднего уровня выраженности (табл. 4).

Таблица 4. Средние значения показателей риска буллинга и значимость различий у студентов в зависимости от пола (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{\text{эмп.}} \leq U_{\text{кр.}}$)

Table 4. Average values of bullying risk indicators and significance of differences among students depending on gender (Mann-Whitney U-test, $p \leq 0.05$; $U^*_{\text{emp.}} \leq U_{\text{cr.}}$)

№ п\п	Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
		Женский (1) (n=30 чел.)		Мужской (2) (n=11 чел.)			
		$X_{\text{ср.}} \pm \sigma_x$	каче- ственны	$X_{\text{ср.}} \pm \sigma_x$	каче- ственны	$U_{\text{эмп}}$	p
1	Невротизм	15,63±3,17	высокий	13,09±3,94	средний	100,00	0,054
2	Психотизм	12,00±2,10	средний	10,45±2,07	средний	100,50	0,055
3	Депрессия	14,17±4,33	средний	13,18±4,96	средний	143,50	0,525
4	Совестливость	7,77±1,89	средний	8,45±0,93	средний	133,00	0,339
5	Расторможенность	7,67±3,14	средний	6,82±2,71	средний	140,00	0,458

Окончание табл. 4

Table 4. (ended)

№ п\п	Наименование показателя	Пол				(1)-(2)	
		Женский (1) (n=30 чел.)		Мужской (2) (n=11 чел.)			
		$X_{ср.} \pm \sigma_x$	каче- ственныи	$X_{ср.} \pm \sigma_x$	каче- ственныи	$U_{эмп}$	p
7	Робость	3,50±1,70	средний	4,64±1,12	средний	103,00	0,063
8	Общительность	10,10±2,45	средний	8,55±2,30	средний	100,50	0,056
9	Эстетическая впе- чатлительность	7,77±0,94	средний	6,45±0,93	средний	55,00**	0,001
10	Женственность	5,43±1,72	средний	4,73±2,05	средний	131,00	0,309
11	Психическая не- уравновешенность	10,80±2,54	средний	9,55±2,62	средний	116,00	0,147

Примечание: **— статистическая значимость при $p \leq 0,05$.

Исключение составили показатели шкалы «Невротизм» у студентов женского пола ($\bar{X}_{ср.} \pm \sigma = 15,63 \pm 3,17$) (см. табл. 4). Таким образом, девушек отличает высокая тревожность и нерешительность. Они, в отличие от юношей, впечатлительны и легко ранимы, не уверены в своих силах. Однако последовательны и педантичны, аккуратны и обязательны, обладают высоким чувством долга и ответственности. И в значимо большей степени отличаются критичностью мышления, настороженностью в отношении авторитетов и нестандартных ситуаций, руководствуются как логикой и ра-

зумом, так и эмоциями, о чем свидетельствует статистическая достоверность различий в выраженности показателей по шкале «Эстетическая впечатлительность» (у девушек: $X_{ср.} \pm \sigma_x = 7,77 \pm 0,9$; у юношей: $X_{ср.} \pm \sigma_x = 6,45 \pm 0,93$; $U_{эмп.} = 55,00**$ при $p = 0,001$) (см. табл. 4).

Исследование взаимосвязей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы осуществлялось с помощью процедуры корреляционного анализа (r-Спирмен) и позволило выявить общее и особенное в их наличии и характеристиках (направленности и тесноте) (табл. 5).

Таблица 5. Корреляционные взаимосвязи показателей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся (r-Спирмен)

Table 5. Correlation relationships between indicators of personal qualities and the risk of bullying among students (r-Spearman)

Наименование показателя	Школьники (n=20 чел.)				Студенты (n=41 чел.)			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Невротизм	0,11	-0,10	0,31	0,14	0,14	0,05	-0,36*	0,63**
Психотизм	0,18	0,17	-0,03	0,33	-0,35*	-0,10	0,05	-0,18
Депрессия	0,24	0,33	0,002	0,05	-0,02	0,07	-0,15	0,37*
Совестливость	-0,01	0,07	-0,30	0,28	0,18	-0,22	0,30	0,12
Расторможенность	0,60**	-0,13	0,15	0,48*	0,14	-0,35*	0,46**	-0,52**
Общая активность	0,33	0,00	-0,34	0,36	0,003	-0,21	0,15	-0,16

Окончание табл. 5

Table 5. (ended)

Наименование показателя	Школьники (n=20 чел.)				Студенты (n=41 чел.)			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Робость	0,15	-0,23	0,01	-0,09	0,39*	-0,49**	0,41**	-0,10
Общительность	-0,10	0,17	-0,13	0,20	-0,12	0,17	-0,34*	0,29
Эстетическая впечатлительность	0,53*	0,24	-0,10	0,64**	-0,004	-0,16	0,03	0,30
Женственность	0,39	0,15	0,29	0,63**	-0,04	-0,001	-0,52**	0,53**
Психическая неуравновешенность	-0,03	0,04	-0,16	0,17	0,01	0,09	-0,24	0,50**

Примечание: 1— «Небезопасность»; 2— «Благополучие»; 3— «Разобщённость»; 4— «Равноправие»; *— статистическая значимость при $p \leq 0,1$; **— статистическая значимость при $p \leq 0,05$.

Общее во взаимосвязях показателей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся состоит в том, что зафиксирована средневыраженная положительно направленная корреляционная взаимосвязь показателей по шкалам «Женственность» и «Равноправие» как у школьников ($r=0,63^{**}$ при $p=0,003$), так и у студентов ($r=0,53^{**}$ при $p=0,000$). Таким образом, усиление среди обучающихся практичности и реалистичности, склонности к самоанализу и самокритике, скромности в поведении, избегание ими ситуаций соперничества, принятие помощи и поддержки, — все это может способствовать повышению уровня социальной определенности в учебной группе (то есть статусно-ролевому распределению) и формированию диалогичных отношений.

Специфическое во взаимосвязях показателей личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся проявляется в их вариативности, направленности и тесноте. Так, у школьников выявлены значимые и высоко значимые положительно направленные корреляционные взаимосвязи средней и умеренной степени выраженности между показателями шкал «Небезопасность», «Расторможенность» ($r=0,60^{**}$ при $p=0,005$) и «Эстетическая впечатлительность» ($r=0,53^{*}$ при

$p=0,017$); а также между показателями шкал «Равноправие», «Расторможенность» ($r=0,48^{*}$ при $p=0,031$) и «Эстетическая впечатлительность» ($r=0,64^{**}$ при $p=0,003$) (см. табл. 5).

Полученные результаты могут быть проинтерпретированы следующим образом. Сильная эстетическая впечатлительность, характеризующаяся недостаточностью ответственности и реализма в поведении, зрелости и здравомыслия в суждениях, а также проявления импульсивности и влечения к острым эмоциональным переживаниям может способствовать усилиению фонового напряжения, негативной психологической атмосферы в школьной группе и негативных установок в общении. Чем выше уровень критичности мышления, спокойствия и рассудительности, тем сильнее способность школьной группы к принятию статусно-ролевых различий ее участников, к распределению ролей и возможность конструктивных, позитивных коммуникаций, что снижает тревогу и защищает ее от риска разворачивания травли среди школьников на фоне выстраивания системы социальных статусов.

У студентов значимые и высоко значимые положительные корреляции обнаружены между показателями шкал «Рав-

ноправие» и «Невротизм» ($r=0,63^{**}$ при $p=0,000$), «Депрессия» ($r=0,37^*$ при $p=0,016$); «Расторможенность» и «Разобщенность» ($r=0,46^{**}$ при $p=0,002$); «Робость» и «Небезопасность» ($r=0,39^*$ при $p=0,011$), «Разобщенность» ($r=0,41^{**}$ при $p=0,008$); «Равноправие» и «Женственность» ($r=0,53^{**}$ при $p=0,000$), «Психическая неуравновешенность» ($r=0,50^{**}$ при $p=0,001$) (см. табл. 5).

Таким образом, можно выдвинуть предположение о том, что повышение уровня невротизма студентов, проявляющегося в инициативности, реалистичности, склонности к соперничеству и соревнованию, высокой требовательности к себе, последовательности, аккуратности и ответственности увеличивает способность студенческой группы к принятию статусно-ролевых различий ее участников. При этом роли в студенческой группе распределены более дифференцированно. У ее участников больше возможностей для конструктивных, позитивных коммуникаций. Кроме того, чем сильнее студенты проявляют несдержанность и импульсивность или, напротив, нерешительность и стеснительность, тем больше дистанция между ними, меньше возможностей для установления позитивных межличностных отношений, что снижает вероятность прекращения буллинга в случае его развития. Заstenчивость и избегание рискованных ситуаций, скованность и стеснительность в общении могут способствовать появлению сильного субъективного ощущения небезопасности у ее участников и повышенного риска различных дезадаптивных способов совладания с тревогой и отразиться на качестве внутригрупповых отношений и соблюдении правил общения.

Корреляционные взаимосвязи отрицательной направленности, умеренной и средней степени выраженности у студентов соединяют показатели шкал «Психотизм» и «Небезопасность» ($r=-0,35^*$ при $p=0,027$); «Благополучие» и «Расторможенность» ($r=-0,35^*$ при $p=0,027$), «Ро-

бость» ($r=-0,49^{**}$ при $p=0,001$); «Разобщенность» и «Невротизм» ($r=-0,36^*$ при $p=0,021$), «Общительность» ($r=-0,34^*$ при $p=0,030$), «Женственность» ($r=-0,52^{**}$ при $p=0,000$); «Расторможенность» и «Равноправие» ($r=-0,52^{**}$ при $p=0,000$) (см. табл. 5). Подчиняемость власти и авторитету, несамостоятельность, нуждаемость в постоянном внимании, контроле и поддержке можно квалифицировать как негативные характеристики психологической атмосферы в студенческой группе, что сказывается на качестве межличностных отношений. Чем ниже уровень импульсивности и несдержанности, застенчивости и избегания рискованных ситуаций, стремления к социальной изоляции, тем значимее уважение как альтернатива власти и силе, выступающее фактором защиты от риска развития ситуаций буллинга и способствующее снижению уровня негативных установок в общении и вероятности травли. Склонность к соперничеству и соревнованию, серьезность и реалистичность, высокая требовательность к себе, предприимчивость, общительность, активное стремление к достижению поставленных целей, организаторские способности и лидерские качества повышают вероятность диалога, снижают уровень негативных, агрессивных установок по отношению друг к другу и одновременно высокую степень тревоги в сочетании с переживанием одиночества. Спокойствие и рассудительность, проявление интереса ко всему новому и необычному способствуют стабилизации межличностных отношений в студенческой группе, повышают уровень статусно-ролевой определенности ее участников.

Выводы

Исследование половозрастных особенностей риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы засвидетельствовало у студентов, как и у школьников, низкую устойчивость психологических границ, негативные установки в отношении общения и взаимо-

действия. Вместе с тем, школьники мужского пола, в отличие от женского, являются более сплоченными и умеют выстраивать диалог с учителями, а студенты мужского пола, в сравнении с женским, не склонны к травле и агрессивному поведению. Кроме того, пол не является детерминантой риска буллинга среди обучающихся.

Исследование личностного профиля обучающихся средней и высшей школы засвидетельствовало следующие его особенности. Вне зависимости от пола, школьники активны, инициативны, достаточно коммуникабельны, склонны к соперничеству и соревнованию. Школьники мужского пола отличаются требовательностью к себе и другим людям, рассудительностью, исполнительскими способностями, высокой адаптивностью к различным условиям.

Девушки-студентки отличаются высокой тревожностью и нерешительностью, чувствительностью и неуверенностью. Вместе с тем они, в сравнении с юношами, сверхответственны и последовательны в своих действиях, в большей степени критичны, в нестандартных ситуациях руководствуются в равной степени и разумом, и эмоциями. Поскольку личностные особенности склонных к буллингу обучающихся как возможные причины или последствия психологической травли в условиях и средней, и высшей школы могут повлиять на успешность профессионализации, полученные результаты необходимо учитывать при организации и реализации профилактико-коррекционной работы с прогнозируемым буллингом.

Общее и специфическое во взаимосвязях личностных качеств и риска буллинга среди обучающихся средней и высшей школы можно рассматривать как мишени и как личностный ресурс профилактико-коррекционной работы с прогнозируемым буллингом.

Общее – проявляющееся в практичности и реалистичности, склонности к самоанализу и самокритике, скромности в поведении, избегании ситуаций соперничества, принятия помощи и поддержки, что может повлиять на статусно-ролевое распределение в учебной группе и формирование диалогичных отношений. Специфическое: критичность мышления, спокойствие и рассудительность школьников способствуют принятию статусно-ролевых различий участников группы, возможность конструктивных, позитивных коммуникаций внутри нее. Все это снижает уровень тревожности и создает защиту от риска буллинга в условиях определения статусно-ролевых позиций школьников. Склонность студентов к соперничеству и соревнованию, серьезность и реалистичность, высокая требовательность к себе, предприимчивость, общительность, активное стремление к достижению поставленных целей, организаторские и лидерские качества повышают вероятность диалога, снижают уровень негативных, агрессивных установок по отношению друг к другу, а спокойствие и рассудительность способствуют стабилизации межличностных отношений, повышают уровень статусно-ролевой определенности.

Список литературы

1. Обухова Ю.В., Гурьева В.О. Образ сверстника – жертвы буллинга у школьников с разной выраженностью виктимного поведения // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14, № 2. С.118-134. DOI: 10.21702/grj.2017.2.7.
2. Черкасова С.А. Гендерные особенности проявления буллинга в подростковом возрасте // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: сборник мате-

риалов X Региональной научно-практической конференции аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов. ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 2014.

3. Шалагинова К.С. Учет гендерных особенностей проявления буллинга в работе школьного психолога как условие эффективной превентивной деятельности // Психологические аспекты современного образования: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 января 2016г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. С. 22-29.

4. Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Залыгаева С.А. Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, №4. С. 62-71. DOI: 10.17759/pse.2019240405.

5. Янова Н.Г. Психолого-педагогические риски буллинга в образовательной среде // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. №4(15). С.189-197.

6. Личностные особенности подростков, участвующих в буллинге / Н.А. Лужбина, О.С. Гурова, Д.А. Подручная, С.С. Даренских // Человеческий капитал. 2019. № 7(127). С. 178-184.

7. Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А. Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 126–138. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138

8. AlMulhim A.A ., Nasir M.; AlThukair A., AlNasser M., Pikard J., Ahmer S., Ayub M., Elmadih A., Naeem F. Bullying among medical and nonmedical students at a university in eastern Saudi Arabia // Journal of family and community medicine. 2018. 25, 3. P. 211-216. DOI: 10.4103/jfcm.JFCM_92_17.

9. Kosir K., Klasinc L., Spes T. Predictors of self-reported and peer-reported victimization and bullying behavior in early adolescents: the role of school, classroom, and individual factors // European journal of psychology of education. 2020. 35, 2. P. 381-402.

10. Martinez Ramon, Juan Pedro; Ruiz Esteban, Cecilia; Mendez Mateo, Inmaculada. University victims of bullying: a study of temporal and situational factors // European journal of investigation in health psychology and education. 2019. 9, 3. P. 149-157.

11. Pengpid S., Peltzer K. Bullying victimization and externalizing and internalizing symptoms among in-school adolescents from five ASEAN countries Children and Youth Services Review, 2019, 106. DOI: 10.1016/j.childyouth.2019.104473.

12. Waasdorp T.E., Mehari K.R., Milam A.J., Bradshaw C.P. Health-related risks for involvement in bullying among middle and high school youth // Journal of child and family studies. 2019, 28. 9. P. 2606-2617. DOI: 10.1007/s10826-018-1260-8.

13. Опросник риска буллинга (ОРБ) / А.А. Бочавер, В.Б. Кузнецова, Е.М. Бианки, Дмитриевский П.В., Завалишина М. А., Капорская Н. А., Хломова К. Д. // Вопросы психологии. 2015. №5. С. 146-157.

14. Психодиагностический тест (ПДТ) В. Мельникова, Л. Ямпольского. URL: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/132.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

References

1. Obukhova Yu.V., Guryeva V.O. Obraz sverstnika – zhertvy bullinga u shkol'nikov s raznoj vyrazhennost'yu viktimnogo povedeniya [The image of a peer – a victim of bullying among schoolchildren with different severity of victim behavior]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal = Russian psychological journal*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 118-134. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.7. (In Russ.)

2. Cherkasova S.A. [Gender characteristics of bullying in adolescence]. *Issledovatel'skij potencial molodyh uchenyh: vzglyad v budushchee. Sbornik materialov X Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov, soiskateley, molodyh uchenyh i magistrantov* [Research potential of young scientists: a look into the future. The collection of materials of the X Regional scientific-practical conference of graduate students, applicants, young scientists and undergraduates]. Tula, 2014.
3. Shalaginova K.S [Taking into account the gender characteristics of the manifestation of bullying in the work of a school psychologist as a condition for effective preventive activity]. *Psichologicheskie aspekty sovremennoj obrazovaniya. Sbornik nauchnyh trudov po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Psychological aspects of modern education. A collection of scientific papers based on the materials of the 1st International Scientific and Practical Conference]. Nizhny Novgorod, 2016, pp. 22-29 (In Russ.)
4. Shalaginova KS, Kulikova T.I., Zalygaeva S.A. Gendernye osobennosti bullinga v podrostkovom vozraste [Gender characteristics of bullying in adolescence]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019, vol. 24, no. 4, pp. 62-71 (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2019240405.
5. Yanova N.G. Psichologo-pedagogicheskie riski bullinga v obrazovatel'noj srede [Psychological and pedagogical risks of bullying in the educational environment]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta = Human Health, Theory and Methods of Physical Culture and Sports*, 2019, no. 4(15), pp.189-197 (In Russ.)
6. Luzhbina N.A., Gurova O.S., Podruchnaya D.A., Darensky S.S. Lichnostnye osobennosti podrostkov, uchastvuyushchih v bullinge [Personal characteristics of adolescents involved in bullying]. *Chelovecheskij kapital = Human Capital*, 2019, no. 7 (127), pp.178-184 (In Russ.)
7. Shalaginova K. S., Kulikova T. I., Zalygaeva S. A. Polovozrastnye osobennosti shkol'nikov kak prediktory riska bullinga [Age and sex characteristics of schoolchildren as predictors of the risk of bullying]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*, 2019, no. 3, pp.126–138. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138. (In Russ.)
8. AlMulhim A.A., Nasir M.; AlThukair A., AlNasser M., Pikard J., Ahmer S., Ayub M., Elmadih A., Naeem F. Bullying among medical and nonmedical students at a university in eastern Saudi Arabia. *Journal of family and community medicine*, 2018, 25, 3, pp. 211-216. DOI: 10.4103/jfcm.JFCM_92_17. (In Russ.)
9. Kosir K., Klasinc L., Spes T. Predictors of self-reported and peer-reported victimization and bullying behavior in early adolescents: the role of school, classroom, and individual factors. *European journal of psychology of education*, 2020, 35, 2, pp. 381-402.
10. Martinez Ramon, Juan Pedro; Ruiz Esteban, Cecilia; Mendez Mateo, Inmaculada. University victims of bullying: a study of temporal and situational factors. *European journal of investigation in health psychology and education*, 2019, 9, 3, pp. 149-157.
11. Pengpid S., Peltzer K. Bullying victimization and externalizing and internalizing symptoms among in-school adolescents from five ASEAN countries Children and Youth Services Review, 2019, 106. DOI: 10.1016/j.childyouth.2019.104473.
12. Waasdorp T.E., Mehari K.R., Milam A.J., Bradshaw C.P. Health-related risks for involvement in bullying among middle and high school youth. *Journal of child and family studies*, 2019, 28, 9, pp. 2606-2617. DOI: 10.1007/s10826-018-1260-8.
13. Bochaver A.A., Kuznetsova V.B., Bianki E.M., Dmitrievsky P.V., Zavalishina M.A., Kapsorskaya N.A., Khloanova KD. Oprosnik riska bullinga (ORB) [Bullying Risk Questionnaire (ORB)]. *Voprosy psichologii = Questions of Psychology*, 2015, no. 5, pp. 146-157 (In Russ.)

14. *Psihodiagnosticheskij test (PDT)* [Psychodiagnostic test (PDT) V. Melnikova, L. Yampolskogo (In Russ.). Available at: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/132.pdf (accessed 01.11.2019).

Информация об авторах / Information about the Authors

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6309-1825
Researcher ID: AAF-9625-2019

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology of Health and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation
e-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6309-1825
Researcher ID: AAF-9625-2019

Фомина Анастасия Викторовна, аспирант кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, Областное казенное общеобразовательное учреждение "Курская школа-интернат № 3", г. Курск, Российская Федерация
e-mail: anastasia27122111@yandex.ru

Anastasia V. Fomina, Postgraduate Student, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Regional state educational institution "Kursk school-internat No. 3", Kursk, Russian Federation
e-mail: anastasia27122111@yandex.ru

Прокофьева Анастасия Александровна, студентка, 4 курс, лечебный факультет, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: nastyal659@yandex.ru

Anastasia A. Prokofieva, 4th year student, Faculty of Medicine, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation
e-mail: nastyal659@yandex.ru

Оригинальная статья/Original article

УДК 378

Проблема профессионально-нравственных мотивов и эталонов поведения курсантов образовательных организаций МВД России**А.И. Король¹**

¹Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
ул. Горького 71, г. Белгород 308024, Российская Федерация

 e-mail: korolbelgorod@mail.ru

Резюме

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам мотивов и эталонов поведения в профессионально-нравственном формировании личности курсантов образовательных организаций МВД России. Лишь на основе понимания феноменов мотивов и эталонов поведения личности курсанта мы сможем всецело сформировать специалиста правоохранительной системы в единстве профессионального и духовно-нравственного компонента. Профессионально-нравственная направленность образовательного процесса, с одной стороны, выступает как «инструкция» по формированию личности, а с другой как набор воспитательных инструментов по решению расхождений социальных и личностных интересов и потребностей.

В рамках исследования необходимо проанализировать и соотнести понятия мотивов и эталонов поведения в процессе формирования профессионального и духовно-нравственного компонента личности курсанта, определить их место и роль в системе воспитания, рассмотреть связь потребностно-мотивационной составляющей с формированием профессионально-нравственной личности, определить регулятивную схему поведения курсанта, определить общественный и эмоционально-психологический механизм профессионально-нравственного воздействия эталона поведения на личность курсанта, рассмотреть базовые структурные элементы эталона поведения через профессионально-нравственную норму и профессионально-нравственный оценочный критерий.

Благодаря использованию методов общетеоретического уровня: формализации, абстрагирования, методам анализа и аналогии, а также методам эмпирического уровня: наблюдения, описания, сравнения и моделирования в представленной научной статье решаются основные задачи единства формирования профессионального и духовно-нравственного начала в личности курсанта образовательной организации МВД России.

Мотивы имеют практическое ключевое значение в формировании полноценной личности курсанта, являясь движущей силой, задающей направленность и деятельно удовлетворяющей его потребности. Этalon поведения выступает средством измерения и является сравнительным образом, поддерживающим личность курсанта в процессе адаптации и социализации.

Ключевые слова: мотив; эталон; профессиональное воспитание; духовно-нравственное воспитание; поведение; курсант образовательной организации МВД России.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Король А.И. Проблема профессионально-нравственных мотивов и эталонов поведения курсантов образовательных организаций МВД России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 3. С. 226–234.

Статья поступила в редакцию 28.05.2020 Статья подписана в печать 06.07.2020

Статья опубликована 20.07.2020

© Король А.И., 2020

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика /Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics. 2020; 10(3): 226–234

The Problem of Professional and Moral Motives and Standards of Behavior of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Alexander I. Korol¹✉

¹Belgorod Law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named I.D. Putilin
71 Gorkogo str., Belgorod 308024, Russian Federation

✉ e-mail: korolbelgorod@mail.ru

Abstract

The article is devoted to theoretical and practical issues of motives and standards of behavior in the professional and moral formation of the personality of cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia. Only on the basis of understanding the phenomena of motives and standards of behavior of the cadet's personality can we fully form a specialist of the law enforcement system in the unity of professional and spiritual and moral components. Professional and moral orientation of the educational process, on the one hand, acts as an "instruction" for the formation of personality, and on the other as a set of educational tools to address the differences of social and personal interests and needs.

In the study, it is necessary to analyze and correlate concepts of motives and standards of behavior in the process of formation of professional and moral component of the personality of students, to determine their place and role in the system of education, consider the relationship the requirement of motivational component formation of professional and moral identity, to determine the regulatory scheme of the behavior of the student, to define social and emotional-psychological mechanism of professional and moral impact of benchmark behaviors on the personality of the student, to introduce the basic structural elements of a standard of behavior through professionally-ethical standards and professional and moral evaluation criterion.

Through the use of methods of General theoretical level: formalization, abstraction, analysis and analogy methods, as well as methods of empirical level: observation, description, comparison and modeling the presented scientific article solves the main problems of unity in the formation of professional and spiritual and moral principles in the personality of a cadet of the educational organization of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Motives are of practical key importance in the formation of a full-fledged personality of a cadet, being the driving force that sets the direction and actively meets his needs. The standard of behavior acts as a measurement tool and is a comparative way of supporting the cadet's personality in the process of adaptation and socialization.

Keywords: motive; standard; professional education; spiritual and moral education; behavior; cadet of the educational organization of the Ministry of internal Affairs of Russia.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Korol A.I. The Problem of Professional and Moral Motives and Standards of Behavior of Cadets of Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2020, 10(3): 226–234 (In Russ.).

Received 28.05.2020

Accepted 06.07.2020

Published 20.07.2020

Введение

Исходя из общественной обусловленности, профессионально-нравственные качества, свойства и характеристики личности курсанта, его профессиональные интересы и идеалы, духовно-нравственные потребности, мировоззрение и взгляды,

волевые качества, чувства, привычки, правовые и нравственные поступки определяются всей системой воспитания и обучения в образовательных организациях МВД России. В этой связи огромно значение мотивов в формировании личности курсанта, которым, в свою очередь,

характерны целостность когнитивных способностей и образа мышления, поведения, профессионально-нравственной убежденности, а также общественной активности. Всю суть воспитания в образовательных организациях МВД России, в качестве формирующего механизма социума, следует понимать лишь при условии рассмотрения личности и как объекта и как субъекта образовательного процесса. Понятие «воспитание», в широком смысле слова, предполагает систему и процесс формирования общественной активности, в качестве свойства личности курсанта, а также ее осуществление и воплощение в качестве функции. Отсюда следует, что общественная активность предполагает не только результат, но и сам фактор образовательного процесса. Категория мотивов выполняет двойственную функцию: с одной стороны, мотивы побуждают и направляют всю образовательную деятельность курсантов, с другой стороны, мотивы воплощают в такой деятельности индивидуализированный, субъективно-личностный смысл [11, с. 48].

Результаты и обсуждение

Формирование профессионально-нравственных качеств курсантов образовательных организаций МВД России, а также готовность добросовестно и качественно выполнять общественно-государственные требования выступают ключевыми элементами сохранения личностной целостности. Ключевым элементом выступает деятельность по формированию и развитию устойчивых форм поведения, напрямую связанных с ценностными стандартами - эталонами поведения курсантов образовательных организаций МВД России. Ведь именно эталоны поведения играют главенствующую роль в избрании, определении меры и допустимости профессионально-нравственных поступков [1, с. 104].

Фактор опосредованного воздействия социальной воспитательной среды, профессионально-нравственных требований,

профессиональных и социальных эталонов на процесс формирования курсанта составляет методологическое значение для обоснования не только потенциала системного образовательного воздействия и создания сопутствующих условий, но и свободу в выборе вариантов поведения. Воздействие и обусловленность лишь объективных факторов на поведение курсантов исключало бы возможность выработки собственных вариантов поведения и совершению поступков, а также необъективность ответственности за их профессиональное и нравственное исполнение.

Поведение курсантов образовательных организаций МВД России всеобъемлющее не зависит только лишь от объективных факторов и обстоятельств и по своей сути не выступает актом автономной от всех внешних условий свободной воли. По своей сути любой человек и личность свободны в своем выборе, но данный выбор не формален и действенен лишь тогда, когда основан на проведенном профессиональном и духовно-нравственном анализе и осознании всех необходимых жизненных обстоятельств, в которых он должен действовать.

Анализируя варианты выбора поведения курсантов образовательных организаций МВД России в зависимости от той или иной служебной ситуации, следует рассмотреть несколько их базовых видов:

- Первый вариант – ситуация с выбором поведения при полной определенности. Курсант осознает свой долг и все обязанности, понимает и правильно анализирует требования, а также условия, в которых ему предстоит осуществлять свою служебную деятельность.

- Второй вариант – ситуация с выбором поведения при отсутствии определенности. Курсант осознает все свои обязанности и необходимые требования, однако не знаком с условиями, в которых будет осуществлять свою деятельность.

• Третий вариант – ситуация с выбором поведения в условиях риска. Наряду с осознанием обязанностей и восприятием требований, действия курсанта в зависимости от обстоятельств могут привести совершенно к разным результатам, и вероятность таких результатов неизвестна. Необходимый творческий подход зачастую сопряжен с риском.

Любая социальная группа или общность содержит объективную потребность, чтобы составляющие ее индивиды в однотипных ситуациях действовали схожим и повторяющимся образом. Данная объективная потребность фактически и в целом на практике реализуется через нравственные нормы. Профессионально-нравственный эталон поведения курсанта образовательной организации МВД России по смыслу индивидуальной формы социальных критериев формирует в своей системе образцовое сознание его личности, которое предполагает сложную процедуру выбора, идентификацию правильности всех служебных действий, а также самооценку совершаемых поступков. Этalonное сознание базируется на механизме формирования личностного поведения, которое включает неизменные цели и мотивы.

Многие деятели науки, такие как: Д.А. Кикнадзе, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, П.М. Якобсон [3, 4, 8, 9, 12], процесс формирования профессионально-нравственной личности связывают с развитием ее потребностно-мотивационной составляющей. В качестве общественного психологического явления мотивы деятельности любого человека включают в себя необходимые убеждения, социально-ориентированные направления и по своей сути предполагают «действенные рычаги» в аккумулирование всего нравственного потенциала, профессиональных, созидательных и творческих сил человека.

Вопросы понимания мотивов деятельности курсантов образовательных организаций МВД России, как и любого

другого человека, крайне сложны и неоднозначны по своей природе. Данное обстоятельство продиктовано следующими особенностями:

1) многочисленные и сложные в своей системе виды активности курсантов предполагают не один, а множество факторов и потребностей;

2) потребности предполагают единичную меру внутренней мотивации поведения курсанта.

По своей сути духовные и материальные потребности выступают движущим элементом всего комплекса человеческой деятельности, они всецело связаны с развитием производства и играют ключевую основу. Психическая деятельность любого человека помогает увидеть ряд закономерностей в процессуальном и качественном соответствии мотивационной сферы и системы взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Отсюда за многочисленными элементами эмоционально-мотивационных отношений расположена система отражаемых в них объективных отношений личности. В научных трудах Д.Н. Узнадзе объяснял, что «...любая активность предполагает систему реальных отношений личности к окружающей среде, а также к той действительности, в которой она находится. Проявление различного рода потребностей предполагает действия человека в сторону непосредственного их удовлетворения. При этом личность направляет все свои духовные и материальные силы на окружающую его среду и действительность, что тем самым порождает поведение» [9, с. 332].

Наряду с таким суждением закономерно возникает вопрос об эффективности соответствующего критерия. Предполагаемый объективный результат деятельности субъекта в случае несовпадения его с истинными желаниями и намерениями при определенных условиях может оказаться случайным, и более того, даже нехарактерным для личности того или иного человека. Данное обстоя-

тельство предполагает невозможность соответствующей оценки направленности мотивации человека. Результат реального поведения не дает нам полной картины видения какой вариант предусмотрен в цели. Знание и анализ множества внешних факторов, которые стимулируют личность к различным вариантам своей деятельности, не позволяет нам всецело толковать поведение человека. В этой связи особо важное значение играет внутренняя убежденность и позиция самого человека. Внешние факторы видоизменяются и перетекают в мотивы человека в неразрывной связи с направленностью и структурой самой личности. Такая позиция предполагает отношение человека к социальной действительности, его переживания, понимание происходящего, его отношение, оценку своей личности со стороны, а также какой величиной притязаний он обладает. Данные факторы всецело характерны, в особенности, для личности курсанта образовательных организаций МВД России.

Анализ множества факторов в поведении курсантов позволяет выделить определенную специфику, идентифицировать и сопоставить каждого из них. Идентификация и сравнение поведения курсанта только лишь с позиции его потребностей, объективно позволили бы нам исключить ответственность в случае какого-либо нарушения, так как потребности складываются в неразрывной связи с окружающими факторами и системой воспитания. С учетом данного положения в случаях нарушений ответственность лежала бы на объективном мире и на самих воспитателях. Именно поэтому есть мотивация поведения курсанта, которая кроме потребностей включает познавательные процессы, систему мышления, количественное и качественное знание нравственных и правовых форм и эталонов поведения. В этом и заключается различие осознанного и мотивированного поведения курсанта от его импульсивного варианта.

Регулятивную схему такого поведения следует изобразить в виде последовательности соответствующих элементов: окружающая среда и факторы – возникшая потребность – соответствующие действия и линия поведения.

В данном виде все внешние причины проходят через внутренние сформированные условия. Вариация изначального поведения курсанта стимулируется и идет по пути требований окружающей социальной среды, затем включаются необходимые элементы собственных потребностей и требования, предъявляемые к курсанту образовательной организации МВД России. Происходит процесс замены внешних обстоятельств на внутренние. В свою очередь, внутренние обстоятельства приобретают независимость и начинают все в большей степени влиять и воздействовать на окружающую социальную среду. Такой процесс помогает курсанту усвоить лишь те необходимые элементы, которые непосредственно или опосредовано находятся в тождестве с собственными потребностями, устремлениями и эталонами.

Анализируя вопросы потребностей и мотивации, следует отметить, что в идеальном виде поведение и деятельность будущих специалистов органов внутренних дел должны быть нацелены не на получение материальных и финансовых средств для существования, не на получение «комфортного положения» и благоустройства своего социального места, а на профессионально-нравственное и качественное выполнение порученного дела, дела служению обществу. Государство в лице работодателя такого специалиста должно обеспечивать достойную финансовую и материальную составляющую деятельности. В таком варианте воплощается правильное стремление осуществлять профессиональную деятельность не ради материального благополучия, не ради денег, а ради «любви» и ответственности за порученное дело, «трудиться не на страх, а на совесть».

К сожалению, существующая действительность дает нам понять, что социальный процент таких специалистов слишком мал. Многие из курсантов (слушателей), окончив образовательную организацию системы МВД России, в основном служат ради прибыли и удовлетворения иных, зачастую личных, потребностей. И речь не идет об удовлетворении потребности в труде, а труд рассматривается как средство для удовлетворения потребностей иного плана.

Так, проведенный анонимный социологический опрос среди выпускников 2019 года образовательных организаций МВД России по интересам и целям, которые они преследуют, неся службу в органах внутренних дел, показал следующие результаты:

Я служу, чтобы приносить пользу обществу – 17% опрошенных;

Я служу из-за престижа службы – 4% опрошенных;

Я служу ради стабильного заработка – 51% опрошенных;

Я служу ради личных интересов и выгод – 18% опрошенных;

Я «плыву по течению», без интереса – 7% опрошенных;

Затрудняюсь ответить – 3% опрошенных.

Для многочисленных научных психолого-педагогических течений при изучении мотивов поведения человека существенным является как теоретическая, так и практическая составляющая. Многие ученые пытаются дать определение мотива поведения человека со стороны той отрасли научного знания, которую они представляют и сторонниками которой выступают. Решение такого вопроса видится все же в формулировании понятия мотива поведения человека, в качестве основы, с позиции социально-психологического явления. Такой подход позволяет содергать как внутреннюю психологическую составляющую мотива, так и выступать собирательной основой для всех социальных ориентаций личности.

В решении практических вопросов правоохранительные структуры должны создать комплекс регулятивных элементов, который включал бы в себя информационные и идеологические компоненты, связанные со средствами пропаганды, систему формирующих элементов, связанную с учебным и воспитательным процессом, элементы, связанные с организацией и контролем (система учреждений общественного и государственного контроля).

Посредственные воздействия профессиональной сферы и окружающей общественной среды, профессионально-нравственные императивы, моральные эталоны и стандарты, направленные на формирование профессионально-важных качеств личности курсанта, имеют методологическое значение в обосновании потенциала воспитательных условий, а также открытого и непринужденного выбора курсантом вариантов поведения в правоохранительной деятельности.

Служебные интересы, профессиональный кругозор и увлечения, цели и стремления курсанта представляют важную часть его аксиологических ориентаций. Избрание пути служения обществу складывается из совокупности полученной информации, собственного опыта человека, привлекательности условий деятельности, мнения авторитетных лиц и общепризнанной значимости. Под воздействием личных предпочтений, интересов, оценочных показателей курсант воспринимает значимость той или иной деятельности как сферу приложения своего потенциала, сил и возможностей.

Затруднение в выборе отношения курсанта к процессам, происходящим в современном мире и обществе, повышает роль ценностных эталонов и образцов поведения, воплощенных в сферу должного. И в качестве внутреннего восприятия, такие эталоны превращаются в мотивы и модераторы поступков, а также балансировщика поведения в целом. Так же убеждения курсанта могут трансфор-

мириться в определенные критерии, с помощью которых личность устанавливает и диагностирует свое отношение и поведение.

По совокупности сказанного профессионально-нравственная норма и профессионально-нравственный оценочный критерий в качестве эталона поведения воспроизводят следующие базовые структурные элементы:

1) количественную и качественную определенность профессиональных и духовно-нравственных отношений и относительную устойчивость таких явлений;

2) деятельный компонент взаимодействия профессионально-нравственных явлений и отношений с другими общественными процессами;

3) объективную социальную потребность, а также вероятность и допустимость для курсанта осознать протекающие циклические процессы, извлекать общие компоненты и трансформировать в обязательства, в должное поведение и отношение, при помощи которых, в свою очередь, оказывать обратное воздействие на профессионально-нравственную сферу.

В современном гражданском обществе и правовом государстве существуют и такие профессионально-нравственные эталоны и образцы поведения, которые формируют ценностную ориентацию специалиста правоохранительной сферы, вследствие своей безупречности и авторитетного притяжения. Подобные образцы встречаются в повседневной деятельности, и их воспитательный фактор основывается на социальных требованиях коммуникации и взаимодействия. Профессионально-нравственный фактор таких образцов весьма обширен и берет свое начало от родительского примера, примера начальника (руководителя), опытного и старшего коллеги до самой образовательной среды, где осуществляет деятельность курсант (учится, служит, формируется).

Отвечая на вопрос: «какой образовательный метод наиболее действенен и

высоко результативен?», на старших курсах обучения курсанты (слушатели) отдавали предпочтение личному примеру (28% опрошенных), методу убеждения (14% опрошенных), методу принуждения (7% опрошенных), методу соревнования (9% опрошенных), методу упражнения (16% опрошенных), методу поощрения (20% опрошенных), методу наказания (4%), иным методам (2% опрошенных).

Общественный и эмоционально-психологический механизм профессионально-нравственного воздействия эталона поведения на личность курсанта, как уже отмечалось, особым образом переплетен с уровнем авторитетности. Наивысшей ступенью и достоинством авторитетности обладает именно профессионально-нравственный идеал, по сути являющийся совершенным образцом поведения и всей служебной деятельности. Отличие такого идеала от писанных норм и правил поведения в повседневной служебной деятельности состоит в демонстрации и установке высшей роли профессионально-нравственного воспитания и формирования соответствующих качеств специалиста, придающих всей деятельности курсанта духовно-благороденный социальный смысл.

В психолого-педагогической литературе идея о совокупности профессиональной и нравственной меры рассматривается как закон регулирования поведения личности. Профессионально-нравственная мера поведения личности обладает исторической природой и обусловлена требованиями реальной жизни, вследствие которых имеет соответствующее наполнение. Профессионально-нравственная добродетель молодого специалиста правоохранительной сферы условно выступает серединой крайностей. Курсант образовательной организации МВД России при осуществлении своей служебной деятельности трактует меру поведения людей с помощью соединения социального и личностного интереса. Однако современная социальная обстановка с ее принципами разделения труда и много-

кратным расслоением общества решение такой задачи делает весьма затруднительным. Подобные факторы способствуют значительному падению моральных устоев и в целом нравственности у людей. Благодаря развитости и открытости средств массовой информации особый масштаб приобрела пропаганда физического и психологического насилия, пошлости и разврата, ложных духовных ценностей, двойных стандартов жизни в угоду низменных потребностей.

Выводы

Подводя итог, следует сказать, что реальная и острая проблема, которой является социальная мера профессионально-нравственного поведения личности, минуя предметное общественное содержание, приобретает противоположное значение, принимает ложный и мнимый характер. Лишь основываясь на современном понимании профессионально-нрав-

ственных феноменов, образовываются научно-педагогические предпосылки для результативного решения проблемы профессионально-нравственной меры поведения личности через мотивы и эталоны поведения. Понятие меры выступает в качестве некоего предела и границы, то есть ограничивающего уровня. Личность функционирует в постоянно изменяющихся многогранных условиях, однако зачастую в сходных и циклических ситуациях. Данное обстоятельство позволяет установить меру поведенческих условий. И как в своих трудах писал А.С. Макаренко: «Настоящая многогранная и обширная этическая норма становится реальной лишь тогда, когда ее «сознательный» период перетекает в этап социального опыта, в традиции и привычки, когда такая норма начинает действовать быстро и точно, поддерживая сложившимся социальным мнением и социальным вкусом...» [5].

Список литературы

1. Витольник Г.А. Воспитание профессиональной чести слушателей Вузов МВД России: дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01. СПб., 1997. 159 с.
2. Еременко Т.Е. Психологические факторы успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России: дис. ... канд. псих. наук. М., 2016. 200 с.
3. Кикнадзе Д.А. Система факторов действия и развития личности. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1982. 227 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
5. Макаренко А.С. О воспитании. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 416 с.
6. Неробеев А.Б. Педагогические условия духовно-нравственного воспитания курсантов военного вуза: дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2006. 190 с.
7. Олейников В.С. Акмеологические проблемы воспитания профессиональной нравственной культуры сотрудника органов внутренних дел России. СПб., 1996. 227 с.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. 679 с.
9. Узладзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966. 451 с.
10. Щеглов А.В. Воспитание профессиональной нравственной культуры сотрудника органов внутренних дел России: дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01. СПб., 1994. 209 с.
11. Юрекова В.А., Душкин А.С., Иванова А.М. Психология. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2014. 132 с.
12. Якобсон П.М. Психология чувств и мотивации. М.: Институт практической психологии, 1998. 304 с.

References

1. Vitol'nik G.A. *Vospitanie professional'noj chesti slushatelej Vuzov MVD Rossii*. Diss. kand. ped. nauk [Education of professional honor of students Of higher education institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia. Cand. of pedagogical sci. diss.]. St. Petersburg, 1997. 159 p. (In Russ.)
2. Eremenko T.E. *Psichologicheskie faktory uspeshnosti sluzhebnoj deyatel'nosti kursantov obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii*. Diss. kand. psih. nauk [Psychological factors of success of service activity of cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia. Cand. crazy. sci. diss.]. Moscow, 2016. 200 p. (In Russ.)
3. Kiknadze D.A. *Sistema faktorov dejstviya i razvitiya lichnosti* [System of factors of action and personal development]. Tbilisi, Sabchota Sakartvelo Publ., 1982. 227 p. (In Russ.)
4. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1975. 304 p. (In Russ.)
5. Makarenko A.S. *O vospitanii* [About education]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1990. 416 p. (In Russ.)
6. Nerobeev A.B. *Pedagogicheskie usloviya duhovno-nravstvennogo vospitaniya kursantov voennogo vuza*. Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical conditions of spiritual and moral education of military University cadets. Cand. of pedagogical Sci. diss.]. Kostroma, 2006. 190 p.
7. Olejnikov V.S. *Akmeologicheskie problemy vospitaniya professional'noj nravstvennoj kul'tury sotrudnika organov vnutrennih del Rossii* [Acmeological problems of education of professional moral culture of an employee of the internal Affairs bodies of Russia]. St. Petersburg, 1996. 227 p. (In Russ.)
8. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of General psychology]. St. Petersburg, Piter Kom Publ., 1999. 679 p. (In Russ.)
9. Uznadze D.N. *Psichologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. Moscow, 1966. 451 p. (In Russ.)
10. Shcheglov A.V. *Vospitanie professional'noj nravstvennoj kul'tury sotrudnika organov vnutrennih del Rossii*. Diss. kand. ped. nauk [Education of professional moral culture of an employee of the internal Affairs bodies of Russia. Candidate of pedagogical Sci. diss.]. St. Petersburg, 1994. 209 p. (In Russ.)
11. Yurenkova V.A., Dushkin A.S., Ivanova A.M. *Psichologiya* [Psychology]. St. Petersburg, St. Petersburg un-t MVD Rossii Publ., 2014. 132 p. (In Russ.)
12. Yakobson P.M. *Psichologiya chuvstv i motivacii* [Psychology of feelings and motivation]. Moscow, Institut prakticheskoy psihologii Publ., 1998. 304 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Король Александр Иванович, майор полиции, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация
e-mail: korolbelgorod@mail.ru

Alexander I. Korol, major of police, senior lecturer of the Department of state and legal disciplines, Belgorod law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation
e-mail: korolbelgorod@mail.ru

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- лицензионный договор;
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail:natalyach@mail.ru)
Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стиляй, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются**.

11. **Список литературы к статье обязательен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://science.swsu.ru>.